

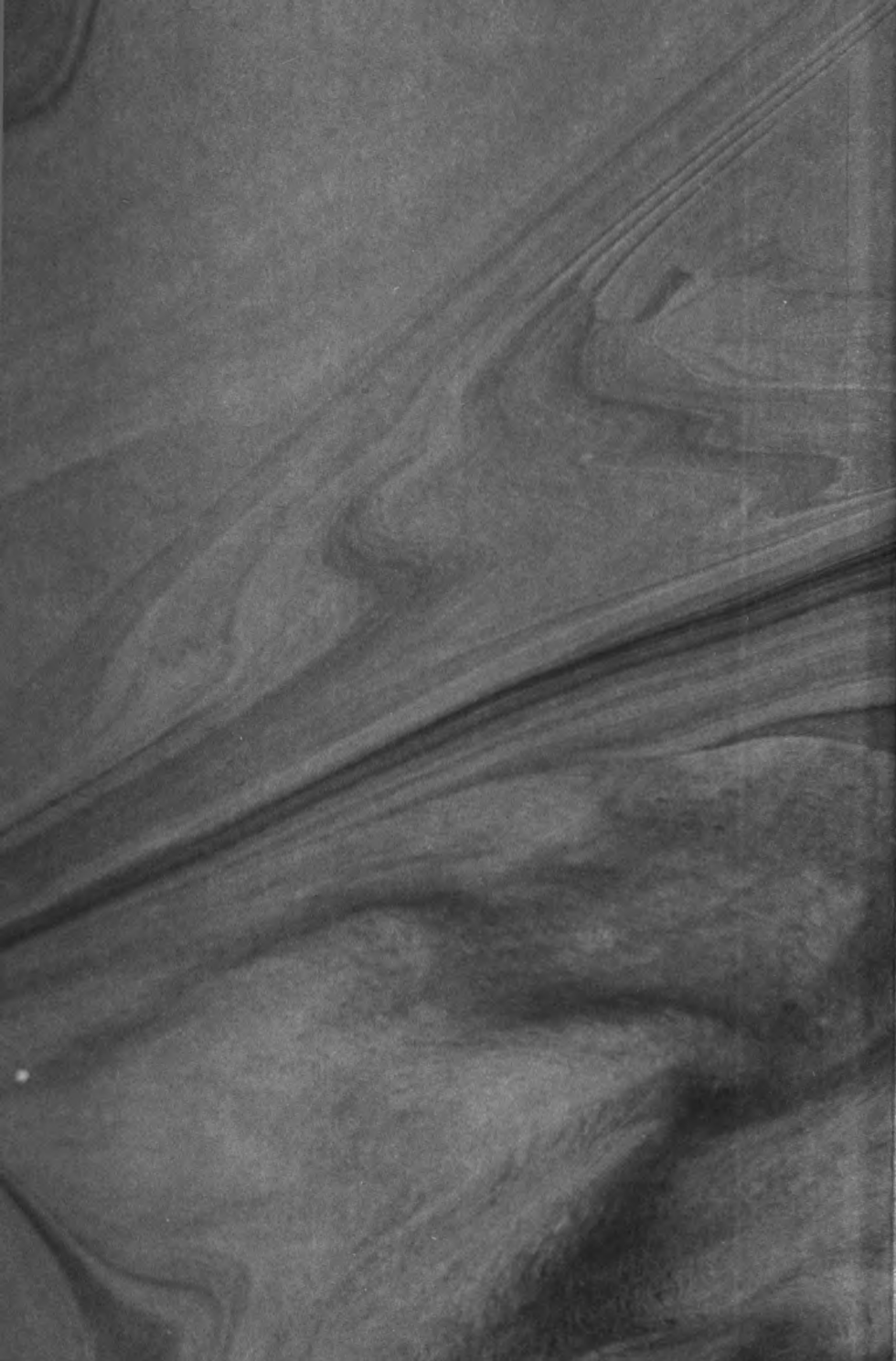
Россия в мемуарах

ЕПАРХИАЛКИ

Новое
Литературное
Обозрение

россия в мемуарах

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

ЕПАРХИАЛКИ

Воспоминания воспитанниц
женских епархиальных училищ

Новое Литературное Обозрение

Москва

2011

УДК 373(091)(47)"1843/191"
ББК 74.04(28)ю14
Е 65

Составление, предисловие, подготовка текста и комментарии
О.Д. Поповой

Серия выходит под редакцией
А.И. Рейтблата

Е 65 Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / Сост., предисл., подгот. текста и коммент. О.Д. Поповой. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 304 с.

В сборнике впервые собраны вместе воспоминаний о такой закрытой и в силу этого малоизвестной среде, как женские епархиальные училища, показаны различные стороны их жизни: учеба, дружба и любовь воспитанниц, их отношения с преподавателями, развлечения и проступки, одежда и питание. В книге представлены воспоминания и дневники девушек из Архангельского, Калужского, Орловского, Рязанского, Ярославского, Царскосельского и др. училищ.

УДК 373(091)(47)"1843/191"
ББК 74.04(28)ю14

ISBN 978-5-86793-895-6

© Попова О.Д. Сост., предисл. и коммент., 2011
© Новое литературное обозрение.
Художественное оформление, 2011

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА В ИСТОРИИ РОССИИ

Одной из особенностей дореволюционной системы образования было многообразие видов и типов учебных заведений. Даже учебные заведения, дающие среднее образование, находились в руках нескольких ведомств. Одним из них было духовное. В биографиях многих дореволюционных деятелей мы можем прочитать: «Окончил духовную семинарию...» Но мало кто знает, что православная церковь немало внимания уделяла и женскому образованию. Мы имеем в виду епархиальные женские училища и женские училища духовного ведомства.

Идея создания училищ для дочерей духовенства принадлежит сестрам Надежде Павловне Шульц (урожденная Шипова) и Елизавете Павловне Шиповой. Письмо сына Надежды Павловны подробно раскрывает обстоятельства рождения этой идеи. Из него следует, что в семью Шиповых был вхож о. Михаил Разумовский, приезжавший за 30 верст из Чухомы давать мальчику уроки Закона Божьего. «Отец Михаил был не только отличный священник и законоучитель, но и умный, образованный и развитый человек. <...> Маменька и Елизавета Павловна любили о. Михаила, но не могли, когда бывали в Чухоме со мною, не поражаться резко разницей между ним и его женою, в отношении образования и умственного развития. Жена его была доброю, заботливой хозяйкою, но не другом, с которым о. Михаил мог бы почитать и побеседовать в часы досуга, с которым мог бы поделиться своими впечатлениями и мыслями — отдохнуть душой <...>. Поэтому дома ему было скучно...» (с. 29)¹. Это навело сестер, получивших хорошее образование в Екатерининском институте, на мысль, что женам священников также необходимо образование, но особое, религиозно-нравственное, отличное от того, которое давали тогда в женских институтах. Эта мысль была изложена в начале 1840-х гг. в виде проекта устава и программы училища для дочерей священников, которое хотела открыть Надежда Павловна в своем имени.

В проекте подчеркивалось, что это должны быть особые учебные заведения, отличные по своим целям и задачам от институтов благородных девиц. Они должны были давать воспитание «вполне соответствующее их [воспитанниц] двоякому назначению: а) быть достойными супругами служителей церкви, б) быть достойными попечительными матерями, которые воспитали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия...»². Выпускницы институтов благородных девиц (как правило, дочери богатых родителей и благородного происхождения) для этого не

¹ Здесь и далее в тексте указаны страницы настоящего издания.

² Об училищах для девиц духовного звания // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1866. Кн. 1. С. 172.

подходили. Их воспитывали для светской жизни. В брак с сельскими священниками такие девушки обычно не вступали. Поэтому, по мнению авторов проекта, жен для сельских священников необходимо готовить из числа сирот или дочерей бедных священно- и церковнослужителей, которые знают и понимают быт и заботы сельского священника и псаломщика. Кроме того, сироты и дети бедных родителей смогут довольствоваться скромной сельской жизнью.

Проект был реализован при участии великой княжны Ольги Николаевны. 18 августа 1843 г. были утверждены устав и штат Училища для девиц духовного звания. 22 октября 1843 г. в Царском Селе состоялось открытие первого такого училища³. Оно было принято под высочайшее покровительство, а начальницей назначена Н.П. Шульц.

Содержание учебного курса определялось задачами и целями данного училища. Следует напомнить, что особенностью образования в России первой половины XIX в. была сословность, которая особенно усилилась в правление Николая I. Строгая дисциплина, размеренный строй училищной жизни, изоляция от внешнего мира были заимствованы у женских институтов, а содержание учебного и воспитательного процессов разительно отличалось от принятых там. В соответствии с будущим назначением выпускниц первых учебных заведений для дочерей духовенства строился и их учебный курс. О нем позволяет судить пятый параграф устава: 1) Закон Божий, 2) чтение и письмо на русском языке, 3) арифметика до тройного правила включительно и счет на счетах, 4) чистописание и рисование, «сколько последнее нужно для составления узоров шитья», 5) русская грамматика, 6) русская история и география, 7) всеобщая история и география в сжатом виде, 8) рукоделие в возможно обширном объеме, 9) церковное пение. Итак, налицо преподавание только таких предметов, которые необходимы для скромной жизни в браке с сельским священником. Впоследствии предполагалось давать девочкам элементарные сведения из школьной гигиены и педагогики и некоторые базовые медицинские сведения⁴. Однако эти планы остались на бумаге. Как видим, этот перечень не содержит предметов, преподаваемых в институтах благородных девиц: древние и новые языки, музыка, танцы и др. Следует отметить, что Е.П. Шипова, начальница училища, открытого в 1846 г. в Ярославской епархии (в Солигаличе), была противницей введения французского языка и музыки в преподавание в женских духовных училищах: «Знания музыки и языков будут ей [воспитаннице] только смешны или станут только сбивать с толку, станут внушать ей самомнение неуместное, несообразное ее положению. В школе народной эти знания тоже не нужны. Народ нуждается в простой грамоте, чтобы лучше понимать веру и нравственность...»⁵

³ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 4759. Л. 42.

⁴ См.: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 625. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.

⁵ Цит. по: *Преображенский Г.* Воспоминания о Елизавете Павловне Шиповой — первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства (1843—1883). Ярославль, 1884. С. 54.

Общая задача учебного курса — воспитание нравственности и христианского благочестия, также будущая «матушка» должна была быть способной подготовить своих сыновей к поступлению в училище. Вообще на первое место в начальный период существования подобных учебных заведений ставилось обучение рукоделию и домашнему хозяйству.

К 1866 г. под покровительством императрицы Марии Александровны (ей великая княжна Ольга Николаевна, вышедшая замуж и уехавшая из России, передала свои обязанности по управлению училищами) состояло 11 училищ для девиц духовного звания, каждое из которых получило свой устав по образцу Царскосельского устава 1843 г. Все училища получали содержание из сумм духовного ведомства, служащие при них лица числились на государственной службе, начальницы утверждались императрицей.

Так в России начала складываться особая система учебных заведений. В развитие этой системы ощутимый вклад внесли епархии. Они укрепили и развили ее, открывая на свои средства училища для девиц духовного звания, которые состояли в ведении Синода под управлением архиереев и были вверены попечению местного духовенства.

Уставы училищ составлялись местными преосвященными, и, следовательно, они были устроены в соответствии с взглядами авторов на женское образование и наличными средствами. Одни делали больший упор на воспитание, другие стремились повысить уровень образования. В уставе Пензенского училища подчеркивалось, что поведение учениц будет ценимо выше учения, и для этого должна быть заведена особая книга с занесением в нее имен воспитанниц, отличившихся христианскими добродетелями.

Учебные программы этих учебных заведений также были неоднородны. В уставах мы можем найти существенные отличия от устава Царскосельского училища. Иногда объем преподаваемых предметов значительно расширялся. Так, например, в Симбирском и некоторых других училищах в программу было включено преподавание «научного распознавания видов болезней по особому краткому лечебнику <...> для народного потребления». Вводились предметы, связанные с местными особенностями, например, история раскола в Уфимском и Олонецком училищах, молдавский язык в Кишиневском. Некоторые преосвященные считали необходимым знакомить воспитанниц старших классов с естественной историей и физикой.

Другой особенностью епархиальных училищ был способ их содержания. Если училища, находящиеся под покровительством императрицы, получали средства из государственной казны, то епархиальные училища такой поддержки не имели. Средства на их содержание выделялись из доходов епархии, собирались в качестве благотворительных взносов и взносов самого духовенства. Первоначально зарплату в таких училищах получали лишь начальница, инспектор классов и воспитательницы. Преподаватели же трудились бесплатно, что, безусловно, сказывалось на каче-

стве преподавания⁶. О плохом состоянии учебного дела говорилось даже на страницах духовной периодики. На страницах «Православного обозрения» была выразительно показана постановка учебного дела в Рязанском училище: «...преподавание в нем не процветает. Преподавание все почти лежит на одном, да еще довольно пожилom священнике. Как хотите, много ли может сделать для училища один преподаватель — священник, обязанный еще и другой службой»⁷. Благополучие училищ также сильно зависело от решений епархиального съезда, преосвященного и благотворителей. Все это делало их существование нестабильным.

Следует отметить, что обучение дочерей для представителей духовенства было делом новым и необычным. Большинство из них не понимало, для чего образование будущей «матушке». Девочек отдавали учиться неохотно и с опаской. Так, Н.П. Шульц впоследствии вспоминала: «На первый курс мы едва набрали себе 19 воспитанниц. Теперь редкий хорошо живущий и заботливый священник не думает дочери своей дать школьное образование, а прежде сочувствия делу образования девочек не было и в среде духовенства. По-прежнему, вырвать из семьи дочь, отдать ее на шесть лет в чужие руки представлялось и отцам и кругу их соседей и знакомых положительным безумием»⁸. Подобное отношение определялось еще и тем, что свидетельство об окончании училища никаких прав, в том числе на преподавание, не давало. Поэтому выпускницу училища ждала та же участь, что и тех, кто не получил образования, — брак со священнослужителем.

Новый этап развития женского духовного образования был связан с эпохой реформ Александра II. Все преобразования того времени имели одну общую и очень важную задачу — сформировать основы гражданского общества. Принципы всеословности и начала гражданского общества прослеживались во всех реформах того времени: земства и городские Думы выбирались на основе имущественного ценза, судебная реформа провозглашала единый и всеословный суд, происхождение перестало быть препятствием для получения образования и т.д. В 1867 г. был принят ряд законов, которые были направлены на ликвидацию сословной замкнутости в сфере духовенства. Новый семинарский устав 1867 г. устанавливал принцип всеословности, давал возможность желающим покинуть семинарию после 4-го курса и поступить в университет. Кроме того, духовенству теперь разрешалось обучать своих детей не только на семинариях, но и в гимназиях и военных учебных заведениях⁹.

Указом Синода 1867 г. запрещалось «зачислять священно-церковнослужительские места за дочерьми или родственницами занимавших сии места лиц, с правом определения на эти вакансии тех кандидатов, которые вступят в брак с такими

⁶ См.: *Краснов М.* Рязанское училище девиц духовного звания (1850—1877). Рязань, 1901; РГИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 21394. Л. 2.

⁷ *Протвин Н.* Из Рязани // *Православное обозрение*. 1865. № 4. С. 201.

⁸ Цит. по: *Преображенский Г.* Указ. соч. С. 27.

⁹ См.: *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 453.

девицами»¹⁰, что резко изменило жизнь девушек-сирот духовного сословия. Ранее дочь священника имела право наследовать место отца, тогда ей подыскивали жениха, с тем, чтобы он занял освободившееся место. Как подчеркивает С.В. Римский, «любовь или даже какие-либо прочные основы симпатии брачующихся занимали всех, вовлеченных в дело, менее всего». Он же приводит любопытные воспоминания одного выпускника Владимирской семинарии о своем сватовстве, которое больше напоминало сделку: «Дело было в кухне, невеста стоит за набойчатой перегородкой, платице на ней коротенькое ситцевое, пострижена она в кружку (ей было всего 15 лет)... Спросил ее об имени и отчестве и знает ли она читать... По просьбе свахи показали нам приданое невесты: внесли салоп, шубу и еще что-то... В приданое мне давалось: пятистенный дом гнилой с проломленным полом и потолком и с гнилой крышей, корова и две овцы, стан худых колес, на которых ездить нельзя и только, вдобавок ко всему мне содержать двоих шурьев и свояченицу, разумеется, и тещу»¹¹. Если выпускница училища являлась такой наследницей, вопрос о ее определении не возникал. В других случаях, как только в епархии освобождалось место в одном из причтов (священническое, дьяконское, псаломшическое), руководство женского училища по указанию епархии определяло одну из выпускниц на это место. Выпускник семинарии или училища мог получить эту должность, только если согласится взять в жены указанную ему девушку. Такая практика существовала во всех училищах; конечно, не во всех случаях выбор был жесткий, но вариантов было немного. Указ же 1867 г. запретил подобную практику. Кроме того, замкнутость духовного сословия привела к возрастанию его численности и появлению безместных священников. На 1849 г. в России без мест числилось 1887 человек с полным семинарским образованием и 3019 человек, не окончивших обучение в семинарии. В 1851 г. в духовных семинариях обучалось 9223 человека при потребности в 890 человек¹². Поэтому находить места для девочек-сирот с каждым годом было все сложнее.

Кроме того, серьезные изменения произошли в системе женского образования. В 1858 г. было открыто первое всесословное женское училище «для приходящих девиц». К началу 1861 г. в Ведомстве императрицы Марии было открыто еще десять подобных училищ, а в 1867 г. их насчитывалось уже 25. В обществе эти училища сразу стали именовать гимназиями, но официально они стали так называться с 1862 г. — для отличия их от низших училищ¹³. В 1858 г. было также принято «Положение о женских училищах Министерства народного просвещения». Выпуск-

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1867. Т. XLII. № 44610.

¹¹ Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998. С. 84, 85–86.

¹² См.: Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX в. Вильна, 1909. Вып. II. С. 36, 67.

¹³ См.: Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 338.

ницы училищ обоих ведомств получили право на занятие педагогической деятельностью.

Все это, как и постепенное изменение положения женщины в русском обществе, не могло не повлиять на женские учебные заведения духовного ведомства. По указу обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого Учебный комитет разработал общий устав для епархиальных женских училищ, который 20 сентября 1868 г. был утвержден императором. Новый устав предназначался для женских училищ, содержащихся на средства духовенства, и не распространялся на училища, находящиеся под покровительством императрицы. Это был значительный шаг вперед в деле образования духовенства. Учебный план епархиальных училищ соответствовал программе женских училищ Министерства народного просвещения. Воспитанницы изучали Закон Божий, русский язык, русскую словесность, церковнославянский язык, основы геометрии и физики, географию, историю, чистописание и церковное пение. Кроме того, уставом предусматривалось изучение педагогики с прохождением педагогической практики в образцовых школах. В качестве необязательных предметов епархиалки могли изучать новейшие языки, музыку и рисование. Воспитывать хороших и верных спутниц священнослужителей оставалось одной из целей епархиальных училищ, поэтому много внимания уделялось воспитанию «в истинном благочестии и правильном развитии характера, соответствии их будущему назначению»¹⁴. Воспитанницы обязательно обучались основам домашнего хозяйства и различным рукоделиям.

Новый устав положил конец многообразию учебных программ женских духовных училищ; была решена проблема устройства воспитанниц после училища. Единственную профессию, которую могло предложить образованной женщине в середине XIX в. российское общество, это воспитание детей в качестве учительницы или гувернантки. Но епархиальные училища были учебными заведениями, призванными давать общеобразовательную подготовку, их не следует воспринимать как специальные учебные заведения, готовившие учителей.

С 1895 г. начинают действовать новые учебные программы, которые подробно определяют объем изучаемых в каждом классе предметов. Они предполагали существование пригготовительных классов при всех епархиальных женских училищах, учебный курс первого класса был вынесен в пригготовительный. За счет этого удалось поднять образовательный уровень епархиального курса и вместе с тем значительно повысить требования к девочкам, поступающим в училище. Новые программы усилили преподавание церковнославянского языка, расширили преподавание церковного пения. В училище девочки принимались после вступительных экзаменов, в ходе которых проверялось умение читать, писать, знание основ Закона Божьего. Теперь поступающие должны были знать то, что раньше давали училища девиц духовного звания; в итоге в училище поступали более подготовленные девоч-

¹⁴ Устав епархиальных училищ // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1868. Т. XLIII. № 46271.

ки. Епархиальные училища стали косвенно способствовать распространению грамотности среди дочерей духовенства. Большинство священников учили своих дочерей грамоте и стремились отдать их в епархиальные училища. В конце XIX в. возникает даже конкурс при приеме в них. Однако курс обучения по-прежнему оставался шестилетним.

Одним из основных источников содержания епархиального училищ были взносы духовенства, то есть каждая церковь должна была выплачивать соответствующий налог. А средства требовались немалые: необходимо было содержать воспитанниц, платить зарплату учителям (теперь устав рекомендовал выплачивать преподавателям зарплату), содержать помещение для воспитанниц и т.д. Поэтому введение нового устава не означало автоматического переименования всех училищ, содержащихся на местные средства, в епархиальные — на это требовались деньги, которые изыскивались иногда с большим трудом. Так, чтобы набрать необходимую сумму для преобразования Московского Филаретовского сиротского приюта по уставу 1868 г., съезд духовенства Московской епархии в 1875 г. постановил собирать в течение семи месяцев, с января по август, по одному рублю с сельских и по пять рублей с московских причтов. Таким образом предполагалось собрать 3700 рублей¹⁵. Съезд Орловской епархии 1893 г. поставил размер таких взносов в зависимости от местоположения прихода: городские церкви должны были платить в два раза больше, чем сельские приходы, а церкви Ельца — в три раза больше. Больше всего платили церкви епархиального центра — Орла¹⁶.

Наряду с вопросом о финансировании училищ на епархиальных съездах обсуждался и вопрос об их помещении. На это деньги также находили с трудом. В середине XIX в. в большинстве епархий вначале приобреталось или нанималось небольшое помещение для одного или двух классов, затем, с ростом числа воспитанниц, делались пристройки. Так строились здания Тамбовского, Ярославского, Владимирского, Архангельского, Пензенского, Ржевского, Самарского, Харьковского и других епархиальных училищ. В Рязанской епархии в 1881 г. было возведено удобное и красивое здание епархиального училища, в конце XIX в. — в Твери¹⁷. В основном возведение специальных зданий для епархиальных училищ в России началось лишь в начале XX в. Большое и удобное помещение не только улучшало условия жизни воспитанниц, но и позволяло ввести новые предметы, преобразовать училище из трехклассного (два года в каждом классе) в шестиклассное (один год в каждом классе).

Постепенно открывались новые епархиальные училища в тех епархиях, где не было учебных заведений для дочерей духовенства. Если в 1886 г. было всего 39 училищ, то к 1890 г. их число возросло до 46, а к 1907 г. — до 53¹⁸. К 1914 г. практиче-

¹⁵ См.: Центральный исторический архив Москвы. Ф. 203. Оп. 524. Д. 37.

¹⁶ См.: Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 64. Л. 39 об.

¹⁷ См.: Прогулки по старой Твери: Альбом. Тверь, 1998. № 59.

ски все епархии открыли учебные заведения для дочерей духовенства, а Курская, Черниговская, Вологодская, Донецкая, Енисейская, Псковская и некоторые другие имели не одно, а два епархиальных училища. Московская епархия в 1911 г. получила разрешение открыть третье епархиальное училище. Общее число таких учебных заведений в России к 1914 г. достигло 77.

Воспитанию скромности, христианского благочестия в женских епархиальных училищах уделялось первостепенное внимание. Все воспитанницы были обязаны присутствовать на богослужениях и соблюдать посты, а в некоторых училищах учили шить богослужебные одежды, писать иконы. Воспитанницы составляли церковный хор и пели во время службы. Религиозность воспитанниц закреплялась и чтением религиозно-нравственных сочинений, которые обязательно закупались советами училищ в библиотеку наравне со светскими изданиями. Так, например, в Ярославском женском епархиальном училище в праздничные дни воспитательницы после праздничной литургии должны были отвести время и духовному чтению по теме праздника¹⁹. Литературу назидательного содержания воспитанницы обычно получали и в качестве подарка из рук преосвященного или благотворителей.

К светским же развлечениям, таким как танцы, чтение романов, относились негативно. Танцы в епархиальных училищах в отличие от женских гимназий и благородных институтов не преподавались, иногда, правда, танцам обучали на уроках гимнастики, которая стала вводиться в конце XIX в.; плохо обстояло дело и с преподаванием музыки. В данном случае деньги требовались не только на зарплату учителю музыки, но и на покупку инструментов, которые стоили немалых денег. Так, член-ревизор Учебного комитета при Синоде, ревизовавший Владимирское училище в 1879 г., отмечал в своем отчете: «По неимению порядочного инструмента и порядочной преподавательницы обучение музыки в училище находится в крайне плачевном состоянии <...>. Они [занятия музыкой] представляются совершенно непроизводительной тратой времени, и труда, и средств...»²⁰ Поэтому занятия музыкой в епархиальных училищах начинают вводиться только в конце XIX в.

Другой целью воспитания было формирование у воспитанниц верноподданнических чувств, любви к Отечеству и императору. Наиболее близки были к царской семье учебные заведения Петербурга. Так, воспитанницы Екатерининского женского института благородных девиц, здание которого находилось на Фонтанке, могли судить об отъезде царской семьи из города по качеству обеда, который подавался воспитанницам²¹. Училища девиц духовного звания, принятые под высочайшее покровительство, особенно Царскосельское училище девиц духовного звания, также

¹⁸ Данные взяты из отчетов обер-прокурора по ведомству православного исповедания; см.: Церковный вестник. 1886. № 10; Церковные ведомости. 1891. № 29; 1910. № 40, 42.

¹⁹ См.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 570. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

²⁰ Преображенский А. История Владимирского епархиального женского училища (1865—1879). Владимир, 1902. С. 337.

²¹ См.: Стерлигова А. В. Воспоминания // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003. С. 85.

находились под пристальным вниманием царских особ. Александр II и императрица Мария Александровна нередко посещали училище. Императрица заходила в лазарет, присутствовала на уроках и даже иногда играла с детьми. Воспитанницам разрешалось гулять по Царскосельскому парку, где они неоднократно встречали Александра II. Император во время таких встреч часто беседовал с воспитанницами. Им разрешалось играть с царскими детьми, а иногда детей приглашали на обед или завтрак с семьей царя.

Иначе обстояло дело в провинции. Так, воспитанницам Рязанского училища удалось увидеть царя лишь однажды, когда в декабре 1914 г. во время посещения Рязани царской семьей все воспитанницы принимали участие в приветствии на Соборной улице²².

В воспитании большое внимание отводилось хозяйственным работам. Так, воспитанница Царскосельского училища вспоминает, что девочек привлекали к работе на кухне, в прачечной, при заготовке ягод и овощей на зиму. Девочки работали на огороде, учились стирать и перекачивать белье (с. 42—43). Подобная практика существовала и в других епархиальных училищах в первый период их существования. Например, во Владимирском училище воспитанниц учили готовить, печь хлеб, замешивать слобное тесто и лепить из него пироги. В училище существовал огород, где каждая девочка имела свою грядку²³. Таким образом, в середине XIX в. женское духовное образование отличала ярко выраженная сословная направленность в содержании учебного курса. Затем, после преобразования, главное место отводилось учебным занятиям, уроки занимали не менее 20 часов в неделю. Рукоделием занимались теперь только в вечерние часы.

В соответствии с целями учебного заведения и пища должна была быть простой и скромной, для воспитания христианского благонравия обязательно было соблюдение всех постов. Иногда это могло привести к полуголодному существованию. Так, во Владимирском епархиальном училище питание отличалось однообразием. Обед и ужин состояли из двух блюд: шей или картофельного супа и каши. Щи готовились в основном из кислой капусты, летом суп вообще варили из молодой крапивы. В скоромные дни суп варили на мясном бульоне (из расчета 100—200 грамм мяса на человека). Даже черный хлеб давали в ограниченном количестве, а несъеденный хлеб отбирался. Завтрак в будни состоял только из куска черного хлеба и кваса. В праздники и воскресные дни пекли пироги или подавали жареное мясо, однако иногда праздничное блюдо вообще могло состоять из жареного картофеля²⁴. В Ярославском училище девиц духовного звания мясо также подавалось только в праздничные дни, но питание было более разнообразным²⁵. Такое скромное пита-

²² См.: Отчет Рязанского женского епархиального училища за 1914/15 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1916. № 3.

²³ См.: *Преображенский А.* Указ. соч. С. 466.

²⁴ Там же. С. 421.

ние было нормой в первый период существования женских училищ для дочерей духовенства. Некоторое разнообразие вносили подарки высоких гостей, которые к праздникам или очередному выпуску дарили детям сладости и фрукты.

Однако следует заметить, что скудное питание определялось традициями того времени. По воспоминаниям Е. Водовозовой, высокие цели Смольного института благородных девиц не мешали держать будущих светских барышень на голодном пайке, особенно в посты: «В это время воспитанницы чувствовали такой голод, что ложились спать со слезами, долго стонали и плакали в постелях, не будучи в состоянии уснуть... И в других институтах того времени, сколько мне приходилось слышать, тоже кормили плохо, но, по крайней мере, давали вволю черного хлеба...»²⁶

Во второй половине XIX в. меню становится более разнообразным. В том же Владимирском епархиальном училище жареный картофель был вычеркнут из числа праздничных блюд, были увеличены порции мяса, в постные праздники стала подаваться рыба. В Ярославском училище мясо стали готовить в будни, в будни также пекли пироги. Воспитанница Рязанского епархиального училища вспоминает, что с утра девочки получали чай с куском хлеба и сахаром; завтрак был в 12 часов, обычно подавали чай с хлебом, иногда кисель или кашу с постным маслом. Иногда давали рисовую кашу со сладким соусом из чернослива или картофель с грибным соусом или сливочным маслом. Осенью давали по два яйца. Обед был в 4 часа, состоял он из двух блюд: щи, суп, приличные порции мяса, каша гречневая с маслом или пшенная с молоком. В воскресенье обязательно пеклись пироги и порции пирога давались большие (с. 109). Училище регулярно инспектировалось, результаты докладывались на епархиальном съезде. Журналы ревизионного комитета дают представление о хозяйственно-экономическом состоянии училища: члены комитета заглядывали в прачечную, больницу, спальни, столовую, вели подробные записи об их состоянии. Здесь мы можем получить сведения и о питании: «16 февраля [1907 г.] ревизионный комитет присутствовал на обеде и ужине воспитанниц, причем нашли следующее: обед состоял, согласно расписанию, из трех блюд: горячего: шей из кислой капусты с говядиной, пирогов с яблоками и кружки молока. Говядина и другие материалы употреблены в кушанья свежие, хорошего качества, и самые кушанья изготовлены со вкусом: кушать их можно с удовольствием»²⁷.

Единым требованием во все времена и во всех училищах к внешнему виду епархиалок были скромность и однообразие в одежде. Как правило, каждая девочка была одета в форменное платье (зимой платье было шерстяное, летом «бумажной материи») с передником и пелеринкой²⁸. Только в одних училищах белый фартук и пелеринки были постоянно (как, например, в Рязанском), а в других это были элемен-

²⁵ Преображенский Г. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства. [М.], 1896. С. 131.

²⁶ Водовозова Е. На заре жизни. Л., 1963. С. 143.

²⁷ ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 126а. Л. 29

²⁸ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1878). Д. 48. Л. 108.

ты только праздничной одежды, а в будний день фартук был темного цвета. Любые вольности в одежде пресекались самым жестким образом. Так, начальница Владимирского епархиального училища А.И. Березовская не допускала в училище и тени кокетства. С этой целью она запрещала иметь ученицам даже маленькие зеркала. Из ученического костюма изгонялось все, что имело намек на украшение: бархотки, ленточки и т.д. Однажды одна из девочек, вернувшись из отпуска, явилась в училище с приметанным к вороту платья кружевом. Эта невинная вольность в одежде вызвала со стороны начальницы негодование²⁹. Интересно, что больше всего проблем у «епархиалок» было с верхней одеждой. Так, например, во Владимирском епархиальном женском училище в качестве верхней одежды для них шились из серого драпа «бурнусы» (род пальто), которые носились зимой и летом. Также зимой для выхода на улицу девочкам выдавались черные платки (!)³⁰. По воспоминаниям воспитанницы Рязанского епархиального училища Людмилы Худзинской, верхняя одежда представляла собой «пальто драповое халатом, платок шерстяной небольшого размера, высокие галоши — наружность получалась не из красивых — прямо какие-то арестантки» (с. 88).

Волосы должны были быть аккуратно заплетены в косу или уложены на затылке в пучок. Кудряшки, заколки, прически считались признаком кокетства. Так, Н.Д. Лидина, вспоминая об Архангельском училище, отмечает, что девочкам не разрешалось заплетать волосы в две косы. В Челябинском епархиальном училище, если кто-либо из воспитанниц чуть-чуть подзавивал волосы, наставница сердилась: «Поди сюда, деточка. Да ты совсем исшалилась. Ты не дама, ты барышня. Под кран головой!»³¹

В середине XIX в. учебные заведения для дочерей духовенства, как и женские институты благородных девиц, были закрытыми учебными заведениями. Так, инструкция правлению Рязанского училища девиц духовного звания предписывала «не позволять детям частых свиданий в самом заведении с лицами малоизвестными» и «на прогулку и в дома к родственникам воспитанниц без надзора не отпускать»³². Свидания разрешались только в присутствии начальницы или воспитательницы. Везде с воспитанницами должны были присутствовать смотрительницы или сама начальница. Подобные же обязанности возлагались на смотрительниц Тульского и Владимирского училищ девиц духовного звания³³. Историки указывают, что в первый период существования училищ для дочерей духовенства воспитанницы не покидали стен учебного заведения даже летом в каникулы. Так, А. Преображенский

²⁹ См.: Преображенский А. Указ. соч. С. 467.

³⁰ Там же. С. 428.

³¹ Цит. по: Подтяжкин Э. Школа православных барышень: 90 лет назад в Челябинске открылось женское епархиальное училище // Южноуральская панорама. 1998. 24 сент.

³² Инструкция правлению Рязанского училища девиц духовного звания и лицам, служащим при оном // Рязанские епархиальные ведомости. 1866. № 3. Часть офиц. С. 71.

³³ См.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 2. Д. 1. Л. 30; Преображенский А. Указ. соч. С. 23.

отмечал: «Жизнь воспитанниц в первые годы [Владимирского] училища отличалась строгой замкнутостью <...>. В стенах училищного здания, в черте его усадьбы — двора, огорода и сада проходила почти вся школьная жизнь воспитанниц...»³⁴

С введением в 1868 г. нового устава епархиальных училищ изменилась и их внутренняя жизнь. Значительно смягчился внутренний режим. По своему устройству епархиальное училище оставалось интернатом с общежитием, иначе не могло и быть, так как в нем учились девочки со всей епархии. Это в определенной мере давало епархиальным училищам преимущество перед другими учебными заведениями. Родителям, которые привозили детей учиться издалека, не надо было заботиться о питании, проживании воспитанниц. Достаточно было заплатить за содержание девочки, и можно было быть уверенным, что она будет накормлена, одета и обучена. Большинство училищ имело интернат, где была возможность установить за воспитанницами «надлежащий надзор». Однако теперь устав разрешал размещать воспитанниц у родителей и «у благонадежных лиц», также разрешалось увольнение воспитанниц на каникулярное время³⁵. Появились в училище и так называемые «приходящие» — девочки, родители которых жили в городе, приходили только на уроки. Таких обычно в классе было две-три.

Изменился и режим дня. На первый план вышло обучение. Как правило, воспитанницы вставали в 6 или 7 утра. Час отводился на утренний туалет, уборку комнат. Затем чай, потом занятия с большой переменной на завтрак, после уроков — обед. После обеда — дополнительные занятия (музыка, язык, рукоделие, гимнастика), воспитанницы гуляли в саду или зале, вечерние часы отводились на подготовку уроков. В 10 вечера все собирались в спальне. Конечно, были и отступления от правил: те, кто не успел выучить уроки, доучивали в спальне, любительницы поболтать с подружкой пытались продолжить общение после отхода ко сну. Проблемой был ранний подъем. Об этом свидетельствуют воспоминания Х. Игнатовой об учебе в Тобольском епархиальном училище: «Мне часто делали замечание еще за то, что я просыпала. Но в спальнях так холодно, а под одеялом тепло. Как только услышишь звонок, проснешься и думаешь: “Еще успею встать, долго ли одеться?” Лежишь да лежишь, пока не прозвенит второй звонок — на молитву» (с. 128).

Все шесть лет воспитанницы находились под бдительным надзором воспитательниц, которые следили за их играми, помогали учить уроки, присутствовали на службе в церкви. Во Владимирском училище воспитательницы даже спали в одной спальне с детьми. Воспитанница Тобольского епархиального училища, оценивая свое эмоциональное состояние во втором классе, замечает: «Все хорошо было, недоставало лишь свободы. Я старалась чем-нибудь восполнить этот недостаток. Пойду вечером в зал, там темно. Сяду на окно и долго смотрю на звездное небо» (с. 122).

³⁴ Преображенский А. Указ. соч. С. 469.

³⁵ См.: ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1868. Т. 43. № 46271.

Под контролем находились даже мысли воспитанниц. Во Владимирском училище каждая ученица была обязана показывать начальнице этого училища А.И. Любовской, что написала родным. Иногда девочки хитрили: начальнице показывали одно письмо, в конверт вкладывали другое. Письма, полученные от родных, воспитанницы также обязаны были читать начальнице. Случалось, что она сама брала письма у почтальона, вскрывала и читала и иногда даже наказывала детей из-за содержания письма³⁶.

Еще одна характерная черта внутренней жизни закрытого учебного заведения — оторванность от внешнего мира. Даже когда девочкам разрешили уезжать домой на каникулы и выходить в город в определенные часы, начальство продолжало тщательно следить, чтоб они не общались с посторонними. Особенно старались оградить от контактов с противоположным полом. Все свидания с родственниками разрешались только по особым дням в специальной комнате, где присутствовали воспитательницы. На свидания допускались лишь близкие родственники: родители, братья, сестры. Все остальные, например близкие друзья, знакомые, которые просили разрешения проведать воспитанницу, должны были иметь письмо от родителей, подтверждающее благонадежность посетителя. В Калужском училище одно воскресенье было выделено для посещений семинаристов, другое — учащихся духовного училища. Такое свидание было единственной возможностью увидеть постороннего молодого человека, ведь на свидания приходили братья одноклассниц. Дневник воспитанницы этого училища Маши Преображенской передает чувства, которые переживает 14-летняя девочка, когда ее вызывают в приемную: «На меня всегда толпа мужской молодежи, смотрящей из швейцарской вверх на лестницу, по которой спускались в столовую пары учениц, <...> действовала возбуждающе. В течение нескольких минут мимоходом переживалась целая бездна грез, целый длинный красивый роман, героиней которого была я» (с. 181).

Бывшая воспитанница Архангельского училища вспоминает, что строго запрещалось даже подходить к калитке и смотреть в окна (с. 146). Правда, девочки научились обходить этот запрет: чтобы взглянуть на проходивших мимо семинаристов, одну ставили сторожить, а остальные смотрели в окна, не идут ли молодые люди. В Рязанском епархиальном училище строго запрещались любые отношения с семинаристами, девочки не могли даже просто побеседовать с представителями другого пола в присутствии воспитательницы и других девочек. Такие строгие запреты со стороны начальницы даже вызвали замечание ревизора Ф. Белявского, проводивше-

³⁶ См.: *Преображенский А.* Указ. соч. С. 87. Следует отметить, что перлюстрация переписки была нередким явлением в учебных заведениях вплоть до начала XX в. Так, например, воспитанники Александровской учительской семинарии в Рязани в петиции, поданной начальству в 1905 г., среди прочих пунктов потребовали прекратить перлюстрацию переписки. См.: *Попов И. П., Попова А. Д.* Рязанская земская учительская семинария // Рязанская энциклопедия: Справочные материалы. Рязань, 1993. Т. 5. С. 42.

го ревизию Рязанского училища в 1910 г.: «Давно примечено, что на почве искусственного отчуждения между полами именно скорее всего болезненно и развивается влечение, а у женщины является и наивная беззащитность»³⁷.

В Рязанском училище выход епархиалок в город был целым событием. Таким событием стало участие епархиалок в вечере, посвященном 800-летию Рязани. При этом перед посещением клуба, куда были также приглашены гимназисты и гимназистки, начальница училища строго-настрого запретила воспитанницам общаться или танцевать с кем-либо: «Если будете гулять и к вам подойдет кто-нибудь из гимназистов, стараться не отвечать, а если уж нельзя без этого, то отвечать только “да” или “нет”. Не смей танцевать, ослушницы будут строго наказаны» (с. 100).

В этом же учебном заведении из-за некрасивой верхней одежды гулять ходили очень редко — один раз в две недели. Девочки сами избегали выходить на улицу. Как пишет автор воспоминаний: «Если приходилось идти в город парами, то это было чистое страдание и воспитанницам и классным дамам, так как проходящая публика и с жалостью и с насмешкой относилась к этим неуклюжим фигурам» (с. 88). Даже если надо было отвести воспитанниц к зубному врачу, то набирали партию в несколько человек и затем уже вели в город.

Правда, в Архангельском епархиальном училище практиковалось совместное проведение вечеров с семинаристами, чтобы те могли приглядеть себе будущую попадью. Такие встречи проводились под присмотром воспитательниц. Разрешались игры и хороводы, танцы же не позволялись. В 1910—1911 учебном году воспитанники семинарии выступали перед воспитанницами с чтением стихов и пением, а 16 февраля на таком вечере выступил оркестр из духовых и струнных инструментов семинарии, которым руководил семинарист VI класса³⁸. Однако это единственное учебное заведение, где лица противоположного пола регулярно появлялись в училище (с. 147).

Епархиалку редко можно было встретить в театре или кинематографе. Посещение театра стало входить в практику только в начале XX в., причем с разрешения начальницы и лишь некоторых пьес. В Белгородском епархиальном училище Курской епархии воспитанницы под руководством воспитательниц изредка посещали «кинематограф», где смотрели фильмы научного или исторического содержания. В Рязанском училище в последние годы его существования иногда водили детей на «Ревизора». Однако брали только тех, кто мог добыть себе приличную одежду.

Тем не менее город притягивал воспитанниц, и самые отчаянные решались выходить из училища без санкции начальства. Среди проступков воспитанниц начала XX в. педагогические журналы не раз фиксировали посещение театра без разрешения. Так, например, совет Орловского женского епархиального училища за

³⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1911). Д. 1023. Л. 165.

³⁸ См.: Отчет о состоянии Архангельского епархиального училища за 1910/1911 учебный год // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 4. Отд. офиц. С. 66.

сентябрь и октябрь 1906 г. поставил тройку за поведение одной воспитаннице за «пропуск уроков, а также [за то, что] она была замечена в частом посещении театра без разрешения начальства»³⁹. В январе 1909 г. начальница того же училища докладывала совету, что четыре воспитанницы без разрешения начальницы отлучались в театр. В этот день шла пьеса Л. Андреева «Дни нашей жизни», по поводу которой у начальницы было распоряжение от полицмейстера города Орла: разрешение на посещение этой постановки не давать⁴⁰. Обычной мерой наказания за такой проступок было снижение оценки за поведение, что было очень серьезной карой.

Иногда воспитанниц манили в город и любовные увлечения. Такой случай имел место в Твери, когда воспитанница 5-го класса убежала ночью на свидание с семинаристом и вернулась в училище в 2 часа ночи. Как показало расследование, это была не первая отлучка воспитанницы.

Следует остановиться и на так называемом обожании. «Обожание» заключало в себе восхваление своего «предмета» и оказание обожаемой определенных услуг. Так, воспитанница Рязанского епархиального училища Л. Худзинская вспоминала: «О существовании обожания я только слышала из рассказов старших. Но тут мне пришлось самой наблюдать это ненормальное проявление любви» (с. 86). Младшие девочки обожали старших из последних классов и наоборот. Старшие приходили ночью к кроватям младших — крестили их, раздевали, укладывали спать и, стоя на коленях перед кроватками, прощались, целуя много раз маленьких и нашептывая ласковые слова. В Архангельском училище процветала игра в «любимки», которая состояла в том, что девочка младшего класса «влюблялась» в более старшую воспитанницу и начинала писать ей письма с объяснениями в любви, посылала подарки. Влюблялись девушки и в учителей. Поклонницы старались порадовать своего кумира отличным знанием его предмета (с. 148). О подобном явлении пишет в своих воспоминаниях о Ярославском училище девиц духовного звания Е. Разумовская. Со среднего класса у воспитанниц появлялись любимые учителя, и девочки разделялись на маленькие общины. Цель этих общин заключалась в том, чтобы всегда хорошо знать урок любимого учителя и защищать права и преимущества своей общины и своего учителя. Каждая община любит только одного учителя, о прочих отзывается холодно: «Да и как можно любить учителя грамматики! Он всегда такой смешной» (с. 60). В Рязанском училище одна из воспитанниц, обожавшая законоучителя, часто обливала его духами. Девочки клали носовые платки учителям в карман пальто, туда же опускались записочки и т.д.

Важнейшей стороной внутренней жизни закрытых учебных заведений было поддержание порядка и дисциплины. К нарушительницам применялись довольно суровые меры. Так, по воспоминаниям бывшей воспитанницы Царскосельского училища, начальница его Н.П. Шульц каждое утро обращалась с вопросами к каж-

³⁹ ГАОО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 61. Л. 417.

⁴⁰ Там же. Л. 439.

дой воспитаннице, сопровождая ответы девочек словами: «Прекрасно, миленькая!» Если же воспитанницу нельзя было похвалить, она обходила ее молчанием. Это было самой суровой карой. Безусловно, такая мера могла быть действенна только при высоком авторитете, каким обладала Надежда Павловна, и при таком малом количестве воспитанниц.

В Калужском училище наказывали лишением по воскресеньям отпуска в гости или свидания в училище с братьями. За походку с размахиванием руками наказуемых обязывали держаться за края фартука, проходя по коридору, что считалось большим позором (с. 154). Еще одна мера наказания — стоять в определенном месте (в коридоре, под часами и т.п.). Это наказание обычно применялось за мелкие школьные шалости. Воспитанница Рязанского епархиального училища Е. Вяземская вспоминает, что однажды она с подругой побежали вверх по боковым лестницам навстречу друг другу и опять в класс, кто раньше добежит. Классная дама поймала их и поставила к стене (с. 110).

В Ярославском училище девиц духовного звания применялась более строгая мера: воспитательница заставляла виновную стоять во время обеда. Г. Преображенский пишет об этом наказании как о редком. Однако воспоминания Е. Разумовской свидетельствуют, что это наказание применялось довольно часто и за не очень серьезные проступки (с. 55).

В начале XX в. одним из видов наказания было снижение оценки по поведению, которая выставлялась несколько раз за год. Получить тройку или четверку по поведению было невысказано по представлениям того времени. Журналы Орловского епархиального училища показывают, что оценка снижалась за постоянную ложь, воровство, посещение театра без разрешения начальницы. В последнем случае девочек лишили права выходить в город на все полугодие⁴¹.

Уже в конце XIX в. стали очевидны недостатки системы образования для дочерей духовенства, которые в полной мере проявились в первые годы XX в. В 1870 г. в женских гимназиях Министерства народного просвещения ввели семилетнее обучение, восьмой класс, где изучали дидактику и педагогику, усваивали практические навыки преподавания в образцовой школе, являлся дополнительным. Епархиальные училища же по-прежнему имели только шесть классов. И хоть перечень предметов практически совпадал с министерскими гимназиями, осваивать их приходилось за более короткий срок. Объем учебного курса тут был меньше и объема курса Мариинских гимназий. Поэтому уровень образования, получаемого в епархиальных училищах, был самым низким.

Но даже это образование не было гарантировано дочерям церковно- и священнослужителей. Если в середине XIX в. первый комплект Ярославского училища девиц духовного звания был с трудом набран, то в конце XIX в. в епархиальных училищах возникает конкурс при приеме. Так, съезд Черниговского духовенства в

⁴¹ См.: ГАОО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 61. Л. 370.

1900 г. констатировал, что за три года из 411 девочек было принято 233, а остальным было отказано из-за нехватки мест⁴². В начале XX в. все классы епархиальных училищ были переполнены, и численность воспитанниц достигала 50 человек в классе. Так, совет Орловского епархиального училища встал перед проблемой: открывать третий первый класс или принять в два первые класса свыше 50 человек, так как экзамен удовлетворительно сдали 106 девочек⁴³.

Формально выпускницы женских епархиальных училищ получали право на звание домашней учительницы и могли преподавать. Однако диплом домашней учительницы давал очень узкий выбор: сельская учительница церковно-приходской школы или учительница начальной школы. Этот труд был низкооплачиваемым и малопочетным. Церковно-приходские школы были не очень популярны в народе, вызывали много нареканий и критики, особенно со стороны интеллигентных слоев России, из-за достаточно скудных учебных программ и усиленного религиозного воспитания. В 1888 г. число церковно-приходских школ превышает 17 тыс., в 1893 г. — 27 тыс.⁴⁴, в 1905 г. 42 тыс. (46,5% общего числа начальных школ в стране)⁴⁵. Эти школы нуждались в учителях, епархиалки, получившие религиозное воспитание, лучше других педагогов подходили для них. Поэтому начальство в первую очередь стремилось определить своих воспитанниц на должность учительниц именно таких школ. Данные Статистического отдела Училищного совета при Синоде свидетельствуют, что в церковно-приходских школах в 1898 г. трудилось 4963 учительницы из числа окончивших курс в епархиальных училищах и в женских училищах духовного ведомства, а в 1907 г. — 8554⁴⁶. А. Кузнецов приводит сведения за пять лет (1903—1907) по 13 епархиальным училищам. Всего ими было выпущено 2634 девушки, из них 1010 были определены на должность учительницы церковно-приходской школы, 587 поступили на работу в школы Министерства народного просвещения. Таким образом, педагогической деятельности посвятили себя около 60%⁴⁷.

Для многих учеба в епархиальном училище была началом большого жизненного пути, связанного с педагогической деятельностью. Так, например, в Николо-Топорской школе в Кацке Мышкинского района Ярославской области 59 лет преподавала выпускница женского епархиального училища Л.М. Преображенская⁴⁸. Некоторые из таких педагогов были удостоены советской властью государственных наград. Например, выпускница Тобольского женского епархиального училища

⁴² См.: Церковный вестник. 1900. № 2. С. 62.

⁴³ См.: ГАОО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 61. Л. 382.

⁴⁴ См.: Сысоева Е.К. Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 54.

⁴⁵ Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С. 46.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ Кузнецов А. Епархиальные женские училища // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 11. С. 517.

⁴⁸ См.: http://kl-21.narod.ru/77_78.htm=27.06.04.

А.И. Ксенофонтова получила почетное звание Заслуженный учитель России. Срок ее педагогической деятельности составил более 60 лет⁴⁹. Выпускница Астраханского епархиального женского училища М.И. Урляпова была первой астраханкой, удостоенной звания Заслуженный учитель школы РСФСР⁵⁰. Выпускница Якутского женского епархиального училища Н.Е. Самсонова 38 лет проработала учительницей начальных классов и была удостоена звания Заслуженный учитель ЯАССР⁵¹.

Лучших воспитанниц оставляли при епархиальных училищах. Вначале они служили помощницами воспитательниц, затем воспитательницами. Некоторым удавалось сделать карьеру на этом поприще. Когда в Ярославле в 1880 г. открылось женское епархиальное училище, весь состав воспитательниц был укомплектован из выпускниц Ярославского женского училища духовного ведомства. Первая начальница училища Л.И. Удальцова получила образование в Московском Александровском институте⁵², затем на эту должность назначались только выпускницы женских учебных заведений духовного ведомства. В 1891 г. начальницей Ярославского епархиального училища была утверждена М. Станиславова. Воспитание она получила в Ярославском училище духовного ведомства, которое закончила в 1856 г. С 1861 г. трудилась в этом училище в должности помощницы воспитательницы и в должности воспитательницы до 1891 г. За 30-летнюю службу в Ярославском училище духовного ведомства была награждена Маринским знаком отличия и затем стала во главе уже епархиального училища⁵³. В 1906 г. она подала в отставку, на ее место была назначена О. Ликвентова, которая до этого работала воспитательницей Подольского женского училища духовного ведомства⁵⁴, а образование получила в Ярославском училище духовного ведомства.

Для поступления на высшие женские курсы девушкам приходилось заканчивать еще один класс в гимназии или много заниматься самостоятельно. Поэтому высшее образование получали лишь самые настойчивые. Выпускница Рязанского женского епархиального училища Т.Ф. Прытникова закончила историко-филологический факультет высших курсов В.А. Полторацкой и затем работала в женской гимназии города Скопина в Рязанской губернии⁵⁵.

Были епархиалки и среди слушательниц Высших женских курсов В.И. Герье. Эти курсы окончила ученица К.Э. Циолковского в Калужском женском епархиальном женском училище А.Г. Соколова (урожденная Городецкая). Будущий знамени-

⁴⁹ См.: История женского образования // Сибирская православная газета. 2003. № 2.

⁵⁰ См.: http://www.30region.ru/kokurs/2/3/nravstvennoe_vospitanie.htm.

⁵¹ См.: Макарова А. «Вызывая стремление к истине, правде, добру...»: Якутское епархиальное женское училище // ИЛИН: Исторический, культурологический журнал. 2001. № 3/4.

⁵² См.: Штат и должностные лица при Ярославском женском епархиальном училище // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1880. № 46. С. 368.

⁵³ См.: ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

⁵⁴ См.: Там же. Д. 15. Л. 17.

⁵⁵ См.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 4. Д. 189. Л. 14.

тый ученый очень ценил математические способности девочки и рекомендовал ей продолжить образование в Москве. В епархиальном училище не преподавали тригонометрию и стереометрию, которые требовалось сдавать при поступлении на физико-математический факультет. Их пришлось осваивать самостоятельно по учебникам в короткий срок. Как вспоминает дочь А.Г. Соколовой Александра Соколова, на курсах преподавали известные ученые С.А. Чаплыгин (он был директором курсов с 1905 по 1918 г.) и Н.Е. Жуковский, которые также отмечали талант молодой девушки⁵⁶. После завершения учебы в 1913 г. Анна Георгиевна преподавала математику и физику на Московских Высших коммерческих курсах. Затем она 30 лет преподавала эти же учебные дисциплины в детской школе, в ФЗУ, в текстильном техникуме в поселке Красная Поляна под Москвой.

Епархиалки обладали формальным правом быть зачисленными на высшие курсы наравне с обладательницами министерских свидетельств о среднем образовании. Однако на деле последние пользовались преимуществом. Положение пыгались изменить, открыв 7-е классы, которые в конце XIX в. создавались по инициативе епархий в зависимости от наличия средств. На рубеже XIX—XX вв. такие классы были открыты при семи училищах: Астраханском (1895), Вятском (1898), Ставропольском (1900), С.-Петербургском (1901), Симбирском (1903), Саратовском (1905), Тульском (1905)⁵⁷. Первоначально такие классы не имели единой нормативной базы, и преподавание в них отличалось разнообразием. В 1907 г. было создано единое «Положение» о седьмом классе, которое, однако, так и не уравнило гимназический курс с епархиальным, так как седьмой класс был дополнительным и необязательным.

В годы Первой русской революции волнения охватили и воспитанниц женских епархиальных училищ (в частности, Курского, Тверского, Тифлисского, Пензенского, Самарского училищ). Одной из форм протеста была подача петиций в советы училищ, которые затем передавались в Учебный комитет. В некоторых епархиальных училищах наблюдались серьезные волнения. Так, в Тверском училище в октябре—декабре 1905 г. воспитанницы старших классов отказывались посещать занятия, хулиганили. Некоторые из них уклонялись от посещения церкви, не в установленное время приходили в столовую, стучали и звонили в дверь начальницы училища, писали на двери ее квартиры и на стенах угрозы, обращались в совет с петициями. Совет был вынужден удовлетворить некоторые требования: заменить разрядные списки алфавитными, увеличить время занятий до 11 часов, уменьшить казенные работы⁵⁸. Подобные волнения были также в Курске, Симбирске и некоторых других городах.

В специальном определении от 20 декабря 1905 г. Синод оценил скромные

⁵⁶ См.: Соколова Н.А. За формулой таилась красота // Татьяна день. 2002. № 3/4.

⁵⁷ См.: Кузнецов А. Указ. соч. // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 6. С. 286.

⁵⁸ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 22. Л. 1—33.

просьбы воспитанниц, выраженные в петициях, как «нарушение основных начал порядка и дисциплины». Правда, одновременно (определением от 20—22 декабря 1905 г.) Синод признал, что устав епархиальных училищ требует изменения, и предложил советам представить подробные соображения на этот счет. Все представленные с мест соображения и предложения поступили в Учебный комитет, где они были объединены в объемное дело «Об изменениях в учебно-воспитательном строе епархиальных женских училищ». Предложения сводились к следующему: сохраняя дух и направление духовной школы, необходимо расширить общеобразовательный курс до уровня, который принят в женских школах других типов, для чего ввести дополнительные предметы — новые языки, алгебру, рисование, открыть обязательные седьмые классы и восьмые дополнительные. Учебному комитету поручалось выработать новый проект реформы и проект положения о 7-м дополнительном классе. В 1907 г. в «Церковных ведомостях» были опубликованы определение Синода от 23 августа — 5 сентября «О некоторых изменениях в учебном курсе епархиальных училищ» и «Положение о 7-м дополнительном пед. классе при епархиальных женских училищах». Хотя учебный курс был значительно расширен, он оставался по-прежнему шестилетним, а 7-й класс хоть и получил законодательное подтверждение, но был необязательным и не был равен 8-му классу гимназий. Таким образом, реформа не решила и части проблем, но значительно усложнила усвоение основного курса. Это определение ярко демонстрирует отношение Синода к высшему образованию дочерей духовенства.

В результате до Октябрьской революции преобразования так и не были произведены, а с осени 1918 г. все духовно-учебные заведения в России были закрыты.

Система образования для дочерей духовенства существовала почти 80 лет, подготовив тысячи выпускниц. Например, только Калужское женское епархиальное училище за 39 лет его существования окончили 2000 человек⁵⁹.

* * *

Воспоминания являются важным источником по истории женских училищ духовного ведомства и женских епархиальных училищ.

Однако следует отметить, что их довольно мало. Сохранность воспоминаний воспитанниц епархиальных училищ хуже, чем воспоминаний воспитанников других учебных заведений, например институтов благородных девиц. Можно согласиться с утверждением, что мемуары пишут далеко не все, а люди образованные и культурные, способные внятно изложить то, что хотят рассказать⁶⁰. Поэтому писательская активность бывших институток была выше. Во второй половине XIX в. создание и публикация воспоминаний для бывших институток были и формой обсуждения состояния женского образования, и способом заявить о своей обще-

⁵⁹ См.: <http://www.orthodox.org.ru/dioceses/kaluga/kdu/kduhistory.htm>.

⁶⁰ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 289.

ственной позиции вообще. А женщины из среды духовенства тогда не претендовали на участие в общественной жизни, их амбиции в этой сфере начали возникать только в начале XX в. Нам удалось выявить около двух десятков воспоминаний по данной теме. Большая их часть была опубликована в начале XX в. В основном они носят официальный характер и написаны с целью увековечить отдельные события или отдельных личностей⁶¹.

В последние годы начался процесс изучения истории отдельных духовных учебных заведений и поиск новых источников информации по данной теме. В 1995 г. в Архангельске была осуществлена публикация воспоминаний бывшей воспитанницы Архангельского епархиального училища (с. 145—148). В электронной версии ежедневной газеты «Газета» увидели свет воспоминания бывшей воспитанницы Исидоровского Санкт-Петербургского женского епархиального училища Анастасии Лебедевой (с. 141—144). В 1995 г. в № 3 журнала «Мера» в качестве приложения к статье Елены Коржевской, посвященной истории епархиальных училищ в России, была осуществлена публикация отрывков из дневников воспитанницы Орловского епархиального училища Александры Поярковой⁶².

Осуществленный нами поиск неопубликованных мемуаров и дневников в рукописных фондах Государственного Исторического музея, Российской национальной библиотеки, в фондах личного происхождения ГАРФ (Ф. 1463) и РГИА (Ф. 834), в ряде региональных архивов не дал результатов.

В советское время собирать и хранить воспоминания бывших воспитанников учебных заведений духовного ведомства, в отличие, например, от воспоминаний участников революционных событий, никто не спешил. Исключение составила только Калуга, где целенаправленно собирали воспоминания о Калужском епархиальном училище для увековечения педагогической деятельности К.Э. Циолковского. В 1960—1970-х гг. сотрудники Музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в г. Калуге провели большую работу по розыску бывших воспитанниц Калужского епархиального училища и сбору воспоминаний о преподавательской деятельности ученого, которые составили отдельный фонд в научном архиве музея. Частично они были опубликованы⁶³.

Особую ценность представляют документы, которые хранятся в школьном му-

⁶¹ См.: *Аландский С.И.* Н.П. Шульц и Л.И. Рикорд // Рус. старина. 1883. № 11. С. 477—480; М.В. Самочернова — начальница Полоцкого училища духовного ведомства: Воспоминания бывших воспитанниц. Витебск, 1899; Памяти священника Феофилакта Антоновича Орлова. Рязань, 1900; *Белявская М.М.* Воспоминания из жизни в Виленском училище девиц духовного звания за 1863—1869 годы // Вестник Виленского св. православного духовного братства. 1912. № 3. С. 55—57; № 11. С. 189—190.

⁶² *Коржевская Е.* Замолкнет молитва — задремлет голос совести. Дневник ученицы 6-го класса Орловского епархиального училища Александры Поярковой // Мера. 1995. № 3. С. 74—92.

⁶³ См.: Циолковский в воспоминаниях современников. Тула, 1971.

зее школы-гимназии № 9 Калуги, располагающейся в бывшем здании Калужского епархиального училища. В фонде этого музея были найдены уникальные воспоминания и дневники воспитанниц этого училища М.С. Преображенской и С. Сергиевской. Такой же удачей была находка в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника рукописного комплекса воспоминаний о Рязанском епархиальном училище, состоящего из записок Л. Худзинской, Е. Вяземской, А. Звуковой, который был собран и передан в Рязанский краеведческий музей Л.А. Худзинской (с. 84—117)⁶⁴.

Воспоминания, хранящиеся в Музее истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в г. Калуге, в первую очередь отражают педагогическую деятельность К.Э. Циолковского, а особенности внутренней жизни училища передают слабо. В комплексе воспоминаний о Циолковском весьма неоднозначно показан вопрос об отношении руководства училища к научной деятельности педагога. В некоторых из них говорится о насмешках со стороны начальства по отношению к научным изысканиям Циолковского, другие воспоминания опровергают эти факты. По всей видимости, отношение у разных лиц из педагогической корпорации могло быть действительно разным, а с другой стороны, немалую роль мог сыграть и тот факт, что некоторые авторы воспоминаний стремились в пропагандистских целях подчеркнуть контраст между отношением власти к научным исследованиям в дореволюционной России и в Советском Союзе. А для воспоминаний, написанных в наши дни (Н. Лидиной и А. Лебедевой), наоборот характерна идеализация системы обучения дочерей духовенства, из-за ностальгических воспоминаний о юности и из-за существующей сегодня идеализации дореволюционной системы образования. Особенно характерна идеализация системы образования дочерей духовенства для указанной статьи Е. Коржевской. Стремление показать, что «лучшие учебные заведения для девочек в дореволюционной России» — женские епархиальные училища, приводит к ошибкам, искажению реального положения дел.

Тем не менее мемуары — это уникальный источник по истории повседневности, который позволяет почувствовать психологическую атмосферу закрытого учебного заведения, изучить особенности быта и нравов женских епархиальных училищ.

О.Д. Попова

⁶⁴ Выражаю искреннюю признательность научным сотрудникам музея Е.В. Шатиловой и Е.В. Буланкиной за помощь, оказанную в поиске данного источника.

Россия в мемуарах

ЕПАРХИАЛКИ

П.А. Шульц
[ВОСПОМИНАНИЯ О Е.П. ШИПОВОЙ]

Лет около 44 сему назад родители мои прогостили года полтора у моего деда П.А. Шипова в деревне, где первым моим законоучителем был о. Михаил Разумовский, приезжавший за 30 верст из Чухломы¹ еженедельно на полторы сутки, в течение которых, кроме уроков, я пользовался его беседой во время прогулок и дома прислушивался к его разговорам с маменькой и тетушкой Елизаветой Павловной. Бывало, мы втроем, с Елизаветой Павловной и о. Михаилом, ездили в рощу на дрожжах, запряженных смирию буланую лошадкой, которою Елизавета Павловна иногда сама правила. Там Елизавета Павловна, усевшись на траве, беседовала с батюшкой, а я, набегавшись, подсаживался к ним и слушал. Отец Михаил был не только отличный священник и законоучитель, но и умный, образованный и развитой человек. Я не только не утомлялся его уроками, продолжавшимися по два часа, но и после уроков дорожил каждой минутой, чтобы побыть с ним и еще его послушать. Он умел увлекать искренностью своего убеждения, теплотой веры и вместе убедать логикой своих доводов. Ему я, прежде всего, обязан тем, что на всю жизнь остался православным христианином, что, веруя сердцем, я убежден был и разумом, который не приводил меня к сомнению и отрицанию, не противопоставлял результаты науки и мышления догмам веры, а согласовал и примирял те и другие.

Маменька и Елизавета Павловна любили о. Михаила, но не могли, когда бывали в Чухломе со мною, не поражаться резкою разницей между ним и его женою, в отношении образования и умственного развития. Жена его была доброю, заботливой хозяйкою, но не другом, с которым о. Михаил мог бы почитать и побеседовать в часы досуга, с которым мог бы поделиться своими впечатлениями и мыслями, отдохнуть душой и найти, в живом обмене мыслей, утешение, успокоение и умственное наслаждение. Поэтому дома ему было скучно. Пока были у него ученики в семьях почтенных помещиков, он там проводил значительную часть своего времени, но когда ученики разъехались по учебным заведениям и даром далеко ездить не при-

ходило, остались о. Михаилу ближайшие соседи, у коих уроки и прежние умные беседы заменились привычными угощениями и препровождением времени жителей уездного городка. Отец Михаил опустил с той нравственной высоты, на какой я его помнил. Не то было бы, если бы он, у себя дома, находил подругу, его достойную, общество которой отвращало бы его от частого посещения соседней. Вот этот-то живой пример впервые навел на мысль Надежду Павловну и Елизавету Павловну, что священникам, особенно сельским, нужны жены, которые не уступали бы институткам в научном образовании и умственном развитии, но получали бы воспитание религиозно-нравственное и более простое, в отношении внешнего лоска и обстановки, которые, не мечтая о светских успехах, не умея танцевать, брэнчать на фортепиано и болтать по-французски, умели бы быть хорошими хозяйками, а при нужде и работницами в доме, не чуждались бы общества простых людей, приобретая доброе, нравственное на них влияние, но в то же время стоя, по образованию и развитию, на одном уровне с мужьями, были бы для них настоящими подругами, сами занимались первоначальным обучением детей своих, помогали бы мужьям в преподавании в сельских школах и, в кругу образованных людей, могли бы занимать с мужьями равное место, держа себя и ведя разговор так, как прилично образованной женщине, которая не должна быть чужда тому кругу, где принят муж ее, а у себя дома должна привлекать гостей беседою, а не одним угощением.

Такого воспитания дочерям сельских священников получить было негде. Институты были малодоступны и готовили светских барышень или гувернанток, предназначенных для домашнего приготовления из детей достаточных родителей таких же светских барышень. Частных пансионатов было мало, да и те были дороги и, по системе образования, подражали институтам. Приюты давали слишком ограниченное образование. Гимназий женских еще не было², да и будь они тогда учреждены — от них было бы мало пользы сельским священникам, как от заведений открытых; ибо куда же было поместить дочь на жительство в город, где у священника сельского не было ни близких родных, ни знакомых? Содержание дочери на квартире наемной стоило бы дорого и ничем не обеспечило бы религиозно-нравственное направление воспитания. Вот эти-то мысли и привели Надежду Павловну и Елизавету Павловну к глубокому убеждению в необходимости учреждения специальных учебных заведений для дочерей духовных лиц.

В это время отец мой вышел в отставку и хотел поселиться в своем имении, а матери моей пришла мысль учредить у себя в имении маленькое учи-

лише именно для дочерей священников. Мысль эта так занимала ее, что она изложила ее на бумаге, составив проект устава и программы для преподавания предметов изучения в таком училище. Так как мысль эта родилась у Надежды Павловны в то время, когда она жила с Елизаветой Павловной в деревне у отца их и там же мысль эта была разработана и изложена на бумаге, то нельзя сомневаться в том, что и Елизавета Павловна была ближайшей участницею составленного тогда проекта. Между тем отец мой скончался; я был отдан в гимназию в Санкт-Петербург; мать моя переселилась туда же, и мысль о жизни в деревне и об учреждении там училища не осуществилась. <...>

В Петербурге Надежда Павловна часто бывала у своей приятельницы, институтской подруги Анны Алексеевны Окуловой³, бывшей тогда наставницею Великой княжны Ольги Николаевны⁴, которая была к маменьке очень милостива и любила беседовать с нею. Однажды Великая княжна выразила маменьке свою мысль об учреждении женских училищ духовного ведомства, которая замечательно совпадала с прежней мыслью Надежды Павловны и Елизаветы Павловны. Узнав о том, что маменька излагала свою мысль еще ранее на бумаге, Великая княжна пожелала ознакомиться с этим проектом. Проект Великой княжне очень понравился и послужил основанием для устава первого женского духовного училища, заведование коим маменька приняла на себя.

Затем, когда возникло предположение об учреждении второго училища, то кому же лучше было верить его, как не ближайшей участнице маменьки в первоначальной разработке мысли об этих училищах, как не сестре ее, с которою она была так всегда единомушна?..

Е.Д.
ВОСПОМИНАНИЯ
О ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЖЕНСКОМ ЦЕРКОВНОМ
УЧИЛИЩЕ КОНЦА ПЕРВОГО И НАЧАЛА ВТОРОГО
25-ЛЕТИЯ ЖИЗНИ ЕГО

*Посвящается памяти первой начальницы
его Надежды Павловны фон Шульц*

Первые шаги, направление и строй жизни — внешний и внутренний — Царско-сельского училища для девиц духовного звания тесно связаны с именем первой начальницы его Надежды Павловны фон Шульц, урожденной Шиповой¹. Раньше, чем возникнуть в действительности, оно родилось в ее светлой душе в виде идеала; осуществлению же этого идеала помогли многие счастливые внешние обстоятельства, поставившие ее в близкие сердечные отношения к дочери Императора Николая I, Великой княжне Ольге Николаевне. Основав в октябре 1843 года Царскосельское женское училище, Ее Императорское Высочество пригласило Надежду Павловну быть начальницею этого нового учреждения, не имевшего в то время себе подобных на всем пространстве России.

И с этого времени Надежда Павловна стала как бы душой училища, общавшею жизнь всем мельчайшим разветвлениям училищного организма, вдохновлявшею на совместную, дружную деятельность всех сотрудников и сотрудниц своих.

Мне не по силам дать полную характеристику деятельности Надежды Павловны на пользу училища. Моя задача гораздо скромнее; мне хочется восстановить для бывших воспитанниц училища знакомый им дорогой образ Надежды Павловны в том виде, как он сохранился в моей памяти, каким он запечатлен в моей душе. Рамкою для этого портрета всюду будет служить созданное ею училище: я не знаю Надежды Павловны вне училища, я мало знаю училище без Надежды Павловны. Не станет отрицать и достойная премница ее, вторая начальница училища², того, что дух Надежды Павловны

и теперь живет в училище, и живет не одним лишь только историческим воспоминанием. После Надежды Павловны училище, сообразно с нуждами времени, преобразовалось, переименовало свое имя, переделало помещение³, увеличилось вдвое⁴, но зерно его осталось то же, каким возрастили его неуспяная энергия и любвеобильные попечения о нем Надежды Павловны.

Несмотря на это, училище времени Надежды Павловны стало уже, в своем целом, достоянием истории. Постепенные — незаметные, но неизбежные — преобразования, представляющие как бы естественный рост училища, мало-помалу новыми наслоениями закрывают первоначальное устройство его, изменяют его первоначальный характер. Интересно восстановить этот первоначальный характер училища, чтобы иметь возможность сравнить то, что есть, с тем, что было. Сравнение это будет интересным не только относительно настоящего Царскосельского училища, но и по отношению ко всем, многочисленным ныне, женским училищам духовного ведомства и епархиальным женским училищам, мало-помалу открывшимся по образцу Царскосельского. Не имея твердо установленного подробного устава, епархиальные женские училища предоставляют большой простор личной инициативе лиц, стоящих во главе их и составляющих совет училища⁵. Отличаясь, вследствие этого, своею удобоизменяемостью и удобоприменемостью к духу времени, женские епархиальные училища, случается, теряют, стремясь, по своему разумению, к совершенствованию, некоторые из основных черт характера женских училищ для девиц духовного звания, оставляют без внимания некоторые цели и стремления, вначале давшие *raison d'être*⁶ самому существованию заведений этого типа, отличительных от общеобразовательных и общесословных женских училищ, гимназий и светских женских институтов.

Царскосельское женское училище в три первые десятилетия своего существования было невелико. Оно состояло из трех (двухгодичных) классов, по 30 девочек в каждом из них. Это обстоятельство способствовало тому, что училище могло с успехом осуществить тот характер большой семьи с матерью-начальницей во главе, который составляет задачу всякого закрытого учебного заведения. И действительно, Надежда Павловна являлась матерью для училищной семьи в полном и лучшем значении этого слова, матерью любящей, но непотворствующей, ласковой без фамильярности, строгой, но справедливой, честно до самоотвержения преданной своему делу и требовавшей такого же отношения к нему и от всех членов вверенной ей семьи. Сотрудников себе в трудном деле воспитания она избирала сама и, раз избрав

их, оказывала им полное доверие, через что все они имели возможность приобрести собственный авторитет в глазах воспитанниц. Авторитет начальницы, не заслоняя их собою, служил надежной и крепкою опорой их собственных индивидуальных авторитетов, приобретаемых ими собственными трудами над общим делом. Но, как бы скрываясь за ними, она крепко и умелю рукой держала все нити управления училищем, она невидимо, но неуклонно руководила деятельностью всех сотрудников своих. В то суровое время, когда мужская духовная школа могла давать материал писателям гг. Ростиславову⁷ и Помяловскому⁸, первое женское училище создавалось на началах взаимной любви, доверия старших к младшим и младших к старшим. В этом огромная его заслуга, еще мало до сих пор оцененная. В основу системы воспитания легли не награды и строгие наказания, не кондуктные списки, не первенство мест, а развитие чувства долга в воспитанницах. Собственный контроль воспитанницы над собой, собственное стремление исправить свои недостатки, указываемые ей ее воспитательницею и сознаваемые ею самой, разумеется, действовали лучше самого строгого внешнего надзора. Добиться этого самоконтроля в воспитаннице — конечная цель воспитания, и она достигалась в училище. Достигалась прежде всего добрым примером Надежды Павловны, бывшей живым олицетворением правды и святости долга, подчинявшей ему всю жизнь свою до малейших подробностей, которые подчас могли казаться мелочными, щепетильными пустяками, не стоившими внимания. Но она была раба и в малом верная, а потому и стоявшая над многими.

Чтобы пример жизни воспитателя был действительным воспитательным средством, нужна связь любви между воспитывающим и воспитываемым. И эта связь составляла отличительную черту первого женского духовного училища. Можно без преувеличения сказать, [что] оно управлялось и жило любовью. Горячо любила свое училище Надежда Павловна, а ответная любовь к ней ее училищной семьи давала ей почти неограниченную власть над училищем: сердце, добровольно отдавшееся любви, не оставляет для себя ни одного заветного уголка. Из всех родов власти власть, основанная на любви, — самая сильная. Воспитанницы же (я говорю о лучших, типических представительницах училища) всецело были преданы воспитательницам, а чрез них вместе с ними начальнице. Боязнь огорчить начальницу удерживала всех в границах точного исполнения обязанностей. Конечно, эта система воспитания, ставившая начальницу почти на недостижимую высоту совер-

шенства, возможна только при таких идеальных начальницах, какую была Надежда Павловна.

Надежда Павловна не была практичною в обычном значении этого слова. Материальная сторона жизни всегда отступала в ней пред идеальной стороной ее духа. Ее идеалы были всегда высоки и, по-видимому, неосуществимы в жизни. Но такова сила ее духа, что самая грубая действительность гнулась под ее нежными, маленькими, полупрозрачными ручками и принимала от них форму, удобную им. Так в руках искусного художника грубая глина принимает отпечаток мысли и чувства, его одушевляющих. Девочки, сообразно назначению их быть женами священнослужителей, воспитывались в духе нестяжательности. Воспитанницам не позволялось иметь в своем распоряжении ни копейки денег. Необходимое они покупали через воспитательниц, ведших счет их издержкам и деньгам, получаемым из домов родителей. Работа воспитанниц за деньги не допускалась ни для кого, хотя девочки работали многое и для многих. В них развивалось желание безвозмездной услуги. (Я помню, как обиделась за училище Надежда Павловна, когда один заслуженный протоиерей предложил плату за работу, исполненную для него девочками, и как после долгих просьб с его стороны начальница неохотно приняла его деньги, не для передачи работавшим, а в доставление удовольствий всему училищу.) Взаимные услуги девочек равным образом никогда не мерялись и не оплачивались пяточками и гривенниками, как это имеет место, а особенно в то время имело место во многих учебных заведениях. Бескорыстное служение долгу, желание принести сильную пользу себе и другим — вот побуждения, которыми должны были руководствоваться воспитанницы во всех делах своих. Привычка к постоянному труду развивалась самим строем училищной жизни, заставлявшим воспитанницу дорожить каждою минутою времени. Умелым чередованием труда физического с умственным, уроков с играми достигались две цели: воспитанницы целый день не имели ни минуты праздной и при этом не испытывали ни малейшего переутомления. Деятельность одного рода служила как бы отдыхом от деятельности другого рода. Часы отдыха от занятий посвящались беганью, скаканью через веревочку, летом игре в мяч, в разбойники, в коршуны и другие игры, требующие сильных физических упражнений. Бесцельное апатическое сиденье на месте в часы отдыха вызывало вопрос: отчего не бегаешь? Не играешь? Главную основу всего воспитания составляло развитие в воспитанницах религиозного чувства. Здесь

главным пособником Надежды Павловны являлся законоучитель, священник училищной церкви, духовник воспитанниц⁹, пользовавшийся всяким временем и всяким случаем, чтобы возжечь в сердцах девочек пламень любви к Богу, чтобы заставить их полюбить и внешние проявления этой любви — все службы и обряды церковные. Освящая начало и конец дня, кроме общей, частною молитвою у своей кровати, привыкая отдавать мысленно отчет Богу за все сделанное в течение дня, девочка восходила из силы в силу и при невидимом, но надежном руководстве лиц, ее окружавших, запечатлевала на всю жизнь свою в сердце твердые навыки веры и любви христианской. Службы церковные составляли необходимое звено в воспитании истинных дочерей церкви в лице воспитанниц училища. Училище умело заставить полюбить эти службы, обставленные полной торжественностью, совершаемые при осмысленном, благоговейном участии самих учащихся. Уроки законоучителя наглядно раскрывали пред девочками глубокий смысл песнопений, псалмов и символическое значение священнодействий церковных. И слезы умиления и любви к Богу лились часто из детских глаз, и часто, отвечая этому умиленно-молитвенному настроению юной паствы, дрожал и прерывался от душевного волнения и голос пастыря. Неделя говения¹⁰, неделя страстей Христовых¹¹ и Светлые праздники¹² в училище наверное остаются в памяти у всех, кто имел случай хоть раз провести их в том приподнятом от земли к небу настроении, какое обычно царило в эти святые дни в училище. Много разочарований приносит жизнь, много иллюзий она нарушает, но никакие бурные волны житейского моря не в силах захлестнуть огонь веры в сердце, хоть однажды испытывавшем близость Божию в святом энтузиазме детской молитвы. Подобные настроения не забываются и из прошедшего являются светочем всей последующей жизни, быть может и затемняемым жизненными мелочами, но никогда не угасающим и показывающим верную цель и счастье жизни. Посты в училище соблюдались строго. Не делалось никакого изъятия для слабых. Лишь только в больнице труднобольные получали скоромное в дни поста. И нужно заметить, что состояние здоровья воспитанниц в училище было очень хорошо¹³. В нем не было и помину о той чуть не половине учащихся, страдающих малокровием в так называемом переходном возрасте, которая теперь составляет как бы обычное явление многих закрытых учебных заведений, безрезультатно, по совету докторов, пользующих этих малокровных усиленным мясным питанием.

Чувства патриотические воспитывались в девочках, помимо всего другого, особенно счастливою близостью, в которой находилось училище к Царской семье. Основательница училища, Великая княжна Ольга Николаевна, уезжая, после бракосочетания своего, Королевою Вюртембергскою в Германию, передала свое (как она любила его называть) училище тогда Цесаревне (впоследствии же Государыне Императрице) Марии Александровне¹⁴. И Государыня была благосклонна к училищу. Обычно проводя лето в Царском Селе, она не раз в течение его приезжала в училище, то одна, то с Августейшими детьми своими, особенно же с Великою княжною Мариею Александровною¹⁵, которая удостоивала играть в общие игры с воспитанницами училища. Великие князья не раз присутствовали на уроках и экзаменах воспитанниц. Приезжая в училище, Государыня всегда спрашивала и о больных девочках и посещала их в лазарете. Государь Император Александр Николаевич часто заходил в училище в своих прогулках по Царскосельскому парку. Часто и воспитанницы, прогуливаясь в парке, встречали его. Надо было видеть ту простоту, с какой относился Царь России к своим собеседникам, окружавшим Его волнующеюся, радостною толпою. Я помню, как пред выпуском нашим мы с плачем припали к милостиво протянутым нам рукам Государя, приехавшего проститься с нами, и орошали их детскими слезами горя разлуки с Царем: мы чувствовали хорошо, что никогда уже, ни при каких обстоятельствах мы не будем видеть Его таким близким к нам. Часто и воспитанницы ходили в Царские сады и дворцы Царскосельские; случалось нам бывать и гостями Царской семьи, играть с царскими детьми и обедать за царским столом. Еще маленькой девочкой я вместе с другими счастливицами сидела рядом с Государем и Государыней за столом на Великокняжеской ферме Царского Села. Царица угошала нас наравне со своими детьми, присутствовавшими тут же. Праздник для нас был устроен 26 мая 1866 года, по случаю рождения первого внука Царя, ныне наследника Цесаревича Николая Александровича¹⁶. После истинно царского завтрака мы много бежали и играли с Великими князьями на широком дворе фермы и вернулись домой переполненные чувством восторженной любви к Царской семье.

И подобные ощущения никогда не забываются. Нетрудно быть патриотами тем, кто, как мы, в благоговейном восторге видели себя как бы в тесном кругу Царской семьи. Из сохранившихся в училище преданий о первых годах его жизни мы знали, что подобная милость Царской семьи к училищу существовала с самого основания училища.

День училища

Училищная жизнь начиналась рано. Часа в 4 утра вставали дежурные по хозяйству воспитанницы старшего класса, уходили в кухню растворять хлеба, булки или пироги, месить тесто в маленькой квашне и т.п. Летом, случалось (в мое время изредка), доили коров или, по крайней мере, смотрели, как их доит коровница, затем убирали с нею молоко на погреб летом и в молочную кладовую зимою, записывали количество подоенного молока в свои дежурные тетради. Затем под надзором наставницы по хозяйству Елизаветы Ивановны Захаровой (ныне покойной) вешали на весах хлеба, испеченные накануне, проверяли количество хлеба, оставшегося в хлебной кладовой от употребления вчерашнего дня, отмечали количество вновь испеченного и съеденного хлеба на особой черной доске, стоявшей в кухне. Мягкий хлеб уносился в кладовую, оттуда доставали хлеб для завтрака воспитанниц. Перед большими праздниками, когда дела для дежурных было много и когда им приходилось вставать очень рано, Елизавета Ивановна давала им к черному хлебу по чашке кофе, который пила сама всегда на кухне часов около 5 утра. Кухни отличались замечательною чистотою: столы закрывались белыми столешниками; медная посуда, чисто вычищенная, блестела на полках. Сама Елизавета Ивановна в большом белоснежном переднике была живым воплощением чистоты, которой требовала и от всей кухонной прислуги. Со звонком, будящим воспитанниц, летом в 6, зимою в 6½ часов утра, в кухню приходили дежурные воспитанницы среднего и младшего классов за ключами от шкафов, буфета и столовой и, поздоровавшись с Елизаветой Ивановной, уходили приготавливать столы для утреннего завтрака воспитанниц. Со звонком вставали лишь воспитанницы младшего класса. Старший и средний классы пользовались разрешением вставать ранее звонка, и со звонком обычно в спальнях открывались уже окна и форточки для проветривания их. Позволением вставать до звонка девочки очень дорожили и часто, вставая одновременно с дежурными, проходили в класс за час и два до звонка. В течение дня у воспитанниц бывало мало минут, которыми бы они могли распорядиться по своему усмотрению, и потому ранние часы свободных занятий по их выбору были любимыми часами дня. Любительницы чтения сидели над книжками, прилежные усердно повторяли уроки; там занимались черчением, раскрашиванием географических карт, здесь переписыванием выученных стихотворений в хорошенькие тетрадки. Не нужно

было никаких напоминаний дорожить временем. Скорее приходилось сдерживать усердие воспитанниц, запрещая им вставать чересчур рано.

Воспитанницы младшего класса вставали со звонком, имея разрешение до звонка, лишь сидя в кроватке, в случае надобности, штопать свои чулки или починить разорвавшееся накануне платье. В первое время по поступлении в училище младшие умывались, оправляли свои кроватки, причесывали головы и одевались под присмотром и по указаниям своих «старших». У всякой «младшей» была своя «старшая»¹⁷. Так называлась воспитанница старшего класса, имевшая одинаковый номер в своем классе с номером девочки младшего класса. Нужно сказать, что номер этот давался девочке при ее поступлении в училище и со времени ее приезда в него был с нею во все время жизни ее в училище. Им метилось все ее белье, все книжки и тетради; все дежурства назначались по порядку номеров¹⁸; классные списки тоже следовали этому порядку. Разрядные списки воспитанниц по достоинству составлялись лишь ко времени выпускного «публичного экзамена». Учились же в течение всех трех классов, проводя в каждом из них два года без различия на первых и последних. Старшие имели некоторого рода власть и соответственно с нею ответственность по отношению к своим младшим. Они играли роль как бы старших сестер и пользовались со стороны младших нежною любовью. Эти отношения старших к младшим вносили в строй училищной жизни совершенно семейный характер и заставляли девочек скоро свыкаться с училищем, где они находили новую семью, встречавшую их ласково и любовно. Никаких насмешек и шуток, подчас и злых, обычных во многих заведениях над новенькими¹⁹, в Царскосельском училище никогда не бывало. Новеньких баловали все, начиная с их воспитательницы, лишь только исподволь и умело подчинявшей их требованиям дисциплины училища.

Одевшись, воспитанницы младшего класса спускались в сопровождении своей воспитательницы в нижний этаж здания училища и проводили оставшиеся полчаса до начала общей молитвы в рекреационном зале. Здесь воспитательница тщательно осматривала их туалет, исправность платья и чистоту белья (передники, рукавички и манишки были белые полотняные), а затем заставляла их ходить попарно по такту, наблюдая, чтобы они ходили стройно и кланялись правильно. Привезенных из глухих мест и захолустных деревень девочек нужно было всему этому учить в училище. Через это и наружный вид воспитанниц училища как бы приобретал известный, свойственный училищу отпечаток, и различные угловатые индивидуальности девочек

как бы сглаживались под однообразием одежды, походки и манеры держаться, получаемых ими в училище.

День Надежды Павловны начинался почти одновременно с пробуждением первых признаков деятельности училищного механизма.

Дежурные по хозяйству воспитанницы иногда имели случай здороваться с нею до общей молитвы в кухне или кладовой при проверке хлебов, в молочной, где они сбивали масло или снимали сливки под присмотром Елизаветы Ивановны, чаще же всего в столовой, где они накрывали столы для завтрака. Ее всегда светлое, радостное лицо, ее ласка к детям действовали всегда ободряюще на девочек. Она обычно спрашивала у воспитанницы, что та делала утром, или предлагала другие деловые вопросы, сопровождая ответы девочки обычными ей словами: «Прекрасно, миленькая!» Если же воспитанницу нельзя было похвалить, она обходила ее молчанием. И одно это молчание — это лишение обычного ласкового: «прекрасно» — было для провинившейся действеннее строгих выговоров от лиц, не пользовавшихся таким авторитетом, какой приобрела себе у воспитанниц Надежда Павловна. Порицала она редко: в самых крайних случаях. Выговор от начальницы был самым строгим из наказаний, практиковавшихся в училище.

Это возможно опять-таки лишь при таких идеальных личностях, какою была Надежда Павловна. Самое имя ее было неприкосновенно. Никогда детская обида не касалась его. В самых интимных дружеских беседах подружек-одноклассниц, когда разбирались поступки учителей, воспитанниц и других лиц, близких к воспитанницам, ни одно обидное, оскорбительное слово не касалось начальницы. Это было имя, чуждое даже подозрения в умышленной несправедливости к кому бы то ни было. Начальница пользовалась полным доверием воспитанниц, которые видели в ее отношениях к ним тоже полное доверие. Сама чуждая и тени лжи, она и требовала правды, и верила правде ее окружающих. Обмануть начальницу было, по-видимому, легко, потому что она верила каждому сказанному ей слову; но ее обманывали редко. Среди воспитанниц солгать начальнице — было делом бесчестным, позорящим лгунью в глазах всего класса, а детский суд — самый строгий суд; презрение всего класса — очень строгое наказание для того, чтобы рисковать заслужить его. К тому же, в случае обнаружения обмана виновную ожидала высшая степень наказания — гнев начальницы, не терпевшей лжи. Вообще доверие Надежды Павловны к окружающим ее приносило подчас изумительные плоды: заставляя лиц, пользовавшихся ее доверием, обнаруживать перед нею лишь свои хорошие стороны, за которые она ценила их и дорожила

ими, и скрывать дурные, оно как бы воспитывало их в добрых навыках и мало-помалу подавляло имевшиеся у них недостатки. От сожительства с нею люди и несвободные от недостатков, стараясь оправдать доброе о себе мнение Надежды Павловны и принужденные вследствие того тщательно следить за собою, делались лучше, чище, свободные от своих тщательно скрываемых недостатков. Им негде было обнаруживать их, так как всюду в училище они чувствовали себя под взглядом доверчивых глаз начальницы. Девочек-воспитанниц она знала всех не только в лицо, но в большинстве случаев ей была знакома и нравственная физиономия каждой из них. И притом каждая была ей знакома своими лучшими сторонами. Несмотря на все бесстрашие и строгую справедливость Надежды Павловны, и у нее были невольные любимицы между воспитанницами, для которых чаще и нежнее обыкновенного звучало ее: «Прекрасно, миленькая!», для которых лучезарнее светилась ее ласковая улыбка. И часто этими невольными любимицами ее были не примерные ученицы класса, к которым она всегда относилась по заслугам, но девочки иногда и безалаберные в классных и хозяйственных работах, навлекавшие на себя справедливые выговоры и замечания наставниц, но в которых ее чуткая душа угадывала искорку идеального, яркий огонь которого светил в ее собственной душе. И как умела она поддержать и раздуть эту искорку. Мимолетным взглядом, кстати сказанным тихим словом, ласковым жестом давала она ей разгораться сильнее и сильнее, и душа девочки с благоговейною любовью открывалась перед нею.

На молитву Надежда Павловна приходила всегда по зову дежурных. Утренняя молитва всегда, до последнего тяжелого недуга, сведшего ее в могилу, совершалась в ее присутствии. После общей молитвы очередная девочка прочитывала из кратких святцев жития святых дня, а Надежда Павловна вслед за этим читала несколько стихов из Нового Завета, по порядку. В праздники и дни поста и говенья читала она, вместо обычных стихов Нового Завета, поучения, приличные празднику и дню. Поучения эти брались ею из отцов и учителей Церкви, причем из русских проповедников она любила читать поучения о Р. Путятина²⁰ и преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского²¹. После молитвы воспитанницы завтракали. Завтрак состоял в скромные дни из чашки молока, смотря по времени года — или теплого кипяченого, или же холодного, а в постные дни — из сбитня²² на патоке с прибавкою в него иногда сока малины или других ягод, или же из жидкого протертого овсяного супа. Чай давался лишь по праздникам и то однажды в день. Но с каким аппетитом воспитанницы съедали этот скром-

ный завтрак! Какое количество вкусного черного хлеба они уничтожили при этом! Из столовой выходили сытыми и бодрыми.

Надежда Павловна, идя из столовой, обычно встречала в приемном зале зрителя училища, от которого выслушивала ежедневно доклад о состоянии и нуждах училищного дома. Утром же после чаю она принимала с отчетами дежурных вчерашнего дня, проверяла счета провизии, издержанной на стол воспитанниц, приход, и расход, и продажу молочных продуктов предстоящего дня. По понедельникам очередная воспитанница приносила ей на просмотр недельную ведомость о состоянии училища, составлявшуюся по очереди воспитанницами старшего класса по известному шаблону. В ней обозначались завтраки и обеды воспитанниц, писались фамилии дежуривших в течение недели, уроки и внеурочные занятия каждого класса и отмечались все «особые случаи», начиная с посещений Высочайших особ и кончая прогулками воспитанниц в дворцовом парке или катанием с ледяных гор зимою. Эти еженедельные ведомости отсылались на просмотр Государыне Императрице. Утренние часы времени у воспитанниц были свободны от занятий уроками. Исключение допускалось лишь для уроков чистописания и пения. Остальные же уроки происходили в послеобеденное время от 2 до 5 часов дня. Лишь в старшем классе в те дни, когда было три урока (время от 2 до 5 было занято двумя полуторачасовыми уроками), первый из них начинался утром в 10½ часов и продолжался до 12, до времени обеда. Это распределение уроков было приноровлено к удобству хозяйственных занятий воспитанниц. После завтрака дежурные всякого рода шли к обязанностям своего дежурства: в столовой мыли чашки и затем приготавливали столы для обеда; в кухне чистили овощи и помогали при приготовлении кушанья, делая все, что им по силам, по указанию наставницы по хозяйству; в классах и рукодельной комнате обтирали пыль, и если требовалось, то подметали полы (полотер натирал полы раз в день рано утром); в спальнях опраправляли кровати и выравнивали их ряды до полной симметрии; дежурные у воспитательниц прибирали их комнатки²³. Кроме дежурных, часто целые классы или часть классов отправлялись на какое-нибудь хозяйственное занятие: шли на кухню, когда нужно было стряпать ватрушки, оладьи, блины, котлеты, пирожки или другое какое-нибудь подобное блюдо, перебирали ягоды для варенья или сушеные фрукты для компотов или киселей, в конце лета и осенью ходили солить огурцы, рубить и шинковать капусту, весной или ранним летом — в училищный огород садить огурцы, полоть гряды, собирать ягоды, там же в хорошую погоду и купались в нарочно устроенной купальне, в пра-

чечной перед выпуском учились стирать под руководством бельевой, в гладильной складывали, катали на катке и гладили утюгами свое белье. Вообще же утренние часы посвящались рукоделиям всякого рода. С самого первого дня поступления в училище девочка начинала учиться шить и вязать. Ранее чем начинались занятия уроками в младшем классе, она должна была переметить своим номером все данное ей белье, перешить под руководством воспитательницы и при помощи иногда своей старшей по росту платья и другие принадлежности одежды. В течение учебного времени все нужное им белье воспитанницы шили сами. Но кроме шитья в училище много занимались и изящными рукоделиями всевозможного рода. Без хвастовства можно сказать, что не было рукоделия, о котором воспитанницы не имели бы понятия; они шили священные облачения; шили рясы и подрясники, а лучшие рукодельницы достигали большого совершенства в таких работах, как вышивание гладью, шитье золотом, шелками и шерстью. Предметы рукоделия воспитанниц часто предназначались в подарки Высочайшим особам и потому должны были отличаться особенною тонкостью и художественностью выполнения²⁴. Нужно сказать при этом, что особых учительниц рукоделия не было. В занятиях рукоделием воспитанницами руководили их воспитательницы, которым поэтому и приходилось зорко следить за успехами этого дела. Но рукоделие занимало лишь руки воспитанниц. Чтобы и голова их не оставалась праздною, рукоделие всегда сопровождалось чтением вслух по очереди воспитанницами. Чтение начиналось с подробного жизнеописания Святого дня, затем уже переходили к чтению книги, выбранной начальницей или, по крайней мере, с ее ведома, воспитательницей из библиотеки училища. И чтением ближайшим образом руководили все те же воспитательницы. В старших классах некоторые сочинения прочитывались в присутствии на чтении самой Надежды Павловны. Таковы были: «История государства Российского» Карамзина (чтение 13 томов, которое растягивалось почти на целые два года старшего класса), некоторые из патристических и исторических романов и комедий Кукольника, Загоскина и Ал. Толстого²⁵ и еще две книжки: «О должностях пресвитеров»²⁶ и «Об обязанностях священного сана» Стурдзы²⁷, которыми Надежда Павловна хотела дать идеальное представление о высоте звания священника будущим матушкам — супругам пастырей Церкви. Она надеялась воспитать в них деятельных сотрудниц мужьям их, с тем чтобы они умели приподняться сами и, в случае надобности, приподнять и мужей своих выше материальных интересов обеспечения жизни, выше мелочных расчетов статей дохода, а также могли бы

служить верными помощниками их и поддержкою в их служении Богу и человечеству.

Вообще утренние часы не пропадали даром для воспитанниц. Более того, главное воспитательное дело делалось по преимуществу в эти свободные часы. Безостановочным и разнообразным трудом воспитанницы приучались дорожить своим временем. Любовь и привычка к труду делалась их второю природою. А сопровождавшее эти занятия рукоделиями назидательное чтение, направляемое умелою и *единою* рукою, давало воспитаннице некоторого рода единство мировоззрения, которое должно бы составлять цель и конечное стремление всякого образовательного учреждения, но которое, как бы за недосугом, редко где вырабатывается. Мировоззрение это — строго христианское и глубоко патриотическое. Усердным помощником в созидании этого единого идеала в душах воспитанниц был, как я уже упоминала, законоучитель училища, пользовавшийся для того всяким поводом, всяким временем, в церкви, в классах, на уроках и вне уроков, в горестях и радостях воспитанниц, чтобы преподать им в живых, теплых, идущих прямо от сердца словах, часто остроумных примерах, все то же — единое вечное слово правды, любви и крепкой веры Христовой. И воспитанницы, следуя примеру начальницы, умели глубоко ценить его. Личность его, почти наравне с личностью Надежды Павловны, была неприкосновенна. Самая малейшая детская обида не касалась ее.

В 12 часов дня воспитанницы обедали в присутствии начальницы училища. Обед состоял из двух блюд, простых, но свежих и вкусно приготовленных при участии самих воспитанниц. После обеда время до 2 часов дня было свободным. Воспитанницы проводили его в рекреационных залах — зимой, и в училищном саду — летом. Воспитанницы младших классов бегали и резвились, а старшие подруги их пользовались им для того, чтобы возобновить в своей памяти уроки, выученные накануне. В хорошие солнечные, сухие дни воспитанницы делали в это время прогулку по большим аллеям Царскосельского парка.

В 2 часа дня начинались уроки, продолжавшиеся до 5 часов²⁸. Учебные программы того времени были необширны (если их сравнивать с существующими ныне в большинстве женских епархиальных училищ), но главное достоинство постановки учебного дела в Царскосельском училище состояло в твердом усвоении воспитанницами преподаваемых им уроков. При подобных программах, при небольшом численном составе классов и при внимательном надзоре за прилежанием девочек отсталых в классе не было.

Лучшие ученицы считали себя обязанными помогать слабейшим подругам и радовались их удачным ответам более, чем своим собственным, для них и для учителей обычным. Соревнование существовало не между ученицами класса, а разве лишь [между] различными классами. Классы же были тесно сплоченными единицами. Честь класса была дорога каждой из входящих в состав его девочек, и потому всякая, по мере сил, старалась сделать что-либо, что поддержало бы и, если можно, повысило бы честь класса. Не было соперничества хороших учениц, а была дружная общая работа их на пользу класса. Для способных девочек усвоение знаний представлялось, при небольшом количестве ежедневных уроков, делом очень легким, но залениться им было некогда. На них лежала ответственность за усвоение уроков менее способными их подругами. Да и самая оценка уроков делалась по способностям девочки: со способной и спрашивалось больше, чем с менее способной. Подобно тому, как утренние занятия рукоделием сопровождалось чтением вслух, так и в продолжение уроков воспитанницы сидели с легким рукоделием в руках. Это нисколько не отвлекало внимания от урока; наоборот: привычные и почти механические движения спиц или рабочего челночка в руках способствовали поддержанию внимания в классе во все время полуторачасового урока (разумеется, эти занятия рукоделием — до вышивания включительно — допускались лишь на тех уроках, где не приходилось иметь дела ни с картою, ни с грифельною доскою, ни с вспомогательными приборами, и лишь на ту часть урока, которая посвящалась спрашиванию выученных ученицами уроков). Уроки происходили всегда в присутствии воспитательницы и часто, особенно в старшем классе, в присутствии начальницы. Говорить о самом способе преподавания каждого предмета в отдельности не входит в мою задачу. Одно могу сказать, что в учебном деле высокопросвещенная Надежда Павловна чувствовала себя на высоте своего призвания и направляла при посредстве учителей все усилия к тому, чтобы пробудить в девочке любознательность и любовь к предмету и по возможности дать ей толковые и связанные в систему ответы на первые появляющиеся у нее критические вопросы. Из учебных предметов некоторые пользовались особым вниманием начальницы. Таковы были, прежде всего, уроки Закона Божия во всех классах училища. Курс Закона Божия проходилась очень подробно, как не проходит он в некоторых женских училищах и ныне. Из исторических предметов она неизменно присутствовала на уроках истории русской литературы, преподаватель которой, заслуженный профессор С.-Петербургской академии К.И. Лучицкий, приезжал на уроки из Петербурга²⁹. Затем

ее любовью пользовались из всеобщей истории уроки из греческой мифологии и истории византийских императоров после разделения империй. Уроки педагогики преподавались законоучителем училища³⁰, уроки физики и естественной истории введены были лишь в конце второго или начале третьего десятилетия жизни училища. Занятия иностранными языками не разрешались покойною Императрицей, настаивавшею, чтобы воспитанницы училища хорошо усвоили себе русский язык. Из искусств в первые годы жизни училища преподавалась живопись: некоторые иконы училищной церкви были работой учениц училища. Но в мое время рисованию (кроме черчения) уже не учили. Пение процветало в училище во все время его существования. И здесь особенность, достойная внимания и подражания: училище не имело избранного хора певчих. Певчими были все воспитанницы училища. Начиная с младшего класса, девочки образовали хор, который постепенно, возрастая и учась петь, достигал возможного совершенства при переходе в старший класс. Хор старшего класса пел на клиросе и, оканчивая курс, уступал свое первенствующее место другому, следующему классному хору. Так можно сказать, что в училище было столько хоров, сколько классов, но вместе с тем (как на общей молитве) все училище образовывало один общий хор, так как руководитель всех этих хоров был один и тот же.

На выразительное чтение прозы и стихов обращалось большое внимание. Главнейшие образцы русской словесности прочитывались в классе учителем словесности, обладавшим замечательно выработанною художественною манерою чтения. Стихотворений знали очень много. При выборе их Надежда Павловна руководствовалась той же главною мыслью — сделать воспитанниц высоконравственными, сострадательными и отзывчивыми ко всякой беде ближнего. Целый отдел стихотворений для младшего класса, с просто изложенными жизненными правилами и примерами, переписывался каждою старшею для своей маленькой, и эти тетрадки тщательно хранились в училище, и я уверена, что большинство воспитанниц, подобно мне, сохраняют их с любовью по сие время. В старших классах изучались наизусть образцовые по мысли произведения лучших поэтов и ораторов. В моей голове живы и до сих пор проникают все мое существо великолепные речи церковных ораторов: Феофана Прокоповича³¹, Георгия Конисского, Иннокентия и др. Чтобы судить, насколько Надежда Павловна была строга на выбор заучивания наизусть, расскажу нижеследующее. Случилось мне, по выходу из училища, приготовленную заданную французским учителем известную басню «Стрекоза и Муравей»³² отвечать Надежде Павловне, — что я должна была

делать каждый раз перед уроком. Когда она прослушала, нашла, что эта басня безнравственна, бесчеловечна. Как можно допустить гибель ближнего с таким злорадством! Не позволила мне отвечать эту басню, а заменила ее другою, из своей тетрадки, подобною, но с иным концом, и с той поры выбор стихотворений для меня взяла на себя, так как, говорила она, нужно учить наизусть только одно прекрасное, чтобы из выученного составился изящный букет, подобный цветочному, что не выйдет из головы в минуты досуга или горестей, давало бы успокоение, смягчало бы сердце и возвышало бы ум. Но главная забота начальницы была обращена на толковое и осмысленное чтение воспитанниц в церкви при богослужении. В нем принимали участие лишь девицы старшего класса, хотя приготавливались к нему начиная с младшего. И приготавливались тем, что усваивали себе из объяснений законоучителя смысл всякого стиха, мысль каждого псалма псалтири, каждой песни октоиха или минеи³³ церковной. Лишь только к концу среднего класса, перед переходом в старший, вполне к тому готовые воспитанницы допускались до участия в чтении и пении церковном.

В 5 часов уроки кончались, и воспитанницы шли полдничать: так назывался второй вечерний завтрак в училище. Полдник состоял опять из молока в скоромные и сбитня в постные дни. Нередко же подавался за полдником лишь черный хлеб и к нему квас и вода. (Я нарочно везде упоминаю о простоте пищи воспитанниц, которые, несмотря на нее, отличались удивительным здоровьем и вполне бодрым и веселым расположением духа. Ропота на пищу не было в училище. Мы все, питаюсь черным хлебом, были сыты, довольны и благодарны.) Лишь в конце второго десятилетия училища чай с черным хлебом и в скоромные дни с молоком стал входить в ежедневное употребление воспитанниц. До 6 часов воспитанницы проводили в залах, а с 6 начиналось приготовление уроков к завтрашнему дню. Все ученицы класса обычно делились попарно для совместного приготовления уроков, причем наиболее способные получали самых неспособных девочек, а средние по успеваемости девочки имели и товарку для учения приблизительно одинакового уровня способностей³⁴. В занятиях с малопонимающими подругами незаметным образом развивался в лучших ученицах педагогический талант: стараясь объяснить урок порученной ее вниманию подруге, девочка инстинктивно употребляла методы и способы, о которых впоследствии узнавала из педагогики. Нужда — лучший учитель. А лучшие ученицы класса в силу необходимости во все шесть лет бывали учительницами своих слабых подруг. Оттого для них самих уроки оказывались уже вполне усвоенною,

переработанною пищей и никогда никакой неожиданный вопрос учителя не мог смутить их. Бывали ученицы, которых учителя спокойно спрашивали на каждом уроке хотя бы из целого пройденного курса и могли быть уверенными в их ответах. Такими ученицами училище, разумеется, дорожило, и в каждом классе отыскивалась не одна таковая. Были уроки, приготавливаясь к которым лучшие ученицы вели за собою целый класс, составляя для подруг записки говоренного учителями или объясняя непонятные места учебника (таких, я помню, особенно много отыскивалось в учебнике физики Краевича³⁵).

Обычно и уроки приготавливались все также при занятых руках. Голова работала, а руки делали свое дело: вязали чулок или что другое подобное. В 8 часов был ужин, состоящий в скоромные дни из супа, а в постные — из супа же и жидкой каши с маслом. В 8½ был звонок на общую молитву. Летом, впрочем, молитва начиналась часов в 9. Время до молитвы после ужина девочки проводили зимою в залах, а летом, в хорошую погоду, в саду. Здесь я помню темные вечера позднего лета и ранней осени, посвящавшиеся любимой девочками игре в разбойники. Жутко замирает сердце, когда идешь, бывало, с избранным вожакom в темь глубоких аллей сада и чутко ловишь каждый звук, выдающий присутствие атамана и разбойников. После молитвы расходились по спальням. Но ранее, чем лечь в постель, девочка должна была пересмотреть к завтрашнему дню полную исправность своего туалета, сложить, гладко выправить свое полотняное белье: передник, рукавички и манишку. В 10 часов училище спало крепким сном людей, заслуживших трудом дня свой ночной отдых. Начальница засыпала не иначе, как обошедши своей легкой поступью все спальни воспитанниц и уверившись, что вся ее семья спит мирным сном, набираясь силою на завтрашний трудовой день. И таким рядом дней постоянного, одушевленного любовью труда училище воспитывало своих питомцев нравственно, умственно и физически.

И один за другим в течение недель, месяцев и лет училищной жизни шли стройным рядом эти трудовые дни, незаметно приводя девочку от дня поступления ее в училище ко дню ее выхода из него.

Праздники и каникулярное время в училище имели свое собственное воспитательное значение, общими удовольствиями и радостями тесно сближая училищную семью. Главною радостью праздничных дней были службы церковные. С самых младших классов девочки приучались дорожить и наслаждаться ими. Другие радости и удовольствия праздничных дней разнообразились, смотря по времени года, но всегда отличались истинно семейным

характером. Как и в настоящей семье, старшие члены семьи училищной в праздники употребляли все зависящее, чтобы порадовать своих детей. Воспитательницы превращались в старших сестер, руководя играми девочек; воспитанницы старших классов придумывали новые игры, разучивали новые песни, составляли любимые тогда шарады в действиях сюрпризом для начальницы и для воспитательниц младших подруг своих; образовывали общие игры, в которых одновременно могли участвовать все желающие. И сколько этих игр существовало в училище! Иные из них требовали ловкости и силы физической, другие развивали соображение, иные сопровождались пением, иные представляли маленькие пьески, разыгрываемые под пение. Игры, сопровождавшиеся пением, составляли главную особенность вечеров рождественских праздников, на которые в большой рекреационный зал училища собирались вместе с воспитанницами все служащие при училище со своими семейными и часто гостями, так что эти вечера вполне достойны были названия семейных вечеров. В первый день Рождества устраивалась елка с подарками от Государыни Императрицы — для каждой девочки каждого класса по несколько различных, сообразных с ее возрастом, вещей, для старшего класса и очень ценных. Главные удовольствия лета составляли прогулки, иногда очень дальние и всегда умело организованные, по чудному Царскосельскому парку и лесу и по примыкающим к ним паркам Павловского³⁶ и Баболовского дворцов³⁷. И непременно участницей этих прогулок была любимая всеми начальница училища. Она была всегда звеном единения училищной семьи. И в играх девочек, не вмешиваясь в них, она одним своим присутствием вносила оживление и удваивала радость детей. Эти общие радости, совместно с общим дружным трудом, сближали питомиц с училищем в такой степени, что разлука с училищем в день выпуска была для многих из них первым горем их молодой жизни.

Но и после выпуска училище продолжает общение со своими воспитанницами.

По привычке окончившая курс царскоселка, сделавшись ли учительницею, воспитательницею, оставаясь ли жить среди семьи своей или же ставши и сама матерью семьи, искала общения с училищем. К нему обращалась в затруднительных случаях, ища указаний и поддержки; с ним делилась выпадавшими на ее долю радостями жизни. А в горе училище составляло прямую и естественную ближайшую опору и помощь, в которой оно никогда никому из бывших питомиц своих, обращавшихся к нему, не отказывало. Но и помимо общения, личного и письменного, светлый образ начальницы

оставался всегдашнею путеводною звездою бывшей ее воспитанницы во всех случаях и обстоятельствах ее жизни. Делая должное, воспитанница ее слышала в глубине своей совести ее одобряющий голос: «Прекрасно, миленькая!» — и смущалась, не слыша его в минуты увлечений и заблуждений. Глубокая нравственная мощь необходима для того, чтобы таким образом стать во святая святых души своих питомиц. Если мне удалось, хотя бы в намеках, дать понятие об этой мощи, хотя бы абрисами удалось мне очертить светлый образ Надежды Павловны на фоне устроенного ее заботами Царскосельского училища для девиц духовного звания, — я буду считать свою задачу посильно выполненною. Пусть будет во всех духовных семьях России благословенно имя первой начальницы первого училища для дочерей служителей Церкви православной, приснопамятной Надежды Павловны, отдавшей все силы свои, всю любовь свою, посвятившей всю жизнь свою благу родного ей училища!

Евпраксия Разумовская
ВОСПОМИНАНИЕ
ОБ УЧЕНЫЕ В ЯРОСЛАВСКОМ УЧИЛИЩЕ ДЕВИЦ
ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ В ГОДЫ 1855—1860

Младший класс

— Д^етушки, — говорит своим подругам одна из воспитанниц младшего класса, — к нам еще привели новенькую, Марию Золотову.

— Где она? Где она? — спрашивают несколько голосов.

— В приемном зале.

В класс приходит начальница и ведет за руку новоприезжую. Воспитанницы все встают. Начальница рекомендует девочку классной даме, а воспитанницы уже окружают свою будущую подругу, начинаются опросы, допросы и наставления, как вести себя; «не выходить из класса без спроса, не разговаривать вслух».

— У тебя, Золотова, — говорит воспитанница, получившая название «Галочки», — номер 20-й, смотри же не забывай, помни. Если спросят: «У кого номер 20-й?» Ты непременно встань и скажи: «У меня номер 20-й».

— А что же такое номер 20-й? — спрашивает Золотова.

— Номер 20-й, это значит то, что ты приехала двадцатой.

— Детушки! А с кем будет в паре ходить Золотова?!

— Со Знаменской!

— Нет, вовсе не со Знаменской, а со мной, — говорит «Галочка».

— Ну уж ты и лжешь, — замечает Знаменская. — Я выше тебя гораздо, и со мной в паре должна ходить Золотова.

— Полно важничать! — кричит «Галочка» и сама поднимается выше на полвершка.

— Хоть померимся, что не ниже тебя!

— А сама зачем на пальцы-то встала?

— Кушать готово! — раздается между воспитанниц при виде двух дежурных, вошедших в класс.

Классная дама встает и говорит громко:

— Вставайте парами и не смейте болтать! — И сама уставляет детей в пары.

— Золотова пусть идет со Знаменской!

— Смотри же, Золотова, помни, тебе со Знаменской нужно ходить парой, не забывай!

Знаменская радуется, а «Галочка» делает ей гримасу. Все воспитанницы, разделенные на три класса, старший, средний, младший, входят в столовую и после пропетой молитвы садятся за столы. Обыкновенно обед состоит из двух блюд.

— Что ты не кушаешь, — говорит «Галочка» Золотовой, — нечего церемониться; всего два кушанья; смотри, голодна будешь; до ужина долго, а за полдником дадут только хлеба с квасом.

— Я молочка похлебаю.

— Да, есть тебе молочко! Здесь ведь не дома, не дадут молочка на заглазочку, да и не говорят — похлебаю, а говорят поем.

Обед кончается, все встают, поют молитву и, оканчивая последнюю ноту, в одно слово кричат: «Покорно вас благодарим».

Старшие и средние уходят в класс, а младшие помещаются в рукодельной комнате, садятся за столы и шьют себе белье. Каждая имеет свою табуретку, свою швейку² — кирпичик, который ни за что на свете не отдаст другой. Золотова сидит за шитьем и плачет. «Галочка», уже успевшая поместиться рядом с ней, шепчет:

— Не плачь, милая, полно же плакать-то! Классная дама увидит, что ты плачешь, забранит. Да полно же. Или уж лучше схорони голову за кирпич, и не видно будет твоих слез.

Шитье в рабочей продолжается с 2 до 5 часов, т.е. до полдника, после которого девочки идут в зал, и свободные до ужина болтают, спорят, играют в куклы, кошки-мышки. Потом ужин, вечерняя молитва, прощанье с начальницей³, которое состоит в том, что воспитанницы целуют ее руку и отправляются в свои спальни. Утром воспитанниц будит звонок в 6 и 7 часов⁴. Все встают в одну минуту и бегут умываться; всем хочется умыться поскорей; но у умывальника стоит дежурная и заставляет умываться по номерам, во избежание крика и ссоры. Одевшись, встают парами по росту и идут за классной дамой в зал. Здесь собираются все три класса, и одна из старших читает утренние молитвы, дневное евангелие, Апостол и жития святых. После молитвы — завтрак, состоящий из кружки молока или сбитня, а потом —

обыкновенные классные занятия, которые начинаются с 9 и до 12 часов, с 2 до 5 вечера. С 6 и до 8 вечера занимаются приготовлением уроков, списыванием лекций и пением.

Первые два месяца, по вступлении в училище, младшие совсем не учатся, их только заставляют читать.

Но вот, наконец, им объявляют, что они будут учить Закон Божий. Перед началом ученья служится молебен. Начальница хотя и объясняет им, что нужно усердно молиться и просить у Бога помощи, но дети рассеянно стоят за молитвой, ничего не понимают и смотрят на свою классную даму: если она поклонится в землю, и они все кланяются; она наклоняет голову во время чтения евангелия, и они наклоняют. Законоучитель начинает первый урок небольшим вступлением о пользе ученья и рассказывает историю сотворения мира. Некоторым уже эта история знакома, но большинство слышит ее в первый раз. Во время урока классная дама подходит то к той, то к другой из воспитанниц и, взявши за плечи, выпрямляет спину и приказывает сидеть прямо и не горбатиться.

За Законом Божиим начинаются уроки чистописания, потом уроки арифметики и несколько позже грамматики и пения, а через год — географии и истории⁵. Историю Ветхого Завета дети учат с удовольствием: она их занимает; но зато арифметику и грамматику ненавидят и зовут ее не ученьем, а мученьем. Сколько труда они употребляют, чтобы выучить определение арифметики; однако добиваются толка и рады-рады, что знают, что такое арифметика; зато определения нумерации никак не могут задолбить; учат, учат, а все не знают. Для большего удобства классная дама пишет на доске крупными буквами: «Нумерация есть та часть арифметики, в которой излагаются правила для изображения чисел знаком или для их выговаривания».

— Ну, учите же, бестолковые головы, — скажет она детям. И бестолковые головы начинают все в одно слово кричать: «Нумерация — есть та...», но классная дама тотчас же останавливает и угрожает наказанием первой, которая осмелится произнести вслух хотя бы одно слово. Все стихают и шепотом продолжают учение. Многие уже выучили и хвалятся перед подругами; но приходит учитель, спрашивает то одну, то другую, и никто не знает этой нумерации. Скажут, что нумерация есть та часть арифметики, в которой излагаются правила, да и остановятся: точно кто отшибет память-то⁶.

Граматику тоже плохо понимают дети. Большого труда им стоит отличить определительное слово от дополнительного.

Начинается писание под диктовку. На первый раз учитель снисходителен; сказывает, где точку поставить, какое слово с большой буквы начать. Писание идет медленно, каждое слово повторяется по десять раз. Наконец тетради отбираются, и учитель читает: «Райская птица чечаво красива. Она жить в Восточной Индее и Новой Двине, окува прилетает на плодоноснии Молуксии острова» и прочее.

— Как вам не стыдно, госпожа Невзорова, писать с такими ошибками, — говорит учитель. — Неужели вы не слышали, что я повторял по несколько раз? Так писать могут только глухие. А у вас есть уши? Отвечайте же, есть у вас уши или нет?

Но «госпожа» Невзорова стоит и молчит.

— Отвечайте же, — говорит классная дама.

И воспитанница пищит:

— Есть!

— Почему же вы не слышали, что вам говорено было?

Опять молчание.

— Я худой вам балл поставлю. — Худой балл ставится, и продолжается чтение в таком же роде и с такими же ошибками.

Проходит год училищной жизни, и дети радуются: «Слава тебе, Господи! Пять годков только осталось жить». В продолжение года происходит много перемен, начинают понемногу развиваться способности, и дети разделяются на старших, средних и младших. Каждая старшая имеет у себя под опекой двух младших, которым она помогает учить уроки и отдает отчет классной даме в прилежании и успехах своих учениц. Средние — это воспитанницы, которые учат свои уроки без помощи других. Это разделение официальное. Но есть и еще разделение тайное, о котором никто не говорит, но которое чувствуется воспитанницами, это разделение всего класса на «патрициев» и «плебеев». К партии «патрициев» принадлежат красивые, худенькие и вдобавок имеющие способности дети; их все любят, и начальница, и классная дама, и наставница по рукоделию. А к партии «плебеев» принадлежат толстенькие, красненькие, которых обычно называют ленивцами, кряжами⁷ и размазнями. После такого обидного эпитета что остается делать красным щекам и размазням? Ничего более, как есть мел, угли и карандаш. И все это, конечно, делается тайно. Хотя мел и невкусен, но к нему привыкают и, к величайшей своей радости, худеют и бледнеют. Что за дело, что иногда за бледность побранит начальница? Зато не назовут кряжем, когда придется мерить новое платье.

Со второго года начинается вышивание в пальцах, которому суждено продолжаться до самого выпуска и по милости которого у каждой пялешницы⁸ впалый левый бок — знак, что в аттестате по рукоделию отмечено будет «отлично». В младшем классе пялешниц немного. Хотя воспитанницы все желают вышивать, но наставницы по рукоделию назначают избранных.

— «Протопопша», за что это тебя в пальцы-то посадили?

— Отступись от меня, «Галчонок»!

— Нет не отступлюсь. Ты лучше скажи-ка, почему пялешницей-то сделалась, ведь не лучше нас грешных?

— Проваливай.

— Ах, ты «Протопопша» — гордячка! Что нос-то свой вздернутый поднимаешь? Ишь, зазналась ручколизница, знаем, за что посадили!

— Твое дело только ручки целовать у старого чепца⁹.

— «Галочка», «Галочка», тебя классная дама зовет.

— Галкина! Сказано было, чтоб не разговаривать, не шуметь, у старших учитель, а ты кричишь? Ты что сейчас говорила?

— Ничего-с!

— Как ты смеешь меня обманывать? Я все слышала. Изволь стоять за обедом!¹⁰

— Ну и постою, экая важность, а всегда скажу, что старый чепец по любви делает, — ворчит про себя «Галочка». За обедом «Галочке» пришлось стоять не одной.

«Раз, два, три», — мысленно считает она, и все из старших. Хоть не одной пришлось стоять, а все же стыдно.

— Что ты не кушаешь, «Галочка»?

— Поди-ка сама поешь стоя-то, «Протопопша» противная.

— Из-за тебя всех только наказывают.

Часто за обедом стоять «Галочке», потому что она часто пачкает чернилами свой передник. Ох, уж этот передник! Зачем это выдуманы белые передники! Маленькую капельку капнешь, а она разойдется.

«Галочка» любит поболтать, посмеяться в спальне, здесь ей привольно; сидит на своей кровати и разговаривает, по-видимому, так серьезно, с такой миной, будто урок объясняет, а подруги ее так и помирают со смеха.

— Да перестань же, «Галочка», нас смешить!

— А воля вам смеяться, — скажет «Галочка» и продолжает свои балясы.

Наступила первая неделя Великого поста, время говенья воспитанниц, и «Галочка» призадумалась. Прошлый раз она исповедовалась просто, т.е. ду-

ховник сам спрашивал ее грехи, а в этот раз ей предстоит самой написать свои грехи, чтобы не позабыть ни одного. Но вопрос, как писать и что писать? Некоторые из ее подруг уже написали до 40 грехов. «Галочка» запаслась катехизисом Филарета¹¹, прочла заповеди по несколько раз и молча написала только три греха.

— «Патракеевна», ты все написала грехи?

— Полно, «Галочка», и не принималась, не знаю, что писать, лучше пойду без записки.

— И... нет, «Патракеевна!» Как идти без записки, ведь половину грехов не скажешь! А как же причащаться-то? Бог не допустит.

— Что же мне делать?

— Не знаю. У меня самой написано только три греха.

— Детушки, детушки! Я у «Сретоши» взяла грехи, у ней все списаны.

— Ну читай скорей, — кричат воспитанницы. Все стихли и запаслись карандашами и бумагой.

(Ропот между воспитанницами считается величайшим грехом.)

— Роптала на начальницу.

Роптала на наставниц.

Роптала на учителей.

Ленилась учить уроки и т.п.

Грехи списаны и сосчитаны:

— Господи! 40 грехов! Этакая страсть! Этакие мы грешницы!

— А у начальницы так поди ни одного греха. В чем ей исповедоваться? Она такая святая, точно ангел.

— Детушки! Как бы нам не грешить, не роптать, не пересуждать?

— Да удержаться трудно. Как не пороптать, когда по любви делается.

В день исповеди воспитанницы собираются в зале, и начальница, ставя их рядом по росту, объявляет, что во время пения причастного стиха¹² должно встать посреди церкви перед алтарем, сделать три земные поклона, потом, обратясь назад, три поясные поклона предстоящим в церкви и, наконец, обратясь к царским вратам, опять земной поклон. Эта репетиция продолжается по несколько раз, потому что воспитанницы, особенно младшие, никак не могут в одно время кланяться, одна прежде, а другая после поклонится, одна сделает поклон, на четверть не доставая головой до полу, а другая, в порыве усердия, так и стукнет лбом о пол. Когда же начнут делать малые поклоны, тут уже все смешается, даже разобрать нельзя, одни в одну сторону кланяются, другие в другую, одни начинают только, а другие уже

кончили. Но начальница терпелива. До тех пор заставляет кланяться, когда все уже поймут тайну ровных поклонов.

Вечером начинается исповедь. Духовник сам читает записки и находит, что в грехах-то есть еще грехи, но грехи не против Бога, а против учителя грамматики. В этот вечер все воспитанницы унылы, вздыхают и охают о своем окаянстве, что, впрочем, не мешает им замечать, сколько минут продолжается исповедь какой-нибудь «Протопопши» или «Патракеевны».

После исповеди все уходят в спальню, сжигают свои грехи на свечке и тихо ложатся спать. Им уже не до разговоров, у каждой сладко и легко на душе. Утром встают и ждут не дождутся обедни. За службой молятся усердно. Только как придет время выходить на средину церкви, тут и струсят, побледнеют, а сердце так и забьется. «Ну, — думает каждая из них, — что, если я недостойна причаститься, что, если ангел не допустит меня к чаше святой, что, если страшная сила будет меня отталкивать от амвона?»

Первая причащается начальница, потом классные дамы, а за нею и воспитанницы. После причастия все веселы, счастливы, поздравляют и целуют друг друга. Этот день велик в жизни воспитанниц. Всё соединяется вместе в одну семью, и начальница, и классные дамы, и воспитанницы. Нет старших, нет младших, нет первых, нет последних, нет прилежных, нет и ленивых. Все равны, и все счастливы. Но этот-то счастливый день, как нарочно, и проходит скоро. Снова старшие и младшие, прилежные и ленивые. Снова колкие выговоры, наставления, наказания и требования дисциплины.

Средний класс

Прошли два года. «Галочка» и ее подруги переведены в средний класс. Они уже называют друг друга не детушками, а — детьми. Куклы и мячики давно оставлены; теперь некогда заниматься такими пустяками. Прощай, младший класс!

В среднем классе приходится трудно. Сначала экзамены, потом прибавляются новые предметы: славянский язык, словесность и сочинения. Сочинения воспитанницы терпеть не могут, особенно сначала. Первой темой всегда бывает «Весна», потом «Лето», «Осень» и «Зима». «Весна», что за чудовище эта «весна»? Что о ней писать? Учитель объясняет, что с весной природа начинает оживать, деревья распускаться, травы зеленеют. Все это так, но еще-то что же писать? Учитель говорит, что каждая должна сама что-ни-

будь придумать, а не обращаться к нему с вопросами, сама должна изложить свои мысли или в виде рассуждения, или в письме к своей подруге. На первое сочинение дается две недели. В продолжение этого срока только и слышны разговоры и суждения о предстоящем сочинении. Кто говорит, что лучше писать рассуждением, кто говорит лучше повествованием, а кто — лучше письмом, потому что в этом роде сочинение увеличится несколькими строками. Разговорам и спорам не бывает конца. Скорее всех написала «Галочка». Вот ее сочинение:

«Милая подруга Маша!

В этом письме я хочу поговорить с тобой о весне. Что за чудесное время весна! Деревья распускаются, травы зеленеют, начинают появляться цветы, птички прилетают и поют различные песенки, все оживает, все радуется. Я очень, очень люблю весну; как она хороша, что прелесть, как тепла! А солнышко так и греет всех своими лучами! Милая весна! Зачем она так непродолжительна? Я не люблю ни осени, ни зимы, в это время так скучно, так холодно и погулять нельзя. Прощай дорогая Маша! Не забывай своими письмами подругу твою, Лизу Галкину!»

Учитель прочитывает сочинения не в классе, а у себя дома, поправляет ошибки, зачеркивает ненужное и ставит внизу сочинения балл.

Настают именины начальницы, и воспитанницы готовят ей подарки своей работы¹³. Вместе с подарками должна каждая написать поздравительное письмо. За три недели до именин классная дама объявляет, чтобы воспитанницы сочиняли свои письма скорее и чтобы писали «Бесценная благодетельница», если же кто опоздает и не подаст вовремя свое сочинение, то оно не будет поправлено.

Но как сочинить письмо и что писать, воспитанницы не знают, потому что приводится писать в первый раз. Что же делать в таком случае? На общем совете решено послать депутацию к старшим воспитанницам и попросить у них поздравительных писем. Сказано — сделано. Посланные возвращаются с радостью и несут несколько экземпляров писем.

Одна воспитанница читает принесенные письма, а прочие все слушают да похваливают: «Хорошо сочинено! Как бы нам так сочинять. Списать бы эти письма». Но большинство говорит, что списывать нельзя, потому что писем немного и всем не достанет; лучше самим сочинять. Да и что за мудрость? Сначала поздравлять, потом молить Бога, попросить прощения, и конец. Все это придумывается в один вечер, но сочинение продолжается несколько недель. Случается, что классная дама получает два-три письма

совершенно одинаковые; точно списанные одно с другого, в таком случае все три письма отдаются назад с приказаньем пересочинять. Тут-то пойдет годоволомная работа! Воспитанницы делаются серьезными, все думают, все сочиняют. Сколько бумаги исписывается, сколько карандашей изрезывается, и не посвященный в таинства таких сочинений может подумать, смотря на физиономии двенадцатилетних писак, что здесь раскрываются тайны мироздания: так все углублены в свои сочинения.

«Галочка», забравшись в угол, села на пол и заткнула свои уши ваткой, чтоб беспрепятственнее погрузиться в мир мышления. До именин осталось всего три дня, и «Галочка» напрягает все свои силы, чтобы поскорее сочинить. Пописала немножко, да и остановилась. «Что же дальше-то писать? Очень мало письмо-то выйдет, надо еще что-нибудь прибавить». Но прибавление никак не придумывается, и «Галочка» с досады кусает свой карандаш. «Что бы такое придумать?» «Галочка» постукала кулаком в лоб, авось, может, что и выйдет оттуда. Наконец «Галочку» бросило в пот, а письмо все еще не кончено. «Что за окаянная у меня голова; ничего не может придумать». И просидела «Галочка» в таком положении три часа.

Ох, как устала! Насилу написала. Слава тебе, Царица небесная!

«Теперь только как бы поправить, перепишу помаленьку» — «Галочка» подала свое сочинение классной даме, которая тотчас же прочитала.

— Так и знала: все одно пишут, точно сговорились. Как тебе не стыдно, Галкина! Ты, верно, у кого-нибудь списала?

— Нет-с, я сейчас только кончила-с и ни у кого не списала-с.

«Слава Тебе, Господи! Сбыла с рук; теперь уже не заставят пересочинять». Письмо же, над которым трудилась «Галочка», было следующим:

«Бесценная Благодетельница!

Позвольте мне, вместе с моими подругами, принести Вам искреннее мое поздравление с незабвенным днем Вашего Ангела и пожелать Вам от Бога всех благ. В день Вашего Ангела молитвы мои с особенным усердием будут возноситься к престолу Всевышнего о сохранении Вашего драгоценного здоровья. Простите меня, моя Благодетельница, когда я огорчаю вас своими дурацкими поступками и тем самым расстраиваю Ваше слабое здоровье. Позвольте, несравненная Благодетельница, уверить Вас, что всегда будет стараться исправиться воспитанница Ваша Елизавета Галкина».

Классная дама прочитала и поправила письма всех воспитанниц; она же дала воспитанницам по листу почтовой бумаги. Но детям этого, конечно, мало; им нужно до десяти листов. Начинается переписка и неминуемое след-

ствие этой переписки — слезы. Да и как не плакать. Перьев хороших нет, бумаги — тоже. Станут писать со страхом и трепетом, не торопясь, а глядишь, и ошибка, — либо слово пропущено, либо дважды одно и то же, либо капочка капнула, — и письмо испорчено, надо переписывать, а бумаги нет. Что делать? Сначала просят бумажки у своих же подруг, которые побогаче и которые имеют возможность купить бумаги, если здесь получают отказ, то отправляются к старшим; но у старших терпится еще больший недостаток, так как они должны писать свои письма не на «маленьких», а на больших листах. Бумаги нет — Господи, что же будет!..

Нужно иметь особенное присутствие духа, чтобы не заплакать в подобных случаях. Однако к торжественному дню именин все было готово, все кончено, хотя бы ради этого привелось и ночью не поспать. Что за важность? Можно и после выспаться. Нельзя же не кончить к именинам манишек, подушек, туфлей и т.п. Подарки и письма кладутся на стол, туфли у кровати, подушки на диван, манишки на туалетный стол. Это размещение делается вечером во время всеношной, когда начальница в церкви, для того чтобы, когда она войдет в свою комнату, эффект был полнее, сюрприз неожиданнее.

После трудов бывает отдых. Так и воспитанницы в день именин своей начальницы отдыхают, не учатся, не работают. Утром их угощают чаем, а вечером лакомствами. Начинается достопамятный обед именинницы, и воспитанницы, старшие и средние, встают по голосам в соседней столовой комнате, учитель пения уже с ними; да и как обойтись без него? Он рассказывает, когда петь «Отче наш», когда концерт, который разучивается тайно от начальницы, и сколько раз — «многие лета», иначе воспитанники все бы перепутали, во время пирожного спели «Отче наш», а во время жаркого — «Многие лета».

С среднего класса у воспитанниц являются свои любимые учителя, и воспитанницы разделяются на маленькие общины. Цель этих общин заключается в том, чтобы всегда хорошо знать урок своего любимого учителя и защищать права и преимущества своей общины и своего учителя. Если враждебная партия найдет и заметит смешную сторону любимого учителя, если она осмелится посягнуть на авторитет знания любимого учителя, то горе этой враждебной партии.

Против нее возрастает буря насмешек и наглостей. Каждая община любит только одного своего учителя, о прочих отзываются холодно. Да и как, например, можно любить учителя грамматики! Он всегда такой смешной. Если заставит разбирать слово «стол», то непременно спросит: — «стол» как

начало и, не дождавшись ответа, скажет: «Так и начало». Точно уже без него воспитанницы не знают начала слова. Как можно любить и учителя географии? Ему пришлось однажды рисовать Азиатскую Турцию, и именно заливы: Адрамыцкий, Сандарлыхский и Смирнский; названия же этих заливов он забыл, никак не мог вспомнить, подошел к воспитаннице и преспокойно попросил тетрадки, под тем предлогом, чтоб лишнего чего-нибудь не объяснять. Как же тут любить? Будто воспитанницы такие простушки, что не могут понять, что учитель их морочит.

Воспитанницам позволяется учить уроки в спальне до 10 часов вечера. Обыкновенно все с тетрадками садятся на пол около одной свечи. «Галочка» всегда сидит впереди всех около свечи, это ее место, и никто не отнимает его.

— Сегодня, дети, нам позволили сидеть до половины 11-го часа, потому что завтра четыре урока.

— А ты, «Галочка», что учишь?

— Да географию.

— А историю выучила?

— Выучила.

— Видишь, какая у тебя память большая: третий урок учишь.

— Как же, большая; а за что без кушанья оставили?

— Разве и ты завтра без второго?

— На вот! Разве ты, милый друг, не слыхала?

— За что тебя наказали?

— Известно, за что — за славянскую грамматику. А еще, говоришь, память у меня велика. Я вчера еще учила этот глагол «быть» вот здесь, потом утром встала, начала его повторять, и ничего не знаю; опять принялась учить, выучила, и опять забыла; как стану другой урок учить, и забуду; после обеда опять учила; кажется, уже хорошо знаю, а как стали спрашивать, то все и позабыла; одно только «изъявительное» рассказала; по порядку-то никак не могу запомнить.

— Ты бы, «Галочка», не долбила, так лучше поняла.

— Знаем без вас, госпожа наставница; хорошо у тебя чугуи-то велик, а памятише-то, я думаю, пуда полтора будет, еще бы тебе *первой* не знать. Ты бы с моей памятью поучила бы эти *быхова, быста, быша*. Пожалуй, и была бы без второго.

— Какие завтра кушанья, Маша?

— Не скажу.

- Что тебе, жаль, что ли? Не отвалится язык.
- Не скажу.
- Ну и не надо, и не просят! Мы лучше другую дежурную спросим.
- «Голубчик», какие завтра кушанья?
- Голубева, не сказывай!
- «Голубчик», скажи!
- Суп перловый и картофель с маслом.
- Уж кушанья; не могли придумать получше!
- Вам-то все же два кушанья, а мне одна *перлятина*.
- Неужели ты будешь ее есть, «Галочка»?
- Как же! Уж лучше хлебца поем, а перлятины и в рот не возьму¹⁴.
- Дети, скажите, что не можем выучить кантонов Швейцарии. Я учу, не могу выучить.
- Что сказывать-то! Не думай, не помилуют, скажут «учите», да и только.
- Я знаю, как легче учить.
- А как, скажи, «Галочка», сделай милость!
- Только первые три кантона мудрено выучить, а потом легко.
- Да ну скажи, как?
- А вот как: Апенцен — похоже апельсин; как Апенцен забудешь, так стоит вспомнить апельсин, а от апельсина доберешься и до Апенцена, Глярус — стеклярус, Граубинден — грабят, Тессин — тес, Валисс — вались.
- Этак хорошо учить, скорее запомнишь; только как по порядку-то выучишь?
- А вон как: сначала выучить три кантона твердо-претвердо, потом еще три, а потом сначала все шесть; как шесть выучишь, еще три, так все двадцать кантонов можно проговорить не останавливаясь.
- Нет уж лучше по карте учить.
- Как бы не так, я по карте все знаю, где какой кантон находится, хоть сейчас нарисую, названия-то только трудно выучить.
- Но вот в спальню вошла классная дама, и воспитанницы все стихли.
- Вы, кажется, только и дела делаете, что болтаете целый вечер, а еще просились посидеть — посидеть подольше. Ложитесь спать без разговоров! Я еще приду осматривать.
- Вот и проболтали, и ничего не выучили эти болтушки, да и другим не дали учиться, а все эта «Галка».
- Ну уж, занервничали эти первячки; не любо, так и не слушали бы, — сказала «Галочка», вставая, и преспокойно пошла к своей кровати, положи-

ла тетради свои под подушку, чтоб не заспать выученных уроков, встала на колени и начала читать молитву своего сочинения: «Господи, помоги мне выучить уроки! Господи, дай мне разумье и память! Господи, помоги мне отвечать уроки!» Точно с такой же просьбой обращалась она и к Божьей Матери и к Сергию Радонежскому¹⁵; потом молилась за родных, вставая, крестила кроватку, и легла спать. То же делали и все воспитанницы. У каждой кроватки был повешен маленький образок, которому молились и который целовали, ложась спать. Эта молитва была произвольна, не положенная, но усердная.

— Дети, разбудите меня завтра пораньше!

— «Голубчик», разбуди меня; ты будешь же завтра вставать!

— И меня, и меня, — говорят в один голос дети.

— Ладно, всех побужу; смотрите только вставать, а не то и будить не стану!

— Прощайте, детушки! — и после этого все заснули.

Воспитанницы почти все уроки списывают с записок учителя¹⁶. Эта-то переписка и отнимает много времени. Когда нет класса, тогда вместо [того,] чтоб учить урок, нужно еще приготовить его, нужно списать. Обыкновенно одна из воспитанниц пишет лекцию мелом на доске, а прочие списывают, кроме пялешниц, у которых иногда бывают спешные работы и которые дописывают свои уроки в спальне. Вставши в три или четыре часа ночи, пялешницы берут свои табуретки, чернила, перо и тетради и устраиваются до 10 человек, около одной сальной свечи, встают на колени и начинают писать. Кажется, как можно так писать? Очень можно. Что ж за беда, что только полкисти правой руки помещается на табуретке? Ничего, все же рука действует, пишет. Тут есть своего рода картина. — Все спят, тихо, точно в могильном склепе, только и видна жизнь в скрипе перьев да в перелистывании страниц, на лицах же этих тружениц видна одна мысль, одно желание дописать свой урок и сравняться с подругами. — Летом это писанье несколько улучшается. В четыре часа уже светло, и потому можно писать или на окошке, или на складных табуретках, не теснясь около одной свечи.

Часто бывают спешные работы, когда воспитанницы должны вышивать не только за классами учителей, но и во все продолжение дня. Приведется, например, начальнице у кого-нибудь крестить, а для этого необходимо нужны и вышитая рубашка, и вышитый чепчик, и вязаное одеяло. Непременно последует распоряжение купить нужный для работы материал, приготавлиются пяльцы, пришиваются узоры, и пошла кипеть работа спешная, задор-

ная и к сроку назначенная¹⁷. Конечно, можно было бы обойтись и без трудов воспитанниц, можно бы купить эти вещи в магазине, но тогда бы воспитанницы не умели вышивать детских чепчиков и рубашек, а им ведь придется иметь когда-нибудь детей, потому что их назначение — быть женами сельских священников. Как же не учить воспитанниц такому необходимому рукоделию? Ведь в деревне никто не умеет вышивать гладью, а вышитая рубашка необходима для ребенка. Знание — полезно.

И вот в силу этого правила воспитанницы умеют хорошо вышивать и шелками, и шерстью, и гладью, и золотом, а не умеют сшить не только подрясника: где им дойти до такой мудрости, — но не умеют и ряски кое-как сковырять, не имеют понятия, как кроится ряска. И для этого-то знания убивается много времени, которое можно употребить на более полезное занятие, тратится молодое детское здоровье, портится еще не сформировавшаяся детская грудь. И начальство и воспитанницы убеждены, что это знание не только полезно, но и необходимо. Только по выходе из училища это убеждение меняется. Что, например, может сделать воспитанница с вышитыми бархатными туфлями, если предположить, что на материал достанет она деньги? Конечно, она сама их никогда не наденет: такая роскошь немыслима; да и что за удовольствие расхаживать в бархатных туфлях по бревенчатому полу в деревенской церковной сторожке, так как очень часто молодому священнику за неимением своего дома приходится жить несколько лет или в сторожке, или в избе мужика; ей нужно их продать, чтоб получить лишнюю копейку, но кому она может продать эту дорогую игрушку, где найти покупателя? Тот, кто носит бархатные туфли, живет не в деревне; деревенские бабы с удовольствием посмотрят на эту игрушку, пощупают, поглядят, поохают, похвалят да отойдут прочь. Следовательно, остается единственное верное средство добыть лишнюю копейку шитьем платьев и сафанов деревенским женщинам и девицам, а никак не вышиванием.

Старший класс

Старший класс! Как заманчиво это слово для сердца воспитанницы! Перейти в старший класс считается чуть ли не Геркулесовским подвигом. В старшем классе воспитанницы уже не дети, а девицы, которые считают себя выше меньших своих подруг и составляют что-то среднее между младшей воспитанницей и классной дамой.

Старшие воспитанницы имеют право не совсем исправно ходить парами, т.е. классная дама не наказывает, если задние пары перемешаются или отстают.

Со старшего класса уже окончательно отделяются последние, слабые ученицы, называемые последышками, которых бывает шесть или восемь в классе, которые, убедившись, что они последние, не учат своих уроков и апатично выслушивают всякие выговоры, и от начальницы, и от классной дамы, на том основании, что не всем же быть первыми, надо же кому-нибудь быть и последними, и что они, последышки, как бы ни старались, как бы ни учились, а все кончат последними, так уж лучше не беспокоить себя, лучше не учиться¹⁸. Подруг же своих непоседышков они зовут первыми, первьячками и горячками и делают вид, что совершенно ко всему равнодушны, что им все равно получить какой-нибудь аттестат, и с презрением смотрят на первых, которые изо всех сил бьются, учатся, чтобы получить хороший аттестат и кончить из первых. — Из-за чего бьются эти первые? Ведь только в училище и отличают первых, а дома решительно все равны, может быть последние-то будут лучше первых. По чему узнать? Чего на свете не бывает. Они здесь блаженствуют, им отличия и почет от всех, а дома-то, может быть, мы счастливее их будем. Всего же обиднее бывает последышкам, когда их отдают по две под опеку к первым. Эти первые нетерпимо поднимают нос, гордятся, т.е. заставляют списывать лекции и учить уроки.

Мы последние! Что кому за дело до нас! Мы отребье мира, пятно всего класса, нам на роду написано быть последними. Чего от нас добиваются?

Когда нет учителя, последышки обыкновенно собираются все вместе на заднюю парту, болтают и редко учатся.

— «Шутка»! Ты знаешь историю?

— И не принималась!

— Полно, лжешь, а сама поди давно выучила.

— Как же! Вот, ей-ей, не принималась; только посчитала, сколько листов задано. Куда нам учиться, последышкам! Заодно столбом-то стоять!

— Что, девицы, все болтаете, не учитесь?

— Покорно — спасибо, «Розанчик»! Ты первая да еще из первых первая, ты и должна учиться; честь тебе и слава; и в выпуске за аттестатом пойдешь первая. А мы что? Отребье мира, после последышки. Зачем нам учиться?

В старшем классе воспитанницы учат риторику, но учат решительно потому, что им приказывают учить. Они знают все фигуры речи, тропы, мета-

форы, синекдохи и гиперболы и положительно не понимают пользы этого знания.

Делали же они сочинения прежде, не зная риторики; если и были ошибки, то те же ошибки могут встретиться и теперь, — после изучения риторики.

Слава Тебе, Царица Небесная, кончили и риторiku!

И зачем только нужно было ее учить? Уж если вот здесь во лбу мало мыслей, так никакая риторика ничего не поделает.

— Девицы! Неужели все сочинители тоже учили риторiku?

— Конечно, не учили!

— А почему знать!

— Как почему! Учат риторiku только у нас в училище да в семинариях.

— На что же она нужна?

— Бог знает на что.

— Девицы, о чем «Галочка» плачет?

— Известно о чем: начальница побранила.

— «Галочка», о чем ты? За что тебя бранили?

— Вот все из-за Розовой. Выдумала за классом чепчик мерить. «Дай, — говорит, — «Галочка», померить, боры¹⁹ сравнить». Я только что надела, гляжу... начальница идет ко мне. «Как тебе, — говорит, — не стыдно при учителе надевать спальный чепчик?» И пошла, и пошла... Потом классной даме что-то еще говорила. А классная дама тоже меня бранить, из-за тебя, говорит, только выговоры получай.

— Ну так что за важность, не наказали, пройдет.

— Уж лучше бы наказали, а то, пожалуй, балл по поведению убавят.

— Что вы в кучу встали, — раздался голос классной дамы, — садитесь по местам, сейчас учитель будет! Нечего слезы-то проливать, госпожа Галкина, сами виноваты, что вздумали надевать спальные чепцы при учителях.

«Ну теперь беда, — думает «Галочка», — два раза побранили, в третий раз не миновать».

Старшие воспитанницы знакомятся со светской литературой. Начальница читает им «Старосветские помещики»²⁰, «Робинзон» без пропусков, «Параша, дочь сельского священника»²¹ с пропусками. Три книги, и только! Что делать! Хорошего понемногу. Воспитанницы с удовольствием слушают это чтение. Им хотелось бы и еще что-нибудь услышать, и они убеждены, что должны быть много хороших и интересных книг, которые им недоступны. Но начальница больше читать не находит нужным, а воспитанницы и по-

читали бы, да некогда: уроки, пяльцы, пение; все это вместе столько отнимает времени, что нет ни минуты свободной. Сначала воспитанницы любят петь, но в старшем классе пение им надоедает. Пять лет поют и все учатся. Не довольно того, что воспитанницы умели хорошо и отчетливо петь всю церковную службу и знали до полдюжины херувимских²², нет, этого мало; нужно, чтобы воспитанницы пели концерты, и пели не кое-как, а верно, точно, не ошибаясь ни в одной осьмушке. Все это делается с благовидной целью научить девиц пению, а в самом-то деле для того, чтобы блеснуть. Ведь можно же хорошо петь, не зная концертов?

Все знания воспитанниц ограничены учебником, дальше которого они ничего не знают. Сами воспитанницы сознают, что им мало того, чему учат учебники, знают они еще и то, что дома, по выходе из училища им негде будет взять книг; знают, что училищная библиотека имеет много полезных книг, и, при всем желании читать, не могут пользоваться книгами, потому что для чтения они имеют только шесть свободных дней в году. Из учебников воспитанницы знают, что Державин²³ служил в Преображенском полку, потом перешел на гражданское поприще и на нем достиг высших чинов и должностей: «...был губернатором сначала олонецким, потом тамбовским, статс-секретарем, сенатором и министром юстиции в чине действительного тайного советника; что Державин — величайший поэт, что у Державина в духовных одах его чувства и воображение нередко принимают самый выпрепленный полет, что его ода “Бог”²⁴ полна высоких мыслей и блистательных изображений, и по местам, особенно в заключении, представляет самые разительные черты истинного, глубочайшего вдохновения». Державин велик, потому что воспитанницы учат три сочиненные им оды, между тем как из прочих писателей учат по одному и по два стихотворения. Никакой поэт не может сравниться с Державиным в следующих стихах из оды «На взятие Варшавы»²⁵:

Ступит на горы — горы трещат;
Ляжет на воды — воды кипят;
Граду коснется — град упадет,
Башни рукою за облака кидает, — и проч.

Воспитанницы любят учить литературу, потому что в ней много духовных речей и стихов. Стихи особенно им нравятся; только произносить их очень трудно. Начальница сама учит, декламирует все стихи, начиная с Ломоносова. И достается же ей. Но как она ни читает, как ни объясняет, а все

воспитанницы декламируют неудовлетворительно. Доходит очередь и до оды «Бог»: тут просто беда! Даже жаль начальницу: так измучится, так устанет. И хоть бы было из-за чего хлопотать, хоть бы воспитанницы наконец-то поняли тайну декламации; так нет, никак не умеют отличить звательного падежа от именительного, никак не могут настоящим образом произнести:

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!

Что, кажется, за мудрость? Очень просто. Воскликнуть, а не спросить. Но воскликнуть от полноты сердца, бестолковые воспитанницы никак не понимают. То одна заговорит басом, точно певчий архиерейский, а другая запищит неестественным дискантом, даже смешно. Если б не начальница, воспитанницы разразились хохотом. Пропищит: «Твое создание я», — да остановится, сама сознает, что скверно, что не в ту нотку попала.

За год до выпуска воспитанницы начинают шить себе приданое, сначала белье, а потом платья. И белья и платьев дается всем поровну, только неодинакового достоинства; хорошим ученицам дается лучшее, а последышам худшее²⁶. Начальница дарит каждой воспитаннице черепаховую гребенку²⁷. Эти гребенки раскладываются в комнате начальницы, которая вызывает за подарком трех лучших учениц, чтоб они выбирали любые гребенки, потом — еще трех, и т.д. Воспитанницы возвращаются в класс счастливые и довольные; только последышкам несчастливится: их вызывают всех вместе и отдают оставшиеся гребенки. Последышки сильно протестуют против такого унижения.

- Все узнают раньше, что мы последние!
- Не нужно нам ее гребенок! Проживем и без них.
- Ведь гребенки не аттестаты; можно раздать и без отлички!
- Дарить, так не корить.
- Девицы, не будем никогда надевать ее гребенок.
- Не будем, не будем!
- Скажут: завтра надевать новые платья и черепаховые гребенки, а мы только платья наденем, а гребенок ни за что на свете. Спросят: отчего в прошлых гребенках? Мы скажем, что бережем черепаховые.
- Девицы, вам и не стыдно так говорить!
- Ни крошечки не стыдно! А зачем нас отличают?

— Отличай нас на выпуске, в аттестате, а не в гребенках. Ну ее с подарком-то!

— Стыд и срам на все училище! Младшие скажут: «Всех вызывали по три, только последышков вместе; все выбирали самые хорошие гребенки, только последышки за оборышем ходили». Не говорите же нам ни слова, ведь мы отребье мира, пятно всего класса.

Наконец наступает самое тяжелое томительное время для воспитанниц, время последних выпускных экзаменов, когда требуется строгий отчет всего пройденного в шесть лет. Экзамены начинаются по воле начальницы через два и три дня. Всех экзаменов 24. Пред каждым экзаменом воспитанницы уходят в спальню и читают акафист Иисусу и Божьей матери, впрочем, эту молитву позволяет только та классная дама, которая сама училась в училище²⁸.

Среди класса ставится стол, на который кладутся билеты или вопросы и лекции того предмета, который назначен для экзамена; за столом ставится кресло для начальницы и два стула, один для классной дамы, другой для учителя.

Является учитель, входит в класс начальница, и экзамен начинается. После прочитанной молитвы пред учением воспитанницы садятся на свои места и хранят глубокое молчание, все тревожны, все взволнованны, все с напряженным вниманием следят за начальницей, кого первого вызовет она. Наконец среди всеобщей тишины громко называются пять воспитанниц. Как страшна эта минута! Каждая из воспитанниц лучше решилась [бы] идти на страшный суд, чем идти к столу за билетиком. Положение первой названной самое грустное, не успеет она взять дрожащей рукой билет, не успеет прочитать билет, как ей нужно отвечать без остановок, без пропусков, потому что начальница часто заглядывает в тетрадку, подсказать тоже нет никакой возможности. Большею частью воспитанницы отвечают или «отлично» или «весьма хорошо», даже последышки получают бал 9 и 10²⁹. Экзамен продолжается два месяца и более, в это время воспитанницы от постоянных напряженных занятий, от постоянной тревоги и замирания сердца, от недосыпанных ночей страшно худеют и бледнеют. И как долги, как нескончаемы эти два месяца! Зато уже, когда кончится последний экзамен, воспитанницы не верят, что действительно все кончено; нет, они бессознательно ждут, что еще и еще будут экзамены, все они в каком-то угаре, они не могут понять, что не нужно уже брать в спальню тетрадки, не нужно усаживаться в

кружок и учиться. Только утром, проснувшись в 8 часов, убеждаются, что действительно все кончено, потому что они проспали так долго.

— «Галочка», что это у меня сердце-то не перестает болеть?

— У меня у самой, Маша, нет-нет, да и занает, о чем бы, кажется, уже все кончено.

За день до выпуска назначается публичный экзамен.

В 11 утра приезжают губернатор и другие чиновники, несколько дам высшего круга и в половине 12-го сам преосвященный. Посреди зала поставлен стол и накрыт красным сукном, на столе положены аттестаты воспитанниц, список их фамилий, тетрадки чистописания и несколько экземпляров сочинений; за столом поставлен ряд бархатных кресел — для аристократии, за креслами ряд кресел для учителей и классных дам; воспитанницы же помещены на табуретках. Сначала воспитанниц спрашивают Закон Божий. Преосвященный задает им вопросы, сам же назначает некоторым воспитанницам и темы для сочинения, например «Кольцо», «Добродетель», «Царь» и «Солнце». Сочинения пишут мелом на доске и по окончании экзамена читают. Экзамен продолжается три часа, все устают, все утомляются; губернатор перекидывается словами с соседом чиновником; дамы от нечего делать вертят веерами, читают программы предметов и лорнируют воспитанниц, устает и преосвященный.

— Будет, довольно, — скажет он, и все встают, экзамен кончается, воспитанницы поют «Отче наш», концерт и прощальный гимн; потом преосвященный раздает аттестаты и, благословивши воспитанниц, уезжает, а за ним уезжают и все званые посетители.

Кончился шестилетний труд!

В день выпуска старшие одеваются в белые кисейные платья и в последний раз поют обедню. Законоучитель напутствует их прощальным словом: «Будите мудри яко змия, и цели яко голубие»³⁰. На обедню приходят родители и родственники выходящих воспитанниц, все они не столько молятся, сколько глядят на воспитанниц. Протоирей в шелковой рясе стоит впереди и с гордостью смотрит на свою милую дочь, сзади его, в короткой суконной рясе, стоит сельский священник и с уважением смотрит на свою дочь; а там еще сзади стоит вдова-просворня и с благоговением смотрит на свое сокровище, Катеньку, и думает: «Кабы покойничек был жив. Не встанет, не полюбуется на свое дитяти!» Обедня³¹ кончается; все идут здороваться к своим родственникам. Подошла и Катенька к своей матери и поцеловала у ней руку.

«Что ты, Бог с тобой, моя радость! Черствую руку вздумала целовать! Лучше в губы-то меня поцелуй, солнышко мое красное».

В два часа бывает прощальный обед, за которым воспитанницы в первый раз пьют шампанское.

Наконец нужно расстаться с училищем... Господи, сколько истинных непритворных слез! Всякая ничтожная вещь получает цену: жаль расстаться и со своей кроваткой и табуреткой; жаль расставаться и с своей прачкой, — ведь она была небрачужка, жаль расставаться и с средними и младшими; но всего мучительнее, всего тяжелее расстаться со своими подругами, и особенно со своими друзьями. Бог знает, приведется ли еще свидеться. Обещаньям и просьбам вести постоянную переписку нет конца. Жаль расстаться с начальницей, потому что от нее воспитанницы слышали не одни сухие выговоры, а иногда и слова материнской любви³². Только с классной дамой расстанутся почти равнодушно; во все продолжение шести лет, кроме обычного спрашивания уроков, наставлений и выговоров, классная дама ничего больше не сказала; ей даже было совестно заговорить о чем-нибудь постороннем, ей даже было стыдно смеяться вместе с воспитанницами; она держала себя далеко от них, чтоб не уронить перед детьми, чтобы не позволить фамильярности. Исключения, очень редкие, бывают за теми классными дамами, которые сами были воспитанницами и которые, поступая на должность воспитательницы, хотя и надевают на себя строгий педагогический кафтан, но нет-нет, да и ошибутся и разговорятся. Зато как счастливы бывают тогда воспитанницы; они рады на руках носить свою милую классную даму.

Простилась и «Галочка» с училищем и поехала с отцом в тележке, запряженной в одну лошадь. «Галочка» кончила свое ученье в училище, а между тем жизнь готовила ей свои уроки. Нужно было переезжать реку Волгу на пароме. Отец «Галочки», исправлявший должности кучера, повел свою боязливую лошадь на паром, лошадь зафыркала и никак не хотела приблизиться к воде. «Эй, ты, долговолосый черт, пошевеливайся, — сказали пьяные перевозчики. — Не видишь, что за тобой карета ждет!»

Это был первый урок «Галочке».

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ВОСПИТАННИЦЫ ЯРОСЛАВСКОГО УЧИЛИЩА ДЕВИЦ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ

1867 года 9 февраля.

Масленица. Мне грустно, нет покоя в моей душе, — так плакать и хочется... Вчера был экзамен по российской географии. Для меня он окончился неблагоприятно. Я не имею очень хорошего быстрого соображения и поэтому не могла без ошибки рассказать морского пути из Камчатки в С.-Петербург. Марья Матвеевна (наставница нашего класса) сделала мне выговор. Я, в порыве грусти и душевного волнения, ответила не очень вежливо... Впрочем, тогда я этого и не заметила. Но вечером М[арья] М[атвеев]на напомнила мне об этом. Тогда я вполне сознала всю дурноту своего поступка. Я чувствовала потребность молиться, плакать и искать облегчения в чтении какой-нибудь душеспасительной книги. Я много плакала, потом стала читать «О подражании Христу»¹. Тогда действительно почувствовала некоторое облегчение. Я списала три молитвы, к которым буду прибегать впоследствии. Постараюсь также списать некоторые места из «подражания Христу» в особую тетрадку... Катя (сестра) мне советует, да я и сама нахожу нужным и необходимым попросить прощения у М[арья] М[атвеев]ны. Мне стыдно, однако постараюсь воспользоваться удобным случаем, приду и скажу ей: «Простите, М[арья] Матвеевна». Более ничего не буду говорить, не стану ничем оправдываться... Теперь на М[арью] Мат[веев]ну мне совестно и взглянуть. Когда-то она простит меня?

М[арья] Матвеевна простила меня в прощальное Воскресенье²...

Наставления М[арья] Мат[вее]вны, данные в Чистый понедельник³ вечером, в первый год в старшем классе: «Будьте снисходительны к другим и строги к себе самим»; «Избегайте лжи, сплетен и празднословия»; «Старайтесь здесь приобрести себе хорошие правила нравственности, которые вам будут необходимы во всю вашу жизнь»; «Наблюдайте за собою...» Господи! Помоги мне исправиться... Только то для меня несколько отраднo, что теперь я чувствую желание, даже потребность, помогать другим, чем могу, и

отвращение к праздности... Теперь утро 24-го числа. Да поможет мне Господь провести сегодняшний день в мирном спокойствии духа!..

Опять утром принимаюсь за перо, чтобы описать, как я провела 24-е число февраля... Благодарю Господа: чего просила, то и исполнилось. Вчера у меня не было никаких столкновений. Чувства мои спокойны, я чувствовала жажду любить всех своих подруг равно, помогать им. За всенощной (была суббота) я от души возносила мыслями к Господу Создателю... Теперь утро 25-го числа. Все тихо, покойно, только слышу удары в колокол, — должно быть, звонят к ранней обедне... Как хорошо теперь, — так и хочется проверить себя.

Верно, уж каждый раз приходится писать утром. В классе я как-то не нахожу времени, а теперь, благодаря Богу, я попривыкла вставать до звонка и вставать тотчас, как проснусь, а не оставаться в постели, как я делала прежде⁴. Вставши, я и принимаюсь за свой дневник, пока еще никто не мешает и не нарушает моего спокойствия внутреннего и внешнего.

Вчера я повторяла географию с Машей П... Господи! Будь моим помощником в этом труде с самого начала, чтобы и конец (экзамен) был для меня благополучен.

Марта 28-го. Марья Матвеевна меня побранила, говоря, что прежде я была гораздо лучше характером, а теперь уже вышла у нее из послушания. Это она заключила из того, что 24-го числа она через В. велела мне встать на левый клирос⁵, а я не встала, потому что мне не передали. Когда я сказала ей это, она мне, может, и не поверила. В субботу за неаккуратную сдачу и запись белья я была наказана «стоять за столом». Теперь Марья Матвеевна будет сердиться на меня... Я плачу... Воспитанницы, мне думается и как видно из некоторых их поступков, меня не очень любят, а как бы я желала пользоваться их любовью и расположением... Я же, право, от души люблю всех, хотя, может быть, иной раз и обижаю кого... Меня считают гордой, но чем же я буду гордиться? Я считаю себя очень мало приносящей пользы: у меня нет ни голоса порядочного, ни умения на что-нибудь действительное дельное...

18 апреля. Марья Матвеевна снова побранила меня за то, что я без ее спросу взяла из классного шкафа и отдала В. чулки. М[арья] Матвеевна

сказала мне, что я нередко попадаю в подобных поступках, что я, желая снискать расположение подруг, покрываю их поступки, а «скрывающий преступление сам является преступником». Мне очень грустно, что подобные упреки пришлось выслушивать от Марьи Матвеевны, которую я искренно, нелицемерно люблю и уважаю, и любовь которой желала бы заслужить.

Маша П... дает мне уроки терпения. Она иногда скажет то, чего я для себя от нее вовсе не ожидаю. Мне тяжело переносить это, но я усиливаюсь, чтобы выслушать с терпением и не делать возражений, потому что это раздражит меня еще более. Впрочем, я на М.П. не сержусь: у нее характер самостоятельный, не терпит противоречий. Я ей буду очень, очень благодарна, если она меня научит терпению и хладнокровию. Характер М.Р., мне кажется, будет мягче М.П.

Вчера меня посадили вышивать платок Государыне Цесаревне.

Сегодня (11 июля) были у нас воспитанницы сиротского дома. Одна из них хорошо играет на фортепьяно и очень любит музыку. Сегодня же мы ходили гулять в Полушкину рощу⁶, где освежились чистым воздухом.

Елизавета Павловна теперь ко мне очень ласкова. Как я дорожу ее расположением! Буду им дорожить и всегда. Сегодня, после полдника, пред всенощной, я читала вместе с Катей «Иисус Христос на Голгофе»⁷.

В золотое время умственного образования начинают развиваться и лучшие чувства человека: любовь, искренность, патриотизм, дружба. По счастью, я нередко ощущаю в себе эти чувства и желаю иметь их всегда. Труд умственный я предпочитаю физическому. Я думаю, что поступаю справедливо. Меня отдали сюда для образования моего сердца и ума, а прочее — дело второстепенное: потому я и должна преимущественно развивать свои умственные способности.

Давно я не находила времени, чтобы на свободе излить мысли и чувства, глубоко затрагивающие сердце. Теперь все много уроков. Итак, буду пользоваться свободными минутами и секундами. О, как сожалею я, что прошло драгоценное лето⁸. Нынешнее лето я провела особенным образом и, вероятно, долго буду его помнить.

Уже только девять месяцев осталось жить в училище с милыми подругами, проводить время в приятных занятиях, с радостными надеждами, с светлыми мечтами. Ужели так скоро я должна буду расстаться со всем этим? Сегодня (1 сентября) Маша П. навела на меня грустные мысли о разлуке. Она сказала: «Уже недолго мне быть с тобою, потом я, быть может, никогда и не увижу тебя...» И в самом деле: положим, мы увидимся, но что будет значить короткое свидание для искренних друзей, воспитавшихся, сроднившихся под одной крышей?..

Много, много приятного, отрадного вынесу я из училища. Вверху на каждом шагу встречаются места, замечательные по какому-либо событию, случившемуся на них. Приятно будет после вспомнить о всех этих местах, средоточии наших дружеских разговоров, шуток, забав...

Сегодня 1 марта — первый весенний день. Наступает последняя весна, проводимая мною в училище. Этой весной, по моему убеждению, окончится и весна моей жизни. Потом наступит лето, как в природе, лето жизни моей. Я должна буду действовать более или менее самостоятельно.

Сегодня я ходила по коридору с М.П., мы говорили о выпуске... Мне грустно и вместе отратно...

М.М. Юревич
ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ
В ВИЛЕНСКОМ УЧИЛИЩЕ ДЕВИЦ
ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ ЗА 1863—1869 ГОДЫ

1 863 года 1 сентября, как было предписано училищным начальством, отец мой, священник бедного Турейского прихода Лидского уезда, привез меня в училище¹.

Идем прямо к начальнице Марии Семеновне Неумоинной². Я, как безвыездно прожившая в глухой деревне 11 лет, смотрю совершенной дикаркой. 48 лет прошло с тех пор, а я ясно и отчетливо помню все подробности знаменательного для меня поступления в училище. На вопрос Марии Семеновны, почему я смотрю дикаркой, отец мой ответил, что я даже в городе никогда не была; а я, помню, очень испугалась, что меня, пожалуй, из-за этого и совсем не примут, подняла голову и бойко глянула в глаза Марии Семеновне. На вопрос начальницы, хочу ли я учиться, я поспешила ответить, что очень хочу. Вот и весь акт моего поступления. Точно так были приняты и все 24 воспитанницы II выпуска. В средний класс была принята к нам еще одна воспитанница, уже по экзамену, и нас так и окончило 25.

О наших знаниях никто не справлялся: следили только, чтобы мы как-нибудь обвыклись. Дело было только что после польского мятежа³. До мятежа почти по всех семьях священников говорили по-польски, только с 1861 года слышалась разговорная речь по-русски. Можно себе представить, на каком жаргоне объяснялись вновь поступившие девочки. Было несколько девочек уже грамотных — это из приходов Россиен, Якобштадта, Варшавы, Вильны, но только из городов, а из сел, особенно Гродненской губернии, так было даже 5 девочек совершенно неграмотных. Да и всех-то нас могли набрать 24 девочки. На наше счастье, наша начальница была для нас все: и воспитательница, и учительница, и репетиторша. То она придет в занятные часы в классе и помогает той, то другой девочке в ее занятиях, то позовет слабых к себе в комнату и там их прорепетирует, то придет на урок

и учителю скажет, в чем у той или другой девочки затруднение. И первый наш учитель русского языка Константин Иванович Снитко⁴, добряк и трудолюбивый, много и с любовью потрудился над нами и быстро достиг хороших результатов. И любили же мы доброго Константина Ивановича! Урок русского языка мы готовили целым классом и очень строго следили за тем, чтобы кто-нибудь своим незнанием не огорчил любимого нашего учителя.

Более и ясно и отчетливо я начинаю оценивать все из училищной жизни уже с переходом в средний класс. Подбор наших учителей и воспитанниц не оставлял желать ничего лучшего. Евгения Андреевна Покровская (наша наставница с 1865 года)⁵... Чудная личность представляется при этом имени: всегда корректная, справедливая, внимательная к самым незначительным нуждам каждой из своих воспитанниц, в высшей степени религиозная, она оставила в нас самое светлое воспоминание о себе. И впоследствии, бывая в Вильне, я считала своей неперменной обязанностью повидать нашу добрую Евгению Андреевну.

А учителя наши: русского языка и словесности — Осип Васильевич Щербицкий⁶, истории русской и всеобщей — Федор Герасимович Елеонский⁷, географии — Флегонт Кузьмич Смирнов⁸, арифметики и геометрии — Викентий Иванович Хрулькевич (учитель гимназии), пения — Михаил Григорьевич Старухин⁹ — это целая блестящая плеяда, доставшаяся на долю нашего курса.

О законоучителе нашем отце Николае Дмитриевском иначе нельзя говорить, как с глубоким благоговением¹⁰. На уроках Закона Божия, особенно уже в старшем классе, когда говорил о. Николай, мы все в глубокой тишине, боясь проронить хотя одно слово, слушали его. О. Николай читал у нас еще славянский язык и педагогику. Уроки педагогики проходили всегда очень оживленно, даже уроки славянского языка о. Николай умел сделать живыми и занимательными, так что с окончанием курса мы свободно переводили церковные песнопения. Кроме классного преподавания о. Николай принимал живое участие в нашем воспитании: все, хотя бы незначительные, по-видимому, случаи в нашей внутренней жизни были обсуждаемы нами совместно с о. Николаем.

Надо всем и надо всеми в моих воспоминаниях об училищной жизни возвышается гигантская личность родителя нашего училища приснопамятного митрополита Иосифа¹¹. При одном только воспоминании о нем душу охватывает невольное умиление и, поневоле вздохнув, скажешь: «Вечная ему память!» Несколько раз в году «наш митрополит», как мы его называли, по-

сещал наше училище. Бывало это так: ведут всех воспитанниц в рекреационный зал (где теперь помещается домовая церковь училища), куда уже собрался весь персонал училища. Здесь митрополит обходит ряды воспитанниц, многих называет по фамилиям, а некоторых спрашивает, не из такой-то ли семьи она. Заметит, что у которой нездоровый вид и спрашивает у начальницы, почему это? Мы все стараемся смотреть ему в глаза, зная, что «наш митрополит» найдет, что сказать каждой: он ведь знал не только отцов, но и дедов наших.

Устанет наконец ходить и сядет в приготовленное ему кресло и скажет:

— Ну ты, воструха¹² (такая-то), подойди сюда, а вы, господин учитель арифметики (или другой), спросите-ка ее что-нибудь из пройденного.

И спрашивают и отвечают, а вызывает сам митрополит. При слабых ответах он усовещивает, страшает тем, что скажет об этом отцу или деду, а при особенно удачных ответах поручает начальнице выдать счастливице двойную порцию лакомств.

После каждого посещения митрополита мы находим в столовой несколько больших корзин, наполненных арбузами, апельсинами, яблоками, грушами, виноградом. В каждое посещение высокопреосвященный митрополит напомнит нам, что специальное назначение наше — быть женами священников и к этому мы должны себя готовить — такова его, митрополита, воля, такова была у него и цель при открытии училища.

Училищная церковь устроена и освящена в 1867 году¹³, а до того ходили в Духов монастырь¹⁴, а ко всеобщей всегда в митрополичью крестовую церковь. И как же мы ждали всегда субботы! Идем в строгом порядке парами, по росту. С нами непременно начальница и все наставницы. Сняв с себя верхнее платье в прихожей, мы в порядке и строгой тишине входим в церковь. На правом клиросе митрополичий хор с регентом г. Уссаковским, состоящий из воспитанников духовной семинарии и учеников духовного Андреевского училища, а на левом — богословский класс воспитанников духовной семинарии, они же чтецы. Мы занимаем середину храма. В храме полное освещение. Служащие — иеромонах и дьякон — ждут только условного знака, чтобы начать богослужение. Тишина в церкви поразительная. Вот слышатся старческие шаги из внутренних покоев митрополита. Ближе и ближе, и наконец митрополит останавливается у открытого окна и благословляет начало службы.

При чудном пении и уставном чтении всеобщая проходит очень торжественно, и по окончании ее не только никто не чувствует усталости, но час-

то приходилось испытывать чувство сожаления, почему это чудное состояние не продолжалось. Часто мы получали перед всеношной распоряжение митрополита петь на всеношной какое-либо песнопение: «Хвалите имя Господне»¹⁵, или ирмосы, или «Великое Славословие»¹⁶, или еще что-нибудь. Тогда мы, раньше спевшись, берем с собой ноты, придя в церковь, предупреждаем регента митрополичьего хора о том, что именно мы будем петь. Все наше внимание сосредотачивается на том, чтобы хорошо спеть и, таким образом, исполнить желание нашего благодного владыки. На первой неделе Великого поста мы говели тоже в Крестовой церкви. В субботу владыка-митрополит сам служил и, причастив несколько девочек, передавал обыкновенно св. чашу кафедральному протоиерею о. Гомолицкому¹⁷ для причащения остальных. Каждый раз я попадала в число счастливиц, так как была ростом меньше других и подходила к св. чаше прежде.

Раз заговорив о принопамятном митрополите Иосифе, трудно остановить свои мысли. В мое время на Рождество Христово и на Пасху воспитанниц не отпускали в дома родителей. 26 декабря был день Ангела Иосифа. В этом одном дне для нас заключался весь праздник: мы ходили к ранней обедне в Крестовую церковь, а по окончании литургии наша начальница, а с ней две или три воспитанницы шли к владыке поздравить его от всех остальных с днем Ангела и поднести раньше приготовленное рукоделие. Владыка милостиво примет подношение и скажет, что устроит нам елку, а начальнице обыкновенно передает 100 рублей и поручает закупить подарков воспитанницам к елке. В этот же день привозят нам громадную елку до самого потолка и устанавливают в рекреационном зале. Появляется масса корзин с лакомствами и украшениями для елки. В тот же день, 26 декабря, зажигают елку. На елке бывали у нас преосвященный Ковенский¹⁸, о. ректор семинарии¹⁹ и наши учителя. Так, по-семейному, патриархально протекало празднество, что и теперь приятно вспомнить.

Если рассказать о наших прогулках, по приглашению высокопреосвященного митрополита, к нему в Тринополь²⁰, то никто не поверит: так это было сказочно-умилительно и прекрасно. Особенно запомнилась мне одна из них. Была я уже в старшем классе, а перед каникулами мы, воспитанницы, узнаем, что 29 июня митрополит зовет нас всех, т.е. все три класса, в Тринополь. Так как высокопреосвященному митрополиту уже трудно было ходить и мы давненько-таки его видели, то несказанно обрадовались приглашению. Дождались... Настал счастливый день 29 июня. Кроме начальницы, всех наставниц и их помощниц с нами пошел и наш законоучитель о. Ни-

колай Дмитриевский. Выйдя за город, мы почти все сгруппировались возле нашего незабвенного о. Николая: он так умел заинтересовать нас своею беседой на разные темы, что мы и не заметили, как очутились в Тринополе. Так как ранняя обедня в Тринопольской церкви уже отошла, то, выйдя из парка, мы получили распоряжение владыки пройти в церковь, где прослушали молебен Первоверховным Апостолам, отслуженный иеромонахом. После молебна мы пришли в сад к балкону получить благословение владыки-хозяйина. До позднего вечера мы провели время в Тринопольских садах, все время владыка-митрополит был между нами. В домашних одеждах, сидя в кресле-тележке, владыка смотрит, как мы разделяем между собой орехи (нас было 90 человек), и тут же дает совет, как лучше разделить, чтобы никого не обидеть. С кроткой улыбкой слушает он наши детские песенки и смотрит на игры, а когда мы обедали или пили чай за столами, расставленными на садовых лужайках, владыка как самый радушный хозяин, с видом благостнейшего дедушки — опять же в своем кресле-тележке — сидит между нами и угощает. На каждом шагу мы видим и чувствуем, что благостный хозяин-владыка любит нас и старается доставить нам возможно больше удовольствия. Перед уходом из Тринополя, получая напутственное благословение от владыки, каждая из нас, кроме пакета с лакомствами «на дорогу», получила из рук владыки по роскошному цветку из Тринопольского цветника на память о проведенном здесь дне. Полученные цветки мы старательно засушили и хранили как священные реликвии.

Велико было наше горе, когда 8 сентября 1867 года высокопреосвященный митрополит не мог освящать нашу новоустроенную церковь.

С особой ясностью вспоминаются мне еще два дня из училищной жизни: 13 июня 1867 года — день посещения нашего училища Государем Императором Александром Николаевичем и 23 ноября 1868 года — день смерти приснопамятного митрополита Иосифа.

13 июня 1867 года. С самого утра мы все полны ожидания, так как час посещения не был известен. С трех часов пополудни мы все были уже в приемной. Раньше прибыл преосвященный Александр, епископ Ковенский, с почетным городским духовенством. Все затаили дыхание, когда послышался стук экипажа. Его Величество, Царственный Посетитель, подъехал в экипаже парой лошадей прямо к лестнице парадного хода. Оглушительные крики «ура!» с улицы, шум, движение свиты и генералитета, наши приветственные крики... все сливается в общий гул. Ни с чем нельзя сравнить того чувства, которое объяло нас всех, когда Царь наш тут, у нас, и смотрит на нас своим

царским орлиным взглядом! Его Величество изволил выразить желание послушать наше церковное пение и — в сопровождении преосвященного Александра и свиты — изволил проследовать в рукодельный зал, куда мы раньше успели прибежать другой стороной коридора. Пели мы «Херувимскую» Турчанинова²¹. Вещь эта чрезвычайно мелодичная, в исполнении очень трудная, тем не менее мы прекрасно справились с этим песнопением. Я управляла хором и потом стояла впереди его. Государь Император изволил внимательно прослушать наше пение и, когда мы кончили, изволил подойти к нам, одобрил наше пение, высказав даже свое удовольствие. Обратившись ко мне, как регентше хора, Его Величество изволил задавать мне вопросы о моих родителях и местожительстве. Как я была счастлива, трудно и выразить. Государь Император выразил желание, чтобы во время осмотра училища воспитанницы сопровождали его. Государь Император обошел все три этажа училищного здания и направился к выходу. Воспитанницы провожали высокого гостя до экипажа при громогласных криках: «ура!» Уже коляска скрылась, а мы все стояли, как очарованные. Светлый образ Царя-Освободителя навсегда запечатлелся в наших сердцах.

23 ноября 1868. Всем было известно о тяжелой болезни митрополита Иосифа. В дворцовой церкви генерал-губернатора Александра Львовича Потапова²² служил преосвященный Иосиф, епископ Ковенский (по случаю храмового праздника). Наш старший класс с начальницей и наставницей был тоже в дворцовой церкви, с тем чтобы после обедни поздравить Александра Львовича с днем Ангела. — Так было у нас заведено. — После обедни, за молебном, все замечают какое-то смущение между служащими. Видим, как причетник докладывает что-то епископу Иосифу, и сейчас начинают служить молебен о здравии болящего митрополита Иосифа. В 2 часа уже получено сообщение о кончине митрополита. Великое горе объяло всех. Высшее городское духовенство с епископом Иосифом, высшее городское общество и генералитет, все, все при известии о кончине великого виленского иерарха поверглись в великое горе: мы это видели. О нас, воспитанницах, и говорить нечего: мы все буквально рыдали. Не смущались мы и тем, что идем по улице. И на улицах каждый, не осведомленный даже о печальном событии, заметил бы, что случилось что-то необыкновенное: сразу все стихло, все магазины и лавки затворили, на всех встречных лицах печаль, смущение и даже слезы... В 8 часов вечера воспитанницы уже слушали панихиду у смертного одра своего Отца и Благодетеля. При всех печальных церемониях присутствовали воспитанницы: положение смертных останков во гроб, перене-

сение в Крестовую церковь, вынос тела в собор, все это совершалось на наших глазах. Не пропустили мы ни одной панихиды, которые совершались и утром и вечером.

Настал день погребения 29 ноября. Хотя и церемониал был написан, а воспитанницам указано место у гроба, но мы должны были прийти в собор очень рано, чтобы занять указанное нам место. Три архиепископа, три епископа и масса городского и сельского духовенства совершали печальный чин отпевания в Бозе почившего великого радателя Церкви и Отечества, приснопамятного митрополита Иосифа. Неутешными сиротами возвратились мы с погребения нашего Отца и Благодетеля. И до сих пор мы все молимся об успокоении его и детям нашим заповедуем всегдашнее поминовение о нем.

Остается сказать еще о дне нашего выпуска. Было это 6 июля 1869 года. Литургию в нашей училищной церкви совершал высокопреосвященный Макарий, архиепископ Литовский и Виленский²³. Пели мы, выпускной класс. Все старание и умение мы приложили, чтобы в последний раз хорошо спеть в своей церкви. Класс наш славился пением, и в училищной нашей церкви за богослужением мы всегда видели многих любителей пения из тогдашней местной интеллигенции. Старание наше увенчалось полным успехом: высокопреосвященный Макарий сказал, что ему еще в первый раз пришлось слышать такое прекрасное пение, что пропечатано в «Литовских епархиальных ведомостях» за 1869 год № 13²⁴. После заамвонной молитвы²⁵ высокопреосвященным Макарием произнесена обращенная к нам беседа о путеводителях христианской жизни: вере, надежде, любви. Как теперь, я вижу великого церковного оратора, обращенного к нам с речью. — Такие моменты в жизни не забываются. — По окончании богослужения высокопреосвященный Макарий, генерал-губернатор Потапов с супругой, вся высшая администрация виленская, генералитет и масса публики перешли в рукодельный зал, где г. Шербицким был прочитан отчет о состоянии училища и состоялась раздача аттестатов и наградных книг. Аттестаты раздавал нам генерал-губернатор, а наградные книги вручал высокопреосвященный Макарий, выразивший желание простаться с нами у себя в архиерейском доме 7 июля в 11 часов утра. Генерал-губернатор подошел ко мне и поздравил с окончанием курса первой ученицей, а за ним все сановники и вся его свита. Отец мой, старик, находившийся тут же в публике, заплакал от умиления. Это было лучшей наградой за все мои труды в училище. От Екатерины Васильевны Потаповой²⁶ нам были переданы верхние кофточки саки²⁷, изготовленные по ее заказу. Изготовленное нами покрывало для поднесения Госу-

дарыне Императрице Марии Александровне²⁸ мы тут же просили Екатерину Васильевну переслать от нас Ее Величеству. Кстати сказать, покрывало это было феноменальное рукоделие: по светло-серому сукну шла вышивка рельефной гладью гарусом²⁹ и шелками, шириной в ½ аршина, которая изображала букеты бутонов роз в орнаментах древесного цвета. По изготовлении покрывало это было выставлено в нашем рукодельном зале в продолжение двух недель для осмотра; желающих посмотреть перебивала масса, и все отзывались о нем с восторгом.

7 июля утром наш незабвенный законоучитель о. Николай Дмитриевский отслужил нам напутственный молебен в нашей церкви и сказал теплое прочувственное слово. Все мы плакали, прощаясь с нашим дорогим батюшкой. Высокопреосвященный Макарий принял нас в приемном зале, усадил всех и долго с нами беседовал о нашей жизни вне школы и, наконец, преподав нам свое святительское благословение, отпустил. По приглашению Екатерины Васильевны Потаповой мы отправились к ней с прощальным визитом. Екатерина Васильевна сердечно попрощалась с нами и дала каждой на молитвенное воспоминание Евангелие очень изящного издания.

Оставляя училище под такими отрадными впечатлениями, я и до сих пор сохранила теплую благодарность к воспитавшему меня заведению.

Л.А. Худзинская-Гоельская
ЗАПИСКИ ЕПАРХИАЛКИ

Папа прислал письмо, чтобы мы приезжали к нему в Россию, и мы с братом пришли в восторг, воображая, что мы увидим воочию все то громадное зеленое пространство, которое охватывает географическую карту широкими буквами «Россия». Я от радости отдала свою единственную игрушку — куклу, свою милую блондинку, которую я страшно любила — отдала ее своей подруге, решив, что такое длинное чудное путешествие по железной дороге, через такие большие города, о которых мы так много учили в Радомской гимназии¹, — это путешествие вполне мне заменит мою привязанность к моей кукле...

Через 3 дня мы уже были в Р[язани]; конечно, все нас поразило: и чисто русский выговор, и грязь губернских улиц, и некультурность народонаселения и построек, а главное — вывески с тучами голубей, а внизу под домами целые кучи шелухи от подсолнухов и всё кухарки, дворники и приказчики и подсолнушки без конца, а на главной улице, Большой или Астраханской², толпы гимназистов по 5 человек в ряд, держащихся за руки и с папиросками в зубах, гимназистов, не сторонящихся перед встречными прохожими. Это нас страшно поразило после дисциплины западного города и классических гимназий.

Когда мы на другой день переехали из гостиницы в маленькую квартирку, у нас стало немного легче на душе от грязи Соборной улицы, потому что двор был с травой и несколько грядок цветов, разведенных нами, напомнили наш собственный дом, который нам пришлось продать для переезда в Рязань, как это ни странно для губернского города. Вот в этом домике у нас с братом началась страдная пора: нужно было продолжать учебу, поступать в гимназию. Мы начали готовиться оба в гимназию — достали учебники и на досуге, освободившись от домашних забот (нам приходилось помогать маме в хозяйстве, так как прислуги не было), зубрили всюю: брату удалось сразу поступить, хотя по болезни остаться на второй год, а я продолжала готовиться к экзаменам и сдавала с полугода. Сначала я думала в гимназию

Мариинскую³, но оказалось, что вакансий нет и меня не примут все равно в этом году. Я была рада этому, так как когда я просмотрела учебники, то тогда еще до смешного они показались мне настолько смешными, рутинными, старыми, что просто совестно было по ним готовиться. Тогда мне достали учебники и программку епархиального училища⁴, и хотя брат меня начал дразнить «епархиалкой», но я все-таки решила поступить в это единственное во всем городе красивое здание, белое, трехэтажное, с красивой чугунной решеткой здание, которое меня так поразило, когда мы осматривали город, что я пришла в восторг и закричала с провинциальной наивностью: «Смотри, мама! Какой красивый дворец!» И вот мне предстояло в нем учиться. И рельеф: сердце, якорь и крест⁵, черный выпуклый, точно герб, красовавшийся наверху, очень трогал мое детское сердце.

Прозеленела осень — хорошая, светлая, не такая дождливая, как в Польше, и нам пришлось встретиться первый раз с русской зимой, о которой мы слышали столько ужасов. А там мы ходили в летних пальто до Рождества, и в нашем саду один раз даже зацвели вишни перед Рождеством. Понятие о калошах мы имели только понаслышке, потому что так чисто и старательно выметаются гранитные тротуары, что мы ходили без калош. А нам тут Бог послал такую холодную квартиру, что мы сбивались в одну комнату, чтобы греться, — в спальню, в которой было +6° R⁶...

Приближалось Рождество и мои полугодовые экзамены. Я зубрила по вечерам географию, так как по программе мне приходилось много нагонять, и канун Нового года меня встретил зубрящую Африку, и иногда только мелькала мысль, что теперь везде — и в домах, и в клубах — готовятся к встрече Нового года; все волнуются, в шумной толпе гостей, а я одиноко сижу в большой холодной зале с толстым налетом снега и льда на окнах и старательно запоминаю жаркую Африку. Впрочем, за мои труды последовала и награда: когда нам была задана тема «Встреча Нового года», то я написала лучше всех. Я написала, как я учила по географии о жаркой Африке в холодной комнате, как меня охватило воспоминание о проведенном Новом годе в гостях. И сначала классная дама Авдотья Павловна⁷, сортируя сочинения для подачи учителю, прочла его громко всему классу, а потом и учитель Правиков⁸ похвалил его и поставил 5+ и тоже прочел его громко.

Я была в восторге и сконфужена, и радость охватила мое сердце, потому что в Радомской гимназии я считалась только шалуньей и лентяйкой, но очень развитой девочкой. Всякий раз, когда Гацкевич⁹ мне ставил 1 или 2 по русской грамматике, он стыдил меня и ставил мне в пример мою сестру,

Лиду, которая кончила гимназию с золотой медалью и тоже была его ученицей. А шалуньей я была настолько изобретательной, что когда я приехала через 7 лет в Радом с мамой по делам нашего имения, то услышала от нескольких лиц, что обо мне живут легенды в нашей гимназии до сих пор и передаются из поколения в поколение. И вот я, лентяйка, презираемая учителями за двойки и единицы, вдруг получаю 5+ и сразу выдвигаюсь на первый план.

Когда я держала экзамен, то по географии получила 4, по русскому языку 3, и учитель, этот же Правиков, взял с меня слово, что я буду стараться и догону подруг, в чем отстала, но потом я сделалась его любимицей. Итак, я поступила с Рождества в епархиальное приходящей¹⁰, и в первые полгода мне было тяжело среди моих новых подруг¹¹. Говорила я с польским акцентом, и это очень поразило моих подруг, которые никогда в жизни не видели полек, а меня они принимали за польку, хотя обе бабушки у нас чисто русские, а деды литвины. Родители православные и говорили все по-русски и по-малороссийски немного, потому что отец из Херсонской губернии, и его мать говорила по-малороссийски.

Весть о том, что поступила полька, облетела все епархиальное, и сейчас же за мной начали бегать толпы епархиалок во время перемены; некоторые даже слегка дергали меня за фартук или косы. У нашего класса тоже толпились, если я не выходила из класса, и, как потом я узнала, у меня даже появилась обожательница из 6-го класса Лиза Галахова¹². Меня очень поражало, что она через некоторые промежутки времени появлялась у наших дверей, вызывала меня, гуляла со мной по коридорам — приносила мне книги для чтения, за что я ей была очень благодарна и читала я их с удовольствием (так как дядя нам брал книги из клуба неохотно), рассуждала со мной о прочитанном и постоянно интересовалась моей судьбой. О существовании обожания я только слышала из рассказов старших. Но тут мне пришлось самой наблюдать это ненормальное проявление любви. Младшие девочки обожали старших из последних классов и наоборот. Младшие одевались для старших, делали банты, надевали бархотки на шею, корсеты и спали ночью в корсетах, даже некоторые обливали духами своих обожаемых. Старшие приходили ночью к кроватям младших — крестили и их раздевали, укладывали спать и, стоя на коленях перед кроватями, прощались, целуя много раз маленьких и нашептывая ласковые эпитеты. Конечно, каждая выбирала по своему вкусу себе предмет обожания. Обожание простиралось и на учителей, и на классных дам, но, увы, редко в каком закрытом заведении любят класс-

ных дам.... Уж чем это объяснить, я не знаю, что все они злючки и придиры. Вернее всего оттого, что вообще всем воспитателям надо много выдержки и терпения для того, чтобы быть строго справедливым и внушить к себе любовь и уважение.... Один раз я запоздала на урок, и когда вошла, наш законоучитель сидел за кафедрой и громил двух маленьких третьеклассниц Бурову и Дуванову, стоявших за первой партой, смущенных и раскрасневшихся:

— У меня есть жена для того, чтобы пришивать вешалки, а вам никакого дела нет до этого. Вы вот мне лучше учите уроки, а то вы еле натягиваете тройки, и стыдно барышням такими пустяками заниматься да записочки по карманам раскладывать.

Потом я помню еще сцену. Одна приходящая шестиклассница во время большой перемены всегда встречала и провожала из класса до учительской этого же законоучителя и часто обливала его духами. Он ужасно злился, кусал губы, но все не решался оборвать ее. Наконец обернулся один раз внезапно, почти наткнувшись на нее, и распушил ее. Ну, на время прекратили проводы, но потом опять начались. Это самый частый прием обожания. Одному бедняге учителю пеня¹³ Ляля С. залила все глаза духами. Он вскрикнул от боли и, как сумасшедший, вместо того чтобы идти в класс на урок, побежал в учительскую промывать глаза. Конечно, была ей проборка за это. Этот учитель бывал у нас в доме, и Ляля С. очень просила меня познакомить ее с ним, но они все как-то не встречались. И вот как-то мы гуляли по Большой. Он тоже гулял с каким-то господином. Она все делала ему глазки, но он этого не замечал, тогда она толкнула его, проходя мимо. Он обернулся, посмотрел на нее. Мне страшно неловко сделалось, и я сконфузилась, так как он мог подумать, что и я участвовала в этом поступке, я разозлилась на нее и сказала, что не буду с ней больше гулять, если она еще что-нибудь себе позволит подобное, но она опять его толкнула, только чуть-чуть. Я ушла от нее, тогда она на другой день облила его духами и так неудачно, что он только рассердился на нее и, конечно, не мог чувствовать к ней никакой нежности за причиненную боль.

Я как-то не чувствовала никакого тяготения ни к кому, да и как-то мне не по душе было подобное проявление любви, держалась в стороне, была вежлива со всеми, но осторожна и не доверяла, так как несколько насмешек отбили у меня охоту доверять. Называли меня Маркизой Помпадур за мою гордость, за особенные прически, за самодеятельность, за мое зимнее пальто, отороченное мехом от шеи до полу и на рукавах и вокруг шубы внизу¹⁴.

Такие тогда никто не носил, а по бедности модную шубку мама не могла мне сшить. Война за мои прически шла у меня и с классными дамами, и с начальницей. В две косы по-бабьи я не хотела причесываться, косы у меня были тяжелые. Нужно было очень аккуратно делать прическу, а я утром спешила очень в класс, никого не хотела будить и тревожить, и мне некому было делать прическу, поэтому я причесывалась как хотела и говорила, что у меня голова болит. Иногда действительно она у меня болела от высокой прически, я спускала косы или совсем распускала волосы. За корсет мне тоже приходилось страшно бороться с классной дамой. Я его не признавала, да и папа нам не позволял его носить, и моя свободно развивающаяся фигура страшно конфузила мою классную даму. Хотя наша форма состояла из тугого натяжного лифа без костей, и для 14-летних подростков можно было ограничиться и этими лифами — такие преследования классной дамы и господствующее обожание доводило девочек до крайности, и они не снимали корсетов ни днем, ни ночью¹⁵. А между тем гулять воспитанниц водили один раз в две недели или в три, а не водили часто потому, что одежды казенной было очень мало, пальто драповое халатом, платок шерстяной небольшого размера, высокие галоши — наружность получалась не из красивых — прямо какие-то арестантки¹⁶. Пальто надевалось на кого попало, так что и фигуры были неважные, поэтому, конечно, девочки и избегали ходить гулять, хотя в свой сад, но уж если приходилось идти в город парами, то это было чистое страдание и воспитанницам и классным дамам, так как проходящая публика и с жалостью и с насмешкой относилась к этим неуклюжим фигурам. Начальницу¹⁷ как-то это нисколько не трогало, так как она сама была вечно в каких-то допотопных костюмах и напоминала собой экономку и даже не из богатого дома, некрасивое злое лицо, старое неблагородное, старая выржевшая наколка на голове, платья какие-то обтрепанные, шляпы — вороньи гнезда, пальто зимнее и накидка летняя — столетняя, по крайней мере — все старомодное, выржевшее.

Был у нас опекун Феофилакт Анатолиевич Орлов¹⁸. Он был симпатичным человеком и не узким в понятиях, и не жадным, как начальница. Он даже хотел ввести модные рукава в пальто, но так и не добился. Ему сказали, что много материи пойдет — тогда можно было в них меру овса всыпать, как говорил наш учитель истории Гонорин.

За 1909 год в Рязанском (местном) вестнике¹⁹ появилась статья. Девочки, приехавшие после Рождественских каникул в епархиальное, были опрошены швейцаром, привезли ли они деньги за полугодие. Некоторые привез-

ли часть, некоторые нет. Он не велел входить им в здание и пошел доложить начальнице. Она их опросила, и когда оказалось, что они не привезли, велела им всем уезжать домой. Девочки расплакались, ночью поехали обратно на вокзал, и начальник станции смилостивился, дал им денег домой [уехать]²⁰.

Почему она до сих пор в епархиальном?²¹ Почему не поставят новую интеллигентную женщину во главе этого громадного заведения, откуда выходят около ста девушек каждый год и расходятся по Рязанской губернии, непосредственно соприкасаются с русским темным народом в качестве сельских учительниц, в качестве матушек, которые будут иметь своих детей, которых надо воспитывать, и тоже немало могли бы принести пользы в качестве жен священников, а не заниматься только набиванием полных комодов деревенскими платками, полотенцами, холстами, набиванием своих чуланов яйцами, хлебами, которые получает батюшка за свои требы. Наши матушки тысячами населяют наши села и деревни, но они считают своей обязанностью только растить, кормить детей и помогать батюшке увеличивать его доходы, все это, конечно, потому, что во главе епархиальных училищ ставятся начальницы без выбора, по протекции духовных санов, но без должного развития. Наша начальница уже двадцать лет (это на моей памяти) пользуется неограниченной властью в Рязанском епархиальном училище.

А в чем заключается ее обязанность?²² Время от времени она является на уроки, сидит на задней парте и рассматривает прически воспитанниц, белизну фартуков и белых нарукавников и скромно ли себя держат воспитанницы. Никогда ни одного замечания учителю о его преподавании, но Боже избави, если она увидит чернильное пятно на фартуке или на рукавах. Поднимется такая базарная ругань и крик, такие грязные упреки, как будто все девочки живут в епархиальном из милости и точно это какие-то нищенки, которых она одевает на свой счет. Один раз она заметила на фартуке у Мани Арх[ангельской]²³ выпоротую метку²⁴, она начала ее ругать воровкой, мерзавкой. «Ты, — говорит, — наши казенные хорошие нитки взяла себе, а своими наметила гнилыми, и вот теперь метка от стирки упала (вытерлась)».

Я была страшно поражена этой сценой, так как ничего подобного не слышала в обращении нашей радомской гимназической начальницы, Александры Б. Суворовой — институтки из Смольного. Наша епархиальная начальница в эту минуту недалеко ушла от базарной торговки, так она была безобразна в своей злости и такой прямо чудовищной скупости, чтобы из-за одной нитки так смешать с грязью девочку?! Потом еще раз была сцена с

Лидой Дувановой²⁵. В старших классах воспитанницы по двое ходили в кухню дежурить — помогать варить обед кухаркам: чистить зелень, овощи, рубить котлеты, выделывать пироги — и часто таскали по карманам морковь и даже куски теста, что было, конечно, уж совсем смешно. И вот Лида один раз попалась. Начальница бежала за ней из кухни. Лида юркнула в класс и спряталась за доску, но она влетела и стала искать. Нашла, вытащила за рукав, полезла в карман. Улики были налицо. Началась опять грязная сцена с такой же руганью и упреками. Есть совсем бедные дочки дьячков, которые платили дешевле других. Ну, вот этим-то и достается на орехи от духовных благодетелей. Лида Д[уванова] и Маня Ар[хангельская] принадлежали к бедным. Когда мы, воспитанницы, или реже классные дамы затевали какую-нибудь вечеринку, то начальница все усилия употребляла, чтобы уничтожить ее, ссылаясь на нежелание преосвященного.

Эти два лица — гроза всех епархиальных — архиерей²⁶ и начальница. От них все зависит. Я училась 4 года в епархиальном. И ни разу ни одного литературного вечера, ни одного акта*. Наград и медалей не полагалось из скупости и боязни лишних расходов**²⁷.

Классные дамы живут одним кружком, помощницы — другим. У начальницы никто не бывает из служащих. У нее свои родные, куда она изредка ездит на плохонькой лошадке казенной, на которой эконом возит с базара молоко и другую провизию.

Единственный вечер на именины начальницы, в который 6-му классу разрешается спускаться в нижнюю залу и потанцевать шерочка с машерочкой, попеть хором и погулять с учителями, угощений никаких нам, воспитанницам, а учителям в учительской ставится закуска, и чем больше увеличивается число рюмок, тем громче раздаются недружные крики: «Ура — нашей начальнице, Варваре Макаровне!» Почему-то мне всегда это было и противно, и смешно. И почему закуска делалась в учительской, а не в ее квартире? А между тем в ее квартире недурно были обставлены две большие комнаты, зала и, кажется, вторая спальня. Я хоть и была там два раза, но помню залу только: большие двери, мягкая мебель. Хотя все имело какой-то неухоженный вид.

В этих криках «ура» как-то смешивался только проявленный угар и раболепие духовных перед протекцией Победоносцева, который ей и дал это

* Единственным поборником этих вечеров был опять же Орлов. Он был у нас в 4-м классе законоучителем.

** Раздаются на память Евангелия; в 4-м классе малые, в 6-м большие.

место²⁸. И как же долго сильна его власть?! И на что уходит эта сила?! Неужели контингент учителей-академиков²⁹ не может возмутиться, что ими командует неинтеллигентная женщина, убивающая все какие бы то ни было хорошие начинания, и вселяет в девушек идеал жадных эгоистичных матушек, создает почти всех неразвитых или мало развитых сельских учительниц. Раза два в год она являлась к нам на пустые уроки (когда по болезни не приходили учителя) и читала нам обязательно жития святых. Это единственное общественное чтение, которое нам разрешалось. Есть библиотека, книги брали, но их объяснить некому, ни поговорить не с кем о прочитанном. В театр нас никогда в мое время не брали, но за последние три года один раз были воспитанницы на «Ревизоре», причем берут не лучших и более развитых, а тех, кто добудет себе приличную одежду верхнюю у проходящих по-друг или свою имеют, кто побогаче.

На днях Лине* зубной врач с жалостью рассказывал, что к нему привели штук 10 епархиалок³⁰. И они ему сообщили, что болящих зубами набирают целую неделю, чтобы заодно отделаться от этой неприятной для классной дамы обязанности — идти с плохо одетыми воспитанницами. Представьте себе, сколько страданий ненужных переживут первые заболевшие, пока пройдет неделя и их повлекут, как агнцев, на заклание.

А что представляла из себя наша больница? Смешно и дико. Доктором был старый мировой судья, и он же доктор наш³¹. Когда к нему приводили больную, он дергал ее за нос или за подбородок, шутя, от зубной боли или боли горла давалась одна и та же микстура почти ведрами. «Пополощи больше да чаще, и все пройдет», — опять дергал за нос и за подбородок — и лечение кончалось.

Слава Богу³², серьезных болезней мало было, и Бог³³ спасал от добродушного, но невежественного эскулапа³⁴. Были случаи брюшного тифа и дифтерита, но все выписывались благополучно. Был один смертельный случай, но об этом говорят глухо, и я ничего не могла узнать — что и от чего?³⁵ Все как-то было по-домашнему и несерьезно. Впрочем, когда был дифтерит в больнице, то по коридорам курили скипидаром, в этом заключалась дезинфекция. Зубной врач мне рассказывал, что у одной девочки болело ухо и зуб. Ей делали какие-то вдувания в ухо, но ничего не помогало, и она наконец решилась обратиться к зубному врачу; как только вылечила зуб, и ухо прошло. Три года тому назад пригласили женщину-врача — Миронову — епархиалку.

* Вероятно, Лине Розановой (Л.Х.).

В третьем классе помню выдающееся событие. Смерть архиерея³⁶. Нас должны были всех вести, так как это главное наше начальство. И вот поднимается волнение. Одежды нету, а в скандальных черных пальто и серых платках никому не хочется идти. По всем классам бегают классные дамы — воспитанницы просят у приходящих одежду. Некоторые дали, но большинство пожелало идти на панихиду. Мне самой захотелось посмотреть внутренний вид комнат, как живет архиерей. И вот кое-как нас одели и парами повели в бывший дворец князя Олега, которому 800 лет уже было³⁷. Снаружи он имеет вид длинной коробки с небольшими окнами и сиреневатыми карнизами. На светло-шоколадном фоне балкон с чугунными решетками соединяет дворец с летним собором. Архиерей ходит по этому балкону на богослужение, а в зимний собор* прямо из квартиры вход, потому что находится в этом же дворце. Тут же и Спасский мужской монастырь, где хоронят только богатых. Нас почему-то провели по черной лестнице, где-то около кухни — бегали послушники с кадилом, пахло едой и квасом. В зале уже лежал на столе длинном, покрытом черной мантией с белыми узорами, архиерей, очень толстый, с расплывчатым лицом. Немного подождали, пока началась панихида. Меня все время смущало, что придется целовать руку у этого незнакомого несимпатичного старика, да еще мертвого. Эта мысль меня преследовала, и потому я не замечала окружающей обстановки. Не поцеловать я не могла, так как заметят все, а поцеловать страшно, и вот это мне свербило мозг и бросало меня то в жар, то в холод. Панихида кончилась, начали подходить. Я наклоняюсь, вижу крест наперсный на груди. Мелькает мысль — поцеловать крест, ведь можно, но делается стыдно перед этим лежащим человеком, и я слегка касаюсь мизинца. Ощущение холодного чего-то поперек губ, и потом остаток дня это ощущение так меня преследовало, что я невольно вытирала губы. Полдня меня это мучило. Пришли опять доканчивать уроки в училище. Подруги меня спрашивали: «Что ты губы вытираешь?» Я им рассказала, что у меня точно сало на губах.

«Как сало? Ты откусила кусок пальца?»

Меня тошнило, когда рассказывала своим, и брат Коля пошутил и говорит: «Смотри, смотри, у тебя в супе кусок пальца архиерея». Я выскочила из-за стола... и долго брат подтрунивал надо мной и все дразнил этим архиерейским пальцем.

В третьем классе у нас преподавалось странное рисование³⁸. К рисованию у меня вообще способность и любовь иногда прорывами, то я совсем забра-

* Неточность: в Красную церковь, ныне как домовая упраздненную (Л.Х.).

сываю, то опять рисую. А так как в западной гимназии у нас был академик рисования, то оказалось, что из второго класса гимназии я знаю столько по рисованию, что подобной меня нету, но даже и моделей таких нету, по которым я могла бы рисовать, — там в первом классе нам давали узоры замысловатые по тетрадкам в клетку, а во втором геометрические фигуры и рельефы листов — уже на толстой белой бумаге. Всякие линейки преследовались. Все надо было на глаз делать и как можно меньше употреблять резинку для стирания. Я там имела только 4, а тут 5+. На первый урок учительница мне принесла фигуру нескольких вогнутых арок, но потом ей надоело со мной возиться, и она предложила мне рисовать то же, что рисует весь класс. Я видела в рисовальном шкафу акварельные краски и мечтала, что она даст мне ими рисовать, но, увы, я их не видала и в четвертом классе, где кончилось рисование, и ни разу краски не приносились в класс. Спрашивается, для чего и для кого они нужны были в рисовальном шкафу? И вообще, какой смысл иметь такое рисование для будущих матушек и сельских учительниц? Рисовать выдуманных, несуществующих бабочек, домики и страшные деревья, которых нет в природе, потому что на один урок нам задавалось нарисовать комнатную обстановку, какую кто хочет. Это все, не зная никаких правил перспективы, никаких приемов. То книжный шкаф, который мы видим перед собой, то бабочку какую-нибудь, то цветок и опять все-таки наизусть. Мною она всегда была очень довольна, но я лично из этих двух годов ничего не вынесла и думаю, что мои подруги — еще меньше. Что мы могли рисовать своим детям? Не умнее ли было устроить уроки кройки и шитья или рукоделий³⁹, но только, по возможности, всяких, какие существуют у нас. Мы сами по себе умели вышивать, немножко вязать. А живущая [в училище] каждая сама на себя должна была сшить фартук, рукава, платье, связать 6 пар чулок и метить белье почтовым швом⁴⁰, проставлять номера. Каждая живущая имела свой номер на фартуке — вот и все. Не умнее ли было преподавать популярную медицину?⁴¹ Первая помощь в деревне и небольшое хотя бы ознакомление с примитивным лечением? Разве каждая матушка, каждая сельская учительница не самое интеллигентное лицо на деревне? Не ближе всех подходящее к нужде мечущейся бабы? Какие прекрасные дети умирают у крестьян, грудные в большинстве случаев! Понос, понос, и у кого же?! У здоровых, как кровь с молоком, матерей.

Мы, городские матери, на $\frac{3}{4}$ никуда не годились по кормлению, по составу молока, по нашим неврастениям, малокровиям и вообще ненормальной чувственной жизни, полной развлечений, поздних ночных скитаний по

клубам, театрам. У них, правда, хуже пища, но кто спасся от поноса, тот здоровяк. Бледная девушка — это исключение в деревне, у нас исключение румяная девушка. И вот у таких кормилиц погибают их крепыши 10-фунтовые при рождении. Почему? Ехать в больницу страшно — большая нужда гонит нашего крестьянина туда: «Доктора нарочно режут» — это до сих пор звучит в деревне. А под рукой учительница-матушка, которая сама бы пришла (идеал матушки). Она не страшная и ближе, чем доктор. А учительница еще менее страшна, детишки любят почти всех учительниц. И вот первая помощь в таких случаях — остановить болезнь в самом начале и спасти от убийственных средств, подаваемых услужливыми соседками или знахарками, которых почему-то до сих пор не преследуют законным порядком.

Средства ужасны: толченый кирпич в водке — от поноса, у одного выжила кишка на полпальца — ему тоже закапывают толченый кирпич, от грыжи — ртуть пить тоже грудному ребенку, или пустить живого мышонка на грыжу, — он ее должен откусить, или оскотить кота и, высушив его органы, катать ими по грыже несколько раз.

Масса диких нелепостей, которые надо подчеркнуть глупой бабе и показать ей, как лечить. Масса баб морят своих ребят подобными средствами. В каждом случае ребенок умирал.

Конечно, бывают случаи, что усилия интеллигента разбиваются о мрак невежества*, но из этого не следует, чтобы матушки продолжали набивать комоды добром баб, отнимать у них последнее, а учительницам смотреть сквозь пальцы на бедных молодых матерей. Интеллигентная матушка всегда может внушить своему батюшке, что он должен не казуистикой заниматься на проповедях, а всматриваться в жизнь своих прихожан, навещать их, мирить. Мужей, бьющих своих жен смертным боем, срамить хотя бы в церкви, с самых бедных не брать денег и никаких поборов, относиться к детям своим духовным по-человечески. Надо только послушать, как говорят крестьяне о священниках, с какой злобой и презрением. «Попы» — это ругательное слово, никто почти не говорит «священник», а «поп».

Крестьяне ставят свой ультиматум священникам: «Ходить с крестом и святой водой только 4 раза в год, а не чаще». Как это унижительно для священника! Неужели самолюбие не подсказывает, что хорошо, что плохо.

* Я дала манной крупы для ребенка, песку сахарного и вместо кирпичу для присыпки больных ножек картофельной муки. Муж бабы все отнял у бабы и ругал ее, что она этим морит ребенка (Л.Х.).

Интеллигентная чуткая женщина подсказала бы мужу, что кроме казуистики есть человеческое отношение к людям. Это большое унижение для сана, что священник должен сам собирать подаяние. Об этом давно уже говорилось, что духовные лица должны получать жалованье от государства. Может ли быть он бескорыстным, когда он сам должен набирать денег для прокорма своей семьи?

Для того чтобы вести за собой толпу, надо быть бесстрастным, бескорыстным, чутким, строго справедливым и великодушным в то же время.

А мы что видим? Грустно и смешно. Когда у одного священника пропало 40 тысяч в лопнувшем банке, он с ума сошел... и вынес причастие, затанцевал перед алтарем и закричал: «Пропали, пропали сорок тысяч»⁴². Еще случай. Мне пришлось переехать из центра города в крестьянскую слободу, где у меня был построен дом на арендной крестьянской земле, и вот я должна была подчиниться всем правилам сельского общества. Не прошло недели, как ко мне явился священник с крестом. Я дала полтинник (здесь в слободе дают 20 коп.), но мне неловко было; проходит еще две недели, опять священник вошел в залу, не постучавшись. У нас были гости, шумели, смеялись, но он никакого внимания на это не обращал — запел и говорил установленные молитвы, не обращая внимания на шум, и так все быстро, что когда мы заметили его, то он уже подавал крест целовать. Спрашивается, для чего читались молитвы и пелись, раз мы не смогли участвовать в них. Я поспешила пойти за деньгами и нашла 35 коп. Отдавая, извинилась, что мало. Не прошло месяца, как священник опять пришел. Меня это уже неприятно поразило. Я человек небогатый и зачастую сильно бьюсь. Такие частые хождения меня стесняли.

И таких вызовов было подряд пять в течение двух месяцев. Оказывается, по деревенским правилам этой местности священники могут ходить каждый церковный праздник. Когда я видела, что священники опять ходят, я высылала прислугу сказать, что меня нет дома, когда у меня не было денег им заплатить. Один раз мы им отказали с парадного крыльца, но они заметили открытую калитку и вошли через черный ход. Мы, не подозревая этого, громко говорили о том, что это уже чересчур смешно, чтобы не сказать большего, ходить в такие маленькие праздники. Слышим кашель в кухне, и весь синклит уже там стоит. Мы только что встали, еще не оделись, не убрано. Нас это переконфузило — я убежала в спальню к сестре, и одна прислуга осталась со священником. У меня денег ни копейки не было, я спросила у сестры, у нее оказалось 10 коп. и 3 коп. Священнику 10 коп. и в кружку

3 коп. Я вышла и сказала: «Извините, батюшка, больше у меня сейчас нет». Он что-то пробурчал, мотнул недовольно головой и пошел — прислуга за ним и спрашивает:

— А что это, батюшка, сегодня за праздник, что вы ходите?

— Иоанна Златоуста.

— А у нас в деревне только четыре раза ходят.

— Когда же? — спрашивает священник.

— На Рождество, на Пасху, на Илью Пророка и на Престольный праздник.

Поп разозлился и сказал ей:

— Вот и ты будешь на том свете пепел за то, что не принимаешь священников. Ишь твоя барыня разозлилась, дала мне гривенник. Как вам не стыдно? Свой дом, и давать священнику как нищему!

— О, батюшка! Если бы мне давали по пять копеек, и то бы я все дома обходила и помахала бы кадилком. Я вот целый день как спину наломаю за гривенник у корыта, либо дрова колю, а вы кадилком помахать не хотите за десять копеек. А может, они у моей барыни последние были.

— Пепел будешь, пепел на том свете, — кричал поп, злясь и идя по коридору и по двору.

— Нет, батюшка, я может в катухе⁴³ помолюсь, да моя молитва горячее будет вашей. Вы знаете картину, кто первый в ад пойдет? Архиереи, цари, потом попы, а уж мы, мужики, кнутиком подгонять будем.

Дьякон отворачивался и душился от смеха, закрываясь рукой; поп злился. Лукерья уж запирала калитку.

— Ну, больше к вам никогда не пойду.

И вот год прошел. Священник выдержал слово и не ходит. Мой дом точно зараженный из-за 10 коп. Так ли должен поступать духовный пастырь? Проклипать бабу за то, что она сказала ему правду?!

Когда я жила в семье купцов в качестве воспитательницы их детей, мне рассказывали, что когда умирает бедный крестьянин, которому нечем заплатить за похороны, то священник посылает за себя дьячка на кладбище, а между тем мать моих учеников, очень симпатичная личность, давала даром доски на гроб таким беднякам, солому возами дарила, пшено, муку, горох мерами живым беднякам. Они земледельцы-купцы. Вот где растление нравов. Тот же священник мне как-то говорил, поглаживая бороду, что лучше быть царем в деревне, чем пешкой в городе. И действительно, первое лицо

в селе — священник, только жаль, что по положению сана, а не по качеству души.

Уроки танцев были у нас один раз в неделю⁴⁴. Задавал ли кто-нибудь себе вопрос, для чего они нужны были епархиалкам да еще в таком виде, в каком они преподавались? Являлась учительница вместо четырех раз в месяц один раз. Иногда по 2 месяца совсем не было танцев, — она все болела. За три года мы никак не могли доехать до 4-й фигуры лансье⁴⁵. Урок начинался с нескольких па бальных, — па батман⁴⁶, шассе 5 и 6⁴⁷, несколько фигур по гимнастике, потом какая-нибудь подруга играла на рояле, и мы танцевали польку, мазурку, польку-мазурку, простой вальс, тогда как в это время уже в клубах оставили эти танцы.

Учительница была неизящная с некрасивой фигурой, грубоватая в обращении⁴⁸. Венский вальс меня выучил танцевать из военной академии студент, привезший его из Петербурга. Я показала подруге, а потом своей учительнице. Новым танцам мы учились друг от друга, и то приходящие — у нас была возможность бывать в клубе и применять свои познания на деле, но на что они были живущим, когда вечеров не бывало общественных у нас, кроме самых семейных, где мы друг с другом танцевали и с одной из нас за весь вечер один учитель. Но мы искренне радовались и этому. А в клубе нас не видали. Был исключительный случай, когда праздновалось 800-летие нашего города⁴⁹. И нас приказал архиерей повести в клуб. И была пародия на танцы, но об этом впереди.

Выходящие из епархиального большинство выходило замуж за семинаристов и делались матерями, никуда не выезжающими из своего насиженного гнезда. Ни о каких танцах не могло быть и речи за редким исключением.

По-моему, преподавать, так с хорошей учительницей, а нам нужна была гимнастика систематическая при нашей сидячей жизни и при редких прогулках в сад — раз в две недели приблизительно. Не понимаю, как мы все там не перечахли без воздуха. Весной во время экзаменов каждый день ходили в сад все с удовольствием, и как встал, так и пошел, и кастелянше меньше хлопот, выдавая нам наши арестантские халаты, калоши-мокроступы, тяжелые, неуклюжие, и противные серые платки. Сирень, черемуха, желтая акация — все нас примиряло с зимней спячкой, и классные дамы делались добрее. Значит, из уроков танцев мы тоже ничего не выносили. Хотя мы любили и эти уроки, как развлечение в нашей казенной обстановке.

Еще один предмет был до смешного не нужен нам: это геометрия в 6-м классе. Наш учебник имел не более 15 страничек маленького формата с

самыми главными теоремами⁵⁰. Боже мой! С каким трудом мы зазубривали их. Учитель был хороший и по математике. Были у нас и способные девочки, но 3/4 класса страдали над ней, а многие ничего не делали и умудрились все-таки вытягивать тройки. Учителя к нам, епархиалкам, относились с каким-то снисходительным презрением, это чувствовалось почти во всех. Все академики⁵¹, все преподаватели в семинариях и мужских гимназиях. Как там поставлен предмет и как у нас? У нас 6 классов, и многое было скомкано, как геометрия. По физике тоже много выпускалось, а учитель был прекрасный и физический кабинет довольно хороший.

У нас было снисходительное отношение к переводным баллам. 2½ — переводной балл. И вот больше двух (девочек) никогда ни в одном классе не оставалось. Или кретинки формальные, или отпетые лентяйки.

Перед экзаменом геометрии мы сидели и зубрили, и вот я слышу кто-то ворочается под партой и гудит; я заглянула — Саша Кр[отелина]⁵².

— Ты что там делаешь? — спросила я.

— Поучу немножко и посплю на геометрии, очень хорошо под партой — никто не мешает. А ты знаешь, — говорила она, — я ведь целый год в руки книги не брала, и какой со мной скандал случился. На Рождество ездила домой. К нам пришел семинарист, разговорились про учебники. Он и спрашивает меня: «Чей у вас учебник?» А я засмеялась: «Я, — говорю, — вам сейчас покажу чей». И побежала, вытаскила у брата его геометрию, а то совестно было сознаться, что я и в руках книжки не держала.

И вот эта воспитанница умудрилась получить тройку на экзамене.

У нас многие заучивали уроки со слов, когда знали, что их вызовут. Мне лично помогал брат, он хороший математик, а я очень слаба всегда была по этому предмету и много горьких слез пролила над ней, но по геометрии у меня были пятерки. Я сейчас совершенно не понимаю, каким образом мне ставили пятерки. Правда, я каждый урок добросовестно учила, но как попугай. Сейчас это для меня — одуванчик. Дунула — и улетел. Я ничего решительно не помню.

Естествоведение — очень хорошая наука — не полезнее ли было бы будущим математикам изучать строение домашнего скота? Популярное прикладное естествоведение для ее домашнего хозяйства.

Что я с удовольствием вспоминаю — это наша образцовая школа. Мы, шестиклассницы по очереди должны были преподавать там уроки пробные малышам I, II и III отделения⁵³. Мы добросовестно готовились к этим урокам⁵⁴. И было чувство гордости и удовлетворения в душе у нас за себя и за

подруг, когда удавалось провести хороший урок. Я первая вызвалась давать урок, как самая смелая, но он мне стоил очень дорого в душевном отношении. Я страшно волновалась, хотя из всех сил это скрывала. Надо было, чтобы дети прочли рассказ, рассказали его, объяснили непонятные слова. Но нужно было, чтобы класс был оживлен, не зевал и даже весел. Все это я проделала с большим успехом. Директор, начальница меня благодарили. Учитель педагогики был очень доволен, хвалил меня. Но я разрыдалась, как только ушла от них — так были потрясены нервы. И долго не могла успокоиться.

Потом я с удовольствием присутствовала на уроках моих подруг и отмечала уже самостоятельно их успехи или недостатки преподавания. Каждый урок потом детально разбирался нашим педагогом. И эти уроки нам давали хороший навык, как будущим учительницам. Мне очень понравилось преподавание арифметики — сначала на кубиках целый год в 1-м отделении, все 4 действия. Наглядное обучение: как это легко и просто для маленького ребенка. И как плохо в старину преподавалась арифметика, да и сейчас ничего подобного нет в гимназиях. Моя дочь поступила в 3-е отделение, и задачи велись по задачнику, да еще какие трудные задачи, а теперь в 1-м классе опять начинай все снова сначала, но задачи легкие. Вообще в наших учебниках много непоследовательности. И дирекция, вместо того чтобы занять учебниками, вдруг выдает: переменить коричневые платья форменные на светлые.

Как это умно и практично? В середине года, когда уже сшиты платья, вводить в расход родителей и надевать детям платья светлые, тогда как они постоянно берутся с чернилами и часто сидят на пыльных партах, т.к. не все гимназии отличаются чистоплотностью.

Расскажу теперь отдельные эпизоды из моей епархиальной жизни.

Когда я была в 4-м классе, нам объявили, что нас поведут на Соборную площадь на молебен о 800-летию нашего города (Рязани). Когда мы парами подходили к собору, то увидели дикую деревянную арку перед бульваром, построенную уступами. Вся публика взирала на это жалкое сооружение со смехом. Патриотизм горожан выражался только в этом диком сооружении. Молебен отслужили честь честью с соборными певчими⁵⁵.

Предполагалось нарядное гулянье на Соборной площади с иллюминацией глупой арки, которую, впрочем, обещали перестроить в чугунную, но прошло с тех пор 17 лет, и об арке и помину нет⁵⁶. Глупая арка догадалась стореть от иллюминации, а с ней погибла память о нашем местном торжестве. Но нас, епархиалок, ждало самое интересное вечером⁵⁷. Архидерей приказал

нас вести в клуб на 800-летие Рязани. Это для нас неожиданный выпад, а начальница чуть в обморок не упала. Ей с ее манерами экономки и в старомодных костюмах идти в клуб, в свет, на нее будут смотреть, как на представительницу. Этот день ей принес много душевных волнений. И вот вечером мы все стояли в нижнем длиннейшем, мрачном коридоре, освещенном двумя маленькими лампочками из швейцарской, все в белых фартуках, белых рукавах, стояли и ждали выхода начальницы. Классные дамы уже были на местах.

Мы шушукались и ждали с нетерпением. Наконец-то! Начальница подошла в прелестном, хорошо сшитом шелковом платье двухцветной переливающейся материи, серой с синеватой. Ну, слава Богу, и мы со своей начальницей не ударили в грязь лицом. Щеки у нее горели пятнами. Она подзывает к себе классных дам одну за другой и, как девочка, робко спрашивает: можно ли ей идти в этом платье, не рассердится ли архиерей. Классные дамы ее убеждают, что платье отличное и не особенно светлое, но она продолжает волноваться — и метнулась и побежала к себе. Через несколько минут она уже пришла в своем обыкновенном черном платье. О, Господи, какая она стала сразу старая, незаметная и безобразная.

Шепот неодобрения пробежал по рядам. Начальница подошла к нам и начала речь: «Руки сложить на животе или правильнее под животом — ладонь на ладонь, головой не вертеть ни направо, ни налево. Не разговаривать, сидеть неподвижно. Если будете гулять и к вам подойдет кто-нибудь из гимназистов, стараться не отвечать, а если уж нельзя без этого, то отвечать только “да” и “нет”. Не смей танцевать, ослушницы будут строго наказаны. Идите же».

И мы пошли к выходу. Наше радостное возбуждение сразу слетело, и мы уныло повесили головы. Появление наше на улице всегда производило сенсацию, т.к. это было чересчур редко. Это было неприятно, т.к. насчет костюма нашего всегда слышались насмешки.

Наконец мы пришли, разделись внизу и поднялись в залу дворянского собрания. Нас разместили налево на стульях. Гимназистки сидели направо, а за колоннами стояли семинаристы и гимназисты.

На эстраде стояло нечто вроде экрана, на который ставили громадные картины нашего местного дилетанта любителя М[алашкина]⁵⁸, который за все брался, но довольно поверхностно. У него были и типография и фотография, на его доме была вывеска: «Фото-типо-литография»⁵⁹.

Во всем ему помогали три дочери — некрасивые, но тщеславные и вообще ражающие в себе необыкновенные таланты. Когда они появлялись на ули-

цах, то про них неизменно говорили: «Вот идут три грации фото-типо-литографии».

Они носили белые банты в волосах и всегда шли с таким надутым лицом и гордой походкой точно заморские принцессы. Они и рисовали, лепили и играли на скрипках, на арфе, на рояле, но все это исполнялось прескверно. Два раза в неделю половина Рязани могла лицезреть их на балконе их дома, против городского сада во время гулянья. Они надевали свои лучшие платья и величественно восседали или под ручку прогуливались на балконе. Впрочем, старик-отец все-таки принес некоторую пользу учащимся. Он составил атлас по географии старательно и применимо к занятиям⁶⁰. Он старался внести живой интерес в свой урок. Он был преподавателем в прогимназии, которая теперь переименована во вторую гимназию⁶¹, и за это ему спасибо за детей, так как отвлеченное преподавание больше всего мучит детей и убивает их интерес к занятиям. Он нарисовал карту России в подарок для государя покойного, и Петербург был обозначен маленьким рубином. За что государь ему прислал благодарность и 300 рублей денег.

Старик устраивал вечера музыкальные и спектакли в прогимназии, и на одном из таких вечеров и мне пришлось петь после окончания епархиального училища, что доставило мне много волнения и маленький успех.

Они любили принимать у себя в доме знаменитостей, но безалаберность в хозяйстве всех поражала и ограниченность всей семьи делала их довольно скучными, поэтому их не любили и подтрунивали над ними. Его сын слепил модель начерно нашего покойного государя верхом на лошади, и она находится в Радищевском музее в Саратове⁶². Я сама ее видела — тоже в подарок государю. Вся гостиная завалена картинами их кисти в золотых рамах.

Сын с сестрами открыли реальное училище⁶³ и всей семьей там преподавали и, как отец, постоянно устраивали спектакли и музыкальные вечера, но так как они сами [были] малограмотные в музыкальном отношении, то и их ученики не показывали никаких талантов. Сейчас они как-то заглохли и ступевались, и о них что-то ничего не слышно. Да и все-таки, как педагогам, им не хватало доброты сердечной.

И были некрасивые поступки. Они кормили подзатыльниками реалистов. Устроили лавочку с писчебумажными принадлежностями и вымогали у своих учеников деньги за насильственную продажу им всяких принадлежностей и завтраков, хотя это теперь практикуется во всех частных гимназиях.

Пригласили старика учителя, хорошего своего знакомого, в свое училище и за летние вакансии не заплатили ему денег. Пришла к ним в дом как-то

одна бедная учительница просить уроков. Сам старик вышел к ней поторговаться, и оказалось, что днем она должна заниматься со всеми детьми, гулять с ними, а ночью корректировать его газетку — местный листок, в котором три грации расписывали всякую галиматью, вот за это ей предложили 3 рубля в месяц. Она, конечно, отказалась. Между тем как эти люди прожили несколько наследств и ни в чем себе не отказывали?! Такова правда на свете! Меценаты искусства ни куска хлеба не подадут бедному человеку!! Ну, довольно.

Все-таки картины М[алашкина] были гвоздем этого вечера⁶⁴. Хотя наши русские Ярославны были немного кривобоки и кривоглазы, но все-таки они демонстрировали 800-летие нашего города и историю той эпохи. К каждой картине гимназисты говорили соответствующие стихи, и мы, «епархиалки», хотя немного прониклись русским духом, перенеслись умственно в ту эпоху войн с татарами и разгрома нашего города.

Наша начальница пришла в шляпе в клуб. Но оказалось, что ни на ком больше нет шляп — она начала вертеться, как на иголках, и подзывает к себе одну классную даму за другой. На щеках у нее появились красные пятна, и она все шушукалась с классными дамами: снять шляпу или нет? Всех близидящих это растревожило, и мы, вместо того чтобы слушать и смотреть, стали волноваться за начальницу.

Наконец она сняла шляпу и, вместо того чтобы положить у себя на коленях, отдала одной воспитаннице. Эта бедняга чуть не прокляла ее сошляпой, боялась пошевелиться, и, конечно, весь вечер был отравлен. Так ей не пришлось потанцевать, и начальница не отпускала ее от себя ни на шаг. После картин наши аргусы сорвались с мест и погнали нас домой, но гимназисты-распорядители старших классов остановили классных дам и сказали, что будут танцы.

Классные дамы чуть не поругались с ними. Брат мой тоже был распорядителем. Я ему шепнула, чтобы они пошли к архиерею. Они побежали, классные дамы этим воспользовались, потащили нас вниз. Мы, конечно, медлили, как только могли. Некоторые потрусливее начали одеваться. Бегут гимназисты и с торжеством заявляют: «Архиерей разрешил танцевать, пожалуйста, раздевайтесь». Моя классная дама больше всего расшипелась и начала переругиваться с гимназистами: «Не раздеваться же, мол, теперь!» Но гимназисты заявили, что сейчас пожалуются архиерею, и наши аргусы со злобой в душе и на лицах велели идти нам наверх. Боже, как мы торжествовали и ликовали.

Я с братом знакомили: я — друг, он — товарищей, и таким образом стеснение пропало, и мы и гуляли, непринужденно разговаривали и танцевали, кто мог и кто хотел. Все нравоучения начальницы рассеялись как дым. И мы были очень довольны этим вечером.

Зато на другой день вся злоба моей классной дамы обрушилась на меня как зачинщицу и на моего брата: «Он такой же разбойник, как и вы». Но интереснее всего, что начальница не смогла смотреть на подобное безобразие и позорно сбежала домой из клуба, чему мы, конечно, были очень рады. Разговоров нам хватило на целый месяц, и я с братом попали в герои этого происшествия. Я начала пользоваться еще большим авторитетом в классе.

Пролетела зима, наступила Масленица. И я затеяла устроить вокально-литературный вечер. Спрашиваю позволения у классной дамы — отказала, у начальницы — отказала, у инспектора — отказ.

Говорят: без разрешения архиерея — нельзя. Мы приуныли. А уже начали собирать деньги на вечер. Наша начальница настолько была скупа, что никогда ни одной копейки не давала на эти вечера. Ученицы сами в складчину покупали конфет и всего, что нужно было для спектакля, и приглашали свою классную даму и 2—3 более любимых учительниц.

Представление шло самым примитивным образом. Простыни привязывались между классной доской и шкафом. Ставились стулья и стол классной дамы. Если нужен был мальчик, то одевали девочку в мужское. В антрактах угощали классных дам своими конфетами, и это все было в порядке вещей. Ни одна ни учительница, ни классная дама палец о палец не ударят, чтобы помочь.

И вот неожиданно подходит к нашему классу старичок законоучитель Орлов. Это была живая душа епархиального училища. Это был единственный человек, который заботился искренне о внешней и внутренней стороне училища. Он разбил цветник перед училищем, и каждый уголок старался засадить деревьями — елками, каштанами⁶⁵. Один раз я, пробегая по коридору, подслушала, как он горячо настаивал, чтобы у воспитанниц были сшиты модные драповые пальто, но все разбилось о гранитную стену жадной и раболепной души начальницы, и все начинания глохли.

Разговаривая на выпускном вечере с учителем русской литературы, я упрекнула его, почему он не устраивал вечеров и не давал нам возможности выступать публично. Он сказал, что с начальницей ничего нельзя сделать. Она — все, но она все это находит излишним и бесполезным и не желает

хлопотать перед архиереем. И вот старичок Орлов сам пришел к нам и спрашивает: «Что же вы, дети, не веселитесь? Отчего не устраиваете вечер?»

Я сейчас же воспользовалась этим и рассказала ему все наши злоключения. Рассказала ему программу. Он одобрил ее и обещал сам похлопотать перед архиереем. Мы поблагодарили его и, как только он скрылся за углом коридора, подняли такой визг и возню, точно первоклассницы, а не пятиклассницы⁶⁶. Радости и моему торжеству не было границ, как мы почти победили все дистанции по начальству. Я решила поставить басни в лицах, хоровое пение, игра в 4 руки на рояле и живые картины.

Денег, конечно, у нас было очень мало на костюмы, а так как у нас в доме постоянно были спектакли, то я взяла все у нас, только потребовала денег на бенгальский огонь и цветы из бумаги. Епархиалки большие мастерицы делать цветы из бумаги. Это, в сущности, единственное развлечение от занятий у девочек.

На Рождество и Пасху каждая почти вьет букеты и венки домой и в местную церковь на плащаницу, диакону на пасхальную свечу. Не говоря уже о нашей домашней церкви, которая всегда убрана свежими розами из бумаги зимой, а на Покров, наш годовой праздник, живыми гирляндами из своих цветников и принесенными приходящими воспитанницами. Гирлянды делают два старших класса в нижней столовой, так как к этому дню все здание сверху донизу чистят в ожидании посещения архиерея. Итак, цветы были поручены своим собственным цветочницам. Я принесла из дому 25 маленьких флажков и костюмы для стрекозы и муравья, а через день мы получили разрешение устраивать вечер. Моя классная дома кипела и злобствовала на мой счет и ругала меня зачинщицей, но я делала вид, что я не слышу. Хотя бывали минуты, когда в нашей совместной жизни она доводила меня до бешенства и я, теряя самообладание, так крикну на нее, что она бледнела. (Я жалела ее, зная, что у нее чахотка.) Через год после окончания мною училища она умерла от этой ужасной болезни, молодая и хорошенькая. Ей было около 24 лет. Все мои подруги называли ее зубастой щукой. Итак, женский персонал довольно злобно отнесся к моей затее, но мужчины-учителя сочувствовали мне и понемногу принимали участие в этом вечере. Учитель литературы занимался декламацией с воспитанницами, учитель физики вместе со мной перерыл все шкафы, чтобы составить из разных приборов фонтан. Он сначала отказался, но я так приставала к нему, что, наконец, заставила его серьезно этим заняться. Мне хотелось поставить сцену у фонтана из «Бо-

риса Годунова», живую картину цветов у фонтана⁶⁷. Но так как не удалось добыть костюмы, то мы оставили эту мысль.

Мне очень понравилась моя свобода. Я с учителем вдвоем уходила в нижнюю залу, где у нас был физический кабинет, мы рылись в шкафах и совещались, из каких приборов составить фонтан. Сторож приносил нам воду, и мы делали опыты с фонтаном. Никто меня не останавливал, никто мне не делал замечаний, а на косые взгляды моей классной дамы я не обращала никакого внимания. Наконец мы придумали [нечто] вроде артезианского колодца, и я назначила день вечера. Весь наш муравейник заворочался и необыкновенно оживился. Все малыши приняли в помощи деятельное участие. Нужно было снести все столы вместо эстрады из всех классов. Все цветы для декорации живых картин. И, надо отдать [им] справедливость, ребятишки были на высоте своего призвания. В полчаса накануне представления все было устроено. Все это мы устроили в конце нашего коридора, где был наш класс. Две двери из двух классов выходили на эстраду, и там одевались девочки. Занавес сделали из суровых простынь на проволоке и кольцах. Низ эстрады был задекорирован громадными флагами. И задняя стена и боковые стенки тоже были из сурового полотна. За час до начала вдруг приезжает М[алашкин] со своими картинами, которые демонстрировались в клубе, и в противоположной стороне коридора начинает устанавливать их. Мы, ученицы, хотя и с досадой в душе, так как он отрывал нас от нашего дела, дали ему и молоток и гвозди, и лампу раздобыли, и он позвонил, пригласил публику выслушать его скучные объяснения насчет этих картин. Публика неохотно выслушала это, прикрывая рот, чтобы скрыть зевки. Целый час он морил слушателей. Наконец и мы позвонили. Открылся занавес, вспыхнул бенгальский огонь с двух сторон эстрады, и публика (все епархиальное училище, все учителя, учительницы, инспектор, начальница и кое-кто из города) увидела живую букву Н с короной из живых цветов наверху при пении «Боже, Царя храни». Буква была в сажень вышиной. На двух раздвижных лестницах, которые употребляли в нашей церкви для зажжения паникадил⁶⁸, на каждой ступеньке стояли по девочке с распущенными волосами в венках на головах и в правой руке держали по маленькому флажку, протянув руку в сторону, все по одному направлению, а две верхние, самые маленькие, держали корону из живых цветов. В середине под короной, на небольшом возвышении, стояли две девочки, положив руки на плечи друг другу, изображая перекладину для буквы Н и римскую цифру II. Картина

была так величественна, что публика охнула, и послышались восклицания: «Ах, как хорошо!»

Это было мое собственное изобретение, поэтому я почувствовала нравственное удовлетворение в эту минуту от всех тревог и волнений.

Надо сказать, что весь этот день меня терзали начальница и моя классная дама бесчисленными вопросами: «Сможете ли вы сделать все, чтобы вышло хорошо? Скоро ли вы все сделаете? Как это все будет?»

И как они были в это время жалки и ничтожно трусливы! Я чувствовала себя выше их. Но эти минуты мне были тяжелы. Я сама волновалась: все надо было предусмотреть, расставить сторожей по своим местам, они жгли бенгальский огонь на кирпичач с двух сторон эстрады и магний. Каждый предмет должен был стоять на своем месте, а тут еще М[алашкин] явился с просьбой дать ему то одно, то другое. Я металась, как птица в клетке, и эти вопросы с растерянными лицами начальницы и классной дамы мучили меня, страшно портили мне настроение.

Они больше меня волновались и мучились, боясь, что мой класс оскандалится. Но восторг толпы сразу привлек меня в равновесие, и я все забыла. Три раза требовали повторения этой картины. Пели все без исключения «Боже, Царя храни».

«Вот на это стоит посмотреть», — услышала я фразу моего учителя арифметики (а он меня не любил, так как я была слаба по арифметике). Это было для меня большой похвалой. Я стояла в публике, чтобы посмотреть на свое произведение.

«Стрекоза и муравей» так понравилась публике, что даже просили три раза повторить. В особенности был доволен наш законоучитель, он же инспектор классов. Он добродушно посмеивался и аплодировал. На эстраде много высоких цветов, замаскированных, чтобы не было видно цветочных банок. Между цветами стоит стрекоза в зеленом шелковом корсаже с зелеными тарлатановыми⁶⁹ крылышками и такой же короной на голове, на которой два блестящих маленьких глаза. Делала моя сестра все это, потом у меня просили этот костюм в Мариинскую гимназию, которая взяла с нас пример, тоже поставила эту басню в лицах, что очень польстило моему самолюбию. У муравья коричневое платье и коричневая корона с длинными коричневыми усами. Говорили две малютки из подготовительного класса. Между живыми картинами шли номера на рояле, пение хоровое. Предпоследняя картина — живой цветник около фонтана. Белая лилия около скамьи с наклоненной головой к фонтану. Красивая стройная блондинка в бе-

лом платье с громадной белой лилией на голове, с длинными белокурыми волосами ниже пояса — моя подруга Капочка Успенская⁷⁰. Облокотившись на локоть, смотрит в воду кудрявый нарцисс — Леночка Ракитина⁷¹ — в костюме принца, но с большим нарциссом на голове. Душистый горошек — румяная, черноглазая, хорошенькая Капочка Богданова⁷², сидя на краю бассейна, пьет из душистого горошка воду из фонтана, приподняв голову к обнаженным рукам, которые над головой держат кувшинчик цветка. На переднем плане с левой стороны группа незабудок (всех блондинок подобрали из нашего класса), а с правой стороны — группа маргариток. Все это в массе цветов с наших окон, и фонтан бьет на полтора аршина вверх, и брызги разлетаются на голубой тарлатан, который я расстелила вокруг фонтана. При голубом магнии производит впечатление воды. Картина вызвала общий восторг и превзошла все мои ожидания, так хороша была.

Уставляла все картины я, и вот, когда нужно было ставить фонтан, нужно было поднять цинковый ящик, в котором было полтора ведра воды, и вставить его в выдвижную форточку наших громадных окон. Когда я уже держала ящик над головой и наполовину вставила его в форточку, то ящик слегка опрокинулся, и на меня хлынуло, по крайней мере, полведра воды, я страшно испугалась не за себя, а за воду, которая вся бы вылилась, и все силы употребила, чтобы удержать ящик. Я так вытянулась, чтобы достать до форточки, и в азарте хлопот мне не пришлось в голову позвать кого-нибудь на помощь.

Эту картину тоже повторяли несколько раз, пока не иссякла вода в фонтане, и после нее все стали спускаться в нижний этаж танцевать; стало тихо, и я осталась одна на полутемной эстраде, вся мокрая, только теперь я почувствовала, что мне холодно. Меня сразу от переутомления охватила такая тоска, что я поспешила в верхний дортуар, упала на первую попавшуюся кровать и расплакалась. Все мне стало противно и неинтересно, ни танцевать мне не хотелось, ни видеть никого. И я бы долго лежала в полумраке спальни пятого класса, если бы мои подруги лучшие не стали искать меня.

Они мне помогли переодеться и уговорили меня спуститься вниз. В зале танцевали, а избранные, т.е. учителя, дамы из публики и распорядительницы из нашего класса, пили чай. В канцелярии, она же учительская, моя сестра сидела с учителем истории и русской литературы и вела спор о том, что хорошо бы поставить русские былины и исторические картины. Я выпила стакан чаю и сразу оживилась. Нас с сестрой благодарил мужской персонал за доставленное удовольствие. Танцевать мне не хотелось, так я и осталась

болтать с учителями и с некоторыми дамами⁷³. Неприятное впечатление на меня произвел наш учитель истории и космографии Г[онорин]⁷⁴, который весь вечер гулял с Капочкой Богдановой, а в это время жена его, тоже бывшая епархиалка, следила за ними ревнивыми глазами, звала его несколько раз домой, но, не дозвавшись, так и уехала грустная и расстроенная. У нас носились слухи о его донжуанских похождениях.

После этого Г[онорин] мне стал как-то неприятен. Потом у меня лично с ним было столкновение, после которого я убедилась, что он не прочь поухаживать. А как муж он (говорят) был очень скверный человек. Допился он несколько раз до белой горячки и сидел в отделении умалишенных в городской больнице. Один раз я сама видела его лицо за решеткой — такое страшное.

Е. Т. Вяземская
ВОСПОМИНАНИЯ
О РЯЗАНСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ ЖЕНСКОМ
УЧИЛИЩЕ В 1894 ГОДУ

В 1894 году ученицы епархиального женского училища вставали в 7 часов утра, одевшись, шли на молитву, потом пили чай с двумя кусками сахара и с черным хлебом. Пекли свой в училище. Хлеба давали с 1/2 фунта и обыкновенно одну кружку чаю. Блюдцев не было, чай горячий пока выпьешь одну кружку — за одним столом уже встают, за другим поднимаются, и не успеешь выпить другую. Некоторые имели свое блюдо, те успевали выпить по две кружки чаю. Потом уроки. В 12 часов завтрак, постный: чай с ситным хлебом, иной раз кисель клюквенный или квасной, квас свой варили; или каша с постным маслом (жидкий постный кулеш). Девочек было 400 или 500¹.

Или давали молочную кашу пшеничную и польют обильно маслом, кашу звали «размазня».

Рисовая каша со сладким соусом из чернослива и изюма или картофель с грибным соусом. В скоромные дни картофель с маслом коровьим. Иногда с мясом.

В четверг всегда мясные котлеты с макаронами или картофелем.

С осени за завтраком подавали яйца по 2 штуки один раз в неделю или иногда раз в две недели, как придется, в зависимости от цен на базаре, когда они дешевели.

Уроки до 2 часов, с 2 до 4 гуляли, не уча уроков. Иные были из одной деревни, приходили друг к другу.

Иные и до 6 часов иногда гуляли, а были прилежные, которые тотчас садились за уроки. Иные в 2 часа завивались «для себя». В 4 часа обед из двух блюд: щи, суп, с хорошей заправкой, приличные порции мяса, каша гречневая с маслом или пшеничная с молоком.

В воскресенье после обедни обязательно чай и завтрак — пирог с капустой, морковью, с рисом и яйцом, мясо с рисом и яйцами, порции были хорошие, середки больше давали. На стол в 20 человек подавался большой

разрезанный на части пирог. (По горничной у каждого стола, она раздавала пирог, и она же убирала свой класс.)

3-е блюдо по праздникам — кисель клюквенный с молоком (подавался часто).

Кисель горячий, жидкий. Около графина всегда стояли кружки, и мы старались остатки киселя слить в кружки, а хлеб в кармане сплочь и рядом носили. Нужно было спрятать под фартуком кружку с киселем так, чтобы классная дама не заметила. В классе в форточках были дощечки, и на них ставили кисель, чтобы остыл, и потом ели. Столовые были внизу, и туда без дела нельзя было ходить, а то сбавят поведение.

Внизу была малая столовая, где резали хлеб «мужики», и вот потихоньку по боковой лестнице сбежишь, и они (мужики) дают охотно хлеб, какой останется, куска по 2—3. Но нужно было тоже пройти, чтобы не увидела классная дама, начальница или кто-либо. Но есть очень хотелось в 3 часа перед обедом. Под передником проносили. По коридору направо (от входа) была столовая для классных дам, там была горчица, хрен. И вот влетишь в их столовую, намажешь горчицей хлеб и принесешь «с горчицей!» (особая смелость!). «Все убоюсь жили». «Какая жизнь была!» — говорит Елизавета Терентьевна.

Ели на обед суп с вермишелью, на второе картофель жареный, третье сладкое — рисовая каша с сушеными яблоками и посыпали сахаром (очень хорошее вкусное блюдо).

От 4 до 6 часов свободное время. Гуляли по церковному залу, коридору, бегать нельзя было и топтать или визжать, как теперь в школах. Однажды подруга Анюта Некрасова и Вяземская побежали наверх, бегом по боковым лестницам навстречу друг другу и опять в класс, кто раньше добежит. Классная дама поймала и поставила к стенке². С 6 до 8 часов шли репетиции в классах в присутствии классной дамы или ее помощницы.

После 8 вечерний час. Ужина не полагалось³. После домашнего стола это было очень голодно. Все почти привыкли ужинать дома.

Классные дамы и преподаватели

Автогья Павловна Кочетова⁴, «кочет» или «алектор», ходила, покачиваясь как развинченная. В ее дежурстве строили все шалости, какие можно было. (Она была нестрога.)

Мария Степановна Симфони́на — самая строгая⁵. Мертвая тишина в ее дежурство. Кулаки сожмет, сердито говорит, но ее класс любил ее, называя «справедливой», «очень справедливой».

Екатерина Михайловна (забыла ее фамилию)⁶ тоже хорошая. Преподавала немецкий язык, институтка. Она была в параллельном классе, и ее девицы хвалили.

Ольга Ивановна Кроткова⁷, блондинка с голубыми глазами, дружила с Варварой Николаевной ...⁸ (высокая).

Ольгу Ивановну звали «Лягушка». Строгая, не любили ее. Ольга Ивановна не говорила с нами.

Хорошая старушка Анзими́рова Мария Ивановна⁹, преподавала французский язык. Институтка.

Мария Ивановна Александрова, помощница начальницы¹⁰, классная дама, голос резкий, хорошая.

София Матвеевна вышла замуж за Ивана Дмитриевича Рудинского, преподавателя истории русской в 5—6 классах. Рудинский пел басом в хоре, соло, пел всегда в церкви.

Варвара Макаровна Хупотская, начальница епархиального училища, замечательна тем, что ее было ни видеть, ни слышать. Начальница перед Покровом за неделю ходит по всему зданию, кончики черной косыночки треплются, и после она больна, а наверху ставят поперек комнаты диван, чтобы не топтали по потолку. Не слышать ее было никогда. Воспитательная часть главным образом лежала на классных дамах. К начальнице ходили отпрашиваться [в город].

Учителя епархиального училища

Закон Божий преподавал Лучинский Александр Иванович, священник и инспектор и преподаватель в старших классах¹¹.

В 4-м классе — старичок Феофилакт Антонович Орлов. Он выстроил епархиальное училище¹². Очень справедливый, хороший. Отметки точками ставил, по-разному, по несколько точек или одну, и никогда не ставил по пятибалльной системе. Хорошо обращался со всеми и со служащими. С приездом Лучинского Феофилакт Антонович перестал в церкви служить и только был преподавателем. О нем осталось очень хорошее воспоминание.

Ученицы всегда признавались ему, если не знали урока, и он был снисходителен и велит послушать урок, а на следующий раз спросит.

Ольга Ивановна не поговорит, только нотации читает, — «Лягушка». Рудинский в 3-м и 4-м классах не преподавал.

Краснов Михаил Матвеевич¹³ историк и Степан Дмитриевич Яхонтов¹⁴. Последний замечательно красноречивый историк — заслушаешься его.

Русский язык преподавал Виноградов — старичок¹⁵. Артистически читал «Ревизора». Хороший, справедливый преподаватель. Преподавал литературу.

Математик Яблоков. 3-м и 4-м классам. Географию — Гонорин, пьяница. Его жена — классная дама Муретова Капитолина Григорьевна¹⁶ (у нее две или три дочери). Она очень близорука, хорошо играла, дает уроки музыки. Свежая, симпатичная, молодая вышла за Гонорина. С похмелья Гонорин злой, не любили его: насмешки, придирки, издевался. Скоро умер.

Физика (как звали преподавателя, не помнит)¹⁷.

Русский язык Владимир Тихоныч «Гроза — Фортунин»¹⁸. Мертвая тишина. Взглядом обводит класс и видит, кто не знает, и ту вызывает. «Боялись его, как огня». (Теперь его сын преподает; говорят, ничего.)

Математик Карашев «Лошадиная голова», и в Профтехшколе теперь зовут его «Лошадиной головой»¹⁹.

Лавров Александр Иванович, толстый, преподавал чистописание два раза в неделю, пел в хоре басом²⁰. Его жена была старшей сестрой Вяземской.

Маршировку и гимнастику преподавала Рязанова Мария Ивановна, во всех классах²¹. Ходил старый музыкант со скрипкой, и под его музыку маршировали. Все очень любили гимнастику, так как можно было попрыгать. Не ругалась, не насмешничала, покажет, если кто неверно делает. Она была несчастлива в жизни: муж бросил, дети остались, и она добывала кусок хлеба преподаванием гимнастики. Вся администрация и дети к ней хорошо относились. Она была хорошая.

Макарова Екатерина Федоровна, институтка, налево первая дверь с парадного внизу (классных дам комнаты). Макарова жила с кем-то²², а направо дверь, внизу «Гроза» Мария Степановна Симфониная и Мария Ивановна Александрова. (Теперь там раздевалка.)

Екатерина Васильевна Житова (по мужу) была классной дамой. Павел Иванович Житов — учитель пения. У Екатерины Васильевны сейчас свой дом рядом с Горкиными. Она очень любит цветы. С 5 лет жил на квартире у нее цветовод, и многолетние цветы от него. Розы прекрасные.

Доктором в епархиальном училище все время был Асеев (60 лет было уж непременно ему), старый, интересный: у него выпученные глаза, не слушает, что говорит ученица, только говорит: «А? Что? Как? Покажи язык. Иди к Марье Николаевне». Сроду там была Марья Николаевна фельдшерица, акцент вроде польского. И Мария Николаевна укладывала в больницу на койку. Там чистенько, кормили хорошо²³. (Вяземская лежала в больнице.) Мирно, тихо — после шума от говора 500 человек.

Форма была — открытый лиф, юбка сборкой в три полотнища, никогда в четыре. Экономили на узких юбках. Иные сами шили себе побогаче. Короткие рукава, к ним поддевали белые рукава.

Рукава от платья с тесемками и с ними же поддевающиеся рукава; они связывались перед тем, как надеть платье. Без рукавов нельзя, а то классная дама делает замечание, а потом поведение сбавят, если не слушаться. На неделю давали фартук.

А.И. Звукова
ВОСПОМИНАНИЯ О РЯЗАНСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ
ЖЕНСКОМ УЧИЛИЩЕ

За что «гоняли епархиалок». На свиданье к Звуковой пришла барышня немножко постарше ее, знакомая с их семьей. В зале, в воскресенье, сидели семинаристы. Звукова и барышня пошли в коридор и прошлись. Симфониная спрашивает: «Зачем гуляете в коридоре, а не в приемной?»

— Там нет местов, — говорят ей в ответ.

Симфониная потом «гоняла»¹ Звукову за эту барышню и говорит: «Вы так гордо сказали — нос наверху. И что это за барышня? Да как сказали!» (Ей барышня не понравилась: у барышни коса была по-модному. Косу бантом завязывали тогда, мода была не заплетать.)

Полюбин, учитель, отцов товарищ, был в Рязани и перед отъездом в их город Скопин зашел узнать, нет ли писем к родным и как она (Звукова) поживает. Сейчас ему допрос, есть ли от родителей письмо — разрешение на свидание со Звуковой. Письма не было, и его не допустили, а Звуковой даже не сказали, что он приходил. Полюбин больше не заходил и поручений от родителей не брал.

В епархиальном было 12 кухарок — по одной на каждый класс (6 классов нормальных и 6 параллельных). Кроме того, 4 кухарки еще. Всего кухарок было больше. Жили при училище. 2 кухарки и 2 воспитанницы месили белые пироги, каждый день были булки с примесью масла. Черный хлеб пекли тоже в училище. Дежурная воспитанница выдавала продукты и записывала в книгу как принятые, так и выданные.

После дежурства подписывала книгу и передавала следующей дежурной на целый день. «Вечером идешь (дежурная) на постанов булок». Фунтов 15 сахарного песка, муки белой пуда 3—4 и масла коровьего фунтов 10. Свои булки. И черной муки давали около 5 пудов, но черной пекла сама кухарка.

Прачечная была отдельная, рядом с баней. Через две недели меняли белье в бане и с себя и с постели, фартуки каждую неделю.

Спальни охраняла Катя, лет 35 или 40, «прикаренушка» (от корня недалеко), маленькая, физически ненормальная, с уродиной, толстенная, выдавала лекарства (полосканья от горла и т.д.). Рысина — ночью караулила коридор (ночная дежурная). Как зажигали лампы, она уже тут. Их было две. Вторая — Ланитина Екатерина Федоровна — тоже была ночная дежурная («безгласная, с нами мало имела соприкосновение»).

Одеждой заведовала Наталья Васильевна. Сердитая! Чуть платок не так — так и злится. Кастелянша Александра Ивановна заведовала кройкой, а другая помощница Марья Анисимовна. Она и машинками заведовала, знала, кому дать, — и воспитанницы в сохранности должны были ей вернуть.

Почему предпочитали отдавать детей в епархиальное училище? Анюту Дубровину отец крестный привел в Рязань в епархиальное училище, потому что тут постановка дела была лучше². В гимназии надо было сдавать на квартиру, беспокоиться, а тут спокойно: отдал деньги и знаешь, что о ребенке забота будет.

В случае болезни вызывали частных врачей кроме своего. Фельдшерница постоянная, врач приезжал на прием.

Классной дамой у Звуковой была Архангельская Евгения Николаевна³, чахоточная. В 1896 году осенью она умерла.

Архангельская была немножко злая, не особенно умная, бывшая епархиалка; звали ее «жареная щука» (за форму ее лица).

Спасская — теперь толстая — подруга Звуковой.

Настя Никольская (одна из классных дам), по мужу потом Елиханская (с. Хламово). Муж — священник православный — перешел в «начетчики» (священник староверов): «12 тысяч в год» жалованья.

В живой картине на вечере, который устроила Людмила Худзинская, А.И. Звукова была незабудкой; глаза синие у нее, волосы светлые (светлорусые).

Классных дам и учителей обожали. Звукова обожала Кириянова. Некрасивый, но умный учитель физики «математического факультета». На Пасху на свечки делала цветы и ему отдавала, танцевала мазурку с ним (модный был тогда танец, не всем давался).

Николай Николаевич Гривцов, 32 года, учитель по географии, сватался за Звукову. Так как он приходился ее двоюродным дядей, то ходили к архиерею. Тот сказал, что нужно за разрешением подавать в Синод, но Звукова

(ей было 17 лет) не пошла за Гривцова. Их родня очень сердилась на нее за отказ (потом Звукова вышла за Быстрова).

Гривцов был мягкий учитель, никогда не ставил двоек.

Карашев, по прозвищу «лошадь», по математике, способный, чудак неуклюжий. Но поклонницы у него были.

Санчаков — «сладчайший» красавец. Фортунин — это что-то ужасное!! Сердитый! Это что-то невозможное.

Степан Дмитриевич Яхонтов в параллельном классе, видный учитель, добрый, историк, способный учитель считался.

Краснов Михаил Матвеевич, не уступит, пожалуй, Яхонтову, историк.

Мария Ивановна Александрова, французский язык. Способная и как человек — справедливый, уважали ее. Александрова была помощницей начальницы. Екатерина Васильевна (фамилию забыла) преподавала немецкий язык. Всего было 12 классных дам и 3 помощницы.

Звукова с Людмилой Худзинской сидели рядышком в 6-м классе. О Людмиле Звукова говорит: «Девка хорошая была».

Для спектакля в епархиальном училище в 1896 году в Рязани пьесу выбирал учитель или классная дама. Играли в приемном зале или в классе. После спектакля танцы. Танцевали часто, почти каждое воскресенье. Играли воспитанницы и классные дамы. Атанова Мария Ивановна (вдова) потом вышла замуж, играла на рояле под танцы.

Епархиалки поступали на места сельских учительниц или городских. Сельская учительница получала 15 руб. (вычеты на пенсию). Городские учительницы около 60 руб. — 90 руб., смотря по урокам. Учительницы сами хозяйничали, платье шерстяное стоило тогда 10 руб., пальто 40 руб. Содержание стоило мало: фунт мяса — 7 коп., пшеничная мука — 5 коп., ржаная мука — 60 коп. пуд. («Хватало на жизнь».)

В Рязанском епархиальном училище плата за учениц 240 руб. и 180 руб., духовные платили 100 руб.⁴ Духовные еще взносы платили. Некоторые назывались «полоторные». Деньги принимала Мария Ивановна Александрова. Деньги по приезду сейчас ей отдавались. Осенью половину денег и после Рождества Христова другую. Кажется, можно было и в три срока вносить.

Иногда были долги за ученицами. Старшая сестра Лизы Успенской не уплатила за несколько лет, и Лиза хотела не уплатить, в журнал ее не вписывали⁵.

Можаровых целая семья училась и была должна, но все же к концу года Можаровы уплачивали свой долг (многосемейным, им было трудно сразу уплатить)⁶.

Лида Дуванова отчаянная (!)⁷, 4 поведение, а теперь хорошая семьянинка, а уж думали, ничего из нее не выйдет. У нее матери не было, отец бросил, а дядя их воспитывал (ее и брата). Шалости выражались в дерзостях классной даме, с начальницей столкновения.

Воспитанницы чулки штопали. У каждой воспитанницы был свой номер белья.

В театр и концерт не ходили — это было закрытое учебное заведение. Инспектор был Лучинский.

Харитина Игнатова ВОСПОМИНАНИЯ

ВТобольском епархиальном училище меня поразили мраморная лестница и бесконечный коридор со множеством стеклянных дверей¹.

По окончании экзамена нас, всех девочек, повели через громадные комнаты в необъятный зал и там прочитали, кто принят в училище. Я оказалась принятой. Затем услышала я впервые игру на рояли. После, когда все множество учениц, больших и маленьких, начали гулять по залу, шум напугал меня, я забилась в угол и простояла до звонка. Потом нас поставили в пары и повели вниз, в столовую. Сели за обед². Мне не хватило ложки.

Сестра пришла посмотреть, как я ем, рассердилась, что у меня нет ложки, и ушла. После обеда нас увели в спальню и дали койки.

Я села на свою койку и отдалась воспоминаниям. Вспомнилось родное село. Захотелось поиграть на улице.

Я встала и быстро побежала за двери. Но тут поняла, что заперта в этом громадном каменном доме, что долго не увижу милого Тобола и старых, кривых ветлин, на которых сживала в теплые, задумчивые вечера, что сотни верст отделяют меня от простой поскотины³, от мельниц, от всего... Я чуть не заплакала, вернулась на свою койку, а многие девочки уже рыдали, их утешали сестры и старшие воспитанницы.

Грустно и холодно было весь вечер. Наутро стало еще холоднее и тоскливее. Надзирательница⁴ за что-то сильно закричала на меня. Я испугалась и не поняла, чего она требует. Начались занятия.

Опять чистописание и особенно арифметика у меня хромали на оба колена. Учитель, рассерженный моими ответами по счислению, кричал, выходил из себя: «Вы ничего не понимаете!..»⁵

Да, я ничего не понимала. Он ставил мне двойки, сестра стыдила, но я не исправлялась. Мне было скучно. Я чувствовала себя одинокой, боялась всего и всех. Девочки скоро сдружились между собой, но я была угрюма и только ждала заветного дня, 1-го числа месяца, когда выдавали книги для чтения. Это делалось вечером. Нас уводили в полутемную библиотеку, ста-

вили у стола, и тут мы выбирали себе книги⁶. Я только старалась взять самую большую, чтоб подольше хватило, но никогда ее не хватало на месяц, приходилось выпрашивать у девочек книги для чтения.

Надзирательница заметила, что я постоянно читаю, стала опасаться за мои уроки, запретила читать в будни, отняла к себе книги и давала только по праздникам.

Стало близиться Рождество. Заговорили о елке. Елка давно дразнила мое воображение своей таинственной прелестью. Что-то мне достанется? Я хотела, чтобы мне достались цветные карандаши, или краски, или альбом для рисования, или книги со сказками.

Пред Введением (наш храмовой праздник)⁷ все говели. О[тец] инспектор⁸ много объяснял нам о значении исповеди и таинства причащения. Надзирательница читала духовно-нравственные статьи.

Начальница делала внушения, как должно говеть. Перед исповедью все мы просили прощения у старших. Я с великим страхом зашла в церковь. Был уже вечер. Полумрак и тишина. Только у одной иконы горит свеча. Высокая фигура батюшки склонилась над аналоем. Крест и Евангелие сверкают в темном покрове аналая; и вот, с громко бьющимся сердцем иду туда, стыд и страх борются во мне. Страшно утаить хоть один грех, но как открыть? Язык отказывается называть то, что не стыдно было делать.

После исповеди, когда я вышла из церкви и засмотрелась на звездное небо, мне было так легко, что могла бы, кажется, улететь туда. Последние недели перед Рождеством прошли незаметно.

Елка принесла мне много радости: я получила альбом для рисования.

Вскоре после Рождества, лишь началось ученье, надзирательница задала нам написать изложение: «Воспоминания детства».

Я с увлечением написала свои возлюбленные воспоминания о Тоболе, цветах, приволье и школе.

Когда надзирательница пересмотрела работы и стала делать им оценку перед всем классом, то моя оказалась замечательной по массе орфографических ошибок и яркому, живому изложению. Надзирательница хвалила меня за сочинение и в то же время жестоко высмеивала.

Получив тетрадь, я сразу же ее уничтожила.

С приближением весны я стала мечтать о каникулах. Первые проталины земли, первая травка, гомон воробьев, пение скворцов предвещали мне грядущее неизмеримое счастье. Настали экзамены.

У меня за год вышла двойка по арифметике. Сестра стала готовить меня.

Это помогло: я решила свои задачи на экзамене и радостная имела силу пройти чинно по классу, в коридоре же, по лестнице и далее, до сада пролетела мигом, — «Ответила, ответила!..» — кричала я, прыгала и кружила сестру Дашу. Даша была очень рада, ее подруги в милых выражениях поздравляли меня с переходом во второй класс. Да, я перешла во второй класс, я получила четверку по арифметике... О, как чудно в саду, как милы свежераспустившиеся березы, тополя, черемуха, рябина, как пушиста и разнообразна трава, как хорошо ею пахнет в воздухе!

После экзаменов мы отправились на каникулы. Это было в прохладное, ясное утро. С каким чувством я выехала за ворота, большие, плотные ворота, выкрашенные темно-серой краской!

Много раз во время прогулок подходила я к ним, смотрела на их узоры и скобы; когда же они были открыты, то, идя мимо, заглядывала на дорогу и спешила рассмотреть прохожих...

Тряская, полусгнившая мостовая; величественный собор с его звездами на синем куполе; обвалившиеся башни, зубчатые стены, далее пестрый базар, где пахнет рыбой, где все запылено мукой, где масса шеп, рогож и всякой рухляди; грязное предместье, широкий Иртыш, на пароме крики и давка, за Иртышом — свобода!..

Во втором классе

Серое, хмурое здание, серые ворота. В широком дворе мелькают розовые платья воспитанниц. Все смотрят. Грязные, загорелые идем мы в стеклянное крыльцо, по лестнице, по длинному коридору. Дашу шумно встречают подруги, ласкают и меня.

Новые спальни, новый класс.

Ученье, чтение и рисование пошли своим чередом. Новый предмет — география — очень полюбился мне, еще более полюбилось составление пересказов. С каким ликованием я встречала всякую тему! Как всесторонне обдумывала ее прежде, чем писать! Когда же отдавала работу, то ждала критики с мучительным нетерпением и, если учитель не делал ее, считала свои труды потерянными, если же мое сочинение ставилось в образец и читалось в классе, — с невозмутимым видом смотрела в окно.

Третье мое любимое дело было пение. Учитель пения, о. дьякон Чибисов или, как все звали его, Иван Митрофанович⁹, лишь зашел в класс, сразу завладел нашим расположением. Он был так ласков, так светло смотрел, говорил таким приятным голосом, что мы все притаились, следили и слушали. Церковное пение, квадратная нота¹⁰, обиход¹¹, все это мне было так знакомо и мило. От них веяло родным, далеким. Мне вспоминались вечера, когда папа певал со мной догматики¹² и ирмосы¹³; меня выбрали в певчие.

Кроме всего этого я узнала чувство дружбы. Клаша [Редкина] по-детски сошлась со мной в играх, нам нравилось быть вместе. Второй друг мой Надя Е[лпатьевская]¹⁴; я полюбила Надю, но не сближалась с ней первая, хотела узнать, как она относится ко мне. Случай представился. Наде понравилось мое общество; мы стали неразлучны. Уйдем, бывало, вечером в темный зал, сядем на диван за печью, крепко прижмемся друг к другу, она шепотом рассказывает мне что-либо прочитанное. Если услышим шаги, притихнем, не шевельнемся. А то гуляем во дворе после обеда.

Небо синее, глубокое; мы с Надей мечтаем о вечной дружбе там, каждая беседа соединяет нас крепче и крепче. Училище перестало быть тюрьмой, я полюбила его, была счастлива. Мне казалось, что здесь я стану «самой ученой», чего так желала всегда.

Начала читать сказки «Тысяча и одна ночь». Воображение населилось образами восточных красавиц. Случайно попался роман Толстого «Воскресение»¹⁵, я с жадностью читала его и перечитывала. Много в нем осталось непонятым, но я чувствовала что-то громадное, могучее в нем, оно тяжелым камнем легло мне в сердце.

Потом я стала охотиться за романами. Где только увижу, сейчас же выпрошу и спрячусь с ним по углам и глотаю поспешно, как краденое лакомство. Часто говорили мне старшие воспитанницы: «Тебе еще рано читать это». Я только опускала голову и краснела. Мне хотелось самой написать роман. Однажды я уединилась для этого и на целом листе написала: «Солнце только что взошло, заливая все своим розовым светом. На траве блестела роса...» Далее ничего не вышло, а лист я употребила на подстилку в парту и больше не пыталась писать романы, стихи же сочиняла по-прежнему, в строжайшей тайне. Даже Надя не посвящена была в это. Сижу, бывало, и грызу карандаш и смотрю туда-сюда, не заглядывают ли резвые подруги ко мне в тетрадь. Но нет им дела до меня, а мне только это и нужно. Углубляюсь, вдохновляюсь... Случалось такое, что, отрезвившись мыслью, я замечала в стихотворении сочетание зимы и весны; такой неправдоподобный вымысел воз-

мушал меня до крайности; я уничтожала все стихи, забрасывала стихотворство, а потом принималась за него с большим рвением. Все хорошо было, недоставало лишь свободы. Я старалась чем-нибудь восполнить этот недостаток. Пойду вечером в зал, там темно. Сяду на окно и долго смотрю на звездное небо. Выберу одну звездочку и слежу, как она играет лучами, размышляю о чем-нибудь или вспоминаю о прошлом.

Я еще хранила память о моем школьном учителе. Рассказывала Наде, какой он добрый, как интересно читал. Надя говорила мне о своей матери, которая уже умерла, как она учила ее грамоте, как была нежна с ней и называла ее Наденькой; как хорошо было ей поиграть в саду, потом съесть кусочек хлеба с горячей картофелиной, как на чердаке нашелся ящик с книгами, и в тех книгах были хорошие статьи. Потом мы начали беседовать об о. инспекторе, как он хорошо говорит, просто и увлекательно; должно быть, он святой. Я много записывала из его уроков; еще более запоминала их и, следуя его совету, во всем обращалась к Богу с молитвой.

Даже когда потеряла казенную линейку, помолилась, чтобы ее найти, и нашла.

С приближением весны опять потянуло домой. Как перелетные птички, стали мы собираться толпами и сговариваться, кому с кем ехать. Здесь хорошее любимое дело, любимая книга, дорогие друзья — там свобода, широкая степь, родимый кров. Счастливое время, когда от одного хорошего стремишься к другому. Вот веселой шумной гурьбой, попрощавшись со всеми, идем мы из стеклянного крыльца, с тем чтобы вернуться сюда только осенью. Садимся на возы с багажом и, кивая головой провожающим, весело отправляемся в путь-дорогу.

В третьем классе

Я в третьем классе! Дорогие подруги мои со мной. Ученье и пенье — это наслаждение. Сижу за своей первой партой и не спускаю глаз с учителя. Время от времени записываю. После занятий и обеда иду гулять одна или с теми, кто пригласит меня. После прогулки и чаю читаю или рисую. После ужина и молитвы иду в спальню и там отдаюсь любимым мечтам. Так идет изо дня в день правильно, спокойно, мирно.

К.А.¹⁶ много заботилась о нашем развитии, она читала нам во все свободные часы. Я до страсти любила эти чтения.

Сидишь, бывало, за работой, в классе тихо, тихо. К.А. читает артистически. Так и поднимает тебя это чтение, и у всех глаза загорелись. Помню статьи: «Рыжий граф»¹⁷, «Железная королева»¹⁸, «Дети Елены»¹⁹, «Хижина дяди Тома»²⁰.

Бывало, при чтении многие плакали, и сама К.А. уходила тогда на время. Мы в складчину выписали «Журнал для всех» и поочередно читали его всему классу. Особенно хороша была статья «Джени Эйр»²¹. Каждая воспитанница выбирала себе героя или героиню и называлась этим именем. Надя была Петр Иванович Добчинский или просто Петька. Дуня С[едакова]. — дядя Том. Я — тетка Хлоя или Сократ. Таня П.²² — Ксантиппа и т.д. Иногда мы разыгрывали сцены из прочитанного.

Однажды нас водили в музей, где собраны достопримечательности Сибири. Чучела зверей, птиц, кости мамонта, пресмыкающиеся, образцы почвы и семян. Там я видела громадную картину, изображающую языческое жертвоприношение и миссионера с поднятым распятым. Забавны инородческие идолы, увешанные красными тряпками. Интересны национальные костюмы инородцев, их изделия, модели жилищ.

Весной нас водили в Ивановский монастырь²³.

6 мая вечером нам объявили, что нас поведут в монастырь, который находится в десяти верстах от Тобольска. Это неожиданное известие привело меня в неописанный восторг. На другой же день мы отправились в путь. Весело рассыпались мы по благоухающему лесу, собирая цветы, любуясь зеленью, радуясь свободой. Дорога проходит бором и холмами, она очень живописна. Холмы и лес, да какой лес! Вот толпа остроконечных елей. Стоят они, как монахини в церкви, чинно, большие отдельно, маленькие сами собой. Рябина, крушина, черемуха, осина — все это спуталось и смешалось по дороге. Кое-где поднимается кедр-богатый. Монастырь скоро не увидишь. Сначала из-под горы вырастут кресты, затем покажутся главы церквей, наконец весь монастырь перед вами.

Смотрите, как он красиво лежит в ущелье. Темный бор и холмы окружили его. Белые стены замкнули собой белые церкви и кельи. Мимо бежит река Серебрянка. В мокрой лощине, низко упавшей направо от монастыря, расположен свечной завод. Спустившись к святым воротам, мы вошли в чистую, благоухающую ограду монастыря. Шумит тенистый сад, из церкви слышно пение. Нас радушно встретили монахи. Мы умылись и отдохнули. Потом ходили к всенощной, а на другой день к обедне. Пели и читали воспитанницы. На прощанье в роще спели монахиням несколько гимнов и сти-

хов; игуменья подарила нам книжек и крестиков. Благодарные и довольные, пошли мы обратно в город. Нарвали себе зелени и цветов. Посещение монастыря осталось надолго в нашей памяти.

Весна

В поле трава зеленеет,
В поле цветы расцветают,
Небо над нами синее,
Птички в лесу распевают.

Дружно сплетемся руками,
Весело выйдем на поле,
Станем порхать с мотыльками,
Петь и резвиться на воле.

Что это шепчут березы?
Спрячемся в зелень густую...
Слушайте сказки и грезы
Все про весну молодую!

Четвертый год в епархиальном женском училище

Теперь я уже одна приехала учиться, так как Даша осталась учительницей в селе, но это не смущало меня: милые подружки стали для меня так же близки, как сестры, и учеба было настолько интересно, что много не приходилось думать о разлуке с сестрою. Новый предмет — история, с новым учителем, занял мое внимание более всего. Когда о. Александр²⁴ в первый урок стал ходить по рядам и сильным голосом своим с сильным ударением на каждом слове начал говорить: «Историей называется такая наука...», мы перестали думать о его малом росте; умное, выразительное лицо, насмешливый взгляд и тонкая улыбка учителя понравились нам.

К.А. продолжала читать для нас. Мы выслушали Тургенева, Шекспира, Лермонтова... Вообще она все свое время посвящала нам. Раз она выбрала меня говорить на литературном вечере стихотворение «Последняя борьба» Кольцова²⁵; будучи страшно нервной, я так волновалась при выходе, что потеряла голос, говорила стихотворение тихо, и меня больше не назначали.

Когда мы учили по истории о вражде аристократов и демократов, то, по обыкновению, разыгрывали это; те воспитанницы, которые любили К.А., были названы аристократами, а мы (в числе нашей партии были Клаша и

Надя) назывались демократами. Очевидно, в нашем классе была предательница, которая рассказала о нашей игре К.А. Однажды, идя после завтрака из столовой, мы что-то зашумели. К.А. громко, с раздражением сказала: «Это которая партия шумит? Аристократы или демократы?»

Мы были сначала поражены этим, но в перемену сошлись вместе и обсудили дело. Было выяснено, что мы свободны любить или не любить К.А., что исполнять все правила и слушаться всегда будем, но любить себя она нам не прикажет. В первый свободный час К.А. вызвала всех демократов. Мы встали. К.А. была огорчена, что среди нас увидела Клашу и Граню-«Баронессу»²⁶. Девочки сказали, что это наша игра, что мы не затеваем против нее чего-либо, а просто откровенны в своих чувствах. К.А. была бледна; ей тяжело было слышать это от своих воспитанниц. Она начала говорить о нашей неблагодарности; красноречиво обличала нас, пока большинство со слезами не попросило у нее прощения. Я обратила на себя внимание К.А. спокойным видом своим. Она особенно обличала меня за дерзкий взгляд, за упорство и пообещала нам с Надей (которая была спокойнее меня) удалить из училища. Мне было горько сознавать, что из пустой игры вышла такая история. Мы с Надей после этого еще более сблизились. Мы раздумывали с ней о том, как нам быть, когда нас выключат. Мы накопим сухарей два мешка, уедем к дяде Нади, он даст нам все необходимое, потом заберемся в глухой лес, построим хижину и будем там жить. Я буду писать иконы, Надя продавать их и покупать хлеб. Но нас не выключили. Надя попросила прощения у К.А. и при этом сильно плакала. Мне было жаль Надю, я плакала о ней, уткнувшись в парту головой. Наконец и я должна была попросить прощения. Но мне было стыдно, и я не знала за собой вины. Все же за вечерние занятия пыталась подойти к К.А. Встану, но не имею силы сделать шаг и сяду опять. Взяла Евангелие, открыла наугад и прочитала: «Прости меня Отче, не видят бо, что творят...» Встала опять, К.А. смотрит на меня, подхожу и прошу у нее прощения.

— В чем ты провинилась пред мной? — спрашивает она.

— Я оскорбила Вас тогда...

— А, декабристы... Демократы... — Она что-то еще ласково сказала мне; я поняла, что она не сердится на меня. Вскоре после этого К.А. перешла учительницей в образцовую школу²⁷. Когда она прощалась с нами, все мы плакали, плакала и я. К.А. наклонилась ко мне и шепнула:

— Ведь ты не любила меня?

— Нет, — сказала я.

— О чем же ты плачешь?

— Мне Вас жаль... — могла я только сказать.

Остальное время этого года прошло бесцветно и не оставило следов в моей памяти.

Год пятый

Вот уже я на положении старшей. Еще новые предметы: физика, словесность, дидактика. Первые два дня очень интересовали меня.

Надя, мой друг, читала со мной творения св. Василия Великого²⁸ и Фламариона²⁹, выдержки записывались нами поочередно в мою тетрадь. Однажды мы прочитали с ней проповедь на день рождения Императрицы Марии о. Иоанна Кронштадтского³⁰, в которой смутили нас слова: «Женское ли это дело?» Речь шла о стремлении женщины к равноправию и общественной деятельности. Надя мечтала поехать на медицинские курсы, быть врачом и вдруг «женское ли это дело?». Мы почитали Кронштадтского пастыря, писали ему перед экзаменами, прося молитв, тем более Надя недоумевала. Я посоветовала спросить об этом о. инспектора. Совет был принят. Обсудили, как приступить к делу. Решено было написать письмо. Я составила его, Надя переписала, и обе подписались.

Письмо запечатано. Идем и отдаем его домашним о. инспектора. На другой день я была дежурной по кухне и не училась. Надя сказала мне, что о. инспектор, объясняя урок, часто смотрел на нее, точно обращался к ней, но прямо не ответил. Так наше письмо, по-видимому, и осталось напрасным.

Перед Введением на исповеди я сказала о. инспектору: «Помните ли, отец инспектор, мы с Е[лпатыевско]й писали вам?»

— Помню, — сказал он, — на вечере после елки я вам отвечу.

По этой причине мы с особенным нетерпением ждали елки. Вот и Рождество. В зале грома душистых елей и веток. Целый день мы провозились там. Делали венки и гирлянды. Мы с Варей изобрели новую сетку для окон, связывали гладкие веточки лентой и прикрепляли их крест-накрест так, что образовались занавески из зелени. Потом на листах бумаги я начертила вензель и вышила узор его зеленью елок, выстригла, украсила цветами, этот вензель приколоты над портретами Государя и Государыни. После я замечала, что многие гости всматривались в него, желая угадать, как он сделан.

Настал день елки. Выдали конфеты и орехи. Мы в новых формах и гладких пелеринках, причесанные, праздничные, парами идем по зеленому коридору в еще более зеленый зал. С таинственным топотом все наше юное племя окружает елку-гиганта, залитую огнями, пеструю, сверкающую.

Пение, музыка, сцены одна за другой занимательнее, остроумнее... Но вот окончен вечер. Гости поднимаются, их окружают воспитанницы. Около о. инспектора целая толпа. Мы с Надей стоим, прислонившись к печке, и смотрим. Он ищет нас глазами, направляется к нам и говорит ученицам: «Позвольте, я еще двум барышням свидание назначил», приглашает нас, садится на диван и начинает говорить: «Я не отвечал на ваш вопрос, что значат слова: “Женское ли это дело?” Не запрещает ли Кронштадтский пастырь женщине науку и общественную деятельность? Не отвечал для того, чтобы вы сами хорошенько подумали и приготовились понять меня.

Не запрещает о. Иоанн учиться и служить женщине, но указывает на то, что она злоупотребляет этим, начинает презирать все женские обязанности и непременно хочет быть судьей, адвокатом, политиком... Берется за то, к чему не имеет способностей, чем она не послужит ближним, а только с пути собьется. Гораздо благотворнее была бы деятельность женщины на благо общества, если бы она работала по призванию; есть призвание быть учительницей? — смело иди на этот путь; есть любовь к науке? — учись разумно; есть стремление послужить больным? — ступай лечи; есть влечение к семейной жизни? — не стыдись отдаться семейным обязанностям. Но лезть в чужое дело только по моде, только из тщеславия — безрассудно. Мужчины более способны к общественной деятельности по самой природе, по складу ума и характера. Женщина — слабая, нежная, робкая, в редких случаях может равняться с ними. Итак, женское ли это дело оспаривать у мужчин их обязанности? А обязанности женщины кто будет исполнять? Не рвитесь по нынешней моде к равноправию, политике, но в тишине совершайте свое великое дело служения ближнему всякая по своему призванию, какое бы оно ни было... А теперь идите, все ушли ужинать!» Да, нас было только трое в громадном пустом зале. Мы поблагодарили о. инспектора и пошли в столовую; тут только я почувствовала страшный голод. Речь о. инспектора восхитила нас. Весь вечер мы были заняты ею.

Вскоре после елки мы устроили домашний театр, составили труппу. Выбрали комедию Островского: «Праздничный сон до обеда»³¹, еще кое-какие сценки и разыграли их.

На святках вздумали надеть сырчиков³². Наделали, вынули выдвижные ящики столов, положили в них сырчики и выставили в окна на мороз. Однажды неосторожная лакомка уронила ящик с окна второго этажа на задний двор в снег... Пришлось посылать горничную за ними, тайна сырчиков стала известна, и нам сделали выговор.

Мне часто делали замечание еще за то, что просыпала. Но в спальнях так холодно, а под одеялом тепло. Как только услышишь звонок, проснешься и думаешь: «Еще успею встать, долго ли одеться?» Лежишь да лежишь, пока не прозвенит второй звонок — на молитву.

Моя соседка Клава была такая же засоня, как я, и ей доставалось за это.

Клаша была дружна со мной по-прежнему. Она любила мои рисунки и часто просила рисовать для нее. Я порядочно успела в этом искусстве. Раз мне удалось набросать профиль преподавателя словесности. Портрет был верен, он пошел по рукам учениц и где-то затерялся.

Потом в уроке географии, когда о. Александр читал нам об Альпах, мне вздумалось нарисовать карикатуру. Тотчас она готова. Хочу послать ее кому-нибудь для развлечения. Вдруг о. Александр вызывает меня. Я встаю.

— Дайте мне, что вы нарисовали!

Делать нечего — иду к кафедре и подаю рожницу. О. Александр спрашивает: «Это вы себя нарисовали?» Молча возвращаюсь, разрываю на кусочки злополучный рисунок. После молитвы о. Александр сказал: «Так как у некоторых из вас я вижу талант рисования, а сегодня будет заседание совета, то я постараюсь предложить давать вам уроки рисования». Я это приняла за насмешку. На другой день о. Александр вызывает меня. Начинаю рассказывать о Дании, но он прерывает меня: «Я предложил вчера нанять учителя рисования, но провалился, оказалось, что вас кормить не на что». Я продолжала размышлять об этих словах: шутка это или правда?

— Ну, рассказывайте, — говорит о. Александр, и я начинаю свой урок.

В пятом классе многие воспитанницы симпатизировали о. Александру. Мне нравились его уроки. Он говорил с иронией, немного лениво. Зато, когда рассказывал о чем-либо прекрасном, возвышенном, благородном, то весь преображался, и голос его делался сильным, словно зажигал нас. Он умел возбудить нашу мысль и, видимо, старался внушить нам хорошее, высокое... Не меньшей симпатией нашей пользовался учитель физики³³; он объяснял уроки увлекательно, ясно. Мне не приходилось учить уроки физики, потому что я записывала лекции в свою тетрадь и по ней рассказывала их своим соученицам. К экзаменам тоже не готовилась: мне все легко дава-

лось. После экзаменов в назначенный день я покинула училище для широкой степи и милой деревни.

Шестой год

В шестом классе! Как скоро пронеслись годы ученья! Давно ли я еще маленькой девочкой с почтением смотрела на старших воспитанниц, а теперь сама шестиклассница. Мне кажется, что я не такая шестиклассница, какие были прежде, а маленькая, смешная.

У нас стала пепиньеркой Е.И.³⁴, девушка среднего роста, стройная, смуглая, с большими серыми глазами, которые смотрели как-то особенно ясно, с широкими черными бровями и пышными волосами, остриженными в кружок. Она говорила всегда серьезно, кратко, но что-то горячее слышалось в ее речи; мы любили слушать ее.

Раз Е.И. сидела на лесенке нашей спальни, мы все были вокруг нее. Она долго говорила, и я почувствовала крепкую привязанность к ней. Эта привязанность постепенно возросла в горячую любовь.

Приближалось Введение. Начались спевки, приготовление к празднику, говенье. Вот 20 ноября — любимый день. С утра деятельность кипит во всех уголках училища. К вечеру одеваемся и идем мы, певчие, в церковь прежде всех.

Там ярко и красиво разубрано. Белые кошмы на полу, цветы на иконах, гирлянды на свечах. В открытое окно соседней с церковью комнаты тихонько проскользнули воспитанницы, белые, оживленные... Тихо.

Тоненькие звуки колоколов извещают о близости преосвященного. Прокашливаемся на всю всенощную. Но опять тихо. Духовенство вышло к боковым дверям. Они открываются. «Исполла!» наполняет маленькую церковь серебряными звуками.

Далее следует красивое, величественное богослужение; как чудный сон, быстро пролетает оно. Преосвященный читает акафист Богородице. После службы, делясь впечатлениями, долго еще не можем успокоиться.

Наутро преосвященный служит литургию, потом посещает Р.М.³⁵, заходит в столовую во время обеда, в зале после обеда, где слушает несколько гимнов, исполняемых ученицами, и, побеседовав со всеми, покидает училище. Так было и прежде, каждый год. И всякий раз мне становилось грустно после отъезда преосвященного: с этим кончался наш праздник.

Р.М. стала более заниматься с нами. Рассказывала нам случаи из времени своего учительства, пела детские песни, много и серьезно читала нам, да так, что ни одно слово ее не падало мимо внимания. О. Александр тоже читал нам. Особенно памятна мне его статья «Об убеждении».

Однажды он спросил нас: «Для чего нужна человеку наука?» Вызвал Граню-«Баронессу».

Граня: Наука нужна для приобретения знаний.

О.А.: А эти знания всего чаще совсем не применимы к жизни. Погоня за знаниями бывает смешна, как такое, например: одна графиня, умирая, хотела еще узнать, кто был Железная Маска?

Граня: Наука необходима для развития ума.

О.А.: Наука не может изменить природные дарования.

Граня: Наука дает возможности служить просвещению народа.

О.А.: Бескнижные апостолы прослужили просвещению всего мира, наши ученые едва ли способны послужить просвещению народа.

У меня горело сердце, мне хотелось сказать: «Наука, освященная верой, расширив кругозор человека, даст возможность служить меньшему брату, наука одна, без высшей идеи бесполезна, ничтожна».

Я не сказала этого, боясь насмешки со стороны о. Александра. Но, может быть, он и не посмеялся бы над моим ответом? После я долго думала обо всем этом; проверяла свой мысленный ответ, — он мне казался справедливым.

Я все более думала о предстоящей самостоятельной жизни. Стала читать Библию. Это чтение сильно повлияло на меня. Я почувствовала над собой всевидящее око. Стала строгой к себе и добросовестней в отношении к урокам. Начала вставать очень рано. Чуть рассветает, оденусь и иду в пустой класс; там читаю до звонка на молитву. Е.И., узнав, что я рано встаю, попросила будить ее в 6 часов каждое утро. Все это время было одной сплошной заботой о будущем и любовью к Е.И. Она была моей радостью, я даже посвящала ей стихи. Знала ли Е.И. о моем чувстве? Надя отдалилась от меня, зато Клаша была особенно внимательна ко мне. Читала со мной. Подолгу говорила о своем отце, которого обожала, о хорошем знакомом учителе, который в прошлое лето читал с ней и ходил за цветами, о том, что она хочет ехать в Одессу учиться. Она звала меня с собой; говорила, что если я прослужу учительницей два года, то накоплю достаточно денег на свое ученье. Я была согласна с этим.

Настал последний день ученья³⁶. Тяжело было нам.

Кончился последний урок.

Когда опустел класс, я упала на парту головой и долго, безумно плакала. Я плакала о моем протекшем светлом празднике, о детстве, я знала, что должна вступить в жизнь, и предчувствовала в ней страшное, безобразное, тяжелое...

Немного успокоившись, пришла в спальню переодеваться. Там стон стоял от плача. Ушла в умывальник умываться. Но сколько ни отирала себе лицо, оно было мокро от слез.

Потом нас перевели в зал, и мы попросились с классом, свидетелем наших горестей и радостей (в нем мы проучились три последних года).

Близость разлуки сплотила всех воспитанниц. Мы обменивались карточками, писали друг другу в альбомы. Тогда же мы снялись, все певчие нашего класса с И.М. Тайком собирались все; отпросились в отпуск или на базар, а оказались в фотографии. Скоро туда приехал И.М., поиграл нам на пианино, поговорили о предстоящей разлуке, снялись и разошлись, кто в отпуск, кто обратно в училище. Далее захотелось нам поздравить К.Н.³⁷ с днем ангела. Собрали деньги на поздравительную карточку 4 рубля, искали во всех магазинах и не нашли такой дорогой карточки. Купили за полтину и послали.

Еще захотелось нам помолиться у гробницы митрополита Иоанна³⁸. Пригласили о. А[лександра] в собор, пошли. Дождь лил, как из ведра. Мокрые отслушали обедню, приложились к святыне и пошли обратно. О. А[лександр] всю дорогу беседовал с нами и потом сердечно простился.

Как мил стал нам каждый уголок в саду, во дворе и в училище, точно это был родной дом наш. Ходили еще в собор за чудотворной иконой Божией Матери, служили молебен, потом унесли ее и там, среди пустого собора пропели: «Моление теплое и Стена необоримая...» «От бед избави нас...»

Мы хотели больше набрать силы для предстоящей деятельной жизни, и все точно благословляли нас: Р.М., о. инспектор, Е.И., о. Александр, наши наставники, — как тепло и участливо было их слово!

Последний день. Открыла глаза. Светло. Звонка уже нет. Многие койки пусты и даже без матрацев, так как некоторые девочки еще вчера покинули училище.

Покину его сегодня и я.

Прощай, училище! Ты стало мне дорого так же, как некогда родная степь и Тобол. Ты всегда будешь жить в моих воспоминаниях.

Оделась. После чая идем прощаться с Р.М. Она душевно побеседовала с нами, мы искренно благодарили ее за все. Я еще зашла в мой класс, еще посидела за партой, еще посмотрела на картины и пошла собираться в путь-дорогу.

Сборы небольшие, так как многое было сделано заранее. Простилась с Е.И., с Надей, со всеми воспитанницами, отправилась в путь и подумала: «Боже, благослови».

В епархиальном училище, как во дни раннего детства, внутренняя жизнь заслоняла от моего внимания все постороннее. Только странная пытливость мысли заставляла изучать кого-либо и что-либо. Привяжусь, бывало, к одному слову и размышляю: почему оно именно так говорится? Или увижу сучок на стене и начну составлять его историю. Так моему изучению подвергались все рисунки, орнаменты, картины, узоры на златоустовских ножах³⁹, резьба иконостаса, иконы.

На моей парте были царапины, штрихи, пятна. Я подолгу смотрела на них не мигая, они группировались и составляли причудливые фигуры, я поспешно закрепляла их карандашом, потом изменяла по своему произволу, стирала и заменяла новыми.

Я писала себе правила, наставления, наказывала себя за проступки, искала поддержки в других высоких, благородных лицах. Они возбуждали во мне чувство уважения и любви, но по крайней застенчивости я ни перед кем не обнаруживала своих чувств.

Мое настроение было разнообразно и изменчиво, так что я читала сразу несколько книг с совершенно противоположным содержанием.

Мечты были всевозможные. То я мечтала стать художницей, то учительницей, то ученой, то монахиней... Иногда посещало меня желание быть красивой.

Красота в моих глазах имела цену, а пред умом я преклонялась и ставила его выше всех достоинств человека. Проведя шесть лет в епархиальном училище, я встретила и оценила там многих умных и прекрасных людей и всегда с благодарностью вспоминаю о них.

Александра Пояркова
ДНЕВНИК

1902 год

25 августа. Папа служил для нас с Маней¹ молебен в церкви. В 11 часов попрощались с домашними и поехали в Орел.

26 августа. Приехали в Орел — и скорее в училище. К молебну успели, после молебна отправились к тете.

27 августа. Ходила на спевку в церковь. Вечером читала «Обрыв» Гончарова.

28 августа. Читала в церкви первый раз шестопсалмие².

5 сентября. Приходил на урок новый преподаватель физики³. На первый взгляд произвел хорошее впечатление.

8 сентября. Шел дождь со снегом.

12 сентября. В 6 утра ходили в баню, после обеда учила урок музыки и ходила на спевку в церковь. Пели стройно и легко.

13 сентября. По Закону Божию получила 5. Ходила ко Всенощной⁴.

14 сентября. Читала в церкви 3 часа.

15 сентября. Ходила в церковь, до обеда учила уроки, после обеда готовилась к уроку музыки. Гуляли с девочками в училищном парке. Какая красивая осень на дворе!

17 сентября. Именины Веры, Надежды, Любви. В классе так много нынче именинниц! Ели много конфет. Настроение было отличное, так как объявили, что у нас по-прежнему будет зал для танцев. К вечеру настроение испортилось тем, что уроки были заданы трудные и не были выучены мною.

18 сентября. Какое счастье — по космографии⁵ не вызывали! На порядке пекла олады. После порядка наша классная дама Лидия Семеновна⁶ дала мне ноты для кадрили. После молитвы читала Тургенев.

19 сентября. Встали в 6½ часов и пошли дежурить на кухню. В кладовой получили провизию от дьякона. На уроках не была по причине дежурства.

Дежурство прошло благополучно, если не считать, что вместо записанной в меню гречневой каши сварили пшеничную⁷.

20 сентября. Брала урок музыки, отвечала этюд. Учительница сказала, что выучен этюд хорошо, а гибкости пальцев нет.

21 сентября. Ходили ко Всенощной. Служил священник Петропавловский.

22 сентября. Сегодня воскресенье. После обеда приезжали учителя, снимались для вида в выпускной альбом⁸.

1 октября. Ходила к обедне и читала 6 часов в церкви. Пришедши из церкви, стала собираться в театр. С Лидией Семеновной брали две ложи. Играли «Грозу» Островского. После театра пили чай. Перед сном делились с девочками впечатлениями⁹.

6 октября. Поправляла сочинения девочек и переписывала с черновика свое.

8 октября. Первый раз ходила преподавать в школу. В 8½ часов учительница велела всем начинать молитву, среди молитвы ученицы пели «Царю небесный» и «Спаси, Господи». После молитвы мы с Лидой должны были решить, кому заниматься со средними, кому со старшими. Я занималась сначала со средними русским языком, на 2-м уроке я проверяла, как старшие склоняют местоимения. На 3-м уроке проверяла старших по чистописанию¹⁰.

Не понравилось, что в школе надо объяснять каждой девочке, а не всем сразу. Хотя, конечно, невозможно вслух говорить двум, будешь перебивать. После обеда пошла на спевку.

9 октября. Ходили к начальнице¹¹ просить разрешения сходить сниматься. Она позволила, но сначала вычитала нам, что рано начинаем сниматься. В этот же день пошли к фотографу 10 девочек из класса.

12 октября. В первый раз на спевке сегодня была монашка.

13 октября. На рукоделии выучила Клашу играть польку. После чая долго играла девочкам в зале кадрили, они танцевали.

14 октября. Вечером был страшный переполох по случаю того, что дровосек взошел на третий этаж. Девочки видели его! После случившегося обыскали черный ход. После молитвы начальница сказала по поводу произошедшего речь.

21 октября. Ездила на трамвае с тетей в собор. Был царский день¹².

22 октября. Был спектакль в 4-м классе, играли «Дикарку»¹³. На душе почему-то нехорошо, тяжело, какие-то предчувствия.

23 октября. Какое счастье! Нас с Маней приехал навестить папа.

24 октября. После обеда пришел папа и сказал, что срочно едет домой. Удивительно, ведь он собирался ехать 25-го!

— Почему, папа?

— Сашечка, случилось страшное несчастье — наш дом, дьяконов и отца Михаила сгорели. Сгорела и наша церковь.

Мы с Маней ушли в дортуар и дали волю слезам. Хоть бы все это оказалось неправдой! Пришла Нюра Выходцева с письмом из Фошни¹⁴. Все слышанное папой — правда! Пожар произошел в ночь под 23-е. В 4 часа принесли открытку от имени мамы. Не ее рукой, кто-то писал нам, что дом сгорел, но из комнат все вынесли. Я в это не верю. Одним девочкам прислали письмо, что из домов все вынесли. Другой, напротив, что ничего спасти не удалось. Таким образом, известия из Фошни самые разнообразные.

25 октября. В 5 утра пошли в баню. Все мылись, а я плакала, представляя картину пожара. Нашего милого дома с мезонином больше нет! На молитве облегчила свою печаль. На уроки пошла, ничего не зная. После обеда был урок музыки. Учительница поняла по глазам, что у меня горе. На вопросы я отвечала слезами. Учительница утешила меня, просила как можно чаще писать домой нежные письма и больше молиться. Пришедши в класс, писала сочинение по космографии «Старый и новый стиль».

26 октября. Передали слышанное от отца Алексея. Он сказал, что наши вынесли из комнат все, кроме гардероба, в амбарах все погорело, а скот спасли. Наши живут в доме отца Петра. У отца Михаила спасли только два сундука. Церковь сгорела до арки. Антиминс¹⁵ лежит пока в Жуковской церкви. Маленькие колокола побились, а большой уцелел. Архиерей велел взять техника, осмотреть церковь и поправить, что можно, чтобы служить до весны. Снова напала на меня тоска, но, слава Богу, она рассеялась среди молитвы. Размышлениями я дошла до того, что как ни жить, а умирать придется. Все земные блага останутся, а нас спросит Господь не о том, богато ли жили мы, а какие дела мы хорошие сделали. Бог дал, Бог и взял. Претерпевший до конца спасется. Во Всенощной я во всем положила на Бога и пришла из церкви совершенно успокоенная. Перед сном снова было затосковала, но молитва утешила меня и придала сил.

31 октября. Меня вызывала к себе учительница музыки и передала решение начальницы, что платные уроки мне будут давать бесплатно.

16 ноября. Нас отпустили говеть.

16—21 ноября. Было много певок. 20-го я исповедовалась. Во Всенощной пели хорошо, без запинок.

21 ноября. Встали в 5 утра и причащались в ранней обедне. Потом пили чай. Начальница прислала нам коробки конфет. Пошли к поздней обедне.

23 ноября. Получила письмо из дома. Наши пишут, что церковь освятили 8 ноября, колокол втащили на колокольню 15 ноября.

27 ноября. Приехала мама. Меня трясла лихорадка от рассказов мамы про ужасы пожара. Ходили за покупками. Купили шапки мне и Мане, мне ботинки и Мане башлык.

29 ноября. После уроков ходила в школу. Следила за 3-м отделением, они письменно отвечали на вопросы из курса правописания Некрасова¹⁶. 2-й урок — пение, 3-й — занималась со старшими русским языком. Из школы пошла в баню, потом обед. В этот день принесли наши сочинения по Закону Божию, мне — 5¹⁷.

3 декабря. Ходили с девочками покупать подарок учительнице музыки. Приобрели хорошенькие часики.

5 декабря. В 4 часа приехала в училище Варвара Ефимовна¹⁸, привезла нам к чаю два торта и две коробки конфет. Мы поздравили ее с Варвариным днем и пожелали благоденствия. Потом она играла, а мы пели и танцевали.

6 декабря. Читала «Женские типы» Писарева¹⁹. Вечером ходили в театр на «Фрину»²⁰. Пьеса показалась слабой, но музыка была хороша.

11 декабря. Варвара Ефимовна пригласила меня к себе в гости. Мне было приятно, что она меня отметила между девочек. Угощала чаем с тортом, подарила ноты и вручила деньги, чтобы я купила себе ноты, какие понравятся. Долго утешала меня, чтобы не думала о сгоревшем доме. А я вспомнила своих друзей детства — кукол и чуть не расплакалась. Они лежали в сундуке на мезонине, и, конечно, о них никто не вспомнил. Бедняжки куклы сгорели!

15 декабря. Ходили классом на концерт в Дворянское собрание. Концерт прекрасный, особенно понравились музыкальные номера.

16—20 декабря. Нам выставляли баллы. Я всегда была второй в классе, а на этот раз — третья²¹. Сказались огорчения, связанные с пожаром. Шила новое платье к Рождеству. Девочки так рады предстоящей поездке домой, а мне ужасно грустно!

21 декабря. Наступил день отъезда. Глубокая грусть наполнила мое сердце. После 12 часов, доложившись начальнице, зашли в нотный магазин, купили новые ноты, а в лавке рядом — сласти в подарок домашним, наняли

извозчика и поехали на вокзал. Ехали до Брянска вчетвером. По дороге выяснилось, что Надя взяла чужой баул вместо своего.

22 декабря. Пересели в Брянске на поезд до Жуковки, а уж там ждал нас с Маней наш савраска. Всю дорогу от Орла я представляла себе картину родного пепелища. И вот — Фошня. Слезы покатались градом при виде церкви без куполов. Как грустно и тяжело на душе. Нас подвезли к дому отца Петра, где разместились наши. Вышли встречать нас мама и папа. Мы незаметно вытерли слезы и стали рисоваться совершенно довольными. Видя нас веселыми, мама и папа стали избегать разговоров на печальную тему. Впрочем, мы узнали, что папа получил уже 3 варианта плана на новый дом. К архиерею послано прошение о выделении теса на строительство. Вечером я шила себе новую кофту, а Маня под руководством мамы — новое платье к Рождеству. Зазвонили к вечерне, и мы с Маней пошли в церковь. Больно было идти мимо нашей усадьбы — пустое поле. А как сжалось сердце, когда увидели мы церковь без дверей и без стекол в окнах. Церковь представляла собой потухший вулкан.

25 декабря. Ходили к утрене²² и обедне. Не было прежней торжественности, пели псаломщики без певчих. Придя с обедни, разговелись. Потом мы с Маней играли в четыре руки, мама пела. Потом Женя играл на скрипке, а мама на гитаре. Какой чудный у них дуэт! Днем приходили с визитами учителя, лесничий, доктор. Гости пробыли до 10 часов вечера. Мы за это время успели сходить на каток и покататься.

26 декабря. Сегодня мы ходили в гости. А я-то мечтала съездить в Бецкино на елку! Папа получил приглашение и обещал нам, теперь вот выяснилось, что у них с мамой нет расположения. Обидно!

27 декабря. Получили красивый печатный билет на елку во второклассной школе²³. Позвала к себе девочек, и мы начали готовиться к танцам на будущей елке. Долго обсуждали, кто что наденет. Все ждут от вечера чего-то особенного!

28 декабря. Маня пошла умыться и вдруг кричит: «Саша!» Выяснилось, что мимо окна прошел студент Московской духовной академии Василий Иванович Парнасский²⁴! Он приехал на вакации! Вечером нас звали к себе Варя и Нюра, но тут пришел Женя и сказал, что к нам придет Парнасский знакомиться. И вот мы не пошли к Варе, а Парнасский отложил знакомство! Пошли кататься на каток и там развеселились.

29 декабря. Наступил день, которого все так ждали, многие даже шили к этому дню платья. Мы всем семейством ходили в церковь. После обедни

приходил знакомиться Парнасский, но нам с Маней было уже не до него. Мы спешили одеваться на елку! Работник принес программу праздника. На елку собрали 83 рубля, должно все пройти необыкновенно. В 5 часов стали собираться, а в 6 часов отправились. У входа билеты забрал швейцар. Наконец нас пустили в залу. Елка до потолка, убрана очень нарядно, в зале гирлянды. Приехало очень много народа, многие даже из Брянска. Начался концерт. Переписываю с программки номера.

I отделение.

Радость праздника Рождества Христова — прочитал о. Алексей.

Слава в вышних Богу — хор.

Боже, царя храни — хор.

Братья славяне — хор.

II отделение (зажжение елки).

Предание о Рождественской елке — Малышев.

Путеводная звезда — Левшенкова.

Жена ямщика — хор.

III отделение (оркестр и хор).

«Жизнь за царя».

«Над Невой резво вьются».

Раздача гостинцев и подарков.

IV отделение.

Учителя представили сцены из «Бориса Годунова».

В 11 часов начались танцы. Мы с Маней вернулись домой в 3 часа ночи очень довольные и падающие с ног.

30 декабря. Мама учила меня игре на гитаре. Я выучила 4 вещички, среди них моя любимая «Полька влюбленных».

1903 год

1 января. Первый день Нового года. Интересно, каким-то он будет?

3 января. Ходила смотреть караулку, куда наши переедут после святок. Произвела она на нас самое скверное впечатление. Измерили караулку, а вечером рисовали на бумаге, как расставлять мебель.

6 января. Крещение. Ходила к утрне. На обедню пошли в церковь, но пробиться не смогли, невиданное количество народу. Пошли на иордань²⁵, но в этом году не было обычной торжественности, в пушку не били, так как она сгорела. Вечером катались на катке 4 часа. Катались фигурно — и по три, и по пять девочек.

8 января. Встали в 6 часов и пошли в церковь прикладываться к иконам. Попрошались с домашними и отправились в дорогу. В епархиальное прибы-ли в 5 часов. Оказалось, приехавших еще очень мало. Делились с девочками впечатлениями о святках.

19 января. Ходили в церковь на панихиду по о. Андрею Казанскому²⁶. Мы все очень любили и почитали его.

20 января. Девочки пошли на похороны, а я — в больницу. У меня под-нялась температура, и меня оставили там.

28 января. Я вышла из больницы и занималась с детьми в школе. Дала четыре урока. Мне так нравится преподавать. Чувствую небывалый прилив сил. Приятно сознавать себя полезной и нужной. Думаю, я смогу в будущем преподавать в сельской школе.

19 апреля. Должен приехать архиерей, поэтому после уроков спевались. После приготовления уроков шила скатерть, а в 8 вечера началась спевка.

20 апреля. На обедне в церкви присутствовал архиерей²⁷. Обедню пропе-ли очень хорошо. Он обедал с нами и пил вечером чай, к которому препод-нес нам конфет. Ктитор²⁸ выдал девочкам, певшим в хоре, десять рублей от архиерея.

22 апреля. Сегодня впервые в этом году ела свежие огурцы.

23 апреля. День моих именин. Ходила в гости к тете. Мне устроили чае-питие и подарили коробку конфет. В училище девочки подарили мне альбом (и многие туда записали стихи, пожелания, напутствия), а Зина преподнес-ла мне коробку пастилы.

24 апреля. Получила из дома поздравительное письмо.

30 апреля. Расцвели ландыши. Нам выставляют итоговые оценки. Учи-теля произносят прощальные речи в конце уроков.

1 мая. Навсегда запомню этот день — день прощания с самым любимым учителем — А[лексеем] Ник[олаевичем] Корольковым²⁹. Как все мы, девоч-ки, его любили! Он взшел в класс, а мы хором пропели «Настает пора раз-луки». Корольков произнес прощальное слово, и все мы заплакали.

5 мая. Писали экспромт «Образ Петра Великого в поэме Пушкина “Пол-тава”». Слава Богу, написала хорошо.

Начала готовиться к экзамену по геометрии. К вечеру геометрия мне страшно надоела, даже разболелась голова.

7 мая. Сдала геометрию — 5! Гора с плеч! Начала усердно готовиться к экзамену по Закону Божию.

От 7 до 16 мая вставала в 4 утра, ужасно утомилась за эту подготовку. Отвлекалась только один раз — ходили в купеческое собрание на акт церковно-приходских и земских школ. Ученики очень задушевно пели и читали стихи с большим подъемом.

16 мая. День главного экзамена настал³⁰. В класс вошел отец Владимир³¹ и объявил, что прибыл архиерей. Я отвечала первой и была почему-то очень спокойна. Архиерей похвалил меня и задал несколько вопросов. Я их теперь вспомнить не могу, наверно, была как во сне. Девочки все тоже отвечали хорошо, и архиерей одобрительно отозвался о выпускницах нынешнего года.

23 мая. Последний экзамен по дидактике прошел для меня не совсем благополучно. Отвечала я правильно, но как-то вяло. Решила, что получу 4. Обидно — в году была 5, а в аттестате — 4. Вызвали для объявления баллов — ах, чудо, все-таки 5. У меня будут все пятерки в аттестате! Шесть лет напряженного труда увенчались победой, Боже, какое счастье!³²

Папа и мама смогут гордиться своей епархиалкой!

Анастасия Лебедева
В ИСИДОРОВСКОМ УЧИЛИЩЕ
(Воспоминания)

Как и старшие сестры, я училась в Петер-женском училище¹. Оно было основано митрополитом Исидором, кажется, в 70-е годы прошлого столетия, для детей духовного звания².

Дом на Невском проспекте, 176, сохранился до настоящего времени³.

Основная масса воспитанниц Исидоровского училища — дети сельского духовенства (священников, псаломщиков, просвирен) Петербургской губернии⁴. Они жили в училище весь учебный год, уезжая домой только на каникулы, и назывались «живущими». В каждом классе было несколько городских девочек, которые приходили только на уроки, они назывались «приходящими» (в нашем классе таких было двое).

С 1910 года количество воспитанниц начало увеличиваться вдвойне благодаря открытию «параллельных» классов, которые ничем, правда, не отличались от штатных⁵. Я поступила в 1911 году в параллельный класс⁶. При вступительных экзаменах надо было написать диктовку, сказать наизусть по выбору стихотворение (я прочитала «Вырыта заступом яма глубокая» Никитина⁷) и знать таблицу умножения.

Воспитанницы класса различались по цвету платья (в 1—2-м классах платья (из камлота⁸) были темно-красные (бордо); в 3—4-м — зеленые; в 5-м и 6-м — лиловые; в 7—8-м — серые⁹. В будние дни мы носили черные передники и белые пелеринки (одной из форм наказания, к которой прибегали сравнительно редко, была «оставить без передника»).

В училище соблюдались строго установленные порядки. К первоклассницам прикреплялись воспитанницы из 5-х классов, они назывались «старшими», в их обязанности входило помочь на первых порах новеньким во всем: научить заправлять постель, делать метки на белье и обуви в положенном месте, помочь починить одежду, научить завязывать бантик на переднике и др. Все это «старшие» делали обычно охотно и заботливо.

Девочек старше на два года нужно было называть уменьшительными именами: Анечка, Танечка и т.д. (Подруга и я в 5-м классе решили из озорства отменить в обращении уменьшительные имена. Когда в посетительские дни, четверг и воскресенье, дежурным по площадке приходилось вызывать девочек, к которым пришли на прием родные или знакомые, то, входя в класс к старшим, мы громко объявляли: «Рая Боголюбова, вас вызывают» или «Маруся Некрасова, к вам пришли». Старшие воспитанницы замечали это нарушение, но выговора нам не делали.)

Был еще один обычай, который воспитанницы младшего возраста подерживали, скорее всего, из подражания, — «иметь симпатию». Избранному предмету обожания и поклонения из числа старших воспитанниц младшая девочка посылала «секретку» с выражением соответствующих чувств, что означало предложение стать ее «симпатией». Если это предложение не отвергалось, девочка приходила к «симпатии» в гости, гуляла с ней на переменах, выказывала ей всяческое внимание — начиная от поздравления с днем рождения и [кончая] перепиской в каникулярное время. Не отвергая поклонения, «симпатия» переводила их отношения на дружеские, с покровительственным оттенком со своей стороны.

Когда я была в старших классах, эта традиция почти изжила себя. Более того, мы, например, с подружкой если получали записки от девочек постарше себя, то так насмехались над их авторами, что всякое желание иметь в нашем лице «симпатию» у них быстро проходило.

Порядок дня в училище был следующий: в 7 часов (или без пятнадцати 7?) по звонку мы вставали. Примерно в 7 часов 30 минут становились в пары и шли на молитву. В последние годы она проводилась в общей столовой, где стояли уже накрытые к утреннему чаю столы. Молитвы по тетрадке читали по очереди ученицы старших классов. Затем мы выпивали кружку холодного чая, к которому полагались два кусочка сахару и французская булка за 3 копейки (горячий чай мы пили вечером и уже с мягкой французской булкой). После большой перемены начинались уроки до завтрака, состоявшего из каши или куска пирога или черного кофе с ломтем полубелого хлеба. Затем два урока, до обеда. Помню, что всем нам хотелось есть, уносить хлеб в кармане не разрешалось. Только за обедом мы на какое-то время утоляли свой голод (мы могли покупать сласти через служащую девушку, для чего составлялся список такого образца: 1. шоколад, на 5 коп. — такой (указывалась фамилия девочки); 2. ириски, на 5 коп. (фамилия). По этому списку мага-

зин отпускал товар. Большинство из нас, в том числе и я, не могли рассчитывать на эти деньги).

Обед состоял из трех блюд. Соблюдались «постные» дни — среда и пятница. По воскресеньям в меню было: суп с мясом, котлеты с пюре и пирожное, на выбор. Готовили вкусно. После вечернего чая, в 5 часов, шло приготовление уроков, затем ужин (из двух блюд плюс тайком приносились куски хлеба). За обедом и ужином ставились кувшины с квасом. После ужина кто сидел в классе, кто в спальне. Или, переодевшись в халаты, гуляли по коридору с распушенными волосами, чтобы и они отдохали.

Говорят, исидорянки отличались трудолюбием, и это неудивительно, так как их воспитывала училищная и домашняя обстановка. После окончания 6 или 8 классов¹⁰ исидорянки работали учительницами, чаще в так называемых церковно-приходских школах с трехгодичным обучением. Высшее образование получала незначительная часть воспитанниц¹¹. В известной мере подготовкой к нему был восьмой класс, который делился на физико-математическое отделение и историко-филологическое.

Первый год жизни в училище для меня и для многих был непривычный и тягостный. Из домашнего приволья, жизни на природе мы попадали в обстановку довольно строгого режима, сидения в «четыре стены». А какая была дисциплина! Классная дама¹² или ее помощница, дежурившие по дням, находилась с нами неотлучно. На уроках ни повернуть головы, ни разговоров (даже если что-нибудь нужно было спросить), ни подсказок. Достаточно было взгляда классной дамы, чтобы пресечь «нарушение».

На переменах, правда, мы шумели и бегали беспрепятственно. Единственно, когда мы чувствовали себя в младших классах «свободными», это когда мы были в бане. Она находилась на нашем дворе. Накинув теплые халаты, с мешками на плечах, где было чистое белье, мы бежали в баню с радостными криками — одни. В бане присутствовала на первых порах только «девушка», которая могла помочь помыться, а потом и она не приходила. Почему-то в бане мы любили петь. Исполнять наш репертуар в классе или спальне было недопустимо. Пели мы хором, «мужицкими» голосами и во все горло:

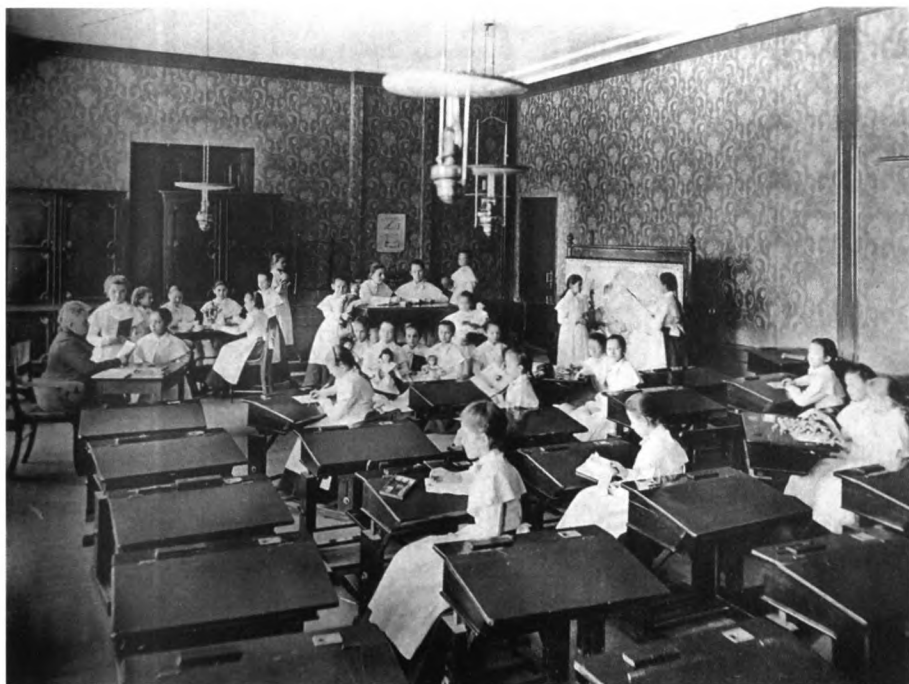
Мы фабричные ребята (3 раза),
У нас кудри кудреваты
Есть.
Мы на то кудри кудрили (3 раза),

Чтобы девицы любили
Нас.
Мы подходим к кабаку (3 раза).
Целовальник на боку
Спит.
Целовальник наш Артюха (3 раза),
Не люби нашу Варюху —
Раз!
А еще его по брюху (3 раза),
Не люби нашу Варюху —
Два!

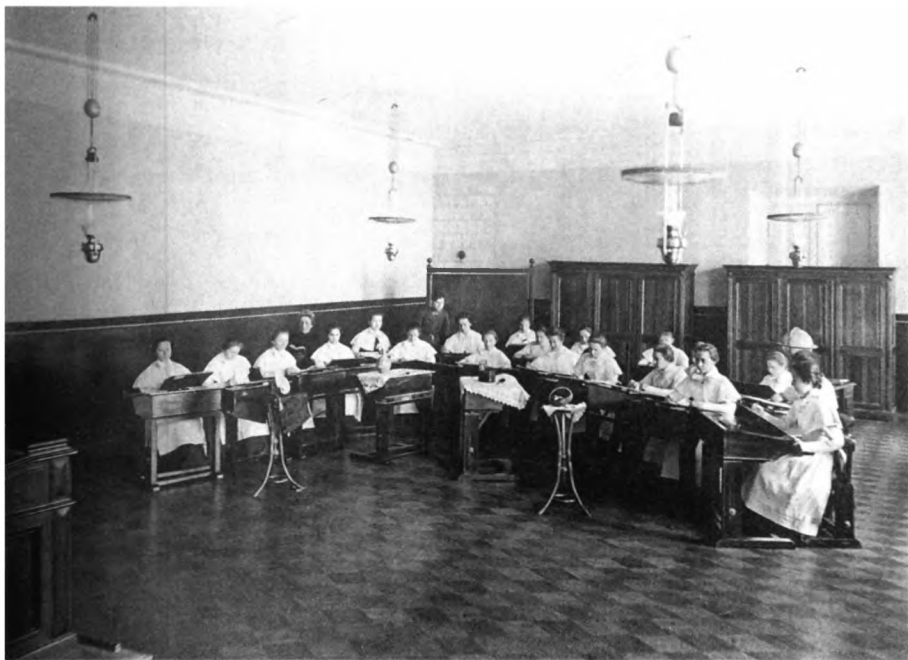

Здание Рязанского епархиального училища в 1899 г.

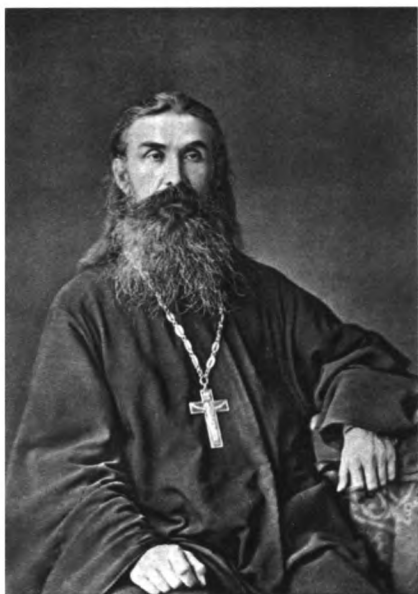
В классе Рязанского епархиального училища

Рукодельный класс в Рязанском епархиальном училище

Хор воспитанниц Рязанского епархиального училища

Ф.А. Орлов

**Надя Прокимнова — воспитанница
Рязанского епархиального училища.
Начало XX в.**

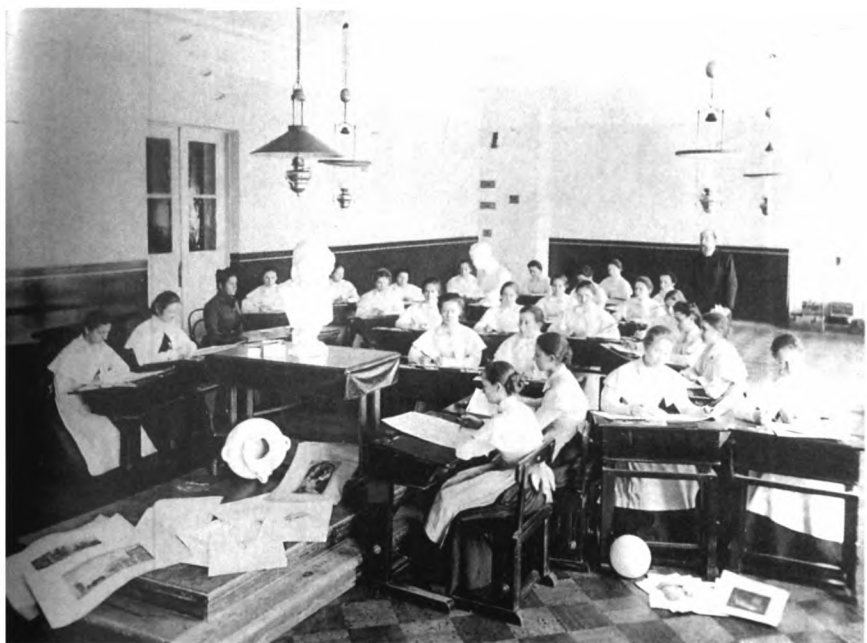
**М.А. Крылова — воспитанница
Рязанского епархиального училища**

М.А. Крылова — учительница

В библиотеке Рязанского епархиального училища

Урок рисования в Рязанском епархиальном училище

Здание Калужского епархиального училища

Преподаватели Калужского епархиального училища

Выпускная фотография воспитанниц Калужского епархиального училища.
Среди преподавателей — К.Э. Циолковский

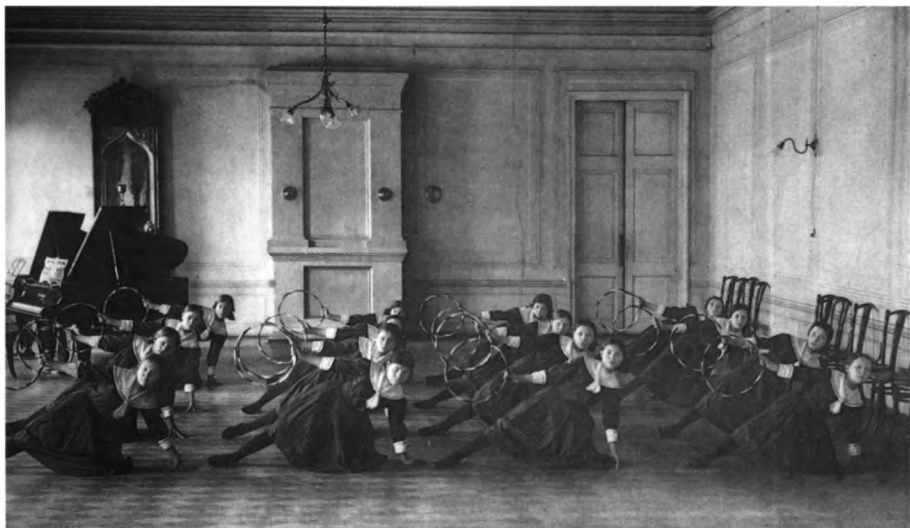
Преподаватели Нижегородского епархиального училища. 1913 г.

Урок в шестом классе Нижегородского епархиального училища. 1913 г.

Урок в седьмом классе Нижегородского епархиального училища. 1913 г.

Урок гимнастики в Нижегородском епархиальном училище. 1913 г.

Преподаватели Нижегородского епархиального училища. 1913 г.

Здание Царскосельского училища девиц духовного звания. Современный вид

Здание Исидоровского Санкт-Петербургского женского епархиального училища. 1915 г.

Страницы из выпускного альбома воспитанниц
Орловского женского епархиального училища. 1909/1910 учебный год

Воспитанницы Костромского женского епархиального училища

Здание Костромского епархиального училища

Е.П. Шипова

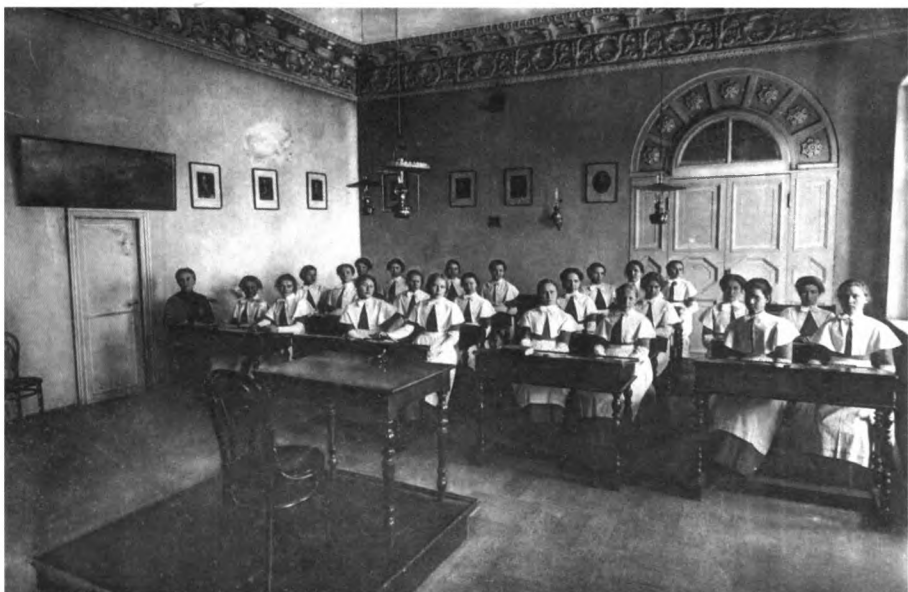
Здание Ярославского училища девиц духовного звания

Здание Ярославского Ионафановского женского епархиального училища

Воспитанницы 8 класса Ярославского женского епархиального училища.
1912/1913 учебный год

В классе Ярославского женского епархиального училища. 1912/1913 учебный год

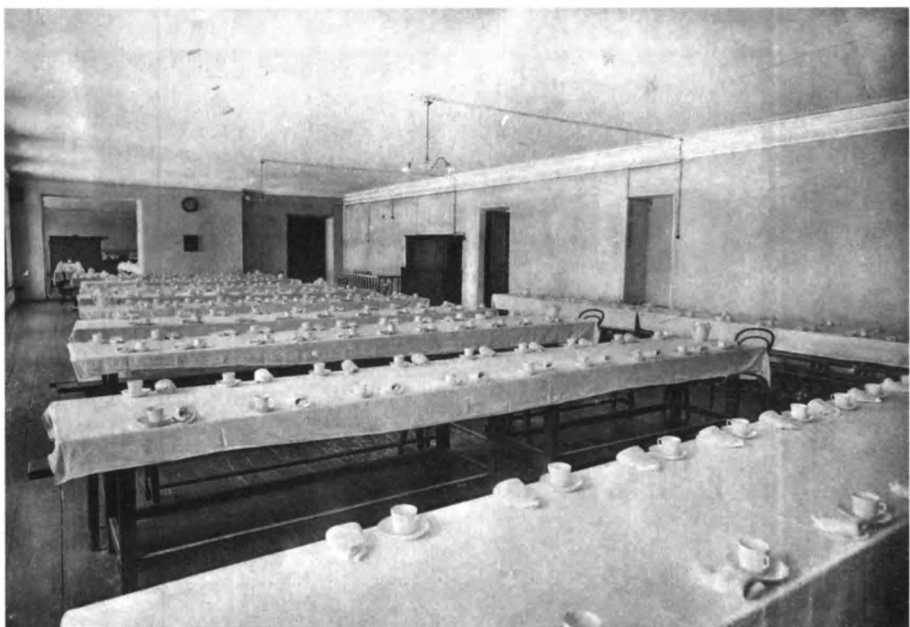
В классе Ярославского женского епархиального училища. 1912/1913 учебный год

Хор воспитанниц Ярославского женского епархиального училища.
1912/1913 учебный год

Дортуар (спальня) в Ярославском женском епархиальном училище.
1912/1913 учебный год

Столовая в Ярославском женском епархиальном училище. 1912/1913 учебный год

Н.Д. Лидина
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА
(Воспоминания)

В епархиальном училище получали среднее образование в основном дочери духовенства. Аттестат о его окончании давал право на звание учительницы начальных классов. В Архангельской губернии было одно такое училище¹, поэтому в Архангельск родители привозили дочерей из самых удаленных мест. Училище с его хозяйственными постройками, садом размещалось там, где сейчас находится АГТУ². Классные комнаты, спальни, столовая, актовый зал, раздевалки и церковь занимали три двухэтажных дома и один одноэтажный. Существовало распространенное прозвище епархиалок — репки. По преданию, прозвище это закрепилось за ними вот по какому случаю: какой-то добрый благодетель привез затворницам большой мешок репы, поставил его в коридор. Какая-то девица подсмотрела это, рассказала подругам, и все они побежали и расхватали репку. Пришел хозяин — репки-то и нет.

В первый класс принимали девочек, окончивших три класса приходской школы. Попав в незнакомый город совсем к чужим людям, расставшись с родителями, бедняжки сначала горько плакали, но потом, конечно, привыкали. Главой училища в начале XX века была Фелицата Иосифовна Карелина³. Была она невысокого роста, очень худощава, и было удивительно, как такое невзрачное на вид существо держит в повиновении и глубоком уважении большой коллектив детей, учителей, обслуживающего персонала. Она никогда не кричала ни на кого, не повышала голоса, но я уверена, что не было на свете такой девочки, которая могла бы не послушаться ее, ответить непочтительно.

К каждому классу прикреплялась воспитательница. Она должна была быть незамужней и лишалась должностей, если у нее появилась возможность выйти замуж. Воспитательница, приняв первый класс, оставалась с девочками до окончания ими училища. Работа воспитательницы была очень трудной, ответственной. Девочек в классе так много, все разные, всем требуется

помощь в учебе, все нуждаются в ласке и участии. Если начальница была строгой, то ее помощник, отец Аркадий Кириллов⁴, был необычайно добрым и ласковым, постоянным заступником тех, кому грозило наказание. Обучение, воспитание детей — все велось по строгому плану: утром шли умываться, пить чай, гулять в саду, после трех уроков — завтрак, потом — два урока, прогулка в саду, обед, приготовление уроков, ужин и сон. С внешним миром епархиалки не общались: строго запрещалось даже подходить к калитке и смотреть в окна. А смотреть хотелось: ведь мимо проходили молодые семинаристы. Тогда делали так: одна из девочек стояла у двери и караулила, а другие рассматривали в окна, не идут ли знакомые юноши. У многих девочек ведь [были] братья-семинаристы. Через них и велись знакомства.

Существовал подпольный альбом. В нем девочки (многим уже было по 16—17—18 лет) писали стихи, посвященные какому-то знакомому, потом этот альбом тайком переправляли в семинарию, и там уже молодые люди писали [стихи,] посвященные своим избранницам. Писали и письма. Все эти недозволенные дела совершали девочки, которые не жили в общежитии, а жили с родителями в городе. Ведь в училище были девочки и не из среды духовенства. Их называли приходящими⁵. Если у этих девочек были деньги, то они покупали картинки в альбом, открытки, книжки, ленты в косу (две косы иметь не разрешалось). Чтобы никто не мог выделяться и показывать, что он состоятелен, все ученицы одевались одинаково: платье из простого темно-серого материала особого покроя, черный сатиновый передник, пелеринка, черные чулки и простые ботинки. В праздничные дни полагалось иметь коричневое шерстяное платье, шерстяной черный передник, батистовую пелеринку, кружевной воротничок и манжеты. Учительский коллектив в училище был почти весь из преподавателей семинарии⁶.

В произведениях многих писателей, рассказывающих о школах прошлого, учителя часто рисуются то пьяницами, то чудаками, то совсем не знающими свой предмет, но у нас в училище таких типов не было. Во-первых, никто не приходил на урок пьяным или неряшливо одетым (учителя носили форму), все были с высшим образованием, учениц звали на «вы», то есть так, например: госпожа Иванова, расскажите, пожалуйста, биографию Грибоедова. Иногда, конечно, получалось смешно: госпожа вставала и ничего не знала. Очень любили все Ивана Алексеича Утрещкого — преподавателя литературы в старших классах⁷. Почти все преподаватели были мужчинами, и только уже незадолго до революции появились женщины: Таратина и Прялухина⁸.

Изучая науки, девочки получали религиозно-нравственное воспитание. Без молитв ничего не делалось: молились утром, молились перед едой, перед сном. Во все праздничные дни ходили ко всенощной и литургии, в Великий пост говели, исповедовались и причащались. Помещение церкви было небольшое, очень уютное, красиво украшенное. Девочки помогали священнику вести богослужение: подавали кадило, читали за псаломщика, пели в хоре. На уроках Закона Божия и в беседах со священником — своим наставником — познавали все премудрости религиозного учения. Церковь была основана в честь Казанской Богоматери, поэтому в день памяти этого образа устраивалось торжественное богослужение, все девочки были, конечно, в праздничной одежде. У каждого учебного заведения был покровитель из купцов, который в праздники посылал ученикам разные сладости. У епархиалок тоже был, по современному выражению, спонсор. Это была купчиха и владелица завода Кыркалова⁹. После торжественной службы был очень сытный обед и раздавались мешочки со сладостями. Училище старалось приготовить девочек к будущей их жизни, чтобы из них вышли хорошие помощницы мужьям и заботливые матери детям. Девочки дежурили в кухне и столовой, занимались на уроках рукоделия шитьем, вязанием, вышиванием, в последнем классе девушки учились шить даже подряски.

Чтобы семинаристы могли приглядеть себе будущую попадью, устраивались по соглашению начальства в семинарии и училище вечера. Семинаристы приходили в училище, а потом [устраивались] игры-хороводы с пением. Все это, конечно, происходило под присмотром воспитателей. Танцы не разрешались. Ведь тогда бы девушке надо было обниматься с парнем. Такой вольности, конечно, строгие воспитатели допустить не могли¹⁰. Семинаристам еще удавалось посмотреть на девиц, когда их водили в семинарию делать опыты по физике. Дело в том, что в училище не было своего физического кабинета¹¹. Как и во всех женских закрытых учебных заведениях, процветала игра в «любимки». Состояла она в том, что какая-либо девушка, обыкновенно младшего класса, влюблялась в более старшую и начинала писать ей письма с объяснением в любви, посылала подарки (у многих девочек были деньги) в виде открыток, лаковых картинок. В конце письма обычно стояло: целую миллион раз, твоя до гроба Таня или Майя. Влюблялись девушки и в учителей. Вкусы тут разделялись: литераторы обожали Утрещкого, историки — Грандильевского, художницы — Желтоногу, певицы — Поликина и т.д.¹². Старшие девочки все без исключения были влюб-

лены в химика Сперанского. Поклонницы старались порадовать своего кумира отличными знаниями его предмета.

С художественным воспитанием дело обстояло плохо. Существовал только урок пения. Пели под игру преподавателя на фисгармонии¹³. Это был единственный музыкальный инструмент, который с великим трудом дежурные перетаскивали из класса в класс. Физическое воспитание тоже не было полноценным. Уроков физкультуры не было. Все ограничивалось тем, что была два раза в день прогулка. В рождественские праздники устраивалась елка для тех девочек, которые не уехали домой на каникулы. Елка стояла в актовом зале, хорошо украшенная, девочки одевались в парадную одежду. Обычно воспитатели подготавливали маленький концерт. В последний год поставили даже сценку на французском языке.

Кончавшие училище девушки часто были старше по возрасту современных выпускниц школ. Тогда в школу в городах поступали с 8 лет, а в глухих деревнях и с 10 лет. Случалось, сидели по два года в одном классе, и не по одному разу бывало такое «сидение». Так что выпускницы епархиального училища были вполне готовы к семейной жизни.

М.С. Преображенская
ВОСПОМИНАНИЯ
О КАЛУЖСКОМ ЖЕНСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ
УЧИЛИЩЕ (1914—1915, 1917—1918 ГОДЫ)

В Калужском женском епархиальном училище в первых годах его основания (в 18...)¹ учились наши мамы, тети, старшие сестры. В 1909 году в это училище поступила моя старшая сестра, Валентина Преображенская². Бывая в Калуге, приходилось навещать ее в конвикте (общежитии) училища. Осталось еще детское впечатление от этой солидной шумной школы на ул. Богоявленской, теперь Салтыкова-Щедрина. Теперь здесь помещается советская 9-я школа имени К.Э. Циолковского.

В 1911 году я сама стала учиться в епархиальном училище. Поступали в это казенное (закрытое) учебное заведение³, в 1-й класс десяти-двенадцатилетние девочки после строгих приемных экзаменов, требующих полную программу начальной школы 4—5 лет⁴.

Из уютной скромной семьи с 1 сентября первоклассницы вселялись в новую семью шумного класса девочек-сверстниц, надо было привыкать к суровым классам, общей спальне, многолюдной столовой.

С 1-го класса быстро и строго наладились уроки серьезными учителями. Начальницей училища в эти годы была Кл[авдия] Вас[ильевна] Андреева⁵. Инспектор — Ал[ексей] Ив[анович] Казанский⁶, человек либеральный, много хлопотавший о новых реформах училища в революционные 1905—1907 годы. Любимцем учениц был учитель русского языка и литературы Николай Иванович Васильев⁷ — строгий и хорошо знающий свой предмет. Несколько насмешливый, но подкупающий искусным красноречием.

По арифметике младшие классы вела Елизавета Викторовна Всесвятская⁸, позже — математику К.Э. Циолковский⁹, Ал. Ил. Карабут, Ник[олай] Ал[ексеевич] Олисов (впоследствии профессор МГУ). Старшие классы любили урок педагогики и психологии — Вик[тора] Ник[олаевича] Вознесенского (тоже ставшего профессором в Москве)¹⁰. Уважал своими уроками психологии и философии Серг. Иванович Покровский. Учиться, вообще, было

интересно, только «засушивал» географию учитель Сем[ен] Ст[епанович] Покровский¹¹ («Симан»), требуя точного ответа только по его запискам. Человек скупой в быту и на баллы ученицам.

Выросшие из младших в старшие классы интересовались уроками медицины, проводимыми врачом Неон. Ив. Кедровой (тоже бывшей епархиалкой) или И[раидой] Сер. Щепетовой¹². Были в программе училища иностранные языки — французский и немецкий, преподаваемые учительницами Л.Н. Флеровой и В.В. Кошкаревой (французский язык), и по-немецки Екат. Эд. Крючер.

Старшие классы 6—7 дежурили, по алфавиту, в столовой, собирая стол и следя за стряпней на кухне. Дежурные по спальне следили за порядком кроватей, получали у кастелянши постельное и носильное белье, проветривали спальни форточкой. Открывали окна и дежурили по классу, следя за чистотой стенной доски и порядком в партах. Мытье же окон, пола в классах, залах, спальнях и коридорах — выполнялось уборщицами-горничными.

Была при училище рукодельная мастерская, где специальные женщины — портнихи шили форменные платья и белье для учениц. Форма была строгой — шерстяное темно-зеленое платье и черный фартук (в торжественные дни фартук белый). Прическа по форме: в 1-м классе всех, без сожаления, стригли почти наголо, с 4-го класса волосы подстригали под гребенку и по плечам. Дальше заплеталась одна коса с гладкой прической и черной лентой. Белье носильное: рубашка с плечиками и вырезом, панталоны и нижняя бумазейная юбка на тесемках, нитяные черные чулки, ночная белая кофта с длинным рукавом.

Для постели — матрасы и перовые подушки, байковое одеяло, белое пикейное покрывало, две простыни, наволочка, полотенце (вафельное), носовые платки.

Белье менялось еженедельно: одну неделю в бане (при училище), другую — «сухой сменой». Умывались утром и вечером под кранами до пояса, через 2 недели баня. Обувь была кожаной — ботинки с резинкой или шнурками, на низком каблуке, резиновые мелкие калоши и суконные боты.

Пальто осеннее — черный драповый жакет. Зимнее — ватное. По сезону — шапка под барашек, башлык или теплый платок. Осенне-летнее — кастровая черная шляпа.

Вся эта обмундировка, как приданое, выдавалась полным комплектом белья и одежды ученицам при выпуске из училища. Принятые в 7-й дополнительный класс¹³ кроме этого получали отрез серовато-коричневого мате-

риала на пошив «семиклассной формы». Так на полном обеспечении и в бытовом порядке учились в епархиальном училище.

В каждом классе (6 классов по 2 отдельных — штатный и параллельный — и 7-й класс) было постоянных по две воспитательницы (и две запасных на случай болезни). Дежурили по очереди, каждая в своем классе: на уроках, за столом в столовой, в спальне на ночь, на прогулке, вечером в классе при подготовке уроков.

Весь бытовой режим дня строго велся: сон с 10 ч. вечера [до] 7 ч. утра, в 8 ч. молитва в местной церкви, в 9-м часу — чай, иногда с молоком, сахар и булка «розан».

В 9 ч. начало уроков с большой переменой в 12 ч., когда завтракали молоком и хлебом. В 2 ч. кончались уроки и обед — обильный и разнообразный, не требующий дополнений из дома, кроме домашних сладостей и фруктов. Для таких «гостинцев» было приспособлено помещение в столовом коридоре, которое называлось «корзинкой». Ни на что не нужны были деньги, кроме учебников, которыми сироты пользовались бесплатно.

Учащиеся сироты, т.е. без отца или из многодетных семейств, жили бесплатно, остальные платили за полное иждивение в училище — 70 рублей в год. Учились бесплатно, за исключением редких случаев «светских учениц», так как в епархиальное училище принимались дети только духовенства, городского и сельского¹⁴.

По приезде из дома после каникул ученицы, не заходя в главный корпус училища, училищным двором направлялись на медицинский осмотр в местную больницу, где были и общая большая комната, и отдельные для заболевших. Принимала серьезная, знающая фельдшерница — сестра Мар[ия] Вас[ильевна] Типикина. Иногда наезжали на осмотр врач М.А. Панфилович¹⁵ и тогда еще начинающий медик В.П. Крапухин¹⁶. Заболевших скарлатиной, дифтеритом или тифом отправляли в детское отделение в областную «хлюстинскую» больницу¹⁷. После медицинского осмотра и бани приезжие ученицы водворялись в свой класс.

Наладив уроки и весь бытовой режим, учениц после обеда — 3—5, под надзором двух воспитательниц, водили гулять: младших до 4-го класса во дворе, где можно было гулять свободно вокруг больницы, побегать в лапту, поговорить азбукой глухонемых через оконное стекло с подругами, «заключенными» в больнице. Старших, начиная с 4-го класса, парами, в ногу, прогуливали по одним и тем же улицам: бывшим Никольской (теперь Луна-

чарского) и Воскресенской-Перовской¹⁸ — туда и сюда, вокруг бывшей Николаевской мужской гимназии, ныне — филфак пединститута.

Изредка 6-й и 7-й классы гуляли через каменный мост к загородному саду¹⁹.

Все было бы крепко, до рутины, налажено в училище строгим порядком, если бы не нарушила его война в 1914 году. Учащихся распустили по домам, заняв учебное здание под военный лазарет.

В мае 1915 года старшие классы епархиального училища, начиная с 4-го класса, вызвали в Калугу на экзамены. На дом всем классам были заданы уроки по программе с тем, чтобы весной собраться в какой-нибудь школе для проведения экзаменов.

Каждая из учениц явится с домашним багажом знаний по заданной программе. Каждая, как сумеет, отчитается в своей зимней подготовке. Обнаружится самостоятельность и внимание к учебникам без классного руководства. В училище собрались шумно, с запасом новостей и домашней провизии. Поместились в здании духовного училища (теперь 1-й школы-интерната).

Приспосабливались к иным классам, спальням, столовой, больничке, непривычным после удобного конвикта в епархиальном училище. Серые стены классов, спальни показались менее уютными. Разместившись и установив необходимый казенный порядок быта, наладили и уроки. По-прежнему балловая система дарит учениц пятерками и скандалит двоечниц. По-прежнему проверка знаний учителями, беспристрастно вызывающими учениц — с верхнего, нижнего и среднего алфавита по классному журналу. Оказались ученицы, которые по трудным домашним обстоятельствам и условиям не могли нормально заниматься и обидно им будет стать в последних рядах!

4-й наш класс заключает собой три младших и вводит в 5-й, уже старший, взрослый — с новой программой, новыми интересами к себе, к своему будущему. Хочется скорее закончить его, даже потому, что расцветающая весна манит из четырех стен училища в деревню, на лоно природы — к цветам и птицам, в пышную лесную зелень!

А здесь срочная тревожная подготовка к экзаменам, звонки, режим. Письменные работы, полные и частные ответы на уроках, ухудшенные условия быта, недосыпка в усиленной зубрежке уроков, гулянье во дворе — тесном, с высокими стенами и кургузыми тополями, шум города по мостовой за школой, пыльный сквозняк в открытые классные окна, теснота и

мрачность здания, и весь неизменный режим училища, все это так чуждо заманчивой живописной весне в деревне и так скоро уже надоела эта казенщина!

Радостным бывает приезд родителей с коротким свиданием в училищной швейцарской. А по воскресеньям учениц отпускают к родителям или ближайшим родственникам с 11 до 6 часов по специальной квитанции. Опоздавшие в училище к 6 часам вечера лишались права отпуска в следующий раз...

С понедельника планируется учебная неделя: уроки утром в классе, уроки днем во дворе, уроки вечером в подготовке к экзаменам. Напряженные занятия надоедают, утомляют, но порой и возбуждают к энергии, ободренной успехами. Бывают и тревоги в опасении спроса учителями недоученного урока. Так в постоянной настороженности проходит школьный день, уплотненный срочной учебой, сменяясь казенной строгой ночью, ограниченной звонками. Взыскателен надзор воспитательниц за поведением учениц, официальные отношения с учителями, да много еще чувствуется схоластики в четырех стенах конвикта! Изю дня в день течет ровная казенная жизнь. Иногда только, за вечерней подготовкой уроков или в спальне при укладывании спать, вдруг найдет стих, стих к веселым рассказам, анекдотам, которым можно посмеяться, но строг надзор дежурной воспитательницы.

Праздники — воскресные, двенадцатые, т.е. в воспоминание евангельских событий, царские дни (коронация, именины царя и его семьи) — всех праздников в году набиралось много, иные праздновались 2—3 дня, а приуроченные к ним каникулы — зимние — рождественские, Масленица, весной Пасха — праздновались по 2—3 недели. Летний отпуск считался с половины мая и с 1 июня по 1 сентября. Праздничные дни начинались с обедни в местной училищной церкви. На церковные службы в училище приходили посторонние — послушать стройный девичий хор, чтение псалмов и «апостола». Всенощные и обедни ученицы — классами в парах — чинно стояли, натренированные креститься и кланяться, как положено. Заканчивалась служба прикладыванием ко кресту или праздничной иконе. От них надо было отходить по церкви чинно, сложив руки на подоле.

Аккуратно, парами и выходили после службы, стесненные позой и взглядами посторонней публики — не дай Бог, семинаристы! Пройти надо было тихо, благоговейно: неуклюжие, смешливые, кокетливые горько расплачивались за неосторожность. Такие подвергались разным наказаниям после выговора в классе.

Их оставляли или сидеть в столовой после обеда, или стоять в классе за партой «столбом» за дверью класса до прихода учителя. Не допускалось громко разговаривать, кричать в классе, коридоре, спальне, в зале. Каралась походка с размахиванием руками. Наказуемых за это обязывали держаться за края фартука, проходя по коридору, что считалось большим позором. Самое обидное наказание было остаться без отпуска в гости по воскресеньям или без свидания с братьями, прием которых был с 3 [до] 5 часов после обеда в очередное воскресенье: одно — семинаристов, другое «духовников», из духовного училища. Отпускались на свидание в швейцарскую к братьям только родные сестры и тоже под надзор воспитательниц, осведомленных «в подлинном родстве» встречающихся братьев с сестрами.

За это время все классы должны были быть наверху в залах, где можно было потанцевать «шерочка с машерочкой» (т.е. подругами без кавалеров) или гуляли по двору с дежурными воспитательницами. Так поддерживалась дисциплина, и ученицы в своем поведении были всегда подтянуты, скромны и прилежны. По-монастырски, казарменно держался порядок школы.

Изредка епархиальное училище посещал главный администратор — архиерей²⁰. Его приезд (в черной карете) производил всегда некоторую панику в училище. Класс почтительно вытягивается и трепещет высокого сана: самые простые его вопросы могут до скандала смутить робкую ученицу.

По классам и коридорам эхом раскачивается дружное «Исполта эти деспота» — «Многие лета, господин!». Вслед за важным архиереем движутся притихшие чопорные воспитательницы, начальницы, инспектор, учитель.

На некоторое время равномерный училищный быт выходит из своей колеи — уроки сокращаются, иногда назначаются какие-нибудь молебны и панихиды в церкви. Архиерей проходит и по столовой, проверяя и стол и кухню. Дежурные по спальне забегают туда, чтобы поправить возможный беспорядок в кроватях. По всему корпусу напряженная тишина, редкий шепот осторожен, поклоны безмолвны и дружны. Проводив высокого гостя, необычная тишина разряжается усиленным шумом точно вырвавшихся на свободу 600 человек! Наконец нарушенный порядок входит в свою норму и опять все становится привычным, прежним. Забота учениц — только учиться и соблюдать режим училища.

Радостным событием школы был день роспуска на каникулы. Конец казенщины, урокам! Впереди свобода, домашний быт, летние развлечения!

В училище шум, оживление, вызов учениц в швейцарскую к родителям или братьям. Лица, сияющие успехом или опечаленные неудачей, но все рады роспуску, освобождению из четырех стен конвикта. Ученицы суетливо перебегают из класса в спальню, в другие классы к сестрам или землячкам, собирают вещи в дорогу.

Все вокруг кажется странным и веселым — необычный, долгожданный день! В глубине класса на задних партах собираются группой подруги, которые развлекаются рассказами, анекдотами, воспоминаниями без обычного надзора воспитательниц — «все позволено!» Дружно угощаются конфетами, домашним печеньем. Все одинаково возбуждены, шумливы, каждая девица становится выразительнее по-своему.

Несмотря на одинаковую казенную внешность — в форменном платье, манерах, общих интересах, сложившихся в общежитии, — все же каждая из учениц имеет свою физиономию, свой характер, привычки. В будний казенный день все как-то уравниваются общим режимом, озабочены одной заботой одинаковых уроков. Теперь же все это осталось позади, надоело, язык развязался, настроение свободно!

Общежитие так сближает учащихся, что знаешь о друг друге « всю подноготную » — всех домашних каждой из них, знакомых и домашнее времяпровождение. Между собой ученицы дружат с соседкой по парте, с «землячками из одного села», подходящими по характеру. Теперь 4-й класс переведен в 5-й, чувствует себя взрослым, старшим. Теперь есть и льготы сравнительно с «маленькими», младшими классами.

Так, сегодня многие из старших разошлись по городу «в лавки», т.е. в магазины, к портнихе, зубному врачу без обычного надзора воспитательниц. Можно идти, свободно разговаривая, а не по-казенному, когда две воспитательницы ведут класс парами, в ногу. День роспуска ликует.

На стенной доске, раньше пестрящей математическими вычислениями, географическими названиями и примерами из русского и французского языков, теперь аршинными буквами, увитое начертанными цветами, красуется радостное дозволенное слово — РОСПУСК!

Все училище, каждый класс, каждая ученица переживают этот «светлый день». После стеснения режимом ощутительней свобода, милей и краше природа родных мест, когда едешь на каникулы домой. Впадаешь в какой-то неудержимый восторг очарованным лесной дорогой, где красота деревьев, аромат гиацинтов, бело-серебристыми свечками встречающих из травы. Как-то особенно пышно и тесно в зелени, соловьи так звонки в тишине су-

мерек! Так таинственно в лесу июньским вечером! Домашняя встреча радушна и шумна, и после Калуги привычная обстановка трогательно-мила, миниатюрна. Вскоре все домашнее овладевает приехавшими на каникулы, и они ей.

Быстро пролетает лето в домашних делах, и с 1 сентября уже заботит неопределенность учебного года в епархиальном училище. Только на 5-е число (сентября) все же вызвали епархиалок в Калугу, спешно надо было собираться: ищутся книги, укладываются вещи²¹.

По приезде ученицы «сдаются» в класс воспитательнице, и на следующее утро уже начинаются уроки, налаживается училищный быт. В 5-м классе в первый раз знакомство с геометрией и алгеброй, проводимыми К.Э. Циолковским. Как преподаватель, он рассеян и раздражителен, но в то же время чуток и добр к ученицам. Это очень трогает, и его в классе сразу же полюбили. Было известно, что он ученый, изобретатель, признанный за границей. В своем отечестве он безвестен и принужден корпеть учителем в незаметной Калуге. Вероятно, по своей натуре астронома он рассеян и вместо класса видит сверху луну и звездное небо.

Любимым в классе становится урок литературы, преподаваемый заместившим Н.И. Васильева Б.В. Леохновским. Интересны наглядные практические уроки Вас[илия] Вас[ильевича] Куклина по химии. Как-то просто, товарищески, он относился к ученицам, вопреки официальности учениц с учителями, воспитательницами, администрацией.

Случались печальные дни в училище, когда хоронили учителей или подруг. Любимого учителя пения С.Я. Извекова²² не стало... В тишине успокоилась душа художника-артиста, живя искусством. Он весело и остроумно проводил уроки, управлял хором певчих в церкви и на вечерах. Грустно расходились с кладбища, кроме его жены с малолетними осиротевшими детьми. Училище долго и чутко вспоминало о нем... Схоронили и подругу-одноклассницу — В. Никольскую, умершую от порока сердца.

На уроки рисования приходил художник Н.В. Маторин²³, требуя от учениц правильности и яркости рисунка. Сам он любил русский стиль. На досуге читались книги из богатой училищной библиотеки. Иногда приходящие (городские) ученицы приносили подругам что-нибудь интересное, не совсем дозволенный роман, что читалось «с опаской», не попадая на глаза воспитательницы.

По традициям епархиального училища в новом помещении по-прежнему встречались праздники Введение и храмовый Екатеринбургин день 21 октября и 24 октября²⁴. Так же торжественно обставлена и украшена церковь для встречи праздника, иконостас увит живыми цветами, служит архиерей и многолюдный штат духовенства. Ученицы празднично приглашены, торжественны и внимательны к этикету. С раннего утра, еще до звонка, в спальне поднимается беготня: тщательное умыванье, одевание новых шерстяных платьев и белых фартуков.

В 9 часов все классы чинно устанавливаются в белые ряды парами и движутся зелено-бело-розовыми гирляндами в праздничную церковь. Темнеют зеленые форменные платья, белеют фартуки и ленты в волосах, розовеют возбужденные лица.

Обедня торжественна и трогательна причастием. С благоговением от амвона пары возвращаются в ряды своего класса. В празднике участвуют и приходящие ученицы, шеголя перед живущими в конвикте нарядными фартучками и непринужденностью манер.

Из обедни, поздравляя воспитательниц и друг друга, белые гирлянды завертывают в спальню, чтобы переодеть белые фартуки на черные, и спускаются в столовую пить чай с громадными пирогами, начиненными рыбой и рисом.

Остаток утра празднично свободен, даже от подготовки уроков, но тих и скромен чтением «жития святых» и Евангелия, читаемых вслух классной воспитательницей. Заходит начальница: поздравляет с праздником и причастием и тоже беседует о божественном, спрашивая — какое Евангелие читалось в церкви, что пели. Обед праздничный, с киевской солянкой, обилением рыбы и вкусным компотом. Весь вечер все празднично настроены и нарядно белы.

А накануне Екатеринбургиного дня еще более суматошно, чем под праздник Введения. Вновь утюги. Белые фартуки, более нарядные воротнички и ленты, блестящая обувь. 7-й класс наряжается в новые туфли, душится духами, даже слегка завивает волосы, что не дозволено в обычное время. На Введение все училище было чинно, было благоговейно причастием. Теперь в празднике замечается больше шуму, веселости, непринужденности. Всеношная торжественна: опять служит архиерей, акафисты, миропомазание.

Всеношная кончается поздно: из церкви идут прямо в столовую ужинать, чтобы раньше лечь спать. Но не скоро засыпают в спальне, озабоченные завтрашними нарядами. До звонка утром уже зашумели в спальне: опять оче-

редь под умывальниками, улаживание воротничков и белых лент. И опять, как три дня тому назад, вырастают по коридору, против класса, белые гирлянды и бесшумно протягиваются в церковь, где у входа собирается уже посторонняя публика. Среди нее сверкают серебристые пуговицы семинарской формы, смущающей скромных епархиалок. Торжественно и благолепно проводится архиерейская служба.

После нее опять пары белых учениц устремляются в столовую обедать. На этот раз столовая побелела от белых фартуков, тщательно закрываемых новыми чистыми салфетками. Аккуратно поправляются приборы на белых скатертях и, пропев «Испола эти деспота» архиерею, прошедшему по столовой, шумно усаживаются за уху, рыбу и миндальное пирожное. (24 ноября соблюдался рождественский пост, и стол был до Рождества постный.)

Самое оживление в училище к вечеру. В этом году для старших классов не устроена семинарская вечеринка, известная младшим только по рассказам старших учениц. Было, конечно, весело в здании прежнего епархиального училища, когда в верхней зале три старших класса (5, 6, 7) танцевали с семинаристами и учителями, пели, играли, и, конечно, не без флирта... Теперь из-за военного патриотизма всякие увеселения отменяются и нашему классу не пришлось пережить прелесть «Екатерининских вечеров»²⁵.

В этот раз праздник для всех одинаков. Вместо вдохновенного пианиста С.Я. Извекова у рояля — играющие ученицы училища. Желаящие танцуют в общем зале, друг с другом — как говорится: «шерочка с машерочкой». Поют хороводные песни, шутят. Именинницы Кати бегают с коробочками конфет и печенья, угощают подруг, родственниц, знакомых девочек из разных классов. Многие парами и группами двигаются по коридору в разговорах со смехом. Скромный вечер прошел, и нет уже Екатеринына дня!

Праздник за праздником! Отмечается и Николин день — 6 декабря²⁶. Обедня. Бездельное предобеденное время, когда никому не хочется учить уроки, а тут еще приспело сочинение, с которым надо поспешить, читается пособие по истории.

Завершаются две учебные четверти, в отпускные билеты выставляются баллы. Воспитательницы озабочены квитанциями, книгами со скидками на проезд по железной дороге для учениц из дальних уездов. У всех настроение «чемоданное». Уроки учатся кое-как, учителя снисходительны. Неугомоннее разговоры о каникулах, о дороге, о баллах за две четверти. Скоро домой, и забудется все училищное!

Дождались шумного распуска! За неделю до Рождества (25 декабря) отпускают по домам 18-го, и поднимается оживленная беготня по всей шко-

ле. В этот раз день роспуска оживленнее и радостней предыдущего весеннего: тот был скомкан спешными экзаменами, неопределенностью будущего учебного года и нашей епархиальной участью. Теперь, когда епархиальное с осени учится и ученье наладилось нормально, почувствовалась потребность в каникулах, заслуженных уже трехмесячным учением.

Все захотели домой — по-детски встретить Рождество и наступающий Новый 1916 год. Пора погулять, покататься, поиграть с елками. Молодежь любит рождественские святки! Смешны накануне праздника или на Рождество утром ребята-христославы, которые бегают по домам и поют, коверкая, и церковные рождественские песнопения, и всякие народные «коляды», за что получают от хозяек пироги, конфеты, орехи. В сельских церквях торжественная служба с любительским хором, приготовленным местным учителем или семинаристами, умеющими петь и организовать желающих из местного населения. В церкви многолюдно и нарядно.

Подошел и Новый 1916 год

Во время первой Отечественной войны 1914—1917 годов учениц Калужского епархиального училища неоднократно распускали по домам, так как учебный корпус занимал лазарет. В конце учебного года, перед экзаменами (март—апрель—май) учащихся собирали в помещении бывшего духовного мужского училища. Классы 6-й и 7-й считались выпускными, они учились больше — с января до мая 1917 года. Потом гром Революции ударил и в епархиальное училище, произведя необычайную панику среди учащихся и всей администрации. Девочки посмелее прикололи на груди красные банты и зашумели. Другие, из привычки к традициям, отмечали себя белыми бантиками. Начальница Ал[ександра] Фед[о]р[овна] Москалевич, признанная «яркой черносотницей», подходила к «бунтующим» девочкам и срывала с них красные банты. Начались всякие перебои в уроках, недоразумения с учителями.

Каникулы с мая по сентябрь проведены дома в деревне, а с сентября (1917) учениц епархиального училища опять собрали на занятия, которые наладились привычным порядком с прежней администрацией.

Октябрьские дни снова всполошили все училище. 17 октября был праздник социалистов²⁷. Все учебные заведения Калуги не занимались, лишь епархиальное училище осталось при своих традициях.

Передовые девочки шумно протестовали, требуя отмены уроков, чтобы не отстать от других. Пока это было безуспешно, — так крепко держалось традиций строгое начальство!

31 октября распустили по домам всех «маленьких» — младшие классы. Выпускные 6-й и 7-й остались хозяевами училища. Стало просторно, учителя сделались проще, по-товарищески с ученицами. Но вскоре оставшиеся классы и общежитие уплотнили в одной части здания, в другой поместили офицеров «ударного батальона».

Начавшаяся было свобода резко ограничилась: всюду сопровождают воспитательницы, пекущиеся о нравственности учениц. Изоляция от внешнего мира и «опасных» соседей-офицеров заключила училище, как в монастыре. Снова общее возмущение против усиленного надзора, уже надоевшего. Поговаривают о роспуске старших классов.

Уроки наладились было нормально, и вдруг объявили об отъезде по домам! Многие волнуются, не зная положения на железных дорогах. По слухам — большевики завладели многими станциями, и переправа трудна и опасна.

Срочно учениц переселили из комнат верхнего этажа вниз, и было бы много беспорядка, если бы за быт учащихся не взялся один из учителей — Вас[илий] Вас[ильевич] Куклин. Всегда застенчивый, незаметный (на уроках естествознания и химии), он теперь проявил много энергии и самостоятельности. Весь день он хлопотал о железнодорожных билетах к отъезду учениц, а вечером по его инициативе у них был ужин и чай, для чего Вас[илий] Вас[ильевич] собственноручно колол дрова для куба.

Его забота об ученицах очень трогала, и они, растерявшиеся было, шумно благодарили его и любимую воспитательницу Авг[усту] Вас[ильевну] Дагестанскую. Спокойно и надежно спали в эту ночь ученицы, «ухаженные» чуткими учителями, навсегда осталась хорошая память о Вас[илии] Вас[ильевиче] и Авг[усте] Вас[ильевне].

1 апреля 1918 года

Старшие, 6—7-е классы епархиального училища после долгого перерыва в учебе зимой (с 5 ноября 1917 года по апрель 1918-го) собрали на под-

готовку к выпускным экзаменам, до половины мая. Духовное училище, в котором занимались осенью прошлого года, тоже [было] взято под военный лазарет. Учениц вселили в так называемое «Золоторевское училище» (ул. Никитина, против поликлиники «Красный Крест»). Это помещение издавна принадлежало епархиальному училищу. В нем была организована начальная школа с подготовительным классом для практических занятий выпускных педагогических классов — 7, 6-х.

Частично «Золоторевское училище» было общежитием — спальнями для 3—4-х классов епархиального. («Золоторевским» оно называлось по имени купца Золоторева, у которого был куплен этот архитектурный дом²⁸, восхищала внутренняя роспись дома, изящно пестрящая цветами, венками, амурами, музами на его потолке и стенах.) Помещение было удобное и теплое, и учебе с бытом учащихся скоро наладилось.

Собравшиеся ученицы были приятно удивлены ослаблением казенных традиций. Непривычно было поведение девочек — развязное, самостоятельное, освобожденное от прежней скованности. Новые влияния революции наложили и здесь свою смелую печать: снят «совиный» надзор старших воспитательниц, они стали проще, почти заискивающе с ученицами. Новшества заметны в костюмах, в прическах девочек: наряднее воротнички, форменные платья перешиты ближе к современным фасонам. Волосы из казенных гладких стали пышнее, обувь по вкусу.

Нашлись также отважные, что начали вступать в комсомол, только организовывающийся. Они настояли на том, чтобы можно было гулять по городу в неурочное время самостоятельно, без надзора воспитательниц.

Новшества заметны и в управлении училищем, превратившимся в некую республику. Выборные из числа учениц входят в состав педсовета. Время заставляет молодежь расти политически, влияя на старших. Отставлен осунувшийся и растерявшийся инспектор С.П. Одигитриевский (сменивший А.И. Казанского, незадолго до революции уехавшего в Кишинев к сыну). Притихли похудевшие воспитательницы, в панике — начальница.

Однако заменить их некем, и самонадеянные выборные из учениц сами теряют самоуверенность, не подготовленные к жизни и управлению предыдущим подчиняющим режимом. Много споров, шума, и, несмотря на реакционный нажим со стороны училищной администрации, все же передовые ученицы, влияя на массы остальных, держатся новшеств, заимствуя их у бунтующих семинаристов.

1 мая 1918 года

День начался ровно, по-деловому. Ученицы заняты подготовкой к экзамену по истории. Приучилишный сад тенист и уютен. На садовых скамейках, группами и в одиночку, разместились девочки с книгами, тетрадами, картами. За забором сада утреннее городское движение. И... вдруг! Пальба!.. Это оказалось началом взрыва порохового Бобруйского склада на окраине в восточной части города. Поднимаются желто-черные клубы дыма, разрастается пожар. Обгорелые щепки разлетаются на центральные улицы города. Жутко! Два грандиозных взрыва потрясли весь город. Трескотня мелких частых взрывов продолжается долго. В страхе бегут люди, устремляясь в западную часть города.

Опасные слухи разрастаются... Ученицы епархиального училища в панике разбежались кто куда: в загородный сад, в бор, за город на станции Тихонова пустынь и Пятовская... Училище опустело.

Лишь когда стихла городская паника, через день-два, стали собираться испуганные девочки, озабоченные экзаменами. Некогда стало заниматься «реформой» быта, не до того! Подчиняясь привычному режиму, жизнь училища до конца ученья с выпуском из училища входит в прежний нормальный порядок.

Проводив последний свой выпуск учениц в мае 1918 года, епархиальное училище переорганизовалось в 6-ю советскую смешанную школу, позднее ставшую школой № 9 имени К.Э. Циолковского, в которой ученый преподавал математику последним епархиалкам, помнящим и своих учителей, и (пусть строгих) воспитательниц, и свое благоустроенное 100-летнее епархиальное училище.

Бывшая воспитанница епархиального училища выпуска 1918 года (последнего в школе) — М.С. Преображенская.

15.01.1979

Учителя Калужского епархиального женского училища

Николай Иванович Васильев

В закрытой жизни общежитий,
Где юный флирт был запрещен,

Иной чувствительной девице
Нередко снился чудный сон!

Васильев Николай Иванович
Был возведен тогда в кумир:
Для молодых епархиалок
В нем отражался светлый мир.

Когда урок литературы
Он интересно проводил,
Стихал весь класс. Пусть вольнодумно
Он устаревшее громил, —

Но даже сердце классной дамы
Смягчалось, чувствуя в словах,
Всегда так полных обаянья,
Что правда жизни в них жива!

И каждой пылкой ученице
В героях прозы и в стихах —
Неодолимо ярко мнится
И свой герой, пока в мечтах

Высокий ростом, аккуратный,
Весь чем-то гордый и прямой —
Не зря мечтательным девочкам
Он был и солнцем и грозой...

Иной отличнице-девице
Урок «кумира» счастьем был,
Но горе слабым ученицам,
За лень учитель не шадил!

И сам, любя литературу,
Он несомненно школе дал
Девиц начитанных, культурных
И педагога идеал...

Константин Эдуардович Циолковский

Навечно памятен по школе
Великий странный старичок.
Он был тогда уже ученым,
Но незаметен, невысок.
Преподавательской работой
Он добывал свой честный хлеб
И аккуратным педагогом
Служил уже на склоне лет.
И, несмотря на облик странный,
К уроку ревностен он был:
Звонок звенит, а он, бывало,
По коридору уж спешил —
В такой-то класс. Он в старших классах
Всю математику ведет.
В больших очках и черном фраке
Он в класс рассеянно войдет,
Зайдет за стол, окинет взглядом
Весь класс. И прямо в потолок
Посмотрит долгим странным глазом...
Потом батистовый платок
Он вынет тихо из кармана,
Протрет очки и, не спеша,
Заглянет в клеточки журнала
И вызывает. Чуть дыша,
Услышит робкая девица:
«Такая-то, к доске, сюда».
Он, в общем, вовсе не сердитый,
Но раздражится иногда.
«Пишите эту теорему».
И, продиктуя, повторит.
А сам не смотрит на решенье
И вверх рассеянно глядит.
А та напутает, запнется,
Перечеркнет углы, круги,
Моргая к классу обернется,

Чтоб ей подруги помогли.
Потом с их помощью задачку
Она решает кое-как.
А педагог еще витает
Далеко, где-то в облаках.
И вдруг очнется, и решение
Проверит раз, потом еще.
Найдет ошибку, и линейкой
Заденет мягко за плечо:
«Зачем испортили задачку
И огорчили старика?»
За это я в журнал поставлю
Сегодня двойку вам пока».
И та сконфуженно уходит,
За парту сядет, сделав вид,
Что ей ужасно стыдно, больно,
И огорченно говорит:
— Сейчас задачку не решила,
Болела сильно голова.
Но Вы меня еще спросите
И за ответ не ставьте два. —
Он озабоченно подходит,
Чтоб добрым тоном ей сказать:
«Я Вам поправлю эту двойку,
В журнал не буду выставлять,
А Вы задачку повторите,
Над ней подумайте слегка,
Немного я погорячился,
Уж Вы простите старика».
Уроки физики подобны:
По доскам нервно ходит мел,
Девушки путают Ньютона,
Законы твердых, жидких тел...
Но педагогу не до формул:
Есть вычисления важней,
В которых он мечтой огромной
Перенесется над землей, —

Туда, где звезды уж не точки,
Как людям видно иногда,
И где сияет днем и ночью
Окаменелая луна...
Ему рисуются ракеты,
Непостижимые уму,
Он смотрит в даль. И с твердой верой
Готовит транспорт на Луну.

Дни шли бы мирно и обычно,
Но вдруг коснулась город весть:
Скончался старец знаменитый,
Терпя жестокую болезнь.
В Калуге все о Циолковском
Узнали много и давно,
В его открытиях высоких
В науку новое дано.
Найдется умный и отважный,
Земли с Луною свяжет путь.
Астрономические тайны
Постигнет мир когда-нибудь...

И калужанам не в новинку
Жизнь непростая чудака:
Вот приблизительно картинка
Последних годов земляка:
Невзрачный домик над холмами
Повис, как ласточки гнездо,
И над соседними домами
Светелки висится окно.
Как будто всеми позабытый,
В тени окраины городской —
В светелке старец знаменитый
В науку дар несет большой!
Он долго был почти безвестен,
Трудолюбиво, скромно жил,
И лишь в стране большой советской

Достоинo славу заслужил.
И Циолковский по заслугам
Стяжал признательность властей,
И в 33-й год в Калуге
Почтили пышный юбилей,
Цветы, приветы, речи, тосты
Шлют юбиляру все друзья.
И, со вниманьем, дом колхозный
Получит в собственность семья.
Прощайте, бор, Ока и горы,
Уютный домик над рекой!
Поближе к людям, к центру в город
Ушел ученый на покой...
Но все ж по-прежнему до бора
Велосипедом приезжал,
Приветливый и бодрый
Среди природы отдыхал.
На деловитую прогулку
Манил к себе зеленый бор,
Где за рекою от опушки
Открыт широкий кругозор.
И там, природой вдохновленный,
Под мягкий тихий шум сосны
Умом взлетал он в мир надзвездный
И в явь переключались сны...
Когда-то в воздухе туманном
Мог каждый видеть только птиц,
Теперь летят аэропланы
Из городов и из станиц.
Когда-то солнцу поклонялись,
Как божеству, из века в век.
Но и горячими лучами
Теперь владеет человек!
Мечты ученого реально
Проводит в жизнь СССР,
И человек уже буквально
Стал властелином атмосфер,

Интересуется наукой
Ученый до последних дней,
И часто «дедушкины внуки»
Встречали редкостных гостей.
Он, как когда-то звездочеты,
С вечерним небом говорит,
Сберег ему почтенны годы
Его домашний скромный быт.
Со всеми просто и любезно
Он обходился, как родной,
Где мог, давал совет полезный,
Любил детей и садик свой.

Болезнь, однако, не щадила
Ученого на склоне лет,
И весть весь город поразила,
Что Циолковского уж нет...
И снова пышных церемоний
Достиг недавний юбиляр.
Под звук бетховенских симфоний
Его весь город провожал.
Венки, букеты и гирлянды,
Колонны школ, профкомов, масс —
Все, все в порядке демонстраций
Собрались вместе в этот час...
С сентябрьским солнцем предвечерним
Печально город освещен,
И небо шлет привет последний
Герою пышных похорон.
А катафалк, качаясь плавно,
Везет его по мостовой,
И сверху вниз, с аэропланов
Летит листовок белый рой.
Ученый Родине — заветы
Науки новой поручил.
И Кремль с признательным приветом
Письмо ученому вручил.
Но вот достигли погребенья,

К могиле бросился народ,
 И все к нему из уваженья
 Спешат протискаться вперед.
 Для неживого нет препятствий,
 И нет уж жизненных отрад.
 Принял его в свои объятия
 Любимый загородный сад...
 Быть может, смелыми мечтами
 Людей он будет окрылять,
 И будут липы с тополями
 Его покой оберегать!
 Его семья и горожане
 Придут к могиле погрузить,
 Иной ученый, проезжая,
 Зайдет коллегу навестить.
 Его намеренья и думы —
 Для жизни смелый риск,
 И калужане по заслугам
 Ему воздвиглиobelisk.
 1936

Семен Степанович Покровский

В епархиальном был учитель —
 Чудак, гроза всех учениц.
 Порядка школьного любитель,
 С глазами синими — девиц.

Лишь только гулким коридором
 Пробьет пронзительный звонок,
 Походкой мягкою и скорой
 «Симан» несется на урок.

Еще не сели ученицы,
 По коридорам смех и шум,
 В класс суетливо не стремится
 Иной учитель-вольнодум,

А наш «симушка блаженный»
Уже ворчит себе под нос
И опоздавших непременно
К стыду притянет на допрос!

За стол присядет аккуратно,
Откроет бережно журнал
И что-то пишет на тетрадке,
Что всюду за собой таскал.
Он в сером клетчатом платочке
Дневник таинственный берег:
Об ученицах понемножку
Строчил подробный монолог.

О чем-то думает обычно,
На разговоры скуповат,
Порой бывает симпатичным,
Любезен, хоть и страшноват:
Глаза то масляны, то остры,
Лицо в краснеющих прыщах,
Слегка седой и тупоносый,
Порой с усмешкой на губах.

Всегда по форме фрак застегнут,
В фуражке летом и зимой.
Ходил в калошах допотопных
(В быту он очень был скупой).
И, говорят, для путешествий
Копил он деньги весь свой век
(И если он не сумасшедший,
То очень странный человек).

Когда к ответу ученицу
Он вызывает, не спеша:
«Ну, что-нибудь нам сообщите», —
Бывало, скажет. И в ушах —
Одни и те же выраженья,
Со слов зазубренный урок —

Звучат у каждой ежедневно...
Так требовал сам педагог.

Урок всегда был сух и нуден,
Как ни старайся, никакой
Пощады девочкам не будет —
«Симан» и в баллах был скупой.

Не ставит сразу он отметки,
А только точки: и вверх
Пестрят они в журнальной клетке,
И в середине, и внизу.
Все эти точки со «значеньем»,
Где двойка, тройка — угадай!
Четыре может быть, хоть редко,
А о пятерке не мечтай.

Как интересно было слушать
По географии урок!
Но у Симана он засушен,
Над ним висит какой-то рок.
Невольно девочки зевают,
Не прочь немного помечтать,
Но ведь учитель замечает
И начинает задевать:

«Спокойной ночи, ученица!
Иль на луну мечтаете Вы?
На землю грешную спуститься
Уж не хотите до весны?
И Вам не страшно улететь?
Без Вас ведь скучно будет нам.
Ну, что ж, покамест пожелаю
Поблагодушествовать там!»

И вот такие эпизоды
Немножко развлекали класс,

Иначе было б невозможно
Перетерпеть урок за час.

Чудаковат был тот учитель,
А все же знания он дал,
И вообще тогда учились
По школам крепко. Капитал
В основах грамотности нужной
Все ученицы обрели,
Живя хоть замкнуто, но дружно
В кругу училищной семьи.
1920

Василий Васильевич Куклин

Расписав время по минуткам
На свой практический урок,
Усердный химик В.В. Куклин
Ревностно слушает звонок.

Сутулый, дыбом шевелюра,
С улыбкой доброй на губах,
Скрипучий голос (хоть не курит),
И глазки острые в очках.

И ими чувства молодые
Смушал в доверчивых сердцах.
Хоть ростом мал, во фраке длинном
Полустудент и полумаг!

Притащит колбочки, реторты,
Пробирки, склянки с кислотой,
Весы аптечные, термометр,
Графины с разною водой.

И на глазах большого класса
Из тех загадочных посуд

Среди химических реакций
Составы новые растут.

Смешать одно, смочить другое,
Переболтать и подогреть —
И, смотришь, белое, цветное
Начнет в пробирочке блеснуть!

И невидимкою бесцветной,
Как будто бы из ничего,
Родится вдруг и незаметно
Вода простая — «Аш-два-о» (H_2O)!

Там минералы и металлы,
Там вышел серный ангидрид!
Сверкают соли, как алмазы,
Переплавляется гранит.

Урок всегда был интересным:
Немало было в нем бесед.
Учитель добр. Пятерки щедро
Дарил девицам за ответ.

И невнимательным девицам
Не ставил в табель единиц,
Хоть «менделеевской таблицей»
Нередко мучил учениц.

Епархиалкам много знаний
Уроки химии дают.
И у иных воспоминанья
О том учителе встают.

Нередко жаль его бывало:
Он симпатичный был, простой.
Привязан к школе, либерален,
Серьезный, чуткий и живой.

Любил искусства и природу,
Но многим было не в секрет,
Что у него с женой «бедовой»
Давно любви и дружбы нет.

Он искренне болел душою
В судьбе училища, когда
Грозил ему в разгроме голод
В лихие трудные года —

Как революция застала
С ее разрухой старых школ
И весь конвикт тогда же гибель
Неотвратимую нашел...

Но, чтобы панике всеобщей
Не подвергать большой конвикт,
С большим терпеньем и любовью
Организован новый быт.

Лишь энергичный В.В. Куклин
Сумел порядок навести
И учениц с вниманьем чутким
Путями новыми вести

К иным заботам и веленьям
Коммунистических идей,
И химик Куклин незабвенен
Средь учениц до наших дней.
1930

М.С. Преображенская ДНЕВНИК

Май 1915

В мае старшие классы епархиального училища, начиная с 4-го, вызвали в Калугу на уроки и экзамены¹. Каждая из учениц явится с домашним багажом знаний, извлеченных из заданий программы уроков. Каждая, как сумеет, отчитается в своей зимней подготовке, обнаружит самостоятельность и внимание каждой к учебникам без классного руководства. В училище собрались шумно, с запасом домашней провизии. Разместились в здании духовного училища, приспособиваясь к новым классам, новым спальням, столовой, непривычным после конвикта епархиального. Разместились и установили необходимый казенный порядок и наладили уроки. По-прежнему балловая система дарит учениц радостью пятерок и скандалит двойками. По-прежнему проверка знаний преподавателями, беспристрастно вызывающими: то с верхнего, то с нижнего, то [и] среднего алфавита по журналу. Моя домашняя подготовка уроков оказалась из лучших: по литературе, истории, естествознанию. Я успела и основательно разобрала кое-что из математики. Условия занятий дома у меня были удобные, а есть ученицы, которые по трудным семейным обстоятельствам не могли хорошо заниматься зимой. Если у них окажутся способности, то они справятся, догонят, слабые же так и останутся в последних рядах. По своим успехам я была всегда из лучших, кроме математики, к которой питаю какой-то мистический страх, отчужденность и нерасположение. Всякие цифры меня гнетут, и от счетов болит голова. Поэтому математические вычисления и формулы всегда были моими врагами, и, как ни странно, физика, связанная с математикой, была одним из моих любимых предметов, и по физике я шла лучшей в классе. Более физика была приятна по родству с естествознанием, которым я увлекалась. Гражданская история рисовала мне яркие картины государства и родов, жизнь королей и ужасы инквизиции. В литературе жила и бредила образами и характерами героев классических произведений и вдохновенно заучивала стихи и главы

из пушкинских поэм. 4-й класс, который я прохожу в настоящем году, заканчивает собой три младших класса и вводит в 5-й — уже старший, взрослый — с оживленной программой и новыми интересами к себе и своему будущему. Хочется скорее кончить 4-й класс, даже и потому, что расцветающая весна манит из четырех стен училища в деревню — на лоно природы, к цветам, к птицам, в пышную тесную зелень, в яркость полей и реки. А здесь срочная тревожная подготовка к экзаменам, звонки, казенщина. Письменные работы, частые и полные вопросы на уроках, разработанные учителем, неровно подготовленные ученицы, ухудшенные условия жизни, недосыпка в усиленной зубрежке уроков, гулянье во дворе — тесном, окруженном высокими стенами, обсаженном кургузыми тополями, шум города по мостовой, пыльный сквозняк в открытые окна классов, теснота и мрачность здания и напряженный режим — все это так противоположно заманчивой живописной деревенской весне, и так скоро уже надоела училищная казенщина!

15 мая

У меня заболела нога — нарывает пятка. Хожу в калоше, пропускаю уроки, терплю нестерпимую боль. Большую часть провожу в спальне: надо лежать, а лежать не хочется и больнее. Ко мне приходят подруги, приносят книги, рассказывают особенности уроков и бытовые мелкие новости. Впременку с книгами пишу дневник, мечтаю о чем-то — смутно приятном и нежном, люблюсь повядшими цветами, добытыми кем-то из подруг у продащицы на улице. Всю ночь не спала, нарыв на ноге зреет, компресс давит, голова не находит места. Завидую спящим соседкам.

16 мая

При училище есть больничка — несколько комнат, которыми заведует пожилая фельдшерница. Она добра, внимательна, но тем не менее часто вспоминаешь красивую сестру Типикину, которая лечила епархиалок в прежнем корпусе. Теперь она отозвана на работы с ранеными, раньше все любили и уважали высокую серьезную сестру в строгой сестринской форме. Запомнилось ее спартанское самовоспитание зимой; какие бы ни были жесткие морозы, она подолгу гуляла во дворе с девочками или воспитательницами без верхней одежды с засученными рукавами, прозрачной белой косынкой на голове и в легких туфельках с аршинными каблуками. Ее комнатка была сплошь белая: белые стены и потолок, белая мебель, белое белье. И сама она

в широком длинном халате — статная и прямая — издаലെка белелась крутой строгой фигурой. Даже белело бледное продолговатое лицо с синими глазами. Только бледно краснел, просвечиваясь сквозь батист халата, красный крест на груди сестры. На амбулаторном приеме она была всегда внимательная, в меру весела и где нужно требовательна. Больница при ней была устроена образцово. Время от времени наезжала старушенция-врач², рецептами которой сестричка нередко пренебрегала, больше доверяя своему опыту. Многие из девиц «обожали» сестру Типикину, и теперь, когда училищная больница налажена кое-как, неудобно, неумело, невольнo вспоминается прежняя умная строгая сестричка. Теперь же дело в больнице так неустроенно, что там не берутся вылечить мою больную ногу и отправляют на операцию в городскую Хлюстинскую больницу. Училищная прислуга отвозит меня на извозчике в Хлюстинскую, где приходится долго томительно ждать своей очереди на приеме.

Сама операция прошла безболезненно, нарыв перезрел, и огрубевшая кожа не замечала пореза. Обстановка хирургической комнаты напомнила мне клиники, повеяло детством Москвы, и стало грустно и чего-то жаль. Порезанная вернулась из Хлюстинской. К концу уроков, и забинтованная в калоше, вместо ботинка, но уж без боли, появилась на последний урок естествоведения. Преподаватель Куклин, участливый к моей болезни и снисходительный к пропуску уроков, задал мне несколько посторонних вопросов, а подруги искренне поздравляют с выздоровлением. Я скоро поправлюсь, займусь поусерднее уроками, смогу гулять в саду на переменах... С замиранием сердца чувствую ласковую встречу с N. В закрытом учебном заведении среди учениц неминуемо «обожание» друг друга, идеализирование старших младшими, пристрастие к предмету своего поклонения. Обожаемым или «симпатии» передаются среди подруг лучшие пожелания: «спокойной ночи», «приятного аппетита», перед уроками — «на пять», и если «симпатия» благосклонно принимает все эти знаки внимания, то поклонница счастлива. Гулять с симпатией — это верх успеха, и мечтать о ней — сладко и отрадно... Я при своей впечатлительности не обошлась без «одеяла» (жаргон шутивных девиц), и у меня есть обожаемая ученица курсом старше меня — красивая Нина Нест[еров]а. Учатся 2 сестры Нест[еровы]³. Нина и Таня — близнецы, умницы и любимицы класса. Танечка — черненькая, как монашенка, смуглая, тоненькая, тихая — отличается своей религиозностью и подолгу вдохновенно молится в церкви и спальне. Нина — крупная цветущая блондинка с черными глазами и в пенсне, крупным ртом и прекрасны-

ми зубами, низким печальным голосом, резкая и несколько насмешливая, наблюдательная и важная, чем мне очень нравится, и возведенная подругами в мою симпатию, — доставляет мне много прекрасных минут мечты, разочарования, ревности и радости редким вниманием. Вероятно, я в нее влюблена и страдала не меньше горячего рыцаря, обожающего свою даму сердца. Сама я состою идеалом у Лидочки Л. — хорошенькой беленькой ученицы 3-го класса. Недавно ко мне стала присматриваться ее подруга Галя Н. Как та, так и другая — очень славные умненькие девочки, и мне никогда не хочется обижать их небрежным равнодушием, каким иногда меня мучит жестокая Нина. Но чем холоднее и недоступнее порой бывает моя пассия, тем больше к ней тянет, тем прекраснее бывает о ней тихая мечта...

Ложась спать, как радостно получить передачу «спокойной ночи» от Н., и долго мечтается о ней, сердце замирает от восторга, и щекожут слезы умиления! Как приятны бывают встречи с ней в коридоре, столовой, спальне, в саду! О, многие и не подозревают — сколько поэзии, сколько красоты в этой нежной институтской любви! И каково было мое счастье, когда с Новым годом я получила от Н. поздравительную карточку! Конечно, не я одна окружаю себя такой романтикой, таково здесь общее настроение, возникающее в закрытых школах. Это, конечно, не здорово, но это поэтично.

18 мая

Моя подруга — Шура Тих[омиров]а⁴ — именинница: приятно поздравлять именинниц открытками, пересылая их через парты, собирать в складчину деньги и покупать подарок от класса — альбом, статуэтку, книгу. В свою очередь именинница угощает весь класс конфетами и печеньем, и от ее имени вечером направляется депутация с коробками конфет в другие классы к родственницам, знакомым, симпатиям. Близкие подруги именинницы обыкновенно разделяют с ней сладкий праздник, и я сегодня на правах родственницы и подруги Ш.Т. помогаю ей угощать подруг, есть конфеты, пересылать ей поздравления подруг.

19 мая

Порезанная нога нуждается в искусной перевязке, и поэтому меня освобождают от уроков и направляют в Хлюстинскую. На этот раз ждать приема пришлось недолго. По возвращении шутливо встречают меня — раненую, спрашивают о новостях фронта, поздравляют георгиевским кавалером. Каких только не придумывается забав и развлечений в молодости: из чужой

беды устраивают общее веселье! И мне весело — я вхожу в данную роль и, очнувшись от поднятого шума, спешу начитать пропущенные уроки. Весна, что ли, действует так, что «глядишь в книгу — видишь фигу» и учиться неохота.

20 мая

Уроки утром в классе, уроки днем во дворе, уроки вечером в подготовке к экзаменам. Напряженные занятия надоедают, утомляют, но порой возбуждают к энергии, и учишь, учишь спешно, усердно, ободряясь успехом и фактически, и предположительно. Невыразимой радостью и незаменимым развлечением оказался приезд мамы. Свидание с нею хоть ненадолго смягчит суровую штабную казеншину, сообщит с любимым ласковым домом, утешит отчужденное одиночество. Бесценно дороги минуты с ней в училищной швейцарской, из которой безжалостно гонит классный звонок.

21 мая

Урок истории прошел мимо меня. Преподаватель объяснял почти весь час «переселение народов», езда по карте длинной линейкой. Я боялась вопросов, к которым не успела подготовиться, но, увлекшись рассказом, меня спросить не успели, и я смогу в другой раз подучить урок получше. На перемене выучила заданное по природоведению, но тоже вызов миновал. На уроке Закона Божьего о инспектор подошел к моей парте, повергнув меня в ужас и отчаяние, так как и этого урока я сегодня не знала — не до этого было вчера вечером с приездом мамы! Если же спросит меня теперь, то пропала, осрамлю весь класс! Но и этот раз опасность миновала, и я отделалась лишь испугом. Так — в постоянных тревогах, опасениях, настороженности — проходит школьный день, сменяется казенной строгой ночью, ограниченной звонившими часами, взыскателен надзор воспитательниц за поведением учениц, официальные отношения с учителями, официальные уроки, задаваемые по книге «отселева доселева», суха зубрежка их, точен режим быта, да и много еще схоластического, бурсацкого чувствуется в глухих стенах училищного конвикта. Изо дня в день течет казенная жизнь.

22 мая

Уроки, уроки, уроки, проводимым темпом, по привычному расписанию. Хочется, чтобы поскорее наступали и прошли экзамены, чтобы после них свободно и радостно встретить пышное деревенское лето. Домой! Домой! Сердце томится, соскучившись по семейному родному уюту!

23 мая

Как не разнежиться теплым ярким днем, зовущим ближе к природе — цветам, и как не размечтаться лунным тихим вечером перед сном в спальне после приятной милой встречи с очаровательной Ниночкой Н[естеровой]. Она пожелала мне спокойной ночи, и я счастлива, и моим прекрасным грезам нет удержу. Послушное услужливое воображение рисует образ Н.Н. — нежный и чистый, имеющий надо мной какую-то очаровательную власть. Образ этот окружен какой-то прекрасной недосыгаемой тайной, и я могу лишь издали любоваться им, молиться, восхищаться, радоваться ее мимолетной улыбкой, томиться и огорчаться невниманием. Вероятно, так, как я обожаю красивую Нину Н[естерову], так же бывают впервые влюблены романтические юноши, покоряющие сердце светской львицы.

24 мая

На перемене между двумя уроками удостоилась прогулки с Ниной Н[естеровой]. Это ли не высшая степень благополучия? Весело и шумно на вечерней занятой в собравшейся компании подруг. Многие как-то устали от уроков и, решив пренебречь ими, уделяют несколько времени на посторонние рассказы, воспоминания: смеются, шутят, надоев быть серьезными и озабоченными. За отсутствием развлечений — придумывают смешные истории, анекдоты, даже шарады. В спальне перед сном веселье усилилось, хочут по пустякам.

25 мая

Воскресная обедня со стройным хором певчих девиц, с девичьим чтением псалмов и «апостола» заключается обыкновенно чинным прикладыванием ко кресту или праздничной иконе перед амвоном, и оттуда идут класс за классом, начиная с младших — парами, сложив руки на пояс. Степенные позы, под взглядами посторонней случайной публики, робкие епархиалочки неловко исполняют церемонию «прикладывания». Для меня это было пыткой, и путь от амвона к двери церкви казался бесконечным. Пройти должно было тихо и благоговейно. Неуклюжие, смешливые или кокетливые горько после расплачивались за неосторожность. Такие подвергались разного рода наказаниям после публичного выговора в классе: оставляли или сидеть в столовой после обеда и чая, или стоять столбом за партой, лишались отпуска в гости в праздник, свидания с братьями в приемные дни. В праздники без уроков как-то пусто, ни в чем проходит утро. Временем не дорожишь,

имея в резерве вечер, уроки учить не хочется, но надо — и так, «дела не дела и от дела не бегая», проташится несколько часов до обеда. По воскресеньям назначаются свидания с братьями по очереди: один раз приемная семинаристов, другой — приемная духовников. Сестры идут к своим братьям, знакомятся с их товарищами, переговариваются с земляками, а у кого нет братьев — кокетничают мимикой глазами с незнакомыми, с опаской озираясь в сторону воспитателей. На меня всегда толпа мужской молодежи, смотрящей из швейцарской вверх на лестницу, по которой спускались в столовую пары учениц — на меня всегда вид приемной действовал возбуждающе. В течение нескольких минут мимоходом переживалась целая бездна грез, целый длинный красивый роман, героиней которого была я. Сходя с лестницы и глядя вниз в толпу, я от волнения не могла отчетливо рассмотреть стоящих. Смушалась и краснела, как будто десятки стоящих глаз снизу устремились только на меня. От избытка чувств сжималось дыхание, и глаза застилала слезы. Несколько минут я была точно погружена в какой-то чарующий туман, заполненный прекрасными образами молодых людей. Смутно чувствовалась острая влюбленность в кого-то, было томительно сладко в неудержимых грезах. Выходить самой в приемную мне случалось редко, так как Шура большую часть времени проводил дома, наезжая в Калугу только на экзамены, или вызывал повидаться в неприятные часы. Поэтому, может быть не привыкнув к обществу молодых людей, я всегда идеализировала встречи с ними. После приемной долго еще, весь вечер грезится каким-нибудь незнакомым лицом, которое в смятении чувств все-таки уловится и останется в памяти.

26 мая

Приезд архиерея производит всегда некоторую панику в училище. Класс почтительно вытягивается и трепещет высокого сана преосвященника, и самые простые обыденные его вопросы могут до скандала смешать смущением ученицу. По классам и коридорам раскатывается дружное «испола эти деспота», вслед за архиереем движутся фигурки инспектора, начальницы, воспитательниц. На время равномерный училищный быт выходит из привычной колеи: уроки сокращаются, иногда затеваются какая-нибудь панихида или молебен. Архиерей проходит и по столовым, проверяя глазами стол и кухню. По всему корпусу напряженная тишина, резкий шепот осторожен, поклоны безмолвны и дружны. Дежурные по спальне заблаговременно забегают туда, чтобы поправить возможные беспорядки в кроватях. Проводив

высокого гостя, напряженная тишина разряжается усиленным беспорядочным шумом точно вырвавшихся на свободу 500 человек. Нарушенный порядок входит в свои размеры, и опять все становится обычным, прежним.

27 мая

Скоро, скоро конец нашим урокам, репетициям и домой, домой в Железцово⁵¹!

Надоело ученье: математику — ненавижу и никогда, кажется, не полюблю, странно, что отвлеченные понятия мне естественны, идеями и предположениями я живу, но только не числовыми. В успехе письменной задачки по арифметике, бывшей сегодня на уроке — я сомневалась. На письменной арифметике я почему-то всегда волнуюсь: цифры убегают от внимания, спешишь и делаешь не то, что нужно. Тетрадки после урока учительница отобрала. По сравнению с другими моя задачка решена верно, но мне не нравятся некоторые небрежности в объяснении. Зато по географии получила хорошие точки, и это навело меня на хорошее настроение. Станный Симан ведет свою оригинальную балльную систему таинственных знаков: их надо тонко знать, чтобы оценить свой ответ. За 3 года ученья мы к Симану уже присмотрелись и отметки его разбираем. Интересно знать, что пишет он в своих записках, пачку которых таскает везде с собой в сером клетчатом платке. Говорят, что, вызывая ученицу, он пишет все подробно: наружность, ответ и создает ее полную характеристику. В течение урока, слушая ответ вызванной ученицы, этот чудак-учитель непрерывно пишет что-то в своих тетрадках, в которые до сих пор никому не удалось заглянуть. Он очень любит голубые глаза, с первым звуком звонка бежит в класс, выговаривает опоздавшим, аккуратен, скуп, взыскателен к ученицам. У него своеобразная система преподавания по запискам — сухо, шаблонно, схоластично, но знания тверды и основательны.

[Июнь 1915]

1—10 июня

Уроки, уроки усиленные. Преподаватели приходят даже вечером заниматься в классе по своим предметам. Письменные работы, репетиции, волнения, неожиданные огорчения и радости. По всем предметам меня почему-то спрашивают в конце четверти. Это трудно, потому что приходится усердно учить все уроки ежедневно. Обыкновенно, как спросят какой-нибудь урок, так после ответа книга закрывается почти на месяц, до следующего

спроса. Но это, конечно, рискованно: учитель может «поймать» и вторично спросить и скоро. Но пренебрегаешь осторожностью и на время даешь себе отдых от подготовки какого-нибудь урока. Так как меня спрашивали почти по всем предметам в конце четверти, то я почти не отдыхала, а была постоянно настроже. Это, конечно, хорошо, потому что я не запускала уроков и знаю все основательно. Теперь занимаемся последние дни до 15-го, и меня постоянно гоняют по всем предметам. Хоть и сомневалась в своей подготовке, но «не так черт страшен, как его малюют», и мои ответы успешны, и меня ободряют.

15-е

Ура! Роспуск! Конец казенщине, урокам! С нами свобода, лето, игры, домашние привычки. В училище шум, оживление, вызов учениц в швейцарскую к приезжающим. Лица — сияющие успехом и опечаленные неудачными экзаменами. Но и такие все же рады роспуску, освобождению из четырех стен училища. Мои экзамены прошли хорошо: по многим предметам пятерки, арифметика неожиданно успешно, география на экзамене 4+. Это по Симану хорошо. Главное же, веселит предстоящая свобода. Я знаю, что за мною приедут папа или мама, и с замиранием сердца жду вызова в швейцарскую. Каждое появление швейцара в классе тревожно настораживает — «не меня ли вызывают?». Но я знаю, что про меня не забудут, и в ожидании озабоченно собираю свои вещи, весело перебегаю из класса в спальню, оттуда в зал, чужие классы, смеюсь, разговаривая с подругами. Кончил дело — гуляй смело, и это сознание заслуженного отдыха после утомительной, но успешной работы бодрит, пьянит восторгом, и сколько же радости всегда бывает в день училищного роспуска! Как-то вдруг оказываются какие-нибудь приятные новости, все как-то странно, даже смешно и необычно. Угомонившись несколько от первых шумных впечатлений и забот роспуска, примыкаю к группе подруг, устроившихся в глубине класса, на задних партах, и развлекавшихся рассказами, анекдотами, воспоминаниями. Дружно угощаются конфетами, печеньем, домашними лепешками, присланными на дорогу, словом — кутят, справляя конец экзаменов и веселый день роспуска. На стенной доске, раньше пестревшей математическими вычислениями, географическими названиями и примерами из русского и французского, теперь аршинными буквами, увитое венками и цветами, красуется одно радостное и дозволенное только сегодня слово «РОСПУСК»! Все училище, каждый класс, каждая ученица по отдельности переживают этот праздничный день,

все одинаково возбуждены и шумливы. В кружках на задних партах веселье и смех. Каждая из присутствующих выразительна по-своему. Несмотря на одинаковую казенную внешность — в форме, платье, в манерах, общих интересах, сложившихся в конвикте, — все же каждая из учениц имеет свою физиономию, свой характер, свои привычки. В будний казенный день все как-то уравниваются общим режимом, озабочены одной заботой одинаковых уроков, теперь же все это осталось позади, надоело, языки развязались, настроение оживленно и свободно. Общежитие так сближает учащихся, что знаешь друг друга и всю подноготную, всех домашних каждого из нас, знакомых и домашнее времяпрепровождение, приходишь в радости и печали каждого из нас. Меня в классе любили, как-то особенно нежно, снисходительно во многом уступали, ценили мою «культурность», литературную развитость и всегда готовность помочь в уроках. Старшие классы почему-то ловили меня на переменах в зале и коридорах, тискали, целовали, называли «белкой и котенком». Некоторых старших, преследующих меня, я почему-то боялась, точно нехороших кавалеров, другие меня учили танцевать, рассказывали интересные истории, приставали показать им мои рисунки и письменные работы по-русски, в которых я всегда была художником. Даже в нашем классе из великовозрастных второгодниц — М. Пол. была ко мне страшно неравнодушна: иногда она прибегала ко мне в спальне на постель, начинала целовать, душить, называть непонятными именами. Это меня удивляло и пугало, и я звала на помощь соседок. Некоторые как-то двусмысленно растолковали поведение П-й, другие становились на мою сторону и старались остепенить дикую гостью. Но М. Пол-я мне нравилась своей всегдашней прямоотой, неженственными мальчишескими манерами и смелостью поведения. В ней всегда кипела какая-то свободная энергия, протест и веселье. Сейчас она является душой кружка на задних партах, рассказывая что-то веселое и нецензурное, что особенно весело. Воспитательницы Морги (как у нас называют Марью Григорьевну) в классе нет: она гуляет в беседе с чинной миниатюрной Ириной Ивановной по коридору. А раз нет надзора, то класс в день роспуска может ходить на головах: в кружке веселья анекдоты. Все смеются актерством Т. У нее необычайная способность копировать всех учителей, и особенно Симана. Ее мимика, ее жесты и выражения, характеризующие каждого из учителей, так смешны, так неподражаемо верны, что весь класс надрыдается от хохота. Есть выступления и музыкальные, откуда-то появились балалайка, гитара, кто умеет наигрывают и поют романсы. Теперь мы переведены в 5-й класс, чувствуем себя уже взрослыми, старши-

ми и ведем себя непринужденно, свободнее. Сравнительно с маленькими нам многое позволено. Так — сегодня многие из нашего класса разошлись по городу в лавки, к портнихе, — без надзора воспитательниц и без старших домашних. Папа еще не приехал за мной — решила пойти в лавки и наша компания: Лоренцо, Лида См[ирнова], Маня Л[ебедева]⁶ и я. Собрались и еще несколько человек: Маркевич, Маркова, Лена Н[емирова]⁷ и направились всей ватагой в город. Какая свобода, как интересно на улицах и в магазинах. Стараясь по возможности быть приличными — мы все же не связанные обычной формой гулянья нас по городу всем классом, когда идешь почти молча парами, в ногу, нигде не задерживаясь вниманием и часто от нечего делать и видеть по одной и той же надоевшей улице — читаешь вывески на магазинах, сокращая слова от первой до последней буквы. Теперь же мы идем не гуртом, скованные надзором воспитательниц, а лишь несколько человек по своим делам, за своими покупками — веселые и свободные. Нагулявшись и обменявшись мнением о покупках, мы возвращаемся в училище к вечеру. Вскоре меня вызвала мама и Лида, и вот я уже наполовину дома, ушла вся в домашние рассказы, новости. Мама и Лида как-то особенно нарядно и празднично выглядят. К Лиде очень идет ее новый полосатый костюм и изящная панамка с шарфом амазонки. Она сияет счастьем, так как ее избранный уже жених Шура Никол. скоро приедет в Железцово. Мне становится все веселее, лучше, чувствуя, что завтра я уже буду в родных местах. По уходе наших — конец вечера прошел шумно в классе и спальне, где о сне думалось меньше всего — не до сна!

16 июня

С утра за мной зашли мама и Лида и вместе ходили по лавкам. Как интересно, как ново все, я радуюсь и прыгаю как маленькая девочка. Погода прекрасная, мама с Лидой веселые и довольны мною, и счастьем моему при свободе отпуска нет конца! Зашли к бабушке, закармлившему меня конфетами, и к вечеру уже собрались в путь домой! Только что выехали из Калуги, и я впадаю в какой-то неудержимый восторг, экстаз перед красотой природы! Как зелены луга, поля и берега рек, как оживленны деревни и веселы птицы в кустах! Но при въезде в заказ я уже не могла восхищаться вслух: перестала прыгать на месте и указывать на отдельные особенности своих дорожных наблюдений, больше уже не слушаю рассказов мамы и Лиды, а вся притихла, притаилась в том очаровании, какое овладевает мною всегда при въезде в наш приветливый лес! Что-то особенное, обаятельное в нем! Осо-

бый болотисто-лесной запах, красота деревьев, аллеи, по которой протянута дорога, множество соловьев и ароматных гиацинтов, которые как белые свечи торжественно встречают входящих в лес. Как-то особенно пышно и тесно в зелени, и эта поэтическая лесная теснота дает такой простор мечтам и грезам, соловьи так звонки в безветренной тишине, сумерки так ласковы и таинственны в деревьях, что только молчанием, точно молитвой пред красотой и очарованием природы, можно выразить все настроения лесной дороги в июньский вечер! Какая-то радость переполняет душу — молчишь, трепеща, пока вдруг не прокрадется внутрь какая-то непонятная тихая и милая грусть! О чем, зачем, почему — неизвестно, должно быть от избытка чувств. Домашняя встреча расшевелила меня радушным шумом, и родной дом — приютил, успокоил, отрезвил от напряжения переживаний последних двух дней. Осуществилась мечта, которой я жила долгое время, — и вот теперь я уже наяву дома, среди родных людей и вещей в своих привычках, заботах. После Калуги домашняя обстановка как-то трогательно мила, ласкова, миниатюрна. Все кажется мельче, чем раньше, странно новым, отвыкшим, но это только первое впечатление. Вскоре все домашнее овладевает мною, и я им, слившись в родную семью, ее быт и начав своим порядком домашнее лето 15-го года. После дороги крепок и сладок сон под родным кровом.

17—30 июня

С первого же дня приезда вхожу в домашние заботы и развлечения. Старшие заняты подготовкой к свадьбе Лиды и приезду Шуры Н. Нас, детей, интересуют всякие подробности этих необычайных событий. Весь дом в возбуждении и приятном ожидании. С Даниловым готовили шарады, балет Молю и Бэбы — племянниц Мар[ии] Александровны. Тетя Маня и Лида спешно готовят нарядное белье и платья, Валя помогает им. Мама в бесконечных хозяйственных хлопотах. На нас, детей, возложено летнее нешуточное дело — сбор ягод, которых тьма.

С.А. Сергиевская
СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

1 сентября 1904 года

Каникулы окончились. В 12 часов дня я с Марусей* приехала в училище.

Узнала, что после молебна перед началом учебного года наша новая начальница — Людмила Ивановна Зарницкая¹ — говорила вступительную речь. После обеда мне пришлось увидеть ее, она о чем-то говорила с двумя воспитательницами. Мне она понравилась, хотя и говорят, что она строга. Но в иных случаях не мешает и строгость, тем более в нашем училище.

Вечером, после ужина, когда я пришла в свой класс, мне сделалось так скучно, что я чуть не плакала, несмотря на то что уже в VI-м, выпускном классе.

3 сентября

Вот и начались уроки! На второй урок к нам пришел новый учитель истории Андрей Михайлович Обыденный². Он мне не очень понравился. Вспомнился мне Дмитрий Васильевич — каков славный был учитель! Я страшно жалею, что его нет теперь в нашем классе.

Так как нам уже задали уроки, то на «занятной»** пришлось их готовить, чем я очень довольна: все-таки — занятие, и время будет скорее идти, и не так скучно.

4 сентября

Расписание уроков еще нет, и мы не знаем, какой у нас будет урок. Несколько времени спустя после звонка к нам в класс пришел учитель рисования и принес массу рисунков, а мы выбирали себе, каждая по своему вкусу.

Третий урок был дидактика. Иван Пименович Четвериков³ говорил о Чехове: сообщил вкратце его биографию, сказал несколько слов о характе-

* Старшая сестра автора.

** Так назывались часы вечерних занятий в классе.

ре его произведений и разделении их на три категории. Вообще хорошо говорил — вероятно, много готовился, хотя нельзя отрицать и дара слова.

5 сентября

После обедни, на воскресном чтении, сидела Людмила Ивановна, но читала Александра Ивановна⁴. После чтения Людмила Ивановна пространно объяснила нам прочитанное применительно к нашей жизни в епархиальном училище.

Вечером гуляла (в зале) с Клашей Малининой. О многом с ней беседовали, преимущественно об отвлеченных предметах.

8 сентября

Все уроки я выучила до обеда и очень хорошо сделала. После обеда нас водили гулять за реку, но не в лес, куда нас водили прежде, а по направлению к Ромоданову. Дорогой сидели в березовой рощице, я лежала и вспоминала родные Печки, не знаю почему, но только не потому, что она напоминала наш лес. Нет! — куда ее сравнить с нашим чудным березнячком! Во все время прогулки я старалась идти одна и все мечтала о Печках.

12 сентября

После чтения Людмила Ивановна объявила нам очень для всех девочек неприятную новость: 1) домой ехать одним нельзя, 2) ехать по возможности во всем своем, а если кому ехать не в чем, то дадут запасное казенное, 3) в отпуске ходить во всем своем⁵. Все это она объявила не только в нашем классе, но и во всех. Мы долго не могли учить уроки: так были этим взволнованы.

Вечером перед ужином гуляла и сидела с № 4 и окончательно убедилась, что вследствие разницы между ней и мною не уйти дальше простых «идеалов», как это принято называть в училище. Отсюда возникает вопрос: к чему эти улыбки, гулянья и переливание из пустого в порожнее?

15 сентября

Константин Эдуардович⁶ очень интересно объяснял про электрическую машину и показывал опыты с ней. Он поставил нас в круг, велел взяться за руки и пустил ток. Мы испугались, когда почувствовали, что через нас проходит электрический ток: кто-то даже вскрикнул от страха. Я очень люблю уроки Константина Эдуардовича. Он не только хорошо объясняет, но и много рассказывает о научных открытиях и изобретениях.

22 октября

После обедни читала Людмила Ивановна про Казанскую икону Божьей Матери. Во время ее чтения засмеялись две параллельницы: Коренева и Златостовская. Людмила Ивановна обиделась на весь наш класс.

Вечером после долгих сборов нас повели в дворянское собрание на концерт артистки Императорских театров — М.И. Долиной⁷. Место нам было предоставлено очень хорошее — прямо около эстрады, чем мы все были очень довольны. Одеты мы были в шерстяные форменные платья, белые крахмальные передники; все в корсетах и туфлях; но причесаны были очень скромно, даже приглажены более обыкновенного. Впечатление на всех произвели очень приятное, насколько мы это заметили.

Первый номер «Крейцера соната» исполняли скрипачка Ивановская и пианистка Залесская; им много аплодировали. На меня особенно хорошее впечатление произвела игра на скрипке и сама скрипачка, красивая, молодая и играет чудесно. Следующий номер «Травушка» исполняла сама Мария Ивановна Долина с аккомпанементом на рояле Залесской.

Долина, заметно, уже немолода, но на вид ей нельзя дать 50 лет (сколько ей и есть на самом деле), но гораздо меньше — приблизительно лет 30⁸. Она очень солидна, походка такая важная; но ласковое, веселое выражение лица совершенно противоречит ее внешности. Волосы у нее светло-русые, а глаза не могла рассмотреть какие. Платье на ней было атласное белое с какими-то желтоватыми или, вернее, кремовыми цветами.

Голос у М.И. Долиной чудный контральто, такой, каких я отроду не слышала. Несмотря на то что у нее контральто, она берет высочайшие дискантовые ноты.

Концерт прошел очень удачно; артисткам много аплодировали и несколько раз заставляли петь и играть на бис. Под конец концерта все артистки передали нам воздушный поцелуй, мы им ответили тем же, так как нам аплодировать не позволяли. Публика, а особенно семинаристы, которых, к великой моей радости, было немного, неистовствовала, хлопала в ладоши, кричали, стучали ногами и чуть ли даже не прыгали.

23 октября

Учитель дидактики, Иван Пименович Четвериков, говорил на уроке о воспитательном значении музыки, пения — вообще изящных искусств. Привел в пример рассказ Элизы Ожешко⁹ о том, как благотворно действовало пение заезжей артистки на тяжелую загрубевшую жизнь рабочих фабри-

ки. Пименыч говорил так хорошо, что я живо представила себе картину лунной ночи, бедный дом фабричного рабочего, его больную жену, дом шинкаря, где нашла приют потерпевшая неудачу на сцене артистка; мальчика с тяжелой непосильной вязанкой дров — и как все изменилось после грустной песни артистки. Ну да что и описывать: ведь мне ой как далеко до Пименыча и в красноречии, и во всем!

6 ноября

Как хорошо сегодня говорил И[ван] Пименович о некоторых статьях «Вестника воспитания»¹⁰ за нынешний год. Между прочим, он сказал, что в школах существуют ненормальные отношения учителя с учениками, и советовал нам относиться нормальнее. Я на уроке же дала себе слово, если быть учительницей, то отдаться всей душой своему делу и стараться приблизиться к идеалу, созданному мной на основании советов Пименыча и примере Константина Эдуардовича.

Ах, как страшно и вместе с тем хорошо вступать в жизнь!..

Наша однообразная жизнь нарушилась целым рядом выдающихся дней. 17 ноября нас распустили говеть.

Во время говенья наш класс делал венок из белых лилий на икону святой Екатерины, в честь которой освящен наш храм. 20-го числа мы исповедовались, а 21-го причащались. После причастия начались жаркие приготовления к храмовому празднику — Екатерину дню. Я особенно много хлопотала, потому что готовилась читать в церкви «шестой час», писала программы литературного вечера и, кроме того, готовилась читать на вечере сцену из «Царя Бориса» А. Толстого. Мы готовились читать разговор инокини Марфы (я), Бориса Годунова (Маня Чижова) и жены Бориса (Лена Смирнова); на генеральной репетиции мы осрамились, поэтому особенно старательно готовились к вечеру.

Но ожидаемый день наконец настал.

24 ноября¹¹

Вчера всенощная прошла благополучно: пропели весьма хорошо и читали тоже хорошо.

Обедня. Ждем, ждем архиерея!¹² Но вот раздался звон — преосвященный едет!

«Меня забила дрожь, и холод проникнул в мозг моих костей» (слова из моей роли).

Соня Успенская прочитала «третий час», и начала читать я свой «шестой час»! Тон я взяла очень высокий, поэтому, где приходилось долго тянуть, голос дрожал и чуть не обрывался. Счастье мое, что я не сделала ошибки в ударениях!

В обедне был ревизор. Во время молебна с ним сделалось дурно, он упал и сломал ногу. Когда его привели в чувство, он еще немного оставался у начальницы и, позавтракавши, уехал в гостиницу. Это событие очень всех взволновало и испортило праздничное настроение.

После обедни отправились в столовую обедать. Спустя несколько времени туда пришел архиерей. Пропели «Отче наш» и «Испола» ... Преосвященный благословил трапезу и, пожелав всем приятного аппетита, отправился к начальнице. Мы, певчие, проводили его до квартиры начальницы с пением «Испола»... После обеда начались танцы.

Половина 7-го. Все собрались в залу.

Спустя немного времени приехал архиерей. Его встретили пением «Коль славен», затем пропели приветственную кантату. После этого отец инспектор прочел историческую записку об епархиальном училище, с основания которого исполнилось 25 лет¹³. Вслед за этим последовала раздача наград. Мне дали сочинения Жуковского. Раздачею наград закончился акт, после него без перерыва пением кантаты Моцарта («Вот наступил желанный час») начался литературно-музыкальный вечер, состоящий из двух отделений.

В первом отделении седьмым номером значилось: сцена из «Царя Бориса» А. Толстого. Этот номер должны исполнить я, Маня Чижова и Лена Смирнова.

Вот мы вышли на середину, очень неловко раскланялись и, получив благословение архиерея, начали. Первая должна была говорить я — длинный монолог инокини Марфы. Незаметно для себя я воодушевилась, мои соучастницы тоже, и мы прочли так, что удостоились похвалы архиерея и общих аплодисментов.

В антракте между первым и вторым отделением все воспитанницы сошли в столовую, где нам раздавали гостинцы: по два яблока, по дуле¹⁴, по две пастилы, по одному ирису, по два мармелада и по две конфеты.

Второе отделение вечера прошло так же хорошо, как первое. После вечера нам было позволено потанцевать до ужина. Но я не воспользовалась

этим и предпочла танцам разговор с Иваном Пименовичем. Завязался он так: после вечера Пименыч спросил, какую мне дали награду, и просил показать. Посмотрев книгу, он спросил, что я читала Жуковского, и очень хвалил его. Потом мы говорили о танцах, о музыке, о прочитанных мною книгах. Наш интересный разговор прервался, когда его позвали к начальнице закусывать.

Так окончился этот замечательный вечер.

С.А. Сергиевская
ВОСПОМИНАНИЯ О К.Э. ЦИОЛКОВСКОМ

В течение двух лет (1903—1905), когда я училась в старших классах епархиального училища, К.Э. преподавал у нас физику.

Образ любимого учителя навсегда запечатлелся в моей памяти.

Вот он неторопливой походкой идет по коридору, входит в класс — высокий, с длинными зачесанными назад волосами, с усталыми, добрыми, немного печальными глазами, в очках. Ему было в то время 47—48 лет, но нам, пятнадцатилетним девочкам, он казался старым. Ходил он в школу в неизменно длинном сюртуке, говорил медленно, спокойно и тихо, немного картавя: «р» и «л» звучали в его речи близко к «в» («погвомче»). При опросе вызывал учениц к столу и, слушая ответ, прикладывал руку к уху.

Мы любили уроки физики и с большим уважением относились к Константину Эдуардовичу. Его уроки захватывали нас ясностью изложения и наглядностью, интересными опытами. Сухое содержание школьной программы оживало на его уроках. Физического кабинета в школе тогда (в 1903—1905) не было, и физических приборов было мало, все они помещались в одном большом желтом шкафу, многие из них были изготовлены Константином Эдуардовичем. На немудреных физических приборах великий ученый объяснял сложные законы природы, показывал интересные опыты.

Иногда в классе летали шары-монгольфьеры, сверкали молнии, заливался свисток паровой машины. Однажды он предложил нам поднять небольшой колокольчик, из-под которого был выкачан воздух: пробовали и поодиночке, и группами, но не могли поднять. К.Э. лукаво улыбался, мы и смеялись, и удивлялись, и нам стало совершенно ясно и понятно действие физического закона.

Уроки его обычно начинались с опроса, во время опроса он вызывал учениц с места — добавить, продолжить или сделать вывод. Таким образом, каждая из нас в любую минуту ждала вопроса учителя. После опроса К.Э. объяснял новый материал, рассказывал всегда увлекательно, вдохновенно, направляя мысль от основных законов физики к практическому применению

их в жизни, к перспективам развития науки. Уроки физики выводили нас за пределы учебника, за пределы класса и школы, в широкий мир науки, открытий, изобретений, вызвали работу мысли и интерес к знаниям. Помнится, однажды он рассказывал нам о том, что в будущем создадутся космические острова, летящие рядом с Землей, на них можно будет поставить гигантские зеркала, собрать в фокусе солнечные лучи, направить их в любое место земного шара и изменять климат на пользу человечества. Говорил он и о возможности полетов человека в космос. Слушали мы, словно сказку, о том, как человек подчинит себе солнце, ветер и космические излучения. Не верилось, но хотелось пометчать...

Воссоздавая образ Константина Эдуардовича — учителя, я опираюсь не только на личные впечатления, оставшиеся в моей памяти, но использую и воспоминания других учениц, заботливо собранные мемориальным музеем и опубликованные в статье научного сотрудника музея В.С. Зотова¹, в сборнике «Калужанин», изданном в 1959 году.

О своей научной и изобретательской работе он нам, учащимся 1905 года, не рассказывал. Когда кто-то, услышав от старших, что К.Э. работает над построением дирижабля, спросил его об этом, он промолчал, а потом сказал: «Это неправда». Был и такой случай (о нем вспоминает моя одноклассница А.В. Дагестанская): «Как-то ученицы обнаружили в журнале “Путеводный огонек”² статью о Циолковском с его портретом и сгорали от нетерпения, ожидая удобного момента, показать ему эту статью, но классная дама не выходила из класса, и кто-то отважился во время объяснения урока показать ему журнал. “Это не я”, — сказал К.Э. и по окончании урока еще раз громко и раздельно сказал: “Это не я”».

В данном случае в нем говорила не только скромность, но и нежелание рассказывать о своих трудах, в то время (1905) еще не признанных и подвергавшихся насмешкам местных обывателей.

Но в 1916 году (вспоминает ученица Г.Н. Зубова) К.Э. как-то принес в класс свою брошюру «Полет на Луну» и сказал: «Вот будет такая пушка, в нее вставят ракету, в которую посадят людей, выстрелят, и ракета окажется на Луне. Вы дождетесь, а может быть, полетите на Луну». Г.Н. Зубова продолжает: «Мы расспрашивали, что такое ракета и чем там дышат и долго ли лететь. К.Э. с увлечением нам все объяснял. Про “пушку” он, вероятно, сказал для того, чтобы было понятно нам, читательницам Жюль Верна. В 1917 году К.Э. словно помолодел. На его лице часто появлялась улыбка, он

стал словоохотливее. Многое нам рассказывал о космосе, но мы не могли себе представить, что возможно межпланетное сообщение. Мы слушали, как сказку, мечтали попасть на Луну и на Марс, но все это было для нас только мечтой».

К.Э. не любил зубрежки, требовал сознательного усвоения знаний, за вызубренный материал у него нельзя было получить выше тройки.

КАЛУЖСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОСПИТАННИЦ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

П.Н. Лушукова (Савостина)

Когда я была в музее, услышала от экскурсовода, что известны даже не только имена и фамилии преподавателей наших, но также и их прозвища, что меня весьма удивило. Испокон веков велось в школах придумывание прозвищ, осталось это и до наших дней. Любимым — хорошие прозвища, нелюбимым злые, но и те и другие обычно очень меткие.

Если вас будет интересовать, какие прозвища я помню о своих преподавателях, на всякий случай сообщу.

Вам уже известно, что Семена Степановича Покровского звали Луной. У него много было странностей, которые вполне были изучены ученицами, и из них извлекалась максимальная польза. Например, мы знали, что если ты знаешь хорошо урок и хочешь, чтобы тебя спросил С.С., обрати молитвенный взор на икону, висящую в углу класса, делай вид, что ты молишься. С.С. очень любил «ловить». Заключив по твоему молитвенному взгляду, что ты урока не знаешь, обязательно спросит. Наоборот, если ты будешь неотступно смотреть ему в глаза веселыми глазами — полная гарантия — это значит, что ты урок знаешь, а это вовсе неинтересно и спрошена не будешь. Если он заметит у ученицы измененную прическу, не обычный, а другой бант, другой фартучек — обязательно спросит.

После болезни в первый день непременно спросит. Если ты не ответила на какой-нибудь вопрос, обязательно помни, так как в следующий раз после ответа текущей темы он спросит: «А какой за Вами должок?» Горе тому, кто забыл!

Еще прозвище было дано Дмитрию Васильевичу Смирнову — учителю истории. Он был очень хорошим учителем, его уважали и любили, но внешность была очень смешная. Он был очень короток и очень толст. Его «добрые» ученицы звали Пимен Короткий, а «злые» — Окорок в очках.

Был один священник в параллельных классах — Михаил Филиппович Лебедев. Его почему-то очень не любили. Я его не знала. Звали его не иначе как Филяныч. И, наконец, к стыду моему, я, очень дисциплинированная, тихая, вежливая ученица, не желая того, дала прозвище Леониду Алексеичу — учителю педагогики. Брюнет неимоверный! Волосы черные, брови черные, глаза черные, кожа темно-коричневая и даже белки глаз желтоватые. После первого его урока мы стали, конечно, делиться впечатлениями. И я без всякой «плохой» мысли пропела: «Эфиопы видом черны, и как уголья глаза!» И к ужасу своему узнала, что к нему пристало прозвище Эфиоп. И что страшнее всего, это на выпускном вечере к нашему столу подошел и сел к нам Эфиоп. В веселой беседе, среди смеха и шуток, он вдруг спросил: «Ну-ка! Сознавайся, кто назвал меня Эфиопом?» И, смеясь, окинул нас озорными глазами. Конечно, я готова была провалиться в преисподнюю и пролепетала свое «изречение». Ну вот и все, что сохранила мне моя память.

Лушукова Полина Никитична

Авдеева (Жукова)

Воспоминания с 1908 года (1-й класс).

Объяснив теорему, К.Э. попросил класс: «Ну кто теперь пойдет и повторит?» Класс напряженно молчал. Я очень любила математику; преодолев волнение, но не страх — мы никогда не боялись К.Э., — стала повторять теорему. Учитель остался доволен моими ответами и впоследствии частенько вызывал меня повторить объяснения.

Мои одноклассницы стали шутливо называть меня «Косих номер два». Заучивать у Константина Эдуардовича ничего не приходилось: объясняя урок, он следил, чтобы понятно было всем. К.Э. не выносил зубрежки. Помню, как однажды вызвал он ученицу Маню Залетову: та отвечает урок «назубок», а К.Э. сидит за учительским столом, в правой держит между пальцами карандаш и водит им по столу. Лицо недовольное, нахмуренное. Мы переживаем за обеих, зная, что К.Э. обязательно скажет: «Вот выучила “назубок”, а смысла ведь ни бельмеса не понимает...»

Маня отвечает сквозь слезы: «Я же учила, Константин Эдуардович!»

— Знаю, что учила, а вот понять-то ничего не поняла.

И ставит 3 в журнале, но потом непременно спросит еще.

Самыми интересными и незабываемыми были уроки по физике! Мы их ждали всегда с нетерпением, на этих уроках оживали даже самые ленивые ученицы. К.Э. вел уроки физики с каким-то особенным вдохновением, сопровождая их обязательным показом увлекательных опытов.

В училище был хорошо оборудованный кабинет физики, где в огромных застекленных шкафах на полках, много стояли физические приборы «на показ». Но брать и пользоваться ими для опытов по физике можно было только с разрешения начальницы Анны Васильевны Андреевой, женщины тупой и властной, для которой чинное спокойствие класса было дороже всяких опытов по физике.

Она не любила Циолковского, относилась к нему враждебно и, не стесняясь учениц, называла его полупомешанным.

И вот, удостоверившись, что грозной начальницы нет поблизости, К.Э. выходил из класса и на цыпочках шел по коридору в физический кабинет, а мы за ним — две-три ученицы, тоже на цыпочках, затаив дыхание.

Возвратившись с приборами в класс, К.Э. начинал объяснение урока сопровождать показом чудесных опытов! Так, на занятиях по электричеству у всех вдруг «вставали» волосы «дыбом» или из волос выскакивали искры, «плясали» бунзеновские! шарики и «человечки».

Я была одной из лучших учениц К.Э. по физике и математике, но один раз и у меня была «единица». Случилось это так...

В 6-м классе мы уже ходили на практику давать уроки малышам. Меня не было в классе, и [я] не слышала объяснение теоремы «Касательная и окружность». Не приготовили уроки и мои подружки, привыкшие к моей помощи.

К.Э. вызвал пятерых девочек — все молчат... Доходит очередь и до меня: «Ну идите, Жукова, и объясните им...». Не зная урока, отказываюсь и я. К.Э. вспыхивает: «Ах, и Вы не знаете? В таком случае ставлю Вам единицу...» И начинает объяснять злополучную теорему. Закончив объяснение, К.Э. снова вызывает меня к доске.

«Ну как же я пойду, Константин Эдуардович, если у меня “единица”», — обиженно заявляю я. Тогда К.Э. берет журнал и переправляет «единицу» на «пятерку».

Приходится повторять объяснение... в журнале теперь заслуженная «пятерка». Класс улыбается и облегченно вздыхает.

В 1915 году нас, уже теперь учениц 7-го класса, поразило печальное известие: К.Э. не будет преподавать больше нам, так как для преподавания в

старших классах нужен был университетский диплом, а его у К.Э. не было. Физику и математику нам в 7-м классе уже преподавал дипломированный учитель Олисов. И прежде горячо любимые уроки превратились в сухие и тусклые.

О.И. Малинина

Константин Эдуардович преподавал у нас в шестом классе женского епархиального училища физику. Накануне его первого урока к нам пришел инспектор училища Алексей Иванович Казанский и сказал, что завтра урок физики будет вести новый учитель — Константин Эдуардович Циолковский.

— Прошу вас,— обратился инспектор к классу,— вести себя на уроках Константина Эдуардовича достойно. Учитель он опытный, но имеет большой недостаток — плохо слышит. Когда будет вызывать вас отвечать заданный урок, то подходите к его столу. Если надо спросить что-либо или если не поняли его объяснений, то поднимите руку, встаньте и тоже идите к столу, там и спрашивайте. Шкаф с физическими приборами дежурная по классу должна открыть до прихода учителя (шкаф с приборами стоял в классе, а физического кабинета в то время не было). Надо быть чуткими, — сказал в заключение инспектор и ушел.

Я пишу об этом потому так подробно, что хочу подчеркнуть, как инспектор старался создать Константину Эдуардовичу условия для работы с нами. Он хорошо знал, что, хотя на каждом уроке и сидела классная наставница, мы ухитрялись шуметь и баловаться.

На следующий день на урок физики инспектор пришел с Константином Эдуардовичем, отрекомендовал его и ушел. Начался урок. Мы сидели так хорошо, как только могли сидеть 15—16-летние девочки. Вначале Константин Эдуардович сказал нам, что будет преподавать физику, а физика такой предмет, где надо рассуждать, а не брать все памятью и не зубрить.

— Запомните, — сказал Константин Эдуардович, — я буду при ответах урока ставить перед вами вопросы: «Почему? Какие причины тому или другому явлению?» — Потом улыбнулся (он часто улыбался, когда был доволен) и сказал: — Ну, желаю вам успехов. Сейчас буду объяснять урок...

Новый материал он объяснял всегда медленно, громко, отдельно, понятно. Трудные места повторял несколько раз и спрашивал нас, поняли ли

мы. Мы кивали головой — это означало: поняли. Та, кому было неясно, поднимала руку, шла к столу и громко спрашивала, что ей надо было разъяснить. Трудные названия он записывал на доске, а мы списывали их в свои тетради.

Во время объяснения нового урока Константин Эдуардович всегда ходил по классу. Но часто останавливался у окна, всматривался во что-то, молчал, потом повертывался к нам, начинал опять молча ходить. Нам казалось, что он как будто «собирает» свои мысли, чтобы продолжить начатое объяснение.

Часто он приносил на уроки приборы, сделанные им самим из картонной бумаги или из дранок вроде тонкой фанеры, оклеенных папиросной бумагой. Когда ученица подходила к столу Константина Эдуардовича за разъяснением или с ответом заданного урока, он обязательно садился на стул, прикладывал руку к уху и так слушал, что ему говорили.

Константин Эдуардович очень любил чертежи на доске и требовал делать их аккуратно. Самый лучший подарок для него был хорошо сделанный чертеж на доске. Если он удовлетворял всем требованиям, то Константин Эдуардович улыбался и говорил девочке:

— Какая ты умница, да ты не только умница, а разумница! Как же ты сделала! Хорошо, красиво, я и сам так не сделаю. Смотрите, смотрите, — обращался он к классу, — учитесь у нее. — И, улыбаясь задумчиво, проводил на место ученицу, приговаривая: — Хорошо, хорошо, удивительно хорошо, обязательно ставлю 5! — Чертежи с доски мы перечерчивали в свои тетради.

Константину Эдуардовичу было очень трудно заниматься с нами по физике. Мы совсем не знали алгебры, а по геометрии имели лишь первоначальные понятия. По физике же надо было делать чертежи и решать задачи. Константин Эдуардович сумел дать нам некоторые знания и по алгебре, и по геометрии, необходимые для решения задач и выполнения чертежей. Урок он почти всегда кончал словами:

— Помните о своем рассудке и о моих вопросах: «Зачем? Почему? Какая причина?»

Контрольных работ, как я помню, он не проводил, а к каждому новому уроку давал часть повторения. Для более ясного понимания преподаваемого материала Константин Эдуардович прибегал к методам наглядного обучения. Так, для доказательства давления воздуха демонстрировался опыт с «магдебургскими полушариями». Иногда он вызывал сразу нескольких уче-

ниц и расставлял их по классу «небесными светилами»: кто — Луна, кто — Солнце, кто — Марс, а кто и звезды.

Давал некоторые понятия и по астрономии, но вне уроков. Раз в неделю Константин Эдуардович приходил в училище вечером. Мы ходили с ним в наш маленький садик при училище смотреть небо. Он показывал нам Медведицу Большую и Малую, объяснил, как найти Полярную звезду и еще некоторые звезды: Альтаир, Капеллу, а также созвездия Возничий и Персей. Говорил, в какое время года можно найти на небе планеты Марс, Сатурн, Венеру.

В училище некоторые девочки все время находились в интернате, другие приходили из дома — их родители жили в Калуге. Они, конечно, больше общались с разными людьми, больше видели и слышали и иногда передавали нам разные новости. И вот однажды принесли весть, что наш Константин Эдуардович хочет лететь на Луну, а оттуда, может быть, и на Марс. Для этого он строит корабль с крыльями. Какое это вызвало волнение, удивление! Сколько разговоров было! Мы не знали, верить или не верить этому, но решили обязательно спросить его самого. Долго между собой договаривались, где удобней это сделать. Решили спросить на наших беседах в садике.

Когда же мы задали свой вопрос, он посмотрел на нас взволнованно и, мне показалось, рассерженно и коротко ответил:

— Я не полечу ни на Марс, ни на Луну... — Потом подумал и добавил: — Но мысль об этом идет вперед.

Этот ответ я помню очень хорошо, потому что все присутствующие девочки остановили свое внимание именно на словах: «Но мысль идет вперед». Мы, к стыду нашему, долго носились с этим выражением, потому что не понимали его как следует. Попросить же разъяснения у Константина Эдуардовича не решились, боясь опять его рассердить.

Между прочим, в тот же самый день, когда мы спросили Константина Эдуардовича о полете на Луну и Марс, одна девочка принесла из дома журнал. В нем был помещен портрет Константина Эдуардовича и статья его или о нем, — не помню. Когда мы показали ему этот портрет, он еще больше взволновался и все повторял: «Портрет, портрет. Зачем принесла этот портрет?!» Так разволновался, что даже не кончил с нами обычной вечерней беседы и ушел.

Мы привыкли разговаривать с Константином Эдуардовичем и ни малейшим намеком не давали ему чувствовать его глухоту. Мы сознавали, что он не такой, как наши остальные учителя.

У нас с ним установились хорошие отношения, теплые, простые, полные большого уважения. Это можно подтвердить некоторыми, хотя и маленькими, фактами.

Константин Эдуардович ходил одетым в сюртук, сзади карман всегда был чем-то нагружен, и из него постоянно выглядывал маленький кусочек носового платка. Нам это не нравилось, и мы все думали, как сказать ему об этом, чтобы не было обидно. Весь класс так его уважал, что нам не приходило в голову посмеяться над этим кусочком платка. Наконец набрались смелости и однажды после урока сказали.

В ответ Константин Эдуардович улыбнулся, спрятал платок и сказал: «Ах, все шалости и шалости!» (Почему он так говорил, нам было непонятно.)

Потом несколько девочек договорились между собой и купили ему три хороших белых носовых платка, вышили его инициалы и на перемене положили их в карман его пальто (вешалка была открытая около лестницы). В записке написали: «Многоуважаемый Константин Эдуардович, не сердитесь на нас, мы Вас любим». Может быть, этот наш поступок и был обидным для него, а с нашей стороны не совсем чутким, но сделали мы это от души. Константин Эдуардович, придя в класс, посмотрел на нас и сказал: «Дети вы, дети, и останетесь детьми... Не сержусь».

О.Н. Благовещенская (Беляева)

Был он в наших детских глазах не похож ни на кого из остальных учителей. Начиная с внешнего вида. Все учителя ходили в форменных зеленых мундирах с блестящими медными пуговицами, официальные, парадные. Они одинаково холодно и равнодушно ставили в журнал двойки, колы и пятерки. Константин Эдуардович носил черный сюртук. Был высокий, плотный, с большой седой головой, которую он держал немного откинутой назад, с глазами, устремленными вперед. Он казался нам и особенным, и в то же время гораздо более близким, чем все остальные. Быть может, оттого, что, когда эти мечтательные глаза опускались на нас, девочек, они были полны доброты и отцовской ласки, а лицо его освещалось при этом добродушной, почти детской улыбкой.

Вот он сидит за учительским столом, приставив к уху ладонь трубочкой. Ученицы обычно вставали рядом с ним. Но случалось, девица уныло молчит

или под настойчивыми вопросами Константина Эдуардовича несет такую несусветную чепуху, что он вдруг взрывался: «Убирайтесь, ни бельмеса не знаете! Убирайтесь!» И, возмущенный, полный негодования, ставит в журнале жирную единицу.

Понурив голову, девочка покорно плетется на место. Константин Эдуардович продолжает возмущаться: «Ничего не поняла, ничего не учила!»

Ученица кладет голову на парту, слышатся тихие всхлипывания.

Константин Эдуардович начинает объяснять новый урок у доски или расхаживая по классу. После двух-трех фраз он останавливается и с недоумением и возмущением спрашивает: «Ну, что же она плачет? Разве я виноват?» Но класс неодобрительно молчит. Объяснение возобновляется, всхлипывания тоже продолжают. И снова возмущение не дает Константину Эдуардовичу продолжать объяснение. «Плачет? А? Как будто кто-то виноват, что она ничего не знает!» — Всхлипывания усиливаются. Еще несколько рассеянно сказанных фраз о новом материале, и наконец решительные шаги к столу. «Замолчите, не плачьте! Ладно, переправлю». — И жирная единица переправляется в нескладную, еще более жирную тройку. И потом в раздумье и несколько смущенно: «Ну, кое-что она все-таки понимает. Да и сложная ведь это материя, какие умы об этом думали и не все ведь правильно понимали».

Всхлипывания прекращаются. Успокоенный окончательно, Константин Эдуардович продолжает прерванное объяснение урока. Он совсем не мог видеть детских слез. Стыдно теперь и вспоминать, что мы этим пользовались. Но его непосредственность и доброта были понятны нам, детям, и как-то совсем не мешали прекрасно знать его предметы — физику и математику.

Мне, склонной к гуманитарным предметам, они тоже давались легко, и я никогда не скучала на уроках Константина Эдуардовича. Вероятно, потому, что объяснял он тоже как никто: понятно, образно, наглядно, без вычурных, прилизанных книжных фраз, и сам увлекался тем, о чем говорил.

Вот он объясняет силу солнечного притяжения, и так ясно и интересно, что я не удерживаюсь от вопроса: «А если постороннее тело попадет в орбиту Солнца, что с ним будет?» — «Оно будет носиться вокруг Солнца, как планета. Вот если бы Беляева (это я) очутилась там, она вечно бы носилась вместе со спутниками Солнца вокруг него».

Все мгновенно представили себе Беляеву, маленькую, вихрастую, в длинном, нескладном зеленом форменном платье, в белых чулках и башмаках,

несущуюся в надзвездных сферах в качестве спутника Солнца! Смеется сам Константин Эдуардович, покатывается со смеху весь класс.

Однажды во время опытов, проводившихся вместе с нами, он разбил стакан и страшно взволновался, что нам достанется за казенный стакан. Чтобы его успокоить, мы сказали, что стакан принадлежит одной ученице. Тогда Константин Эдуардович вынул десять копеек (стоимость стакана) и стал настаивать, чтобы девочка взяла деньги. Мы совсем уже смутились и не знали, как его успокоить, окружили его и клялись, что этот стакан нам ничего не стоил.

Если он замечал, что кто-нибудь из нас читает постороннюю книгу, то молча подходил, смотрел ее, хвалил и книгу и писателя и просил не читать на уроке. «Физика тоже нужна», — скажет и отойдет.

У него было удивительное отношение ко всем великим людям науки, искусства, литературы, он говорил о них с каким-то благоговейным уважением, даже о тех, с кем не был согласен. «Это великий ум, он ошибался, но он много сделал для человечества, он достоин уважения». Или: «Лев Толстой — величайший писатель, обязательно его читайте, только не на уроках. Математику тоже надо знать, и Толстой ее знал», — и улыбнется. Эта его улыбка и легкая картавость делали его каким-то совсем простым и близким и смягчали самых задиристых и грубых. Никто никогда не грубил ему, все слушалось безоговорочно.

Мы стороной слышали, что Константин Эдуардович тоже ученый, что у нас его не признают, потому что он самоучка, что о нем пишут в журналах и что он все деньги тратит на какие-то опыты.

Но скромн он был до болезненности. Как-то одна ученица с общего согласия класса спросила: «А правда, Константин Эдуардович, что про вас написали в одном французском журнале, что вы ученый и что вы изобретаете что-то?»

Надо было видеть, как он рассердился. Замахал руками, покраснел и даже закричал на ученицу: «Что за глупости городите! Никакой я не изобретатель. Никакие журналы про меня не писали; и ничего вы не знаете!» — А мы все смеялись и кричали: «Нет, правда, правда, мы читали про вас!»

Много позже, после революции, мне рассказывала подруга, которая слышала это от очевидца, как вел себя Константин Эдуардович, когда Михаил Иванович Калинин вручал ему орден. Он говорил Михаилу Ивановичу, что его награждают не по заслугам, что он так мало сделал, что не заслужил

награды, что есть более достойные. По своей скромности он искренне считал, что правительство переоценило его заслуги.

А.В. Добромыслова

К.Э. Циолковский был моим учителем в 1910—1911 годах.

Переход из четвертого класса в пятый составлял эпоху в жизни воспитанниц училища. Мы становились «старшими», у нас вводились новые предметы: алгебра, геометрия, тригонометрия и физика. Все эти предметы нам преподавал К.Э. Циолковский, еще не старый, высокий, немного сутулившийся, с черными длинными волосами, откинутыми назад с высокого лба, с небольшой черной бородой. Он носил очки, которые имел обыкновение спускать вниз так, что они задерживались на бороде, а потом снова поднимал их на глаза, когда нужно было читать. Каждого нового преподавателя воспитанницы определяли двумя характеристиками: «добрый» или «злой». Циолковский скоро был понят нами как преподаватель добрый, непохожий на остальных.

У Константина Эдуардовича было свое отношение к отметкам. «Умственный труд и цифры — вещи несоизмеримые», — говорил он и считал пятибалльную систему оценок «нелепостью». Главным для него было, чтобы учащиеся понимали закон физики или доказательство теоремы, а какой цифрой это записывается в журнале — неважно.

Следующий случай на уроке физики показывает отношение Константина Эдуардовича к зубрежке. Одна ученица начала отвечать с фразы: «Выше мы увидели...» (она механически заучила текст страницы учебника). Константин Эдуардович, приложив руку к уху, с недоумением спросил: «Где мы увидели?» Ученица, следуя тексту учебника, снова начала: «Выше мы увидели...» Константин Эдуардович посмотрел на нее с сожалением, не перебивая, выслушал ответ до конца и поставил «тройку». В сознании учащихся были твердо установлены «нормы» оценок. За «вызубренный» материал нельзя было получить выше «тройки».

Свои уроки Константин Эдуардович проводил по установленному порядку. Сначала вызывал учащихся и спрашивал урок, затем задавал вопросы по пройденному материалу, а потом объяснял задание на дом. Рассказывал он всегда вдохновенно. После следовало повторение нового материала кем-либо из сильных учениц. Таким образом Константин Эдуардович проверял, как

класс понял его объяснения. Затем указывал страницы по учебнику. На этом урок заканчивался.

Обыкновенно повторять выходила Оля Соколова. Она обладала каким-то особым чутьем на математику и быстро схватывала тему в изложении преподавателя. Посредничество сильной ученицы между преподавателем и классом имело большое значение в ходе занятий. При подготовке уроков Соколова могла повторить всему классу или тем, кто в этом нуждался, объяснение урока, данное учителем. Однажды тема не «дошла» до класса, это была «теплоемкость». Мы решили просить повторить объяснение. Перед началом урока дежурная по классу передала Константину Эдуардовичу нашу коллективную просьбу. Но на этот раз Константин Эдуардович почему-то вспыхнул. И, покраснев, не приняв во внимание заявление дежурной, стал вызывать по алфавиту к столу и спрашивать одно и то же — «теплоемкость». Картина была такая:

— Бурцева! Теплоемкость.

— Я не выучила.

— Садитесь. Единица.

— Беляева. Теплоемкость.

— Я не знаю.

— Виноградова! — и так далее, пока треть журнала не запестрела «единицами». Тогда Константин Эдуардович бросил ручку на стол и большими шагами стал ходить по классу, повторяя: «Несчастные... неразумные...» Успокоившись, он объяснил снова «теплоемкость», вызвав по обыкновению для повторения Олю Соколову. Но на этом дело не кончилось. Перед уходом из класса Константин Эдуардович остановился в дверях и, обращаясь к нам, сказал:

— Я, простите, немного погорячился.

«Финал» был встречен восторгом.

Уроки физики были наглядными. «Кабинет физики» состоял из шкафа с приборами и длинного стола для демонстрации опытов. Константин Эдуардович любовно возился с приготовлением опытов, по-детски улыбался, думал вслух и нас как будто не замечал, уйдя всецело в свои «любимые игрушки». Когда кончалась подготовка, он начинал демонстрировать опыт, включая нас в «действие». Так, при показе электрического тока ученицы образовали живую цепь, а одну, с задорно торчащим вверх носом, поставили к машине, и искра тока с треском вспыхнула у ее носа, а мы в цепи получили ощущение судороги.

Наглядность уроков физики состояла не только в применении опытов. Все отвлеченные понятия учебника, выраженные законами физики, раскрывались на примерах из повседневной жизни. Окружавший нас мир становился в нашем представлении цепью целесообразных явлений природы. Открывать научную сторону общеизвестных явлений было очень интересно.

В училище мы ничего не знали о научных работах Циолковского, но слышали, что Константин Эдуардович имеет большую семью, терпит нужду, а свои средства тратит на изобретательство. На уроках физики, объясняя устройство аэростата, он мечтательно говорил, что воздушное сообщение со временем завоюет большое место, так как оно быстрее и безопаснее железнодорожного транспорта. Говорил он и о возможности полетов на Марс и Луну. Полвека назад эти высказывания казались нам «фантазией».

Епархиальное начальство относилось к Циолковскому с глубоким уважением и доверяло ему работу с нами, не требуя диплома высшего учебного заведения, дававшего право на преподавание в среднем учебном заведении.

Мне посчастливилось присутствовать на юбилее Константина Эдуардовича в Москве. При входе на торжества проверяли пропуски. У меня его не было. Но я сказала, что я бывшая ученица Циолковского. Тогда мне дали входной билет. Я устроилась на галерке и увидела Константина Эдуардовича. Он был все таким же, только волосы стали белыми. Казалось, он был смущен торжественностью обстановки и как будто недоумевал, что речи выступавших ораторов относились к нему. Я вырвала листок из блокнота и послала ему записку: «Дорогой, глубокоуважаемый Константин Эдуардович! Я счастлива присутствовать на Вашем юбилее, и от себя и за всех Ваших бывших учениц поздравляю Вас. Мы не знали Ваших великих научных открытий, но все любили Вас за золотое сердце». Получив записку, Константин Эдуардович прочел ее, покраснел и положил в карман сюртука.

Да, я счастлива, что видела, знала и была ученицей человека не только великого ума, но и большого сердца.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Михаил Левицкий
ЕПАРХИАЛКИ

<...>

Съезд после каникул

Наташа Кремнева в училище застала уже многих из своего класса в сборе. Надзирательницы, сидя за столами, записывали являющихся, отбирали у них на хранение деньги и ценные вещи. Прислуга принимала от приезжающих чемоданы, сундуки и всякую кладь.

— Здравствуйте, милая! — приветствовала Кремневу ее классная наставница Евдокия Захаровна Феогностова, старая дева 42 лет, среднего роста, худая как щепка, с длинным желтым лицом и темно-русою прическою весьма высоко взбитых волос. — Как лето провела? Много ли читала полезно? Собралась ли с силами для учения? Ведь последний год! Через девять месяцев распрощаемся!

— Благодарю, Евдокия Захаровна! — отвечала воспитанница. — Все благополучно!

— Ну, иди милая! Иди к подругам. Многие уже собрались. Еще Ордынской нет, да еще кое-кого из сельских.

— С Ордынской я приехала на одном пароходе. Она вечером приедет с Благодатской вместе.

Наташа отправилась в свой класс, где уже были некоторые из ее подруг, особенно из иногородних и сельских. Городские являются вечером в назначенный час, так как они не находятся в зависимости от часов прихода поездов и пароходов. Прочие приезжали часто и намного раньше, прямо с вокзала или пароходной пристани, если у них не было в городе знакомых у кого остановиться. На гостиницы и постоялые дворы родители победнее тратятся неохотно и привозят дочек прямо в училище, а сами, подкормив лошадей, уезжают домой, часто и не переночевав. Более богатые сперва накормят дочку обедом, прогуляются или даже проедутся с нею по городу, накупят гостинцев и привозят только к урочному вечернему часу, к 8 часам. Также яв-

ляются прямо в училище более взрослые, приезжающие без родителей. Между такими и была Наташа Кремнева.

Раньше ее собравшиеся были преимущественно представительницы дальних уездных захолустьев. Катя Мерова только что приехала в допотопном тарантасе, еще стоявшем у подъезда училища. Она проехала с отцом 180 верст, из них только 50 верст по шоссе, все остальное проселками. Ее отец, причетник старого образца в подряснике и с косичкою, кланяется усиленно Евдокии Захаровне:

— Уж вы, матушка моя золотая, мою Катьку-то подтяните, чтоб она училась хоть этот-то год.

— Что можем, сделаем! — обещает ему Феогностова. — Да плохо училась семь лет, в восьмой не нагнать; два раза по два года сидела, да все не впрок!

— Явите Божескую милость! заставьте Богу молить. Село-то наше дальнее, Куцыба прозывается, нам часто приезжать недосуг, да и расходов не по карману требует!

Катя, маленькая, худенькая, темно-русая, с огромными желто-карими рыбьими глазами, бледная и малокровная, с худым личиком и острым носиком, стоит возле отца, и скука написана на ее лице. Она знает, что и в этом году она учиться не будет, как в прошлые, знает и то, что Кириллу Семеновичу никакого дела нет до ее учения. Весь день он проводит на рыбной ловле и ни разу не полюбопытствовал узнать, чем занимается его дочь. Но перед воспитательницею ему, для приличия, необходимо изобразить родителя, пекущегося о своем чаде.

Мерова и Кремнева вошли в класс вместе. Там находились Ольга Горюнова, приехавшая по железной дороге за 38 верст из села, где ее отец причетником. Она белокура, некрасива, с грубыми чертами лица финно-монгольского типа. Лиза Худодьева — еще более дальняя, чем Мерова. Она проехала 207 верст и из них только 100 по железной дороге, остальные же 107 все проселками по невылазной грязи. Она худа, черна и некрасива, с острым птичьим клювом и широким ртом, за что прозвана Галчонком. Отец ее дьякон, человек природно не глупый, бывший когда-то недурным сельским учителем, но давно спившийся и потерявший облик человеческий. Хромова Екатерина — дочь благочинного из Конюченок, из-за 80 верст. Также весь путь на лошадях. Она очень худа, со светло-русыми волосами и милovidными чертами лица, но болезненным выражением. Она постоянно кашляет и дышит с трудом. Она слабогруда, а в дороге еще простудилась и чувствует себя нехорошо. Они все собрались вокруг Лены Единцевой, не-

рвной и бледной чернявки в очках, горячо рассказывающей им о своих летних похождениях и о своем путешествии, также немаленьком. Ее отец дьяконствует в уездном городе в 100 верстах от губернского. Из них только 30 верст по железной дороге и 70 на лошадях. Из одного города с ней Лидия Символова, дочь умершего протоиерея из собора, маленькая хромоножка, с лошадиною ногою от рождения, перешедшая в третий класс. Они всегда ездят вместе и в родной свой город, и обратно.

— У нас все это лето велись митинги! — рассказывает Единцева. — Городишко маленький, типы времен Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем не перевелись, но есть и интеллигентные силы. У нас в доме их собирается весь цвет.

— У дьякона? — удивилась Хромова.

— Что же что у дьякона? Мой отец человек старого письма и притом «ерофеичу» поклоняется, да мы его и не приглашаем на наши собрания. Пусть идет водку пить да играть по маленькой с попом, да почтмейстером, да нотариусом или казначеем. Моя мать передовая женщина. Она умеет собирать вокруг себя людей настоящих.

— У нас в Удалове тоже было хорошо! — похвалилась Худодыева. — Брат приглашал товарищей. Много народа в селе, конечно, не собрать, но книги читали, обсуждали, спорили. Исповедь Кропоткина¹ всю прочитали.

— И вздора несли вдоволь! — вставила свое слово Горюнова.

— Я с тобой и разговаривать не хочу! — огрызнулась Худодыева. — Ты ханжа и черносотенка. Да и чего ждать от необразованной псаломки?

— Видна передовая особа! — насмешливо сказала Кремнева. — Толкуют о всеобщем равенстве. А не по вкусу ей сказали, званием отца попрекает. Учились мы в одном классе, и образование у нас одно. Только Горюнова 8-я ученица, а Худодыева 24-я. А какого сана достиг отец, это ему честь и хвала, а не нам.

— Кремневу с Горюновой не переспоришь! — объявила Единцева. — А я не досказала про наш путь сюда. Со студентами-университантами ехали. Умнейшие! И убежденные социал-революционисты-максималисты²!

— И что же, при Символовой революционные беседы вели? — полюбопытствовала Кремнева.

— Конечно! Пусть девочка просвещается! — засмеялась Единцева.

— Негодница ты! — выкликнула Кремнева. — Тринадцатилетнего ребенка сводить с революционерами!

— А что же? Один из них говорит ей: «Если б Бог был благ, не родились бы вы с хромою ногою». А она, дура, расплакалась.

— Она своей матери напишет, как ты себя вела, когда ее тебе доверили. Ведь дочь такого уважаемого человека, а ты ее развращать пытаешься! Дрянть ты после этого. И я сама посоветую Символовой написать своей матери, чтоб все в вашем городе знали, что ты за птица.

Кремнева кипела от негодования, и лицо ее сделалось бледнее, чем когда-либо. К ней на помощь подросла Анюта Черникова. Это самая некрасивая из всего класса. Маленькая, толстая, рыжая, лицо репою, совершенно круглое и усеянное бесчисленными веснушками, с приплюснутым широким и коротким носом и огромным ртом. Она дочь протоиерея из уездного города в 60 верстах от губернского, на третьей станции по железной дороге.

— Что случилось? — спросила она. — Наташа что-то очень рассердилась? Это недаром! В чем дело?

Кремнева и Единцева ей все рассказали.

— Вполне присоединяюсь к негодованию Наташи и Оли! — сказала Черникова. — Надо быть очень низкою, чтобы вести такие мерзкие разговоры в присутствии ребенка. Да как можно забыться до того, чтоб не сознавать, что мы дочери служителей алтаря?

— Да я алтарей-то никаких не признаю! — насмешливо произнесла Единцева.

— А пользуешься воспитанием на церковные деньги! — заметила ей Черникова. — Ты ворущешь деньги у русского народа, жертвующего их с тем, чтоб из тебя вышла достойная жена духовного лица, способная воспитать в своих детях благочестивых пастырей православных. Народу не нужны атеистки и революционерки, подобные тебе, и на созидание их он ломаного гроша не даст. Ты же пользуешься епархиальными деньгами обманом. Ты ведь казеннокоштная! Ты воровка!

— Да само духовенство ворует! — отвечала Худодыева. — Держит народ в невежестве и тянет деньги с живого и мертвого.

— Так и уходи, Галчонок, из школы, основанной на деньги, по твоим понятиям, ворованные! — сказала ей Черникова.

— Отчего не поэксплуатировать вашу братию? — засмеялась Галчонок. — Только ни в попадьи, ни в дьяконицы не пойду, а сделаюсь вольною гражданкою.

С поездом по железной дороге прибыли вместе еще четыре воспитанницы. Они приехали на двух извозчиках прямо с вокзала. Их провожает из

матерей, взявшая под свое покровительство всех трех чужих подруг своей дочери еще в поезде, Анна Тимофеевна Воздвиженская, и ее дочь Вера, самая дальняя из приехавших в этом поезде. Муж Анны Тимофеевны, Петр Петрович, служит дьяконом в приходской церкви в уездном городе, в 200 верстах от губернского. Вера светло-русая с незначительным лицом девушка, 18 лет, одна из самых завязтых лентяек в классе. Ничего она не читает, ничем не интересуется, но любит поддакивать краснобайствующим, вроде Единцевой и Худодыевой, и они обрадовались ее прибытию как союзницы. С ней Катруся Периодова, очень высокого роста, худая, темно-русая с миловидным лицом, хотя несколько бледная. Село Никольское, где ее отец дьяконом, в 20 верстах от города, где живут Воздвиженские, и она у них ночевала. Она одна из всех трех подруг, порученная заботам Анны Тимофеевны самим отцом. Матери у нее нет. Она умерла, когда Катрусю было только десять лет. Ее отец Николай Яковлевич только ждет, чтобы она окончила курс и получила место учительницы. Тогда он примет монашество и удалится в монастырь. И теперь он человек не от мира сего и ничего не знает о том, что творится в его доме, меньше всего о том, что делает его дочь. Катруся этим пользуется, чтоб проводить целые недели в городе у Воздвиженских и заниматься с Верой и Анною Тимофеевной сплетнями и пересудами. Старшая сестра Веры Людмила и ее братья Павел, обучающийся в духовной академии, и Иван, студент университета, большие вольнодумцы, считающие себя умственной силою, будящею спящую массу городских обывателей, но Вера и Катя мало интересуются их деятельностью. Катруся Периодова, так же как Вера Воздвиженская, не учится и плетется в хвосте класса, но также поддерживает Единцеву и Худодыеву в их нелепом либеральничанье. Она приехала в училище с большими зубами и с левою щекою, повязанною голубым шейным фуляром с белыми горошинами. Зубы у нее заболели в дороге уже в поезде, и только что миновали часы самого жестокого обострения боли.

Остальные две подруги присоединились к первым уже на промежуточных станциях железной дороги. Маша Градова — самая старшая из воспитанниц класса. Ей уже заканчивается 20-й год, и на прохождение шести классов училища она потратила 10 лет. Она высокого роста, очень крепкого здоровья, очень сильная и часто пользуется своею силою для угнетения слабых. При этом чаще всего она является только оружием Единцевой и Худодыевой, умеющих ее наускать на кого им надо. Ее отец, дьячок в селе Князеве, в 30 верстах от станции железной дороги, находящейся в 60 верстах от губерн-

ского города. Петр Васильевич Градов честный человек, но находится в постоянной вражде со всем прочим клиром. Пережив на своем месте пять попов, он со всеми был на ножах. Ее мать, Марья Сергеевна, также постоянно возбуждена против всех и весь мир ругает напрапалую. Маша выросла в тех понятиях, что все люди свиньи и что без камня за пазухой ни к одному человеку и подойти нельзя. Но сама, не будучи умна, она неспособна разобратся в людях и отличить хороших от дурных. Поэтому она ни с кем не дружна и вообще мало с кем из подруг ладит. Единцева и Худодыева ею пользуются всякий раз, когда надо устроить скандал, не принимая на себя за него ответственность.

Четвертая из подруг Елена Архангельская села в поезд в 70 верстах от города. Ее отец причетник в селе Звонпылицах, у самого вокзала. Она среди подруг носит прозвание Воробушек. Она маленькая, худенькая, белокурая, с птичьим профилем. Она умнее остальных трех подруг и учится недурно, стоя во главе второго десятка. Она много читает, хоть и без выбора, не свободна от влияния Единцевой и Худодыевой, но глупостей, подобных изрекаемым ими, не говорит. Отец ее, Семен Петрович, человек простой и малообразованный, но проявляющий в вопросах жизни много здравого смысла и практичности. Он хороший хозяин и садовод и приучил к работе и свою дочь Лену. Жена его, Вера Дмитриевна, еще проще мужа. Она вся погружена в свое домашнее хозяйство, и все умственные интересы ей чужды. Весь день она в хлопотах. Она такая же маленькая и тщедушная, как ее дочь Воробушек, но в работе она неутомима.

— Скоро ли обедать дадут, — воскликнула Воробушек, входя в класс. — Не обижайся, Вера, — обратилась она к Воздвиженской, — а твоя мама нас голодом заморила. Весь день пустой чай с баранками.

— Весь день! — засмеялась Воздвиженская. — Ты всего три часа с нами ехала. Мы же с Периодовой 200 верст проехали. Все время чай пили. А денег нам по рублю оставила. Пробавляйся с рублем до Покрова.

— Мне отец три дал! — сказала Периодова. — А Анна Тимофеевна разменяла, отложила рубль двадцать, а 1 рубль 80 копеек сдачи отцу дала. Говорит: «Николай Яковлевич! Берите! Вам пригодится. А Катрсию нечего баловать. Будет с нее рубля. Ведь у них все казенное. Вот двугривенный на извозчика, это действительно нужно. Извозчик шесть гривен с вокзала. Мы троим поедем, по двугривенному с сестры. А на билет вы мне уже дали». Когда у меня зуб разболелся, Анна Тимофеевна мне накрошила одну баранку

в чай и, остудив, дала, говоря: «А сухих тебе не дам, для зубов вредно!» Так я всю дорогу, кроме одной пары баранок, ничего не ела.

— Прошлою весною я перед отъездом икры паюсной купила, — вспомнила Градова. — Анна Тимофеевна у меня ее отобрала и разделила на всех. Потом с чаем по бутерброднику выдавала. Говорит: «Вредно, душенька, много соленого кушать. Обопьетесь!» Сегодня я умнее была. Икру, сыр и колбасу в другой вагон есть уходила. Да всего не съела. Еще много осталось. Поделим и до обеда червячка заморим.

Градова, Воздвиженская, Мерова и Архангельская принялись уничтожать закуски. К ним присоединились Единцева и Худодыева. Периодова едва их коснулась, потому что у нее опять сильно разболелись зубы, и она нервно бегала по классу. Кремнева и Черникова были очень рады прекращению перебранки.

Еще перед обедом явились Божевольская, дочь дьякона в селе Глуздин, в 12 верстах от города, приехала с отцом в собственной тележке прямо в училище. Это высокая темно-русская девушка, с неправильными, но выразительными чертами лица. Она близорука и постоянно носит очки. Ученица она ровно из середины класса, всегда вращающаяся около 15-й из 30. Способности у нее есть, но учится она не так хорошо, как бы могла. Читает она много и постоянно увлекается героями прочитанных романов. Максим Горький и Леонид Андреев в числе ее любимых писателей, а потому она часто вторит безумным речам Единцовой и ее друзей и в поступках своих бывает часто необдуманна. Но она далека от отрицательного направления многих своих подруг или, вернее, желала бы невозможного примирения и согласования их проповеди с теми правилами благочестия, в которых воспитали ее родители. Оттого она часто сама себе противоречит. Отец ее, дьякон Сергей Алексеевич, человек благочестивый и в душе хороший, но крайне суровый в воспитании детей, которых он до 10-летнего возраста каждого порол розгами по нескольку раз в день. Мать Ольги, Настасья Сергеевна, женщина малообразованная и малоразвитая, вся поглощенная своим домашним хозяйством. К детям она придирчива и постоянно жалуется на них отцу, а Сергей Алексеевич, пока дети были малы, драл их розгами, а как стали постарше, награждает их подзатыльниками и пощечинами. Такое обхождение сделало девочек раздражительными и строптивыми. Ольга всегда готова возмущаться и бунтовать. С учителями и воспитательницами она бывает дерзка, с подругами она постоянно ссорится и выходит из себя. В гневе она себя не помнит,

дерется, бросает всякие предметы в голову своей обидчице, младших сестер Ольга, на правах старшей, школит, и не всегда основательно. Вообще Ольга человек минуты, при часто весьма благородных порывах способна на самые нелепые выходки. Но сестры ее, Раиса и Клавдия, на 2 и на 3 года младше ее, ее любят, хотя она часто их бьет. Они знают, что к всякому их горю она отнесется сердечно и всегда старается помочь и выручить. Ольга в училище приехала не совсем здоровая, у нее, так же как у Катруси Периодовой, зубы болят, но уже пятый день, и назревает флюс. Правая щека ее повязана белым платком, и сама она продушена камфарой. Мать хотела ее оставить дома, пока она не поправится, но отец настоял ее везти в училище, где, если потребуется, ее лучше полечат, чем это возможно в селе. Вскоре Божевольская и Периодова, не дожидаясь обеда, вместе отправились в лазарет.

Александра Тайницкая в своем роде замечательная личность, не только в своем классе, но и во всем училище. Подруги ее прозвали Бегемотом. В 18 лет она полное олицетворение ожирения, малокровия и лени, неповоротливости телесной и умственной, пока дело не касается денежных расчетов. Учится она неважно, но из класса в класс переходит обыкновенно без переэкзаменовки. Исключая учебники, она ничего не читает и ничем не интересуется. Круглое, молочно-белое, бескровное лицо ее всегда выражает скуку и лень. Она оживляется, только когда ест и когда ведет денежное дело. Родители ее всегда щедро снабжают и деньгами, и лакомствами. От сладкого у нее часто зубы болят, избытком денег она делится с подругами и при этом хорошо наживает. Архангельская, Иродианова, Периодова, Худодыева и многие другие у нее в неоплатном долгу. Она школьная ростовщица не только своего класса, но и всего старшего отделения училища.

— Что, Воробушек, заскучала? — говорит она, подходя к Архангельской.

— Денег нет, Санечка! — говорит слезливо Воробушек.

— Горю пособить можно! — смеется Тайницкая. — Рубль дать могу.

— Мне рубля мало!

— Два дам!

— А если три?

— Хорошо! И три дать могу. У меня деньги сейчас есть, а у тебя нет ли чего-нибудь сладенького?

— Ничего нет, Санечка!

— Мы и сладенького достанем, — утешает Тайницкая. — В лавочку за карамельками пошлю. На 40 копеек! Пиши записку: «40 копеек карамели»

“Блигкен Робинсон”. Елена Архангельская», и я в книжку запишу: «Архангельская 40 копеек», с прошлого еще года 75 копеек за тобой остались. Всего 1 рубль 15 копеек. Тебе надо 3 рубля. Всего 4 рубля 15 копеек, скушаем карамелек и перетолкуем о прошлом.

Посланная за карамелями служанка вернулась, и подружки принялись за их уничтожение.

— Ты мне 75 копеек уже 4 месяца должна! — начала Тайницкая. — За это с тебя следует $7\frac{1}{2} \times 4 = 30$ копеек, значит, к тем 4 рублям 15 копеек прибавить, 4 рубля 45 копеек будет. Ты мне должна теперь каждый месяц $44\frac{1}{2}$ копейки платить, когда у тебя деньги будут, ты мне и 4 рубля 45 копеек отдашь — и будем квиты.

— Каждый месяц платить не могу! — грустно говорит Лена.

— Ничего! Я записывать буду. Только за каждую отсрочку по пятаку. Если в мае заплатишь, то за 9 месяцев выйдет $44\frac{1}{2} \times 9 = 4$ рубля и $\frac{1}{2}$ копейки. Да 8 отсрочек $5 \times 8 = 40$ да 4 рубля 45 копеек, а всего 8 рублей 85,5 копейки да тогда, по дружбе, шоколадных конфет на 60 копеек купишь, а чтоб ты не забыла, я и их в книжку запишу на последней странице: «Лена Архангельская обещает шоколадных конфет на 60 копеек!»

— Значит, всего 9 рублей 45 копеек будет, — жалобно запишала Воробушек.

— Зачем 9 рублей 45 копеек? — утешила ее Тайницкая. — Всего 8 рублей 85 $\frac{1}{2}$ копейки, шоколад дружеское угощение. В счет деньгам не идет.

— Все за 3 рубля?! — спросила Лена.

— Не за 3, а за 3 рубля 75 копеек, а ты старых долгов не забывай. Да вольно же тебе оттягивать до мая. Заплати в январе, гораздо меньше платить придется. А расписку мне напиши так: «Получила от Александры Ильиничны Тайницкой 10 рублей, которые обязуюсь возвратить по востребованию». Это на случай твоей смерти. Я, конечно, желаю тебе жить и здравствовать, но все мы под Богом ходим. Случись с тобой какое несчастье, я с твоих родителей получу. На почтовые расходы и пойдут остальные 55 копеек. Оплати мне по 11,5 копеек в неделю, то никакой тебе лишней приписки не будет. Если через месяц все отдашь, то все дело 4 рублями 90 копейками кончится.

— Гадина ты, Тайницкая, — сказала Горюнова, слышавшая часть этого разговора. — Слушай, Воробушек! У меня рубль есть. Я тебе его дам, а дружкой попроси у Наташки Кремневой. Она денег привезла. Постарайся с двумя рублями обойтись, а с этой жидомориной не связывайся.

— Я также могу дать рубль! — вызвалась Черникова. — Да еще и Тайницкой 1 рубль 15 копеек, которые она требует, пусть заплатит. Вот тебе, Архангельская, 2 рубля. Мелочью у меня нет. Ну, из 3 рублей не трудно 15 копеек уделить. Все же 2 рубля 85 копеек на твои надобности у тебя останется. А с Тайницкой никогда больше не связывайся. Нам деньги возвратишь, когда можешь, и, конечно, без процентов и сколько у кого взяла.

Тайницкая ничего не сказала и вычеркнула все записи, касающиеся Архангельской, из своей книги, даже 40 копеек, истраченные на карамели, которые она поняла, что взыскивать неудобно, после того как делу дана огласка. Но по ее лицу видно было, как она злится.

Александра Тайницкая — дочь священника, Ильи Максимовича, живущего в 35 верстах от города в большом торговом селе Оксанове. Про отца Илью по всей округе идет слава, что такого алтынника и вымогателя другого во всей губернии нет. Ни одной требы он не совершит, не выторговав себе хороший куш, и перед совершением каждого обряда он всегда находит, что он что-нибудь забыл, и когда все уже собрались в церкви, он начинает новый торг и добивается еще значительной прибавки к уже выговоренной цене. Без этой прибавки он отказывается от совершения обряда и без скандала никогда не обходится у него ни венчания, ни крестины, ни похороны. Жена его Клавдия Андреевна сделалась крупною землевладелицей, обладающей барской усадьбой при самом селе. Они живут в доме, в котором когда-то обитал вельможа с историческим именем, один из приближенных людей Потемкина и организаторов Новороссийского края. Покупка была совершенна весьма ловко, не расходуя своих денег. Клавдия Андреевна не дала даже задатка, а взяла только с разоренного владельца имения обязательство совершить купчую в недельный срок со значительной неустойкой в случае отказа. Сама же она обязалась уплатить деньги только по утверждению купчей, но выговорила себе право быть фактической владелицей и распорядительницей имения со дня подписки обязательства. Получив его, она заняла денег и заплатила их по утверждению купчей. Из стоимости имения 60% составлял перевод банковского долга, 10% были даны под вторую закладную, на 20% Клавдия Андреевна выдала вексель, за поручительством своего мужа, и только 10% уплатила наличными. Затем, с разрешения банка, она продала часть земли крестьянам, но в несколько лет погасила и банковский долг и вторую закладную, а по векселю выплачивала частями из доходов с недвижимости. Через 5 лет у Тайницких оказалось имение хотя и меньшее, чем у бывшего владельца, но все же достаточно большое, с роскошным барским

домом, из которого продажа движимости также дала изрядный доход, и при том совершенно чистая от долгов, если не считать уплату по векселю бывшему владельцу, все еще не вполне законченную, так как Клавдия Андреевна с ней вовсе не спешит.

По внешности супруги Тайницкие такие же, как их дочь, толстые и неповоротливые. Александра у них единственный ребенок, вполне унаследовавший их качества, внешние и внутренние. Они ей дают на ее расходы от 10 до 15 рублей в месяц, но, как мы видели, она умеет их приращать своими коммерческими соображениями. Родители знают ее проделки и поощряют, с улыбкой выслушивая ее рассказы о своих ловких оборотах, а иногда и давая ей советы, как иное дельце лучше обделать.

Горожанки

После обеда уже собравшихся учениц повели в сад, где они гуляли до 8 часов, времени обязательной явки всех отпущенных на лето. Из первых явились Ордынская с Благодатской. Александра Благодатская, друг Ордынской и Кремневой, среднего роста, светло-русая и — несмотря на полноту, угрожающую со временем чрезмерным развитием — красивая девушка. Мать ее также в свое время слыла красавицей, но ныне достигла толщины непомерной. Умственно девушки хорошо развиты и уравновешенны. Не будучи в числе первых учениц, они учатся успешно и имеют хорошее влияние на подруг. Саша талантливая музыкантша, хорошая виолончелистка и звучное сопрано.

Она обрадовалась, встретив Кремневу, и, уединившись с ней и Ордынской, стала делиться воспоминаниями и впечатлениями летнего каникулярного времени.

Скоро присоединились к их кружку трое — Кладбищенская, Введенская и Онисимова, с парохода ушедшие к городским знакомым, и там же ожидавшая их Троицкая. С ними была еще и Зиминая. Благодатская, Онисимова и Зиминая двоюродные сестры. Зинаида Борисовна Благодатская и Калерия Борисовна Зиминая — родные сестры Глеба Борисовича Онисимова, кладбищенского причетника; самая тесная дружба соединяет брата и обеих сестер, так же как их дочерей. Муж Зинаиды Борисовны, Константин Иванович, священник у Святой Троицы, Калерия Борисовна, вдова причетника в селе

Парникове в 200 верстах от города, из коих только 45 по железной дороге и 155 на лошадях. А она там и теперь живет на клочке земли, приобретенном ее мужем, и дочь ее, Варя, по праздникам ходит к тете, только на летние каникулы ездит в родное Парниково. Варя такая же светло-русовая толстуха, как Саша Благодатская. В их семье вообще худощавых нет, и Глеб Онисимов также обладает внушительными поперечными размерами при звучном густом басы, очень ценимом посетителями кладбищенской церкви. Ему предлагали дьяконское место в уездном городе, но он ни за что не согласен расставаться с кладбищем и служащими на нем церковно- и священнослужителями. Согласится он принять дьяконский сан только в случае, если его «многочитомого друга» Григория Ивановича Введенского рукоположат во иереи, и желает до гробовой доски служить с ним и ни с кем больше.

Онисимов и обе его сестры люди неглупые, любящие чтение и разговоры с образованными людьми. Горячая мечта их, чтобы дети получили хорошее образование.

У Благодатских желание исполняется. Сын их Борис, студент-филолог, идет успешно и будет учителем древних языков, дочери, Саша и Поля, учатся недурно, у Зиминной сын Константин также преуспевает в семинарии и, верно, достигнет иерейского сана, но Варя неспособна, с ленцою, хотя хозяйка и рукодельница, притом с большим здравым смыслом и добрая девушка. Обладает она также хорошим голосом, и ее контральто выдается среди хора училищных певчих. У Онисимовых старшая дочь, Анна, училась хорошо и теперь замужем за дьяконом Петром Степановичем Смарагдовым, человеком развитым и образованным, ожидающим в весьма скором времени повышения в сан священника.

Но младшая дочь Лиза — одно отчаяние. Она убежденная лентяйка и не готовит даже половины своих уроков. Сидит над книгой, но не смотрит в нее, мысли ее витают неведомо где. Она имеет хороший голос, контральто, и поет иногда недурно, но уклоняется от спевков и дома иногда не поет по целым неделям. Не прочь она послушать иногда краснобаек товаров, поддакивает им, но, по своей лени, сама вперед не суется и уклоняется от всякого участия в их затеях. И наряды ее не интересуют. Всегда она неряшливо одета и почти не чесана. Она и не лакомка, ест, что дадут. Ей решительно все на свете безразлично. В годы, когда все рвется к жизни, она прозябает и своим прозябанием довольна.

В ином роде дочь другого кладбищенского причетника, Пелагея Троицкая. Она в высшей степени живой человек, всем интересующийся. Умствен-

но она развита и имеет прекрасное влияние на подруг, пользуясь их всеобщим расположением.

Она из числа хороших учениц, стоящих в конце первого десятка, она начитаннее и развитее многих зубрилок, стоящих выше ее в классном списке по старшинству баллов.

Высока ростом, очень стройна, миловидна, несмотря на маленькие плоские очки, которые она почти никогда не снимает. Худошава, но крепка и здорова. Волосы ее густые и длинные, светло-русой тени. Кремнева рассказывала Франшиму, как Поля Троицкая потеряла глаз в восьмилетнем возрасте. Когда ее привезли в младший класс училища, то первое время подруги звали ее «кривулей» и «циклопом», что казалось ей очень обидным. Но с течением времени она умела заслужить доверие и уважение подруг, и никто уже не осмеливался обращаться к ней с обидными прозвищами. Раненый глаз ее глубоко сидит в своей впадине и представляется узкой белой полоской, между прищуренными веками. Но, несмотря на это обезображение, личико Поли производит приятное впечатление.

Как все любят Полю Троицкую в училище, так ее обожают и в семье. Брат Леонтий, кончающий духовную академию, виновник ее несчастья, ее, как говорится, носит на руках, брат Иван, семинарист, также дружен с нею, и оба брата любят поговорить с ней как с девушкой мыслящей и разумной. Ее мать, Сусанна Клавдиевна, посвятившая себя воспитанию детей и устройству их благосостояния, советуется в делах с Полей не меньше, чем со старшей ее сестрой Машей, также очень разумной. Ни от той, ни от другой у матери тайн нет. Маша — учительница народной школы и занята не менее младшей, еще учащейся, сестры, но обе всегда рады разделить заботы своей матери и облегчить ее многотрудную жизнь. Друг к другу обе сестры питают самые нежные чувства.

Кто делает жизнь в семье Троицких трудной, а подчас и невыносимой, так это отец. Василий Еремеевич — противоположность Глеба Борисовича Онисимова. Онисимов человек в достаточной мере просвещенный. Он читает, следит за политикой, вращается в обществе людей, подобных священнику Константину Благодатскому, дом его благоустроен и образ жизни всей его семьи вполне культурный. Он бреет усы и бороду и одевается в черную сюртучную пару. Троицкий носит подрясник и полудлинные, всегда растрепанные и взъерошенные волосы, в пьяном виде он буянит, бьет в трактирах посуду, пристает к незнакомым людям, иногда поет не идущие к его духов-

ной одежде гадости, и всегда допьется до того, что его выводят из трактира, подчас не без содействия полиции. Раз десять в год призывается он и к мировому, для ответа по делам о непристойном поведении в общественных местах или же об оскорблении личности. Суд часто оканчивается арестом при полиции. Семья после каждого такого происшествия в великом горе, но Василий Еремеевич не успокаивается и, при первом же удобном случае, напивается и снова буянит.

— Папаша! — говорит ему его сын Леонтий Васильевич. — Пора бы поменьше пить. Человек вы старый, на здоровье отзывается!

— Щенок! — кричит на него отец. — Сестре глаз вышиб и прав! А Поля ангел! У меня ее беда в сердце сидит и гложет! Бесчувственный ты аспид!

— И до беды с Полей вы выпивали! — напоминает ему сын. — За мою неосторожность вы меня тогда плетью основательно выдрали — и за это я вас хвалю. А за то, что так пьете да скандалы устраиваете, похвалить не могу. Вас и Поля, и Маша, и мама сколько просили — пить, так дома. А вы нас всех срамите. Все видят! А дела у мирового и в газетах печатают!

— А начхать мне на газеты! Я человек культурный, общественный! Мне общество нужно! Без общества и рюмка в горло не лезет!

Когда жена и дочери его уговаривают, он их целует, клянется в любви, но всегда кончает тем, что уходит на какие-нибудь поминки покойника, где уверен, что ему предложат выпить.

Правдина тоже скоро приехала и поспешила рассказать своим подругам о том, как француз за Кремневой на пароходе ухаживал. Наташе это не понравилось.

— Ты, Нюта, глупа! Этот иностранец бельгиец, а не француз. Но к делу это не идет. Он инженер с завода у нашего села. Это такой же сосед, как всякий помещик, живущий около любого села. Я некрасивая, и притом больная. В меня влюбляться не станут. Человек он умный, с ним приятно поговорить, и мы с ним давно знакомы. Ухаживания никакого нет и быть не может.

— Он не жид? — спросила Онисимова. — Крещеный? Очень он уж черный!

— Он католик! — засмеялась Кремнева. — Если ты хочешь его пленить, то можешь! По церковным законам браки с католиками не возбраняются. Конечно, можешь взять с него подписку, чтобы дети были православные.

— Это мне все равно! — сказала Онисимова. — Да ты не сердись, а сознайся, что кавалер не из простых, хотя и иностранец.

— Даже очень не из простых! — подтвердила Кремнева. — Он девять тысяч в год получает, при готовой квартире, не считая наградных и разъездных. Этого достаточно, чтоб ты поняла, что это не жених для нас с тобою. Мы нищие, а он богач, а я притом не обладаю данными, чтобы прельщать, даже нет у меня здоровья, которое требует от жены самый неприхотливый мужик.

Кремневой этот глупый разговор надоел, и она ушла здороваться с другой группой вновь прибывших. В ней находились «соборянки» — дочь соборного протоиерея (он же и председатель совета училища) Лариса Святодумова и дочь соборного псаломщика Елена Иродиадова, с ними дочери двух учителей Елизавета Моловская и Вера Святозарова и дочь священника церкви Св. Михаила Архангела Надежда Резцова.

«Соборянки» весьма дружны между собою, несмотря на различие в положении их отцов. Но и отцы также очень любят друг друга и в своей жизни не раз оказывали один другому услуги.

В соборе³ находится множество древностей и замечательных святынь, представляющих собой памятники нескольких славных эпох русской истории. Все посещающие город иностранцы считают своим долгом осмотреть собор, а все люди, занимающиеся историей русского юга, находят неисчерпаемый источник справок в трудах протоиерея Михаила Прохоровича Святодумова по истории города и достопримечательностям его собора⁴. Но рядом с этими трудами посетители собора встречают живой справочник в лице дьячка Исаакия Матвеевича Иродиадова, знающего каждый предмет, находящийся в соборе, со всею его историею. За это он получает от посетителей щедрую мзду, его знания и опытность сблизили его с протоиереем-археологом, а также с верным сотрудником его, дьяконом кладбищенской церкви, Григорием Ивановичем Введенским, много поработавшим над собиранием материала для сочинения отца протоиерея и часто помещающим и свои церковно-археологические исследования в научных журналах.

Дочери всех трех учатся в одном классе и с давних пор дружны между собою. Святодумова, так же как Введенская, девушка выдержанная и благо-разумная и с хорошим влиянием на подруг. Обе из лучших учениц в классе. Святодумова перешла в последний класс второю, а Введенская — пятою. Лариса Святодумова — темно-русая, миловидная девушка, но, будучи очень близорука, она постоянно шурит свои красивые карие глазки, во время уроков носит очки, а дома и в обществе вооружена лорнеткою. Труды отца ее

очень интересуют, и от них она пристрастилась к русской истории, русской словесности, русской поэзии. Она горячо любит Родину, гордится ее прошлым, а потому верит в ее будущее.

Иродиадова носит среди подруг множество прозвищ: Прекрасная Елена, Царица Иродиада, дочь Плясовщица. Какому-то архиерею было угодно награждать ее деда такой странной фамилией, «по владычней милости» она и перешла в потомство, но все прозвища к Елене Иродиадовой очень идут. Она вполне красавица: высокая, темно-русая и черноглазая, ей только 16 лет, но она уже перешла в последний класс, притом четвертой ученицей. Способности ее блестящие, притом у нее голос, прекрасное высокое сопрано, и между певицами в хоре она одна из лучших. Она мечтает о консерватории и о сцене, но благочестивые родители ее и слышать о том не хотят, особенно отец, проживший весь свой век среди церковных древностей. Сопrotивление семьи ее мечтам о сценической карьере вызывает в ней протест и тяготение к тенденциям крайним политическим.

Моловская, дочь учителя русского языка, бунтарка по своим взглядам, имеет на нее известное влияние. Лиза Моловская, темно-русая девушка 17 лет, старчески дальнозоркая и носящая постоянно очки. Внешность ее жалкая, изобличающая начало чахотки. Нрав ее раздражительный, и в спорах она бывает обидно дерзка.

Дочь другого учителя, преподающего математику и физику, Вера Святозарова — противоположность Моловской. Ее зовут Слонихою. Она крупнее Тайницкой, высока ростом, белокура и непомерно толста. Моловская, несмотря на болезнь, учится усердно и не выходит из первого десятка. Святозарова по временам ленится и часто доезжает близко к двадцатой ученице. На этот раз перешла она семнадцатой. Она тоже тяготеет к крайним политическим партиям, только не в такой степени, как Моловская.

Надя Резцова, дочь михаило-архангельского священника, лицом по красоте не только не уступает, но, на иной вкус, имеет даже преимущество перед Иродиадовой. Ростом она меньше. Волосы ее светло-каштановые, глаза голубые, и черты лица ее поражают правильностью. Ее сестры, Юлия, 17-ти лет, и Женя, 14-ти лет, также отличаются красотой и прекрасно учатся, но Женя сильно хромает и не выходит из дома без палки. Она была совершенно здорова, когда поступила в училище, но два года назад, во время пасхальных вакаций, она с подругами влезла на верхний этаж строившегося нового церковного дома, пол еще не был настлан как следует. Она ступила

на доску, положенную кое-как через открытый люк, и полетела с третьего на первый, самый нижний этаж, где попала ногами в кучу песка, причем вывихнула себе колено с повреждением коленной чашки. В класс она не вернулась до следующего учебного года, 6 недель пролежала и до конца лета проходила на костылях. С одним костылем являлась в училище и пользовалась им до Рождества, посещая уроки как проходящая. Ее нога осталась все-таки укороченной и несколько искривленной, и ее хромота признана неизлечимой. Но, благодаря ортопедической обуви с утолщенной подошвой, Женя может ходить довольно сносно, не утомляясь, и пользуется палкой только на улице. Однако босая она ходит с большим трудом. Старшие сестры относятся к ней с материнской нежностью. Надя — третья ученица в классе и пользуется расположением всех своих подруг. У нее ожесточенный спор с Моловской, в котором принимают участие и все прочие подруги. Моловская при этом горячится, надрывает свой далеко не сильный голос, по временам задыхается и прерывает свою речь резким и сухим кашлем.

— Я тебе говорю! — настаивала Моловская. — Старому строю и православию пришел конец.

— Околесицу несешь! — остановила Резцова. — Законность у нас понемногу восстанавливается, а церковь обновится скоро.

— Православие стоит твердо, и врата адавы его не одолеют! — поддержала Святодумова. — Но строй жизни нашего духовенства требует исправления, и он, несомненно, исправится.

— Все духовенство наше лишь одна пьяная компания! — вставила свое слово Святозарова.

— Этого мало! — поправила Моловская. — Это грабители народа, притом невежественные распространители суеверия. Штунда, баптисты, лютеране сделают свое дело. Опустеют русско-византийские церкви. Но и их, всяких реформаторов, оттеснит реальное, позитивное знание. Религия будущего есть вера в разум.

— Но разум от Бога! — сказала Святодумова. — Мы понимаем только то, что Богу угодно сделать доступным нашему пониманию.

— Рече безумный в сердце своем: «Несть Бог!» — прибавила Резцова. — Ты начиталась разных брошюрочек и несешь вздор. Много у нас духовных лиц, не стоящих на высоте своего призвания, есть и совершенно позорящие свой сан; церковное устройство у нас из рук вон плохо, наши духовные школы, мужская и женская, никуда не годятся. Но от этого не погибнет православ-

ная церковь. Она обновится, исправит все удручающие ее нестроения и воспрянет к новой жизни.

Звонок призвал учениц к ужину, за которым последовала вечерняя молитва, а после нее все улеглись спать. Многие, утомленные долгой дорогой, скоро уснули. Некоторые еще продолжали разговоры, несмотря на постоянные увещания дежурной надзирательницы, ходящей по спальне и напрасно старающейся изловить любительниц несвоевременных ночных бесед. По мере ее приближения разговоры смолкали и возобновлялись, как только она удалится. Наконец все стихло!

Святилище науки

Поутру, после чая, был отслужен молебен в церкви училища. Служили отец Алексей, протоиерей, законоучитель и инспектор епархиального училища⁵, и отец Михаил, соборный протоиерей и председатель училищного совета, к ним был присоединен еще один иеромонах отец Пимен. Кроме воспитанниц присутствовали на молебне еще многие из родителей, пришедшие, чтоб проститься со своими дочерьми.

Протоиерею Алексею Ивановичу Митрофанову 68 лет, и законоучитель он в училище 40 лет, со дня его основания. Он почтенный старик, среднего роста, седой как лунь, но голос его крепок и тверд. Красноречием он не обладает, ищет слова и, видимо, часто теряется в мыслях. Поэтому проповеди он читает по тетрадке, а нередко и чужие по печатному тексту. Соборный протоиерей Михаил Прохорович Святодумов лет на 20 моложе. Волоса и борода у него темно-русые, лишь с весьма легкой проседью, цвет лица его свежий и румяный, строен, ростом несколько ниже отца Алексея. Он носит очки, из-за которых смотрят умные выразительные глаза, слегка прищуренные, как часто бывает у близоруких людей, но красиво очерченные. Такие же глаза и у его дочери Ларисы, которая вообще лицом очень на него похожа. Говорит он мягким и звучным голосом, проповеди его весь город очень любит. В них много душевной теплоты, чувства и ума.

Иеромонах Пимен — огромный колосс с полуседыми мышиного цвета волосами. Ему лет 60, голос его густой бас, он долго был иеродиаконом при архиерейской церкви.

Пел хор воспитанниц, ныне перешедших в выпускной 6-й класс; 8 воспитанниц входят в его состав: контраalto — Варвара Зимина и Елисавета

Онисимова, меццо-сопрано — Елена Единцева, Ирина Норова и Наталья Ордынская, сопрано — Александра, Ольга Горюнова и Елена Иродиадова. Голоса Зиминой и Иродиадовой так хороши, что многие посетители на них обращают внимание, и некоторые знатоки пророчат обеим девушкам блестящий успех на сцене, если только пожелают совершенствоваться и посвятить себя служению искусству.

Некоторые молятся усердно, и мысли их искренно зывают к Богу о помощи для достижения цели учения и для счастливого выхода на поприще жизни. Введенская, Любомудрова, Резцова, Святодумова, Троицкая, Черникова, Кремнева, все сосредоточились на молитве и молят Бога о ниспослании им даров Духа Святого. Добромыслова, Мерова, Моловская, Худодыева, Божевольская, только что выпущенная из лазарета, наконец, легкомысленный Воробушек Архангельская настроены совершенно иначе: они вполголоса перешептываются друг с другом. Остальные скучают, но стараются принять сосредоточенный вид, чтобы не попасться на глаза своей воспитательнице Евдокии Захаровне Феогностовой, стоящей на фланге своего класса, или, еще хуже, самой начальнице Марфе Андреевне Вериатовой⁶, наблюдающей за всеми классами с своего места, при начале прохода к царским вратам, позади всех поклассно выстроившихся воспитанниц. Все замеченные в неблагочинном стоянии в церкви записываются, и получившим несколько записей сбавляется балл за поведение. У некоторых балл этот доведен до двойки, и им угрожает весьма неприятная аттестация при выходе из училища.

После молебна отец Михаил сказал воспитанницам слово:

— Каждому человеку Бог дает место на жизненном поприще и возлагает на него свои обязанности. Исполнение этих обязанностей будет предметом ответа на страшном судилище Христовом. Вы призваны быть подругами и помощницами пастырей Церкви Господней. Одни будут женами и матерями служителей алтаря, другие учительницами младших братьев и сестер, наставницами детей паствы ваших отцов и братьев или же того прихода, в который вас самих призовут жить и учительствовать. Везде вы будете призваны учить и наставлять, давать образование и воспитание человеку. Этот человек, ваш воспитанник и ученик, олицетворяет собой будущее России и будущее церкви. Вы можете содействовать и возвышению и упадку отечества и церкви. Хорошая женщина создает величие и славу страны, дурная ведет ее к гибели. Одну Бог наградит, другую накажет. Страшное наказание она сама себе готовит, проклятие тех поколений, которые она привела к упадку

и погибели. Пастырь по образованию должен стоять во главе пасомых. И подруга жизни и помощница его должна стоять на той же высоте, чтобы распространять свет разума среди окружающих. Обогащайте ваш ум знанием и приобретайте сведения. Просвещайте затемненные умы, обличайте ложь, работайте над всяким делом, могущим вести малых сих ко благу духовному и вещественному. Трудитесь на Божией ниве и призывайте других к труду. Бог ваш труд благословит, и велика награда будет каждой трудившейся в Царствии Небесном.

— Трудитесь да трудитесь! — смеялась Единцева, выходя из церкви. — Трудитесь да просвещайте. Если так посвятят себя благу ближних все матушки, городские и сельские, кто же будет поборы с крестьян подсчитывать да с прихожанами на счет треб алтыннический торг вести?

— Отец Михаил богат, и ему легко так говорить! — прибавила Галчонок Худодыева.

— Молчите, болтушки! — остановила их Троицкая. — Отец Михаил нашлся не поборами, а законоучительством и археологическими трудами. В соборе, позади выручки свечной, такса печатанная вывешена. На все цена самая дешевая, а внизу таксы крупно напечатано: «Для неимущих бесплатно»!

— Против жен священников, подговаривающих их к вымогательству от прихожан, отец Михаил прошлого года говорил, — припомнила Введенская. — Он их назвал губительницами святого дела и врагами церкви и народа.

Разошлись по классам. Феогностова села на учительское место и начала свои распоряжения по классу:

— Расписание уроков и прочих занятий вывешено на стене. Кто хочет его записать для себя — может. На первой скамейке и первой парте сядет первая ученица Любомудрова. Так изволил приказать сам преосвященный владыка. Она старшая в классе, за все отвечает, встречает посетителей и при отсутствии кого-либо из начальствующих за всеми наблюдает в классе. Это было до сих пор и будет по-прежнему и этот год.

Прочие парты первого ряда займут плоховидящие и плохослышашие: Божевольская, Единцева, Моловская, Святодумова, Троицкая, все носящие очки. Правдина туговата на ухо. Все садитесь вперед. С Любомудровой займете 7 мест. Остальные все по порядку старшинства баллов: 1) Любомудрова и 2) Святодумова свои места заняли. Значит: 3) Резцова, 4) Иродианова, 5) Введенская, 6) Добромыслова, 7) Кремнева, 8) Горюнова, 9) Троицкая место заняла, 10) Моловская место заняла, 11) Благодатская, 12) Архангельская,

13) Норова, 14) Черникова, 15) Хромова, 16) Божевольская место заняла, 17) Святозарова, 18) Ордынская, 19) Правдина место заняла, 20) Градова, 21) Тайницкая, 22) Веритатова, 23) Единцева место заняла, 24) Худодыева, 25) Живоначалова, 26) Зимина, 27) Воздвиженская, 28) Периодова. Где Периодова?

— В лазарете! — отвечали некоторые из воспитанниц в один голос. — Еще вчера ушла.

— Помню, помню! У нее зубы болят! Оставьте ее место незанятым. Далее следуют: 29) Мерова и 30) Онисимова. Вот и все. Книги и тетради я вам выдам сейчас. Первая с каждой скамьи пусть придет получит и раздаст прочим. Любомудрова, Иродиадова, Черникова, Живоначалова, идите сюда и получите на всех с вашей скамьи! Сосчитайте сперва тетради! Всем поровну?

Вызванные воспитанницы сосчитали и убедились, что припасено на всех все, что следует.

— Теперь учебники! — объявила Евдокия Захаровна. — Протоиерея Петра Смирнова «История христианской православной церкви» 30 экземпляров, «Русская хрестоматия» Буслаева 15 экземпляров, «История русской словесности» Порфирьева 30 экземпляров, «Русская грамматика» Преображенского и славянская Крылова по 30 экземпляров. Это для повторения и справок. Гражданская история, русская и всеобщая Иловайского, по 30 экземпляров. Исторический атлас Добрякова 4 экземпляра, по одному на стол. Геометрия Давидова по Дистервегу 30 экземпляров, Геометрия Вулиха с задачником 10 экземпляров, по одному на троих, Основания физики Краевича по 30 экземпляров, Учебник дидактики С. Миропольского по 30 экземпляров. Программы церковно-приходских школ с указаниями по дидактике по 30 экземпляров. Ноты церковного пения 25 экземпляров. Моловская, Хромова, Худодыева, Правдина, Тайницкая от пения уволены, две первые по болезни, остальные три по неспособности. Методика пения Карасева, все 30 экземпляров всем⁷.

Порядки те же, к которым вас приучали со дня вашего поступления в училище. Только теперь вы должны помнить, что вы старший выпускной класс. Во всем вы должны подавать пример младшим и помогать нам, вашим воспитательницам, в поддержании порядка и благочиния. О всем неблагоприятном для общего порядка училища, происходящем среди младших, вы должны известить меня, вашу воспитательницу, я доложу начальнице и сообщу их воспитательницам.

— Фискалить на младших! — воскликнула Иродиадова. — На такую пакость никто из нас не способен.

— Этого не дождетесь! — возмутилась также Добромыслова.

— Мы сумеем так повлиять на младших, что они о худом и не подумают! — примирительно заявила Норова.

— Я знаю, Норова, что ты хорошая девушка! — похвалила ее воспитательница. — А Иродиадова с Добромысловой заговорщицы, бунтовщицы. Плохо, дети мои, вы кончите, когда наставлений старших слушать не хотите! Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и долголетен будешь на земли! А кто старших не почитает, того Бог наказывает.

— Мы старших почитаем, а ябедничать не станем! — сказала Моловская.

— За то тебе Бог долголетия и не даст! — отвечала ей Евдокия Захаровна. — Как ты кашляешь? Это Бог тебе за твои грехи посылает! Умрешь ты скоро, а если не покаешься, то низвергнется душа твоя во ад кромешный, уготованный сатане и ангелам его.

Моловская так привыкла к подобным увещаниям Евдокии Захаровны, что рассмеялась.

— А я полагала, — сказала она весело, — что ябеда да фискальство, как дела мерзкие, особенно любезны тем господам с рожками, которых компании вы мне любезно предлагаете!

Звонок известил об окончании вторых часов. Первые были посвящены молебну. Только третьи часы были в этот день предоставлены классным занятиям. В шестом классе этот урок был предназначен русскому языку в лице Моловского.

Лука Петрович Моловский уже выслужил двадцатипятилетие учебной службы год тому назад. Мундир и вся одежда его сшиты строго по форме, разглажены и вычищены, белье его чисто и туго накрахмалено. Сам он коротко острижен под машинку и гладко выбрит. В темно-русых волосах его проседь малозаметна, глаза его желто-карие, пристально смотрящие из-за золотых очков. Он среднего роста, сутуловат, неуклюж. Он заговорил с пафосом, делая паузы.

— Девицы! Прошлого года мы изучали теорию слога, прозы и поэзии и упражнялись в устном и письменном изложении содержания произведений изящного писания, прочитанных в классе или на дому. И ныне мы будем продолжать те же упражнения, но теорию словесности мы пополним чтением и разбором произведений русской словесности древнего периода и ознакомлением с литературною деятельностью важнейших русских писателей нового

периода, основанным на разборе и изучении их произведений. В программу нашу входят писатели Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Кольцов и Гоголь. Но, желая сделать из вас истинно развитых женщин, я постараюсь в конце года дать вам время для ознакомления и с более новыми писателями, даже с современными писателями-декадентами, ибо и у них есть перлы совестного художества. Кроме изложения содержания прочитанного мы будем еще писать рассуждения на темы отвлеченного характера, по плану, составленному без моего участия, но предварительно мною одобренному, затем к изложенному содержанию вы должны каждый раз присоединять разбор произведений и сличать оное или же действующих в нем лиц со сходными по содержанию, но разными по форме или принадлежащими различным писателям. Сюда же вы включите характеристику лиц, эпох, положений на основании прочитанного в классе и дома. Поэтому для вас и припасено достаточное число тетрадей по русскому языку. На каждую из вас должно приходиться по 6 тетрадей. Берите все тетрадь № 1. На заголовке напишите: «Тетрадь изложения содержания произведений изящного писания с критикою и характеристиками, принадлежащая ученице VI класса такой-то!» Отложите эти тетради № 1 в сторону и возьмите другие № 2. Заголовок: «Тетрадь планов для рассуждений на темы отвлеченного характера» и опять свою фамилию. Далее № 3: «Тетрадь для рассуждений на темы отвлеченного характера». № 4: «Конспект курса истории русской словесности». № 5: «Тетрадь писателей русских для повторения и справок». В нее будете записывать краткие биографические сведения о каждом писателе, год рождения и смерти, сословное происхождение, какое образование получил. Список сочинений, к какому роду и виду каждое относится и в чем состоят его характерные особенности и литературные достоинства. Обстоятельства, имевшие влияние на творчество автора. Литературное направление автора. Эти вопросы я вам продиктую в следующий раз. Вы их запишите в тетрадь № 5 и потом вписывайте ответы на все вопросы для каждого писателя. Далее еще тетрадь № 6. Критические заметки, неизвестные слова, малопонятные выражения, образцово-точные и картинные обороты речи, отношение между собою статей и главных мыслей выдающихся произведений. Заголовок напишите: «Тетрадь для словесной критики».

Положено нам на наш предмет три урока в неделю: среда, пятница и суббота. Сегодня пятница. 17 августа занятия мы распределим понедельно и будем задавать работы за неделю вперед. На всю будущую неделю я вам дам на этот раз все работы сразу. Возьмите первым делом тетрадь № 4 и на-

пишите в ней: «К среде 22 августа деятельность святых Кирилла и Мефодия как основателей книжной словесности у славян. Слово митрополита Иллариона о Ветхом и Новом Завете и похвала князю Владимиру. Житие преподобного Феодосия Печерского, составленное преподобным Нестором». Это все вы читаете в хрестоматии и в истории словесности, напишете конспект, и в среду побеседуем о всем прочитанном. Оставьте широкие поля в одну треть страницы для дополнительных вставок и примечаний.

В тетрадь № 5 впишите всё касающееся святых Кирилла и Мефодия, митрополита Иллариона и преподобного Нестора. Теперь берите тетрадь № 1 и пишите в ней: «К пятнице 24 августа. Оды Ломоносова “Вечернее размышление о Божьем Величестве” и “Ода на восшествие на престол Императрицы Елисаветы”». Строфу в последней оде «Науки юношей питают» выучить наизусть. В тетрадь № 5 вписать все, касающееся Ломоносова. В тетрадь № 6 — все, касающееся особенностей языка Ломоносова. В тетрадь № 2 впишите: «К субботе 25 августа. План рассуждений о настроении духа человека добродетельного, но неблагоприятного, по неразумению или доверчивости потерявшего значительную часть состояния своего». Самое рассуждение уже пишите к субботе 1 сентября и заголовок его с пометкою числа впишите в тетрадь № 3. Из тетрадей листов не рвите, а если что захотите изменить, перечеркните и на полях напишите: «Не числить». В каждой тетради должно быть только то, для чего тетрадь предназначена, написано должно быть чисто, без помарок, а потому вся общая черновая работа должна выполняться в общей черновой тетради, а потом переписываться набело. Всякая работа, не удовлетворяющая по внешности всем моим требованиям, оценивается 2-мя баллами, не входя в оценку ее внутренних достоинств. Работа с тремя грубыми грамматическими ошибками также ценится 2-мя баллами. При большем числе ошибок ставлю единицу. Все это примите к сведению и к руководству. Еще одно слово о направлении! Мы друг друга знаем давно, с IV класса, значит, третий год. Направление вольное я поощряю. В исполнении обязанностей я строг, неумолим даже! Плохую работу я ценю плохими баллами. Но я желаю, чтобы мои ученицы были поборницами прогресса и передовыми женщинами. За направление, указывающее мышление, я баллы прибавляю, конечно, тем, которые не удостоены 2-мя и ниже. Не вздумайте писать по поводу хотя и безвинного разорения человека, будто спокойная совесть лучшее богатство, или изобретать великодушное разорение, ради блага ближнего или спасения души. В этом роде любят писать иные из занимающихся, к удивлению моему, первые места в классе. В первые они попа-

ли по совокупности баллов, но я бы их так высоко не поставил. Изобразите мне человека сильного и ловкого, ищущего исхода и умеющего идти даже против пороков всего нашего общественного устройства. Здесь выяснится, кто из вас идет с веком вперед.

Когда он кончил, Благодатская сказала своим соседкам Горюновой и Кремневой:

— Беда с ним в этом году — хуже, чем в прошлом. Опять будет заваливать нас письменными работами с требованием, чтоб все было распределено по занумерованным тетрадкам. Опять будет придирааться к мелочам и сбавлять баллы.

— Лука Петрович, — сказала Добромыслова, — донимает нас изводом бумаги и чернил, но заслуга его в том, что он не запрещает вольно излагать назревающие мысли.

Добромыслова — белокурая и довольно миловидная девушка 17 лет. Отец ее причетник в селе Оздравове, в 14 верстах от города. Отец ее, Михаил Михайлович, почти такого же нрава, как Василий Троицкий, с той только разницей, что и в трезвом виде глуп, чего о Троицком сказать нельзя. Вез он дочерей в город, да на полдороге заехал в постоялый двор «освежиться». Освежение это имело последствием, что Анна и ее сестры попали в город вместо 8 часов вечера в 3 часа ночи. Анна должна была править лошадью, чтоб довести отца, пришедшего в совершенно бесчувственное состояние, сдать его в гостиницу и затем пешком идти в училище, куда и явилась вместе с младшими сестрами в совершенно непоказанный час. Все три сестры за это опоздание записаны без отпуска до Рождества, но отпуском они мало дорожат, так как редкий обходится без скандала, учиняемого отцом. А его скандалы еще отличаются от творимых Троицким тем, что кладбищенский дьячок пристаёт к посторонним и буйствует при столкновении с ними. Оздравовский дерется безразлично и со своими, и с чужими. Жена его, Любовь Дмитриевна, так часто бита, что потеряла всякую способность соображать и предпринимать что-либо по своему почину. Она только исполняет приказания своего мужа, а когда он невменяем, то своих детей и даже работницы Акулины. Фрося, их вторая дочь, в этот раз явилась с подбитым дочерна глазом, завязанным платком, за то, что на постоялом дворе слишком настойчиво требовала от отца, чтоб он бросил водку и ехал дальше. Кроме трех дочерей, Анны, Евфросинии и Елены, 17-ти, 15-ти и 14-ти лет, у Добромысловых есть сын Арсений, 24-х лет, кандидат филолог и учитель греческого языка в

одном из уездных городов. Он редко приезжает к родителям, но они на него молятся. С сестрою Анною они в переписке, но его советы не умиротворяют, а только возмущают и без того пылкую девушку. Он же снабжает ее чтением, она увлекается крайними идеями, близкими к анархизму. Родителей она игнорирует. Привычку грубить она перенесла в училище, где грубит и учителям и воспитательницам. Над подругами она любит властвовать и не стесняется ни в разговорах, ни в обращении с ними. Многие ее боятся.

Учителя

Со следующего дня начались правильные уроки, по три в день. Учителя были все те же, как и пятом классе, и, к несчастью, между ними не было ни одной светлой личности, могущей иметь благотворное влияние на учениц. По большей части они учили также либо в мужском духовном училище, либо в семинарии, были из воспитанников семинарии или духовной академии и вовсе не интересовались наукою.

Моловский душил письменными работами и расплывался в словоизвержении дешевого либерализма. Дома же либерал был отъявленным деспотом и своими педагогическими приемами вогнал свою Лизу в чухотку. Еще не умеющему ходить ребенку он позволял играть с зажженной свечкою, пока девочка не обожгла себе руку так, что следы ожога сохранились у Лизы на правой руке на всю жизнь. За это ее мать, Зинаида Лазаревна, бывшая классная дама женской прогимназии и такая же педантка, как Лука Петрович, рассердилась на мужа и назвала его варваром.

— Ничего, матушка, — успокаивал ее муж, — опыт! Пусть знает, что огонь жжет.

Долго Лиза орала благим матом, когда при ней зажигали свечу.

Когда дети Моловские: Павел, Лиза и Анюта — насорят в комнате, Лука Петрович брал стул, садился и заставлял их подбирать все обрывки бумаги и прочего сора, пока все не будет прибрано. Только после этой операции дозволялось няне подмести комнату. Провинившегося в чем-нибудь он ставил на штраф не в угол, а в расстоянии аршина от стены и приказывал стоять навтыяжку до признания в вине. Неосторожно захлопнутую дверь он заставлял закрывать тихо двадцать пять раз подряд. Плохо исполненную работу он задавал переписывать заново от 10 до 15 раз, причем запирал провинившегося в отдельную комнату и не давал ни есть, ни пить. Этот же прием

применял он и вообще во всех случаях послушания. Кроме того, у него в квартире было два карцера, светлый и темный, а упорно неповинующихся он привязывал за руки и за ноги к стулу. Весь день у детей, когда они дома, расписан с точностью до 10 минут, и по этому расписанию ребенку не дано ни одной минуты праздности, т.е. такой, когда он может мыслями унести себя по своему желанию и чувствовать себя свободным. И летом, и в дни отпуска дома дети заняты с утра до вечера, задаваемые им отцом работы не соразмерены с их силами. В 13 лет Лиза была здоровым ребенком, но непосильный труд расстраивал постепенно ее здоровье, грудь ее болела, она кашляла, появилась одышка. Лука Петрович не хотел видеть, как она расхварывается, и налагал на нее все большую и большую работу. Первое воспаление легких она получила в 14 лет. У нее был урок, который она не успела выучить, отец ей объявил, что, пока она его не будет знать без запинки, она не ляжет спать. Лиза плакала, голова ее горела, она намочила ее водою и села к открытому окну. Как ни теплы южные ночи в начале августа, но сквозной ветер — везде опасное условие. Лиза простудилась, две недели сомневались в возможности ее спасти. С тех пор состояние ее легких все ухудшается, ежегодно она хворает три или четыре раза и лежит нередко неделю или две. Лечащие ее врачи предвидят, что недалек ее весьма печальный конец, но Лука Петрович не хочет им верить и добивается, чтоб Лиза сделалась передовою и просвещеннейшею из современных женщин. Младшая дочь Анна до сих пор еще здорова, но ей всего 15 лет. Что сделает из нее отец-самодур, еще нельзя предвидеть, хотя Аня хитра и путем лжи и лести умеет обойти многие столкновения, на которые взбалмошная Лиза всегда лезла сама. Павлу 20 лет. Он студент университета, филолог, по отзывам товарищей, бездарный зубрила, обещающий сделаться таким же педантом, как отец. В доме Моловских о свободе говорят много, но Лука Петрович не допускает и тени свободного веяния среди своей семьи. Такому сумасброду поручено преподавание родного языка и направление умственного развития учащихся.

Громилиин Андрей Андреевич, более молодой преподаватель, ему 36 лет. Роста он выше среднего, черная постриженная борода и прическа ежиком. Говоря, он легко воодушевляется и вспыхивает.

— Говорят, будто вы все, вступая в училище, — заявляет он, — обладаете теплою верою, и мне поставлено в обязанность, чтобы вы сохранили эту веру, которую считают столь необходимою для вашей будущей деятельности. Будущая деятельность многих из вас состоит в счете яиц, отсыпного зерна, овощей и всякой подати от прихожан, да в вымогательстве с них за требы.

отправляемые вашими будущими супругами. Обучать этому не мое дело. Мне указано святыми отцами синодальными обращать особенное выше внимание на ту деятельность исторических личностей, которые влияют на ваши сердца, способствуют облагорожению вашего вкуса и возбуждают патриотическое чувство. На это я скажу: «Ах, оставьте!» Великие дела в истории совершали великие прохвосты. Слабые организмы гибнут, сильные покоряют мир, и все человечество стремится к созданию сверхчеловека, предвиденного великим философом Ницше. Тогда переоценятся все ценности, и род людской станет по ту сторону добра и зла. Я буду учить истории не будущих матушек-попадей, а гражданок. Многие из наших бесед пусть останутся между нами. При архиерее, при председателе училищного совета, отце Михаиле Святодумове, отвечайте по Иловайскому, не прибавляя ни одной йоты. Но наши дополнительные рассуждения будут именно то, на чем будут основываться годовые баллы за ваши успехи. Знающие Иловайского без запинки получают по 3 балла. Стремящиеся к получению 4 и 5 должны доказать свое более совершенное развитие ума, слушать мои лекции и читать книжки и брошюры, которые я буду давать. Это относительно истории. По географии в IV классе мы изучим Европу и ее колонии, в V — Российскую империю с обзором промышленной деятельности населения России и увидим, как иностранцы умеют и у себя дома и в своих колониях прекрасно устроиться и как мы, русские, умеем везде изображать собою собаку на сене, которая и сама не ест и другим есть не дает.

Отец Михаил Святодумов, как председатель учебного совета, не раз горячо спорил с Громилиным и не раз поднимал вопрос о его удалении из училища. Но у Андрея Андреевича есть старший брат Владимир Андреевич, служащий в Петербурге по духовно-учебному ведомству и входящий ко всем членам Св. Синода. Кроме того, у обоих братьев есть двоюродная сестрица, пользующаяся огромным влиянием на одного из северных архиереев, имеющего обширные связи в Петербурге.

Громилинин, оказалось, такая сила, которую не сдвинуть с места. Ученицы из его уроков все-таки не много вынесли. К экзаменам они готовятся только по Иловайскому⁸ из истории и по Брызгалову и Э. Лесгафту из географии⁹. Отец протоиерей Алексей Митрофанов заставляет зубрить на память весь курс по Закону Божию, но живой души в дело не вкладывает. Учатся у него с отвращением, и религиозные чувства сохраняют только те ученицы, которым искренняя вера привита семьею.

Два преподавателя математики и физики ведут свой класс попеременно от IV до VI. В год рассказываемых нами событий Федор Александрович Краснобородов имел 4 урока в III классе и 8 в V классе по математике и 2 урока физики в V классе. В VI классе ему поручено также преподавание географии физической и математической, 2 урока в неделю до Рождества. Во втором полугодии также два урока переходят к Громилину, преподающему обозрение населения и промышленности России сравнительно с главными европейскими государствами.

Николай Иванович Светозаров имеет 3 урока математики в IV и 2 в VI классе и 8 уроков физики в III классе. Физическая и математическая география предоставлена одному Краснобородову. Краснобородов мужчина 42 лет, светло-белокурый с длинными волосами и бородою, по определению учениц, «стиль мочало». В деле преподавания Федор Александрович бессовестно ленится, пропускает часто больше трети всех уроков, комкает вопросы, перескакивая иногда через довольно важные части программы. Он имеет обширнейшее знакомство в городе, но особенно известен как веселый кутила, могущий много выпить без вреда, и как страстный любитель прекрасного пола. Но к концу года он подтягивается, сразу просматривает листки с поданными воспитанницами задачами, оставшиеся без просмотра целые месяцы, затем очень дельно дает общую сводку пройденного курса, останавливаясь только на самом важном. Ученицы Краснобородова знают весьма немного, но то, что они знают, большинство из них знает хорошо. Способные, постоянно решая задачи, которые учитель просмотрит не скоро, но все-таки просмотрит и исправит, даже делают успехи, несмотря на всю безалаберность преподавания. Физические опыты он делает весьма ловко, избирая по возможности самые простые и общедоступные, не требующие сложных приборов, но многие опыты он заставляет проделывать самих воспитанниц, и к физике он сумел приохотить многих. Он единственный преподаватель училища, имеющий также уроки в женской гимназии.

Светозаров также человек нестарый. Ему только 45 лет, но, как уверяют воспитанницы, он «сонлив, дремлив и неуряден». Прозывают они его Слоном, а его дочь Веру — Слонихою. Роста он огромного и непомерно тучен. Лицо его обрито, а череп лысый, кроме узкого венка белокурых, довольно длинных волос, идущих по затылку между ушами, что придает ему облик католического монаха. Уроков он не пропускает, но корпит и спит и на всех наводит тоску. На него находит рассеянность вроде: «Тут надо помножить, ах, грехи наши тяжкие, надо разделить!» или: «12 рабочих исполнили рабо-

ту в 7 дней, 1 рабочий исполнит ее в 12 раз скорее; 7:12, ах, грехи наши тяжкие, в 12 раз медленнее; $12 \times 7 = 84$ дня».

Но если какая-нибудь воспитанница себе позволит «грехи тяжкие» беззастенчивого обращения с цифрами, сам Николай Иванович мерным голосом объявляет:

— Ах, грехи наши тяжкие! Девица Онисимова! Вы полагаете, что умножение и деление едино суть, а я полагаю, что вы кола, сиречь единицы, вполне удостоились и соблаговолите таковую получить и воссесть со срамом.

Если в таком же роде отличится его дочь, он тем же невозмутимым говором кончает с нею разговор еще скорее:

— Ну и дура! Черт под пьяную руку мог создать такую тушу! На место! — Все хохочут.

Физические опыты у Николая Ивановича никогда не удаются, и он их избегает, предпочитая на словах рассказать, как можно было бы опыт произвести. Если же он отважится делать опыты, можно быть заранее уверенным, что он что-нибудь разобьет и непременно расплещет кислоты по столу и по полу. В V классе прошлого года он вздумал добывать кислород и произвел взрыв, при котором осколками колбы ранил взявшуюся ему помогать Любомудрову в щеку и сидевшую ближе всех на первой скамье Троицкую в лоб немного выше ее здорового глаза. Не будь на ней очков, она бы и его потеряла и совершенно бы ослепла. Но она отделалась тем, что десять дней проходила с повязкою на лбу. Александра Любомудрова целых полтора месяца должна была повязывать глубоко раскроенную щеку и сохранила навсегда идущий от середины левого уха к центру щеки длинный красный рубец, не слишком, однако, ее безобразящий при ее природной миловидности. После этого Николай Иванович решил больше никогда с огнем не играть и опытов, требующих нагревания, не производить.

На уроках, как геометрии, так и физики, у него еще камень преткновения в том, что он не умеет чертить. Всегда у него прямая линия изгибается затейливым вавилоном, круги получают очертание устричной раковины, а прямые углы выходят градусов в 70. На его счастье, Ордынская рисует и чертит прекрасно. Николай Иванович ее стал вызывать на все время объяснения урока к следующему разу и заставлял ее все время стоять и чертить. Слабые ножки Ордынской не в силах были выдержать такое испытание, и по вечерам, после уроков геометрии, она едва могла двигаться, а раз была доведена до необходимости отлежаться целый день в лазарете.

После того Светозаров позволил ей сидеть на стуле, приставленном к доске, вставая только, когда нужно чертить, или же по книге поручал ей за благовременно начертить все фигуры сразу, а затем, на всякий случай, садиться на стул, поставленный у доски, так как может понадобится для лучшего пояснения и дополнительный чертеж. Любомудрова, Иродиадова и Троицкая, также хорошо чертящие, предлагали свои услуги Светозарову, но он упорно желает, чтоб ему всегда помогала только одна Ордынская, и пользуется помощью других только в случае ее болезни и нахождения в лазарете.

Дидактику, заменившую прежде преподававшуюся педагогику, читает Зарин Иван Максимович. Ему сорок лет. Бороду он носит клинком, красноватого цвета, содержит в художественном беспорядке; форменный вицмундир надевает редко и является в класс обыкновенно в длиннополом сюртуке пасторского кроя, довольно потертом и часто весьма запыленном. Вопросы общей части об учителе, ученике, воспитывающем, религиозном обучении и школе и методику преподавания Закона Божия и церковного пения он передал протоиерею Митрофанову, заставляющему зубрить уроки слово в слово по печатанному. Сам же Зарин берет из общей части те же вопросы об учителе, ученике, воспитывающем, обучении и школе, опуская прочь все касающееся религиозного воспитания, но налегая на общие требования умственного воспитания, на устройство школы, и дает обстоятельное руководство по методике обучения родному языку, чистописанию, счислению и сообщению начальных сведений по русской истории и географии, входящих в состав книги для чтения в начальных школах. Говорит он хорошо и умеет увлечь своим предметом.

Пробные уроки расписаны на весь учебный год вперед группами, по 5 учениц, так что через каждые шесть недель та же группа вступает в свою очередь пробных уроков. Таким же образом чередуются воспитанницы по занятиям в образцовой школе. Каждая группа составляется так, чтобы представлять собою равную учебную силу. Так, первая группа составила из 1-й ученицы Любомудровой, 7-й Кремневой, 13-й Норовой, 19-й Правдиной и 25-й Живоначаловой, с возложением на лучших обязанности направлять более слабых и помогать им в их занятиях с детьми образцовой школы.

Церковному пению обучает Анастасия Антоновна Магнусова, состоящая в то же время классною наставницею V класса. Воспитательного дела она не любит и к нему неспособна. Ей все равно, что бы ни происходило вокруг нее, как в ее классе, так и на ее дежурстве по всем трем старшим классам, составляющим старший возраст училища, и ее дежурства всегда отличаются бес-

порядочностью поведения воспитанниц, так же как ее класс, самый распушенный во всем училище. Но обучением пению она увлекается. В течение четырех лет проходит почти весь курс богослужебных песнопений. В V и VI, по первоначальному уставному расписанию, классных уроков пения не было положено, но опыт показал их крайнюю необходимость и почти во всех училищах были введены уроки, по два в неделю во внеклассное время. Анастасия Антоновна, преимущественно из учениц V и VI классов, составила прекрасный хор, которым сама управляет при богослужениях. Кроме того, она преподает весьма умело методику церковного пения, сообщает практические приемы ее преподавания, знакомит с устройством и управлением хоров. На талантливость певиц, подобных Зиминной и Иродиадовой, она обращает особенное внимание, зовет к себе и вместе с ними поет, как духовное, так и светское. Обоих своих любимиц она очень желает увидеть когда-нибудь на оперной сцене и горячо спорит с их родителями, убеждая их послать по окончании курса ту и другую в консерваторию. Сама Настасья Антоновна консерваторка, дочь дьякона, получившая образование в том же училище, где ныне служит воспитательницей и учительницей. Ей 36 лет, она маленькая, средней полноты, белокурая с голубыми глазами и очень обыкновенными чертами лица. Она, пожалуй, единственная из учебного состава всего училища, преподающая свой предмет с увлечением и озабоченная будущей судьбой своих учениц.

Иностранные языки в обязательный курс преподавания епархиальных училищ не входят, но для желающих есть уроки французского и немецкого языков. Первый преподает madame Cecile Sandron, высокого роста, черная и смуглая, весьма живая особа с юга Франции. У нее учатся всего 9 учениц: Святодумова, Кремнева, Горюнова, Троицкая, Благодатская, Норова, Черникова, Единцева и Воздвиженская. В таком небольшом классе, казалось бы, нетрудно разобраться и в короткое время узнать нравы и качества всех своих учениц. Но госпожа Сандрон их не знает, горячится часто без всякого повода и кончает бурные сцены, впадая в истерику, среди класса, чем производит переполох. Случается иногда, что посылают за служителями, которые относят Сандроншу в лазарет, и она отлеживается там до поздних часов или пока за ней не придет ее муж, учитель реального училища.

Учительница немка Freulein Augusta Memming еще моложе, ей только 28 лет. Она очень маленького роста, и ученицы зовут ее Цыпочка и Zipzipchen. Беленькая и розовенькая, со светлыми как лен волосами, она отличается терпением и умением вести свое учительское дело. От многих она до-

бивается толку, даже против их желания. Весь класс у нее учится, и если не очень хорошо, то все же кое-что знает. У нее восемь учениц: Любомудрова, Резцова, Иродиадова, Введенская, Добромыслова, Моловская, Светозарова и Веритатова.

Мемминг и Магнусова пользуются расположением всех своих учениц. Зарин, Громилини и Краснобородов имеют своих сторонниц и своих противниц. Отец Алексей Митрофанов, Моловский, Светозаров и Сандрон признаны всеми классами за несноснейших представителей учебного дела, способных вселить отвращение к науке у самых любознательных и трудолюбивых.

В лазарете

К концу сентября Кремнева так расхворалась, что должна была отправиться в лазарет и пролежать около недели, а затем еще и неделю сидеть на строгой диете, не ходя в класс, но готовя уроки, о которых извещала ее, как вообще всех нележащих больных, дежурная по классу воспитанница. Во время лежания в лазарете никого из ее одноклассниц не было. Только на полдня приходила Введенская с зубною болью. Ей вырвали зуб, сделали перевязки сильно вздувшейся щеки и отправили в класс. Лишь очень короткое время удалось ей посидеть у постели больной подруги и развлечь ее своим разговором.

В первый день, что Наташа встала с постели, она нашла с вечера прибывших Норову и Веритатову, заболевших лихорадкой и слегших. Веритатова бредила и металась. Норова после нескольких часов сна пришла в себя и позвала Кремневу, объявив, что ей скучно.

Ни Норова, ни Веритатова никогда не принадлежали к числу друзей Кремневой. Веритатова — племянница начальницы училища и дочь брата умершего протоиерея, предшественника отца Черниковой. Отец Семен Черников известен своему уездному городу тем, что он подтянул клир, уничтожил поборы с прихожан, установив на все требы весьма невысокие цены, прекрасно поставил учебное дело в приходской школе и пробудил к усиленной деятельности приходское попечительство. Отец Симеон, бесспорно, выдающийся деятель среди уездного духовенства. Отец Яков Веритатов был совершенно иного склада человек. Был он добр и бескорыстен — и больше ничего. Клер его делали, что хотели и в соборе драли с прихожан сколько

вздумается, угрожая, в случае неуступчивости, устроить «всей церемонии пакость» в виде демонстративного прекращения обряда. Один из соборных батюшек, отец Антоний, дошел в дерзости до того, что, получив от одной богатой купчихи три рубля за молебен, объявил, что он молебен расслужит, надел ризу и епитрахиль наыворот и провозгласил хозяйке дома всякие ругательные пожелания, называя ее «окаянницей Господней Анной», причем дьякон пел: «не подай Господи!» и «Господи не помилуй!» За такое кощунство отец Антоний был сослан в монастырь, на клиросное послушание. Отец Яков нашел возможным за него заступиться и просить архиерея о сложении с него всякого взыскания, уверяя, что он «безумствовал в запальчивости и раздражении, будучи обижен пренебрежительным отношением к сану высокомерной купеческой вдовы». Умолчал он о том, что отец Антоний пьет горькую и пьяным является к совершению литургии. Такое снисхождение дало повод величайшей распушенности всего клира, особенно усилившейся во время болезни отца протоиерея, длившейся более полугода. Отцу Симеону Черникову пришлось проявить выдающуюся энергию, чтобы все упорядочить.

Вдова отца Якова, Юлия Александровна, по смерти мужа переселилась к старшему сыну своему, отцу Андрею, священствующему в том же уездном городе, в одной из приходских церквей. Дочери же ее воспитываются обе в епархиальном училище: Людмила в VI и Вера в III классе. Так как от их уездного города до губернского 60 верст, девочки ездят к матери всякий раз, когда два праздника приходятся подряд. В прочие праздники их берет в отпуск их тетка Марфа Андреевна, начальница училища. Младшая девочка, Вера, — здоровая и рослая девочка с резкими чертами лица, которыми отличался и их отец, длинным носом, широким ртом, выдающимся подбородком и большими черными глазами. Цвет лица ее смуглый, и в общем она смахивает на цыганку, не особенно красивую, но и не безобразную, а как тип оригинальный, даже интересную. Старшая, Людмила, несчастное существо. Крошечного роста, она горбата и заметно хромает на укороченную правую ногу. Резкие черты лица ее до того крупны, что представляют совершенно профиль Полишинеля иностранных театров марионеток¹⁰ и их русского собрата Петрушки Уксусова. Грудным младенцем Людмила была ушиблена при падении и выросла таким уродом. Родители, из внимания к ее убожеству, ее избаловали, и Людмила выросла уродом не добродушным, но озлобленным. Она завистлива и зла, низкопоклонничает перед теткой, обижает младшую сест-

ру, учится она мало, но читает много и с плохим выбором книг. Личностям, подобным Наталье Кремневой, она не менее противна, чем ростовщица Тайницкая.

Норова — личность вряд ли более привлекательная. Она светлоруса и ничем по внешности не замечательна, рост, стройность, степень благообразия, все у нее среднее, не выдающееся ни в одну, ни в другую сторону.

Отец ее, Григорий Богданович, секретарь консистории и правая рука архиерея. Преосвященный Иринарх, человек прекрасный, но только педагог, ученый монах, лучшие годы своей жизни посвятивший учебному делу, но вовсе не администратор и не канцелярский делец. И трусоват: епископа, Синода боится.

Норов, играя на его слабостях, делает с ним что захочет. Он первостепенный плут и взяточник, за деньги делающий все, что угодно. С просителями он заносчив и дерзок, а людей, в нем нуждающихся, считает чуть ли не своими рабами. Жена его, Александра Егоровна, глупа и горда, во всем поощряет мужа и развращает своих детей. Их четверо: Дмитрий и Зиновий, гимназисты-классики, 16-ти и 14-ти лет, и дочери, епархиалки, Ирина 17-ти и Серафима 14-ти лет.

Детям привиты крайне консервативные взгляды на государственные и общественные вопросы и вместе с тем чрезвычайное высокомерие и пренебрежительное отношение ко всем ниже их стоящим. Ирина удостаивает своим разговором только дочерей священников: Святодумову, Резцову, Благодатскую, Веритатову и Черникову, а также Любомудрову — дочь чиновника, по чину равного ее отцу. Даже к дочерям сельских священников — Тайницкой и Хромовой — она относится презрительно и говорит им «вы», так же как и всем менее высокого происхождения. Только с одной Веритатовой она на «ты» и в дружеских отношениях. Прочие, признаваемые ею за равных, ее избегают, видя ее высокомерие относительно остальных подруг. Горюнова к ней обратилась раз с просьбой: «Одолжи свою тетрадку для одной справки!» Ирина ей отвечала: «Такие же тетрадки есть у ваших равных. А вас прошу принять к сведению, что я дворянка потомственная, а не колокольная». Горюнова плюнула и сказала: «Жаль, что потомственного ума не бывает. Не худо было бы иным дворянам запастись им для своих чад!» Потомственное дворянство действительно было приобретено службою отца Григория Богдановича, дослужившегося до чина статского советника и накопившего взятками изрядный капиталец. Кремнева почти никогда не говорила с Норовой и была удивлена ее зовом, но пошла к ней, не желая огорчить больную.

— Что вам? — спросила она. — Скучаете?

— Скучаю, да! И страшно! У Веритатовой, кажется, тиф начинается. И у меня тоже будет. Боюсь умереть!

— Если бы опасались тифа, вас обеих бы положили в заразный лазарет, а если принесли к нам, значит, ничего опасного нет. Инфлуенция у вас, и больше ничего. Расскажите лучше, что у вас делается в классах. Я ведь больше недели не была.

Норова принялась рассказывать всякие школьные новости о преподавателях и, тронутая приветливыми отношениями к ней Кремневой, не раз переходила разговоре с привычного ей в разговоре с подругами «вы» на более дружеское «ты».

В это время произошел переполох. Кого-то принесли в лазарет и положили в соседней комнате. Вокруг больной возилась фельдшерница и несколько воспитанниц. Она выла истерично и задыхалась.

— Кто это? — спросила Норова — Голубушка Наташа! Пойди и посмотри. У меня голова кружится, как только пробую приподняться.

Вновь принесенная в лазарет оказалась мадам Сандрон. Между сбежавшимися помогать фельдшернице ученицами были две младших сестры подружки Кремневой: пятиклассница Юлия Резцова с подвязанной щекой и третьеклассница Клавдия Божевольская с вывихнутой в локте правой рукой на перевязи. С ними была еще Капитолина Климентова, тоже из III класса, с ангиной и повязанным горлом. Кремнева подошла к учительнице и, когда она начала успокаиваться, спросила ее:

— Что с вами?

— Ах, Натали! Это вы? Ужасно скверные они, девчонки! — простонала французенка.

— Кто?

— Да ваши! — сказала Сандрон — Вас и Норовой нет. Сказали, что вы больны! Что с вами?

— У Норовой лихорадка, кажется инфлуенция, — отвечала Кремнева. — У меня уже давно хроническая болезнь, вероятно, неизлечимая. С неделю назад сильно разыгралась. Теперь на время легче стало.

— Да! Да! Вы всю прошлую неделю не были. А я хочу от вашего класса отказаться. Пусть учителя возьмут или хоть даму поостроже. Все они негодницы!

— Как! Неужели и Святодумова, Горюнова, Троицкая, Благодатская?

— Нет! Это все хорошие девушки. И вы хорошая, и Черникова также хорошая. Норова также недурная. Но эти Единцева и Воздвиженская — эти негодницы... Читали мы из Виктора Гюго. Я заговорила о патриотизме, рассказала некоторые черты из жизни нашего славного поэта. А Единцева мне говорит: «Патриотом может быть только дурак! А если вы патриотка, то тоже дура!» И по-французски даже дерзости сказать не сумела. Со мною обморок, и сама не помню, что со мною было, пока меня сюда принесли!

— Но весь остальной класс протестовал против такой гадости? — осведомилась Кремнева взволнованным голосом.

— Все, кроме Воздвиженской! — сказала француженка. — Та глупо засмеялась и сказала: «Чем больше патриот, тем больше идиот!» Но я не могу опомниться от ужаса. Я, иностранка, говорила русским девушкам, уже не детям, о патриотизме и от французского патриота, великого поэта Виктора Гюго перешла к русскому патриотизму. И что же? Девушки духовного звания позволили себе ответить мне грубой бранью.

Она понемногу успокоилась и провела Норову и Веритатову, тоже только что пришедшую в себя. Пожелав всем трем больным скорого выздоровления, она отправилась домой.

— Это гадость! — негодовала Кремнева. — Надо Единцеву исключить из товарищеского общения. Надо не разговаривать с нею, пока она не извинится перед мадам Сандрон.

— Пьяного дьякона дочь! — заметила Норова — Что с нее взять?

— И я дочь дьякона! — остановила ее Кремнева. — Не в отце тут дело, а в ней самой!

На другой день в лазарет еще прибыла уже четвертая заболевшая из IV класса. Саша Любомудрова жестоко обварила себе руку кипятком. Она была дежурной по кухне и по неосторожности попала рукой под грань куба. Ей сделали перевязку и оставили до вечера в лазарете, чтобы посмотреть, какой оборот примет ожог. Руку заставили держать неподвижно на перевязи. Она рассказала о впечатлении, произведенном на класс вчерашним событием на французском уроке.

Сама Любомудрова, учащаяся немецкому языку, при неприличной выходке Единцевой не присутствовала, но слышала о ней от подруг.

Александра Любомудрова — высокого роста светло-русская девушка с приятными чертами свежего и здорового лица. Трудолюбие и способности доставили ей первое по старшинству баллов место в классе, а благоразумие во

всех суждениях приобрело влияние на лучшую часть подруг. Она до страсти любит учительское дело и думает себя посвятить ему по окончании курса. Много она читает, особенно русских историков и поэтов, и горячо любит Россию и русский народ. Со Святодумовой она очень дружна, и обе представляют среди учениц то же направление. Отец ее не духовное лицо, а чиновник губернского правления, две старшие дочери его учились в женской гимназии. Одной, Любе, теперь 20 лет, другой, Соне, 19, и обе на курсах в Киеве. Там же и сын его, Григорий, уже 22-летний студент-математик. Саша была определена в епархиальное училище по совету дяди Михаила Павловича Святодумова. Этот дядя тогда был еще архимандритом, но с тех пор сделался епископом одной из епархий Средней России — преосвященным Анастасием.

В мире он именовался Александром Михайловичем Любомудровым. Он уверял своего племянника, будто направление в епархиальных училищах лучше, чем в женских гимназиях.

Но дело не в этом, а в том, что мать Любомудровых, Вера Яковлевна, была прекрасная воспитательница своих детей.

— Начальница призвала Единцеву и Воздвиженскую, — рассказывала Любомудрова подругам, — и заперла их в отдельной комнате в своей квартире. Они там сидят арестованные. Сегодня вечером собирается училищный совет, и Мария Андреевна обеих хочет представить к исключению. Отец Михаил на том же настаивает. Но все-таки очень может быть их помилуют и только сбавят до двух баллов за поведение. Куда они денутся без свидетельства об окончании курса? У Единцевой, говорят, отец — запойный пьяница.

Архиерейское посещение

В тот же день, вечером, было собрание училищного совета. Мадам Сандрон рассказала о случае с Единцевой и Воздвиженской и опять разразилась истерикой, прервавшей заседание. Мария Андреевна уложила ее на свою постель и затем отправила домой, так как все подробности дела были достаточно выяснены, а француженка со своей стороны объявила, чтобы они извинились не перед ней, а перед всеми своими подругами, воспитательницами и начальницей и взяли свои возмутительные слова назад. Не перед ней

они провинились, а оскорбили чувство любви к родине, которое должно гореть в сердце каждой порядочной девушки.

Протоиерей Митрофанов сообщил собранию о семейном положении обеих провинившихся. Отец Единцевой — дьякон в уездном городе, в глухом углу губернии. Из 100 верст расстояния от губернского города, 30 по железной дороге и 70 на лошадях. Он живет с женой как собака с кошкой. Дьякон Лука Единцев не раз был готов бежать от своей жены и просить о расторжении брака. Но сан не позволял идти на скандал, и Лука Фомич топил свое горе в запое. Сын его Павел недавно исключен из семинарии за распространение нелегальной литературы. В эту среду Единцева вернется по выпуску из училища. Не все ли равно, если она вернется в нее раньше, но без свидетельства об окончании курса, которое она ни успехами, ни поведением не заслужила? У Воздвиженской семья другая. Отец ее также дьякон в другом уездном городе, в 200 верстах от губернского, но с непосредственным железнодорожным сообщением. Город большой, торговый, промышленный. Воздвиженские люди состоятельные, великие стяжатели благ мира сего, чуждые всяких политических, общественных и умственных интересов, но люди смиренные. Воздвиженская — совершенная бездарность, но матери в семье она помощницей будет. Сбрехнула она по малоумию. Ей можно было ее 4 балла за поведение сбавить на 2 и оставить ее в училище, до окончания курса. Председатель совета протоиерей Михаил Святодумов с этим предложением не согласился:

— Если Вера Воздвиженская дочь состоятельных людей, мы меньше озабочены ее будущностью. Ее отец, Петр Петрович, позорит свой сан не меньше Луки Единцева. Этот пьет с горя, а Петр Воздвиженский, при больших избытках средств, грабит живого и мертвого. Попы через него ведут самые грязные и возмутительные торги с прихожанами. Сочувствия не достойны ни тот, ни другой. Да нечего нам перемывать кости родителям, а надо признать, что обе девицы суть плевелы, требующие исторжения. Я полагаю обеих исключить за дурное поведение. Если они захотят, то могут держать экзамен на звание народных учительниц по Министерству народного образования, но полагаю, что ни та, ни другая ни на один экзамен не пойдет, а мы прикрывать их званием бывших наших воспитанниц не должны.

Начальница, Мария Андреевна Веритатова, присоединилась к мнению учителей. Она старая дева 46-ти лет, небольшого роста, но стройная и подвижная. Черты лица ее такие же резкие, как у племянниц. Воспитанницы ее называют Мареушка-Цыганка. Действительно, в ее внешности есть что цыганское.

Голосование привело к решению совета: «Единцеву уволить из училища без огласки, пригласить ее родителей взять ее добровольно. Воздвиженской сбавить балл за поведение до 2-х баллов. Обоих продержать под арестом в уединенной комнате при лазарете, Единцеву до прибытия родителей, Воздвиженскую — неделю. Затем Воздвиженскую лишить отпуска до особого распоряжения, не допускать до общения с подругами, за столом сажать особо от прочих, к отдельному штрафному столу, во время рекреаций оставлять в классе для выполнения штрафной работы, которую ей ежедневно назначать. Наконец, для отличия от прочих учениц, обязать ее носить передник из грубого клетчатого ситца, который присвоен прислуге училища. В классе сажать ее отдельно к окну, для чего поставить ей столик с табуретом».

— Это уж подлинно семь шкур с одного вола! — заметил отец Михаил.

Арестованных привели в лазарет и заперли в отдельной комнате в конце коридора. Комната эта вторая из двух. Заперли ее и прилегающую к ней пустую, непосредственно сообщающуюся с коридором. В коридор выходить больным воспитанницам вообще запрещено, но даже и послушавшаяся не могла заговорить с заключенными благодаря отделяющей от них пустой комнате. Кремнева видела, как их привели, и издала поздоровалась с ними, но воспитательница запретила ей подойти и начать какой-либо разговор с ними. С утра она опять была одинока. Норова и Веритатова расхворались не на шутку, у них повысилась температура, они впали в забытье, метались и бредили. Любомудрова и Юлия Резцова перед началом уроков были отправлены в класс, одна с забинтованной рукою на перевязи, другая с подвязанной щекою, обе с предписанием — утром и вечером приходить в лазарет для медицинского осмотра. Сама Наташа Кремнева чувствовала себя плохо, вечерашние споры и волнения подействовали на ее нервы, и в середине дня она опять слегла и пролежала еще три дня. Когда она встала, Единцеву уже увезла мать, и в уединенной комнате, в заключении сидела одна Воздвиженская¹¹.

<...>

Худодыевская история

В местных губернских ведомостях появилось ужасное, чудовищное известие, на которое читатели обратили мало внимания. В отделе происшествий было напечатано: «В селе Удалове, N уезда, церковный сторож, Василий Ильин, вошел в церковь для уборки рано поутру еще до рассвета. Под глав-

ною люстрой он усмотрел труп висящего человека, прицепленный к люстре. На полу лежала опрокинутая лестница, по которой самоубийца добрался до люстры и которую он после, очевидно, оттолкнул ногою. В покойнике сторож узнал дьякона церкви села Удалова Ивана Антоновича Худодыева. Бросились в квартиру умершего дьякона и стали будить его жену, Варвару Осиповну, но нашли ее без признаков жизни. На столе стояла коробка с ядом, по исследованию оказавшимся стрихнином, припасенным для отравы волков. На полу лежала записка, написанная умершею: «Иван Антонович! Ты был возведен в сан высокий, чтобы сеять доброе семя и распространять свет, а ты предавался гнусным порокам и являл собою образ зла и тьмы. Боролась я долго, но обессилела в неравном бою с твоими пороками. Несчастливая Варвара». Дьякон Худодыев давно вел жизнь нетрезвую. При осмотре квартиры найдено множество произведений нелегальной литературы и писем, на основании которых воспитанник нашей епархиальной семинарии, Захарий Худодыев, сын покойных, был арестован и препровожден в губернский тюремный замок».

Начальница училища призвала дочерей покойных Елизавету и Евдокию и сообщила им о смерти их родителей. Обе расплакались, но Дуня была неутешна, а Лиза сказала:

— Мать мне жалко, а отец за чем пошел, то и нашел. Собаке собачья и смерть.

Марфа Андреевна пришла в ужас от такого поминовения отца дочерью, но Лиза ей объяснила:

— Трезвый он был как все люди и даже неглуп, но пьяный он тиранил весь дом. Мать из-за него наложила на себя руки. Ни любить его, ни уважать я не могла.

— Богу молиться за обоих надо! — наставительно сказала начальница.

— Я в Бога не верю! — объявила Лиза. — Если б был Бог, Он его бы громами небесными разразил в первый раз, что он дерзко приблизился к алтарю. Мой отец был нечистая гадина!

— Ты безумствуешь, дитя мое! — сказала Веритатова. — Иди в лазарет и успокойся.

На другой день в училище явился жандармский офицер с несколькими жандармами. Он произвел обыск у обеих сестер Худодыевых и допросил их в присутствии начальницы и инспектора. Из писем их брата Захара было видно, что они занимались революционной пропагандою среди крестьян и подстрекали их к аграрным беспорядкам. После допроса Лиза была аресто-

вана и отвезена в тюрьму, где уже сидел ее брат. Относительно Дуни от училища была отобрана подписка, за подписью начальницы и инспектора, в том, что она будет находиться под строгим надзором и по первому требованию представлена будет в губернское жандармское управление.

Обыск переполошил многих. Стали перебирать бумаги в партах и ночных столиках, рвать на мелкие клочки, которые пускались за форточку по ветру, и жечь в топящихся печах. Ясно было, что не у одной Худодыевой хранились письма и произведения печати, которым вовсе не место в стенах духовного училища. Об Елизавете Худодыевой вскоре были получены из жандармского управления такие сведения, что совет училища постановил ее немедленно исключить, чтоб она на суде не явилась в звании ученицы училища.

<...>

На жизненный путь

Время от Пасхи до экзаменов пролетело для выпускных учениц-епархиалок с головокружительною быстротою. Подготовка к последнему испытанию поглощало все часы их дня. Тем не менее произошли в этот срок события, имевшие немалое влияние на училищную жизнь. Сидящая в тюрьме Елизавета Худодыева призналась следователю, что преподаватель истории и географии Громилин снабжал как ее, так и других учениц произведениями социалистической и антипатриотической литературы. Ни заступничество его брата, ни ходатайство архиерея одной из северных епархий, дружного более, чем приличия дозволяют, с его родственницей, ему на этот раз не помогли. Андрей Андреевич был устранен от преподавания и подвергнут надзору полиции, хотя и не сочли нужным его арестовать немедленно. На его место был приглашен новый преподаватель истории и географии, Иван Иванович Колоковцев, молодой человек с темно-русою бородою, в общем, ни по внешности, ни по внутреннему содержанию ничем не замечательный, а к делу преподавания он относился совершенно равнодушно. На первых порах он весьма сблизился с Краснобородовым, и их можно было видеть каждый вечер вместе во всех увеселительных местах разных наименований. Попадались они часто и на людных улицах города поздно вечером, в обществе, наименее подходящем для наставников юношества. При этом чаще всего они были более чем навеселе. Но тенденциозности в преподавании Колоковцева не было, и он спрашивал по учебнику, не мудрствуя лукаво. Раз

Добромыслова пустилась в либеральные разглагольствования по поводу Французской революции. Он ее остановил.

— Это к делу не идет, сударыня! Вы мне факты давайте, а прочее не нужно.

Для учебного дела, если он не будет вреден, как Громилин, внушавший превратные понятия, он пользы не принесет, так как вселит в учащихся отвращение, а на лучший конец равнодушие к своему предмету.

Моловский после смерти своей Лизы сделался другим человеком. Он не спрашивал больше для осмотра шесть номерованных тетрадок и не ставил баллов за их ведение по образцу. Сочинения он давал на доступные развитию учащихся вопросы, избегая в них и политики, и социологической полемики, а познания по истории русской словесности он спрашивал в узких рамках учебников. От этого он не выиграл. Бездарность его более не прикрывалась шумихой лжелиберальных возгласов, и преподавание его стало окончательно скучным. На экзамене он задал сочинение: из поэмы «Пери и Ангел» эпизод «Слеза раскаяния». Добромыслова написала раскаяние черносотенца, превращающегося в максималиста и бросающего в кого-то бомбу. Лука Петрович возвратил ей сочинение назад и в свободные часы, запершись с нею в классе, заставил ее написать «что-нибудь менее дикое».

На устном экзамене он спрашивал в пределах программы и не допускал тех вольнодумных намеков, которые в прошлые годы вывозили многих, даже плохо знающих фактическую часть предмета. Но баллы он ставил снисходительно, и все остались довольны экзаменом по русскому языку.

Благополучно для всех сошли экзамены по Закону Божию, истории и географии и геометрии. Из физики провалилась одна Мерова, и ей хотели дать переэкзаменовку на осень. Но Зарин произвел резню по дидактике и проставил двойки той же Меровой, Онисимовой и Воздвиженской на устном экзамене и им же, а также и Вере Живоначаловой объявил, что их пробные уроки в течение года никуда не годились. Кроме Онисимовой и Живоначаловой, храбро согласившихся остаться еще на год в VI классе, остальные две покинули училище без свидетельства об окончании курса и без права на преподавание в приходских училищах.

Перемена в направлении Моловского и замена Громилины Колоковцевым повлияли на выпускной список по старшинству баллов. Выезжавшие на угождении преподавателям вольнодумным краснбайством понизились, а преследуемые за частые противоречия Моловскому и Громилину повыси-

лись. На акте был прочтен следующий список выходящих из епархиального училища:

1. Любомудрова. 2. Резцова. 3. Введенская. 4. Кремнева. 5. Троицкая.
6. Горюнова. 7. Благодатская. 8. Архангельская. 9. Черникова. 10. Ордынская.
11. Хромова. 12. Божевольская. 13. Святозарова. 14. Добромysłова. 15. Норова. 16. Градова. 17. Правдина. 18. Веритатова. 19. Зимина. 20. Периодова.
21. Тайницкая.

Живоначалова и Онисимова были перечислены в VI класс будущего года, а Мерева и Воздвиженская были уволены без свидетельства.

— Это позор для учебного заведения! — говорил отец Борис Резцов своей жене. — Продержали по 6 и даже иных по 9 лет, а теперь расписываемся в том, что не сумели их научить тому, что им следует знать.

Любомудрова и Резцова были награждены золотыми, а Введенская, Кремнева и Троицкая серебряными медалями¹². Акт прошел весьма торжественно, в присутствии архиерея и многих из городских властей. Отец Борис Резцов и отец Диодор Горнов, иеромонах, секретарь архиерея, произнесли речи о значении воспитания, и в этих речах были рассыпаны справедливые укоры педагогам, не понимающим всей высоты воспитания женщины, матери и учительницы, для преуспевания народного. Речи были хороши и правдивы, но бездарные и злонамеренные учителя оставались на своих местах, кроме Громилина, устранившегося по совершенно особым причинам и замененного совершенно небрежным к учебному делу Колоковцевым. Ничто не обещает улучшения дела в будущем. Добрые намерения лучшей части учебного совета разбиваются о поддержку, оказываемую высшими властями бездарности и даже злонамеренному сеянию плевел среди учащейся молодежи

<...>

КОММЕНТАРИИ

П.А. Шульц. [Воспоминания о Е.П. Шиповой]

Печатается по: *Преображенский Г.* Воспоминания о Елизавете Павловне Шиповой — первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства (1843—1883). Ярославль, 1884. С. 18—22.

Павел Антонович Шульц — сын Н.П. Шульц (урожденной Шиповой), племянник Е.П. Шиповой. Письмо, по всей видимости, было написано в 1883 или 1884 г. преподавателю Ярославского женского училища духовного ведомства Г. Преображенскому для составления посмертной записки, посвященной памяти Е.П. Шиповой.

Е.П. Шипова (1796—1883) — сестра начальницы Царскосельского училища. Она получила образование в институте ордена Св. Екатерины. После окончания института отказалась от замужества по причине слабого здоровья и жила в доме отца до 50-летнего возраста. Затем в течение 37 лет, до самой смерти, была начальницей Ярославского женского училища (см.: *Преображенский Г.* Указ. соч.). Ее деятельность не раз получала высокую оценку начальства. В 1866 г. обер-прокурор Синода в своем отчете за год особенно выделил Ярославское училище: «Из всех посещенных мной училищ Ярославскому училищу по всей справедливости принадлежит первое место как по его полному благоустройству в материальном смысле, так и по благотворительным плодам, принесенным уже им в продолжение двадцати двух лет существования. Почтенная начальница училища, с самого начала его учреждения занимающая это звание, несмотря на свои преклонные лета, не шадит своих сил для блага и процветания вверенного ей заведения...» (Православное обозрение. 1868. № 3. С. 354).

¹ *Чухлома* — город в Костромской губернии, ныне Костромской области в 171 км к северо-востоку от Костромы. Известен с 1381 г.

² Только в 1858 г. в Петербурге было открыто первое 7-классное женское училище (Маринское) «для приходящих девиц» (*Хорошилова Л.Б.* Женское образование и воспитание // *Очерки русской культуры XIX века.* М., 2001. Т. 3. С. 338). В этом же году было создано первое женское училище Министерства народного просвещения, курс обучения которого составлял шесть лет. Позднее эти училища стали называться гимназиями.

³ *Окулова Анна Алексеевна* (1794—1861) окончила Смольный институт. В 1836 г. была определена фрейлиной и воспитательницей к великой княжне Ольге Нико-

лаевне. После замужества великой княжны осталась служить при дворе в качестве фрейлины императрицы.

⁴ *Ольга Николаевна*, великая княжна (1822—1892) — вторая дочь императора Николая I и его супруги Александры Федоровны.

Е.Д. Воспоминания о Царскосельском женском церковном училище конца первого и начала второго 25-летия жизни его

Печатается по: Прибавления к Церковным ведомостям. 1894. № 44. С. 1575—1585.

Училище было открыто в 1843 г., следовательно, воспоминания описывают жизнь училища в конце 1860-х — начале 1870-х гг.

¹ Н.П. *Шульц* (урожд. Шипова; 1792—1877) — дочь костромского купца Шипова, образование получила в институте ордена Св. Екатерины. В 1842 г., овдовев, занялась организацией учебного заведения для дочерей духовенства, а затем была его первой начальницей и стояла во главе этого учебного заведения 34 года, до самой смерти.

² Имеется в виду Евдокия Николаевна Нарышкина — вдова ротмистра, домашнего воспитания, до назначения на должность начальницы училища (1877) была начальницей Минского училища духовного ведомства (см.: Именной список служащим в женских училищах духовного ведомства на 1886 год. СПб., 1886. С. 2).

³ До 1845 г. училище располагалось в доме братьев Гримм на углу Колпинской и Церковной улиц. В 1845 г. в собственность училища был приобретен дом А.Ф. Оболенского на углу Московской и Дворцовой улиц, в 1849 г. в здании была выстроена церковь, в 1882—1883 гг. велись работы по расширению училищного здания, что позволило увеличить количество воспитанниц. В настоящее время в этом здании находится общеобразовательная школа № 606.

⁴ Первоначально комплект штатных воспитанниц определялся в 60 человек и 60 платных пансионеров (по 40 воспитанниц в каждом классе) при трехклассном устройстве по два года в каждом классе, т.е. общее количество воспитанниц должно было составлять 120 человек. В 1847 г. по решению императрицы количество воспитанниц в каждом классе было сокращено до 30 человек. В 1884 г. училище преобразуется по уставу женских епархиальных училищ с шестиклассным устройством, а число учащихся возрастает до 180 человек (см.: Царскосельское училище духовного ведомства (по поводу его 50-летия) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1894. № 41. С. 1479).

⁵ До 1868 г. училища, открывавшиеся на епархиальные средства, не имели единого устава. Руководители епархии составляли уставы таких училищ по своему

усмотрению. Очень часто за образец брался устав Царскосельского училища, в который вносились дополнения и изменения.

⁶ смысл (фр.).

⁷ *Ростиславов* Дмитрий Иванович (1809—1877) — сын сельского священника, воспитанник С.-Петербургской духовной академии. По поручению директора канцелярии Синода И.С. Гаевского им был написан труд «О духовных училищах», но «вследствие свободно выраженного мнения, не имел ход» и был опубликован только за границей (*Ростиславов Д.И.* Об устройстве духовных училищ в России. Лейпциг, 1866). Большую известность получила его книга «О православном белом и черном духовенстве в России» (Т. 1—2. Лейпциг, 1866). После его смерти в «Русской старине» в 1880—1895 гг. печатались его обширные «Записки», рисующие быт духовенства и состояние духовного просвещения.

⁸ *Помяловский* Николай Герасимович (1835—1863) — прозаик. В «Очерках бурсы» (СПб., 1865) описал жестокие нравы Александро-Невского училища, воспитанником которого был.

⁹ Законоучителем Царскосельского училища в этот период был протоиерей Федор Александрович Павлович (1832—1905) (см.: Памятная книжка СПб. губернии на 1895 год. СПб., 1895. С. 86). Церковь при училище была устроена в 1848 г. и освящена в честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

¹⁰ В одну из седмиц какого-нибудь поста (лучше Великого) до приступления к исповеди и причащению христиане пользуются очень умеренной пищей и обязательно присутствуют в церкви на богослужении и домашних молитвах. В учебных заведениях в это время занятия обычно не проводились.

¹¹ Неканоническое название. Имеется в виду страстная неделя, последняя неделя Великого поста, посвященная воспоминаниям о страданиях Христа.

¹² Имеется в виду пасхальная неделя.

¹³ По распоряжению императрицы в училище принимались только здоровые девицы. В 1849 г., после первого выпуска из Царскосельского училища, цесаревна велела принимать в училище не иначе, как при строгом освидетельствовании врачом заведения и по письменному его удостоверению, что желающие поступить в училище не имеют физических недостатков и «по здоровью и телосложению не подают повода к опасенью развития в них упорных и неизлечимых болезней, несовместимых с предстоящим им воспитанием и с будущим их предназначением к супружеской жизни» (цит. по: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования России (1828—1856). СПб., 1895. С. 162). Подобные правила были установлены и для Ярославского училища девиц духовного звания. В этом учебном заведении внезапная смерть одной воспитанницы от туберкулеза стала поводом к разбирательству. Объяснительная записка врача свидетельствовала, что при поступлении в училище болезнь воспитанницы никаким образом себя не проявляла (см.: *Преображенский Г.* Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства. [М.], 1896. С. 93).

¹⁴ Великая княжна Ольга Николаевна часто посещала училище, жертвовала деньги на его нужды. В 1846 г. она вышла замуж и покинула Россию, передав училище под покровительство супруги великого князя Александра Николаевича (с 1841 г.) Марии Александровны (1824—1880). Через два года после открытия училища обер-прокурор доложил императору, что училище в «умственном и нравственном образовании девиц и в хозяйственной части достигло такого уровня, что может служить примером для учреждения других училищ» (*Лихачева Е.* Указ. соч. С. 154).

¹⁵ Великая княжна *Мария Александровна* (1853—1920) — дочь великого князя Александра Николаевича (Александра II). На момент описываемых событий ей было 14—15 лет.

¹⁶ Ошибка в дате. Имеется в виду Николай II, который родился 6 мая 1868 г.

¹⁷ Это было заимствовано у женских институтов благородных девиц и закреплено в уставе Царскосельского училища девиц духовного звания.

¹⁸ Традиция, существовавшая во всех женских закрытых учебных заведениях. Все вещи девочек метились индивидуальным номером, с тем чтобы после стирки она получила свой комплект белья.

¹⁹ Например, в некоторых институтах новеньких испытывали абсурдными вопросами: «Ели Вы физику с молоком?», «Подávalи у вас дома геологию под соусом?», «Катались ли на экваторе?» (см.: *Белусов А.Ф.* Институтки // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003. С. 21).

²⁰ *Путьтин* Родион (1807—1869) — проповедник, протоиерей с 1835 г. в Ярославле, а с 1845 г. в Рыбинске. В 1842 г. появился первый выпуск его «Кратких поучений», в дальнейшем сборники его поучений неоднократно переиздавались.

²¹ *Иннокентий* (в миру Иоанн Алексеевич Борисов; 1800—1857) — архиепископ Херсонский и Таврический, получил известность своими проповедями.

²² *Сбитень* — горячий напиток из меда с пряностями.

²³ Воспитанницы училища также должны были дежурить в комнатах у воспитательниц и у самой начальницы, выполняя обязанности горничных. Официально это делалось для того, чтобы приучить девочек к ведению домашнего хозяйства, а на самом деле помогало экономить средства училища. Когда в Ярославле в 1880 г. было создано женское епархиальное училище, то в инструкции для воспитательниц и воспитанниц училища также предусматривались подобные дежурства. Однако этот пункт не был одобрен председателем совета училища (Государственный архив Ярославской области. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 15).

²⁴ В 1859 г. на публичном экзамене публике были показаны и предметы рукоделия воспитанниц, где среди прочего были риза с вышитым плечьем (серебром по атласу), коврики и подушки, искусно вышитые по канве с резаным, бархатным швом, платье и белье, приготовленные самими воспитанницами (см.: *Духовная беседа.* 1859. № 23. С. 327).

²⁵ *Загоскин* Михаил Николаевич (1789—1852), *Толстой* Алексей Константинович (1817—1875), *Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868) — писатели.

²⁶ Имеется в виду «Книга о должностях пресвитеров приходских», анонимно изданная в Петербурге в 1776 г. и в дальнейшем много раз переиздававшаяся. Авторами ее были, по-видимому, епископ Смоленский Парфений (в миру Сопковский; 1716—1795) и архиепископ Могилевский Георгий (в миру Григорий Осипович Конисский; 1717—1795). Это руководство по пастырскому богословию содержало кратко изложенные основные правила и наставления для православного священника.

²⁷ См.: *Стурдза А.С.* Письма о должностях священного сана. Т. 1—2. Одесса, 1841 (книга несколько раз переиздавалась). *Стурдза* Александр Скарлатович (1791—1854) — дипломат, писатель по политическим и религиозным вопросам.

²⁸ Утренние часы предназначались не для учебы, а для занятий рукоделием по следующим причинам: 1) главная цель была — подготовить хорошую хозяйку дома, 2) основным местом службы преподавателей были другие учебные заведения, и они могли приезжать в училище только во второй половине дня. До 1880 г. в Царскосельском училище штатное расписание предусматривало оплату только труда законоучителя, остальные преподаватели трудились безвозмездно. Затем была введена и оплата учителям (см.: Царскосельское женское училище духовного ведомства (по поводу 50-летия) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1883. № 41. С. 1476).

²⁹ *Лучицкий* Кирилл Иванович (1815—1886) — историк. Окончил Петербургскую духовную академию (1839), там же был профессором русской словесности и инспектором; преподавал также в Смольном институте.

³⁰ Преподавание педагогики было введено в 1867 г. в «форме кратких советов» (О введении преподавания начал педагогики в училища девиц духовного звания // Церковная летопись Духовной беседы. 1867. 22 апр. С. 261).

³¹ *Прокопович* Феофан (в миру Елизар; 1681—1736) — архиепископ Новгородский, церковный и политический деятель, сподвижник Петра I.

³² Речь идет о басне Лафонтена, переложенной впоследствии на русский язык И.А. Крыловым.

³³ *Октоих* — певческая богослужебная книга православной церкви. Богослужебный октоих содержит словесные тексты песнопений, певческий — записи напевов воскресных песнопений. Октоих охватывает восьминедельный цикл песнопений, целый цикл служб распространяется на 56 дней. *Минея* — богослужебная книга, содержащая тексты молитвословий годового богослужебного круга.

³⁴ Эта практика была заимствована из институтов благородных девиц. Как вспоминает А.В. Стерлигова, учившаяся в С.-Петербургском женском институте орденна Св. Екатерины, каждая хорошо успевающая воспитанница должна была подтягивать более слабую или обучать и наставлять новенькую, докладывая об ее успехах классной даме. Автор воспоминаний называет это «страшной несправедливостью» в отношении первых учениц, которые, учив уроки, «должны были тратить немало

времени на подготовку ленивых» (*Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2004. С. 91).

³⁵ *Краевич* Константин Дмитриевич (1833—1892) — педагог, физик. Воспитанницы могли пользоваться одним из первых вариантов учебника, подготовленного для вновь открытых в 1862 г. женских гимназий — «Основания физики» (1862—1863).

³⁶ Автор воспоминаний, возможно, ошибается и путает Павловский парк с Александровским. В Царском Селе (ныне г. Пушкин) располагается пять парков: Екатерининский (Царскосельский), Александровский, Баболовский, Отдельный и Буферный парки. К Екатерининскому (Царскосельскому) примыкали Александровский и Баболовский парки. Название Александровского парка (200 га) происходит от возведенного на его территории по распоряжению Екатерины II Александровского дворца в подарок к бракосочетанию ее внука Александра Павловича (будущего императора Александра I). Из Царского Села можно попасть и в Павловский парк, который возник как загородная резиденция Павла I. Территория Павловского парка образовалась из охотничьих угодий Екатерины II недалеко от Царского Села, подаренных императрицей своему сыну по случаю рождению его первенца. Однако путь в Павловский парк лежит через Отдельный парк, который находится в юго-восточной части города Пушкина. Площадь Отдельного парка — около 100 гектаров, все это вместе составляет значительное расстояние, которое воспитанницы вряд ли могли преодолеть (см.: *Балог Г.П., Гладкова Е.С.* Музеи и парки Пушкина. Л., 1972. С. 99; Павловск. Дворцово-парковый ансамбль. Л., 1989. С. 3).

³⁷ Баболовский парк разместился на территории елового леса, протянувшегося к юго-западу от Александровского парка до деревни Баболово, расположенной в трех километрах от Царского Села (Дворцы и парки города Пушкина. Л., 1986. С. 28—29).

Евпраксия Разумовская. Воспоминание об учеье в Ярославском училище девиц духовного звания в годы 1855—1860

Печатается по: *Разумовская Евпраксия.* Воспоминание об учеье в Ярославском училище девиц духовного звания в годы 1855—60. СПб., 1899. 43 с.

Училище было открыто в 1846 г. в Солигаличе, а затем в 1848 г. было переведено в Ярославль (Ярославское женское училище духовного ведомства. По поводу 50-летия его существования // Прибавления к Церковным ведомостям. 1896. № 22. С. 763). Прием в училище проводился через год по четным годам, поэтому Разумовская могла поступить в 1854 или 1856 г., но не в 1855 г. Уточнить год ее поступления не представляется возможным, поскольку документы Ярославского училища девиц духовного звания практически полностью утрачены.

¹ Воспитанницы должны были передвигаться в училище только в соответствии с режимом дня в определенном направлении: в столовую, на молитву, на занятия, на прогулку. Все передвижения осуществлялись попарно строем. Передвижение по училищу одной и без сообщения о цели своего передвижения классной даме считалось грубым нарушением дисциплины.

² *Швейка* — прикрепленная к столу подушечка, к которой прикалывается ткань при ручном шитье.

³ В училище была традиция, в соответствии с которой воспитанницы училища в конце дня приходили в спальню начальницы с пожеланием спокойной ночи.

⁴ Летом воспитанницы вставали в 6 часов утра, а зимой в 7.

⁵ В первый период существования женских учебных заведений для дочерей духовенства девочки принимались без экзаменов. Поэтому в первом классе могли быть и не умеющие читать. Сначала вел уроки только законоучитель, а потом прибавлялись уроки русского языка, географии и арифметики. Основной задачей первого года обучения было выровнять уровень знаний всех воспитанниц (см.: *Преображенский Г.* Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства. [М.], 1896. С. 139).

⁶ Основным методическим приемом преподавания в то время была зубрежка. Воспитанники должны были наизусть заучивать многие определения и тексты. Как отмечал Н.Г. Помяловский в «Очерках бурсы»: «Главное свойство педагогической системы в бурсе — это долбня, долбня ужасающая и мертвящая... Пропустить букву, переставить слово считалось преступлением...» (*Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1987. С. 273).

⁷ *Кряж* — толстый короткий отрезок ствола дерева, в разговорной речи кряжем называли коренастого, крепкого сложения человека.

⁸ *Пялешница* — вышивающая на пяльцах.

⁹ Имеется в виду начальница училища Е.П. Шипова, которой было тогда около 60 лет.

¹⁰ Одно из наказаний, суть которого состояла в том, что наказанная должна была стоять во время еды. Это наказание часто применяли в то время в женских учебных заведениях.

¹¹ *Филарет* (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — митрополит Московский и Коломенский с 1826 г., богослов, автор «Христианского катехизиса православной кафедральной восточной греко-русской церкви» (СПб., 1823), неоднократно переиздававшегося.

¹² *Причастный стих* — стих, связанный по смыслу с читавшимися за богослужением Апостолом и Евангелием. В стихе говорится кратко о празднуемом событии.

¹³ Свои именины и день рождения Е.П. Шипова всегда праздновала в стенах училища. К обеду в этот день приглашались все учителя и служащие при училище с супругами.

¹⁴ В Ярославском училище питание было очень скромным, мясо подавалось только в праздничные дни. Г. Преображенский приводит меню обеда и завтрака воспитанниц 1846 г.: в воскресенье — чай, суп с клецками, баранина под луком, пироги с морковью, в понедельник — молоко, щи, простокваша, во вторник — молоко, суп манный, гречневая каша, в среду — сбитень, горох, картофель жареный, в четверг — молоко, суп перловый, каша манная, в пятницу — овсяный суп, суп картофельный, каша гречневая, суббота — чай, лапша, оладьи с сахаром (*Преображенский Г. Указ. соч. С. 131*).

¹⁵ Сергей Радонежский считается на Руси покровителем образования, поэтому учащиеся возносили ему молитвы об успешной учебе.

¹⁶ В Ярославском училище в середине XIX в. по некоторым предметам воспитанницам давались учебники, а при отсутствии таковых — составленные преподавателями записки (*Преображенский Г. Указ. соч. С. 138*).

¹⁷ Воспитанницы в училище сами для себя шили белье и мелкие вещи, учились вязать и вышивать, а изящные работы в основном изготавливались для подарков и поднесения особам из императорской семьи. Так, в 1858 г. воспитанницы поднесли великой княжне Марии Александровне вышитую сумочку, а в 1873 г. великой княжне была поднесена икона Святой Равноапостольной Марии Магдалины, шитая золотом и серебром руками воспитанниц.

¹⁸ Воспитанницу нельзя было отчислить, поскольку в женские училища принимались преимущественно сироты, которых надо было «дотянуть» до выпуска и выдать замуж.

¹⁹ В данном случае слово «бора» употреблено в значении «борка, складка, морщина» (от «братъ»).

²⁰ Повесть Н.В. Гоголя.

²¹ См.: *Ярцова Л.А. Параша, дочь сельского священника*. СПб., 1861.

²² *Херувимская песнь* — молитва в православном богослужении; поётся на литургии.

²³ *Державин* Гавриил Романович (1743—1816) — поэт.

²⁴ Ода «Бог» впервые была напечатана в 1784 г.

²⁵ Ода «На взятие Варшавы» была опубликована в 1794 г.

²⁶ В первый период существования женских училищ девиц духовного звания многие училища обеспечивали своих выпускниц своеобразным приданым на первое обзаведение. Деньги на это изыскивались сверх сметных денег из пожертвованных благотворителей. Основанием для такого приданого был параграф устава Царскосельского училища, который гласил: «Когда штатные воспитанницы поступают в замужество при выходе из училища, то получают денежное пособие, соразмерно их успехам и поведению, из того капитала, какой может на сей предмет составиться разными по Училищу от штатного расхода сбережениями...» (§ 16). Размер такого приданого был различен. Если в год выпуска находился богатый благотворитель, тогда приданое было немалым. Так, в честь первого выпуска Ярославского

училища девиц духовного звания пожертвовала два казначейских билета (500 р. и 300 р.) великая княжна Ольга Николаевна. Каждая воспитанница получила полный комплект зимней и летней одежды, белья и других необходимых вещей, среди которых был даже утюг и серебряные серьги с подвеской. Г. Преображенский пишет, что все выпуски получали приданое; суммы, употребляемые на них, были разные. В 1860 г. воспитанницы получили от 90 до 160 руб., в 1862 г. — от 110 до 160 руб. (см.: *Преображенский Г. Указ. соч. С. 167*). Безусловно, такое богатое приданое было только в училищах, близко стоявших к царской фамилии. В училищах, которые содержались на епархиальные средства, дело обстояло гораздо хуже. В некоторых училищах подобные пособия вообще не выдавались или составляли гораздо меньшую сумму.

²⁷ Это был личный подарок начальницы воспитанницам.

²⁸ *Акафист* — жанр церковных песнопений, написанных в подражание первоначальному акафисту Пресвятой Богородице. Акафист должен был утверждаться Синодом. К 1901 г. на 158 разрешенных акафистов приходился 291 неразрешенный. Можно предположить, что читаемый в училище акафист Иисусу и Божьей Матери был как раз таким неразрешенным.

²⁹ В то время в ряде женских учебных заведений существовала 12-балльная система оценки знаний воспитанниц. Двенадцать было высшим баллом.

³⁰ Матф. 10: 16.

³¹ *Обедня* — русское народное название литургии, произошедшее от слова «обед» на том основании, что литургия совершается перед обедом или во время обеда.

³² Г. Преображенский в своих воспоминаниях о Шиповой пишет, что после выпуска многие воспитанницы вели переписку с бывшей начальницей, сообщали ей о своих радостях и горестях, писали о своей работе, просили поддержки и совета. Многие воспитанницы после окончания училища не раз приезжали в училище, многие, приехав в Ярославль по делам, не имея места, где остановиться, приезжали в училище, где им давали кров и кормили (*Преображенский Г. Воспоминания о Елизавете Павловне Шиповой — первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства. Ярославль, 1884. С. 83*).

Страницы из дневника воспитанницы Ярославского училища девиц духовного звания

Публикуется по: *Преображенский Г. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства. [М.], 1896. С. 122—126.*

¹ Имеется в виду книга средневекового фламандского иеромонаха Фомы Кемпийского (1379—1471), которая содержит общие советы по духовной жизни, рассматривает духовную жизнь в ее вершинных проявлениях, отдельные главы по-

священы таинствам. Книга написана на латинском языке, с XVIII в. неоднократно переводилась на русский язык.

² *Прощальное воскресенье*, или Прощеное воскресенье — последнее воскресенье Масленицы перед началом Великого поста. В Прощеное воскресенье принято испрашивать прощение и примиряться друг с другом не только в храме, но и дома с близкими, на работе с сослуживцами.

³ *Чистый понедельник* — первый день Великого поста. В самые суровые дни поста — понедельник и вторник первой седмицы и пятницу последней недели — по уставу полагается полное воздержание от пищи, эти дни получили название чистых.

⁴ Многие воспитанницы старшего класса имели обыкновение вставать за час до подъема, с тем чтобы повторить уроки или провести время по своему усмотрению. Другого свободного времени у воспитанниц практически не было.

⁵ *Клирос* — место в храме, где находятся чтецы и певчие, в большинстве случаев — южные и северные концы солеи (возвышения перед иконостасом на одну-две ступеньки от пола во всю ширину храма), которые называются, соответственно, правым и левым клиросом. Иногда клирос устраивается на хорах и называется в таком случае верхним.

⁶ Прогулки в эту сосновую рощу устраивались в училище, как правило, в будний день, в них принимали участие учителя и начальница училища. В роще воспитанницы играли, пели, затем для них устраивался чай, детям раздавались лакомства (см.: *Преображенский Г.* Указ. соч. С. 121).

⁷ По всей видимости, имеется в виду произведение Антония (в миру Александр Радонежский; 1808—1872), епископа Оренбургского «Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов его на кресте» (Казань, 1849).

⁸ Воспитанницы старших классов летние месяцы проводили в училище.

М.М. Юревич. Воспоминания из жизни в Виленском училище девиц духовного звания за 1863—1869 годы

Печатается по: *Белявская М.М.* Воспоминания из жизни в Виленском училище девиц духовного звания за 1863—1869 годы // Вестник Виленского св. православного духовного братства. 1912. № 3. С. 55—57; № 11. С. 189—190.

Автор — Мария Михайловна Юревич (в замужестве Белявская).

¹ Училище было открыто в 1861 г. и располагалось тогда в здании бывшего кармелитского монастыря. Оно было рассчитано на 60 штатных воспитанниц и 30 пансионеров (см.: 50-летний юбилей Виленского женского училища. Вильна, 1911).

² М.С. *Неумоина* — первая начальница Виленского училища для девиц духовного звания, бывшая воспитательница Александровского кадетского корпуса. Вышла в отставку в 1870 г. (см.: 50-летний юбилей Виленского женского училища. С. 25.)

³ Имеется в виду Польское восстание 1863 г., которое охватило большинство городов Царства Польского, а также Литву, частично Белоруссию и Правобережную Украину.

⁴ К.И. *Снитко* — магистр С.-Петербургской духовной академии, на службе с 1848 г., с 1872 г. директор народных училищ Виленской губернии, с 1889 г. член Виленской археографической комиссии для разбора и издания древних актов (см.: Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. Вильна, 1891. С. 133; Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. Вильна, 1874. С. 125).

⁵ Е.А. *Покровская* (? — 1904) — выпускница Царскосельского училища, наставница (воспитательница) и учительница пения в Виленском женском училище с 1865 по 1897 г. (см.: 50-летний юбилей Виленского женского училища. С. 28).

⁶ О.В. *Шербицкий* (1837—1916) окончил С.-Петербургскую духовную академию, на службе с 1864 г., с 12 декабря 1872 г. учитель Литовской духовной семинарии, с 1876 г. инспектор и преподаватель Св. Писания Литовской духовной семинарии; автор работ по истории Литвы (см.: Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. С. 105; Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. С. 8).

⁷ Ф.Г. *Елеонский* (1836—1905) окончил С.-Петербургскую духовную академию в 1863 г., преподавал в Рижской, Казанской, Литовской духовных семинариях, с 1870 г. преподавал в С.-Петербургской духовной академии. Видный исследователь библейских текстов, принимал участие в подготовке «Православной богословской энциклопедии».

⁸ Ф.К. *Смирнов* (? — 1905) окончил С.-Петербургскую духовную академию, магистр богословия, преподаватель педагогики в училище для девиц (приют) при Виленском женском Мариинском монастыре, одновременно с 1869 г. секретарь Литовской духовной консистории, член Литовского епархиального училищного совета; автор кн. «Виленский Свято-Духов монастырь» (Вильна, 1888) и ряда других трудов (см.: Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. С. 100, 110).

⁹ М.Г. *Старухин* окончил Архангельскую духовную семинарию, священник церкви Виленского женского монастыря, на службе с 1866 г., с 1870 г. учитель церковного пения Виленской гимназии и преподаватель церковного пения в Виленском Мариинском высшем женском училище (см.: Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. С. 13, 111).

¹⁰ *Дмитриевский Николай* Иванович — протоиерей Виленского Пречистенского собора, магистр Московской духовной академии, был законоучителем в училище в 1864—1871 гг. С 1873 г. законоучитель в подготовительном классе Виленской гимназии (см.: Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. С. 11).

¹¹ *Иосиф* (в миру Иосиф Иосифович Семашко; 1798—1868) — с 1840 г. архиепископ (с 1852 г. митрополит) Литовский и Виленский.

¹² *Воструха* — здесь: живая и бойкая, непоседа.

¹³ Церковь была устроена на пожертвования почетного блюстителя по хозяйственной части виленского купца А.Ф. Мухина и ряда других лиц и освящена во имя

Покрова Божьей Матери (см.: 50-летний юбилей Виленского женского училища. С. 14).

¹⁴ Свято-Духовский мужской монастырь был учрежден в 1597 г. В настоящее время является центром православия в Литве.

¹⁵ Песнопение «*Хвалите имя Господне*» — один из традиционных текстов Всенощного бдения, большой пасхальной службы. Текст песнопения выражает полное доверие к Богу, растворение в нем.

¹⁶ *Великое славословие* — в православном богослужении молитвословие, основанное на ангельской песни, пропетой при благовестии пастухам о рождении Иисуса Христа. В нем восхваляется, славословится и благодарится Бог.

¹⁷ *Гомолицкий* Виктор (? — 1889) — виленский кафедральный протоиерей.

¹⁸ На описываемый период приходилась деятельность двух преосвященных Ковенских: Александра Добрынина (до пострижения Андрей Васильевич; 1819—1885), с 1860 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии, с 1868 г. — епископ Минский и Бобруйский, в 1877 г. возведен в сан архиепископа. С 1868 г. епископом Ковенским стал Иосиф Дроздов (до пострижения Иван Михайлович; 1824—1881), который занимал эту должность до перевода его на Смоленскую кафедру в 1874 г.

¹⁹ С 1861 по 1868 г. ректором семинарии был архимандрит Иосиф Дроздов, затем — архимандрит Евгений (Шершилло; 1826—1897).

²⁰ Тринополь служил архиерейской дачей глав Литовской епархии до начала XX в.

²¹ *Турчанинов* Петр Иванович (1779—1856) — церковный композитор, был регентом разных церковных хоров, в 1803 г. посвящен в сан священника.

²² *А.Л. Потапов* (1818—1886) — генерал-адъютант, с 1868 г. — генерал-губернатор виленский, ковенский, гродненский и минский. С 1874 по 1876 г. — шеф жандармов и главный начальник III отделения.

²³ Высокопреосвященный *Макарий* (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882) в 1841 г. закончил Киевскую духовную академию, принял монашество с именем Макарий, в 1850 г. занимал пост ректора С.-Петербургской духовной академии, в 1851 г. возведен в сан епископа Винницкого, затем занимал кафедры — Тамбовскую, Харьковскую, с 1868 г. — Виленскую и Литовскую, с 1879 г. был переведен на Московскую кафедру и возведен в сан митрополита Московского. Автор многочисленных богословских трудов.

²⁴ См.: Публичный акт в Виленском училище девиц духовного звания при окончании курса учения в 1869 году // Литовские епархиальные ведомости. 1869. № 13. 15 июля. С. 822.

²⁵ *Заамвонная молитва* — молитва, которую читает священник в конце литургии, стоя лицом к алтарю перед амвоном.

²⁶ Е. В. *Потапова* (1820—1871) — благотворительница, супруга А. Л. Потапова. Попечительница детских приютов Северо-Западного края, почетный член многих благотворительных и религиозных православных обществ (см.: Е. В. Потапова (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. 1871. № 16. Неофиц. отдел. С. 709—712).

²⁷ *Сак* — короткая просторная верхняя одежда с воротником и рукавами.

²⁸ *Мария Александровна* (1824—1880), императрица, супруга императора Александра II.

²⁹ *Гарус* — шерстяная пряжа для вышивания.

Л. А. Худзинская-Гоельская. Записки епархиалки

Публикуется по: Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — НА РИАМЗ). Д. 965. Л. 14—65. На рукописи надпись: «Записала Лидия Александровна Худзинская-Белявская».

Людмила Александровна Худзинская — воспитанница Рязанского епархиального училища. Воспоминания были записаны (около 1912 г.) ее сестрой Лидией (ею же были сделаны некоторые исправления и подстрочные примечания), в 1931 г. они были переданы на хранение в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Лидия Худзинская записала также публикуемые далее воспоминания двух других воспитанниц Рязанского епархиального училища — Е. Вяземской и А. Звуковой.

¹ Радомская женская гимназия была открыта в г. Радом (Царство Польское) в 1860 г.

² Центральная улица города первоначально называлась Большой, затем Астраханской, теперь улица Ленина.

³ В 1894 г. в Рязани было два средних учебных заведения для девочек: Мариинская женская гимназия для лиц всех сословий и женское епархиального училище.

⁴ Епархиальное училище для дочерей духовенства было открыто в Рязани в 1853 г. и в 1877 г. было преобразовано по уставу 1868 г. В 1881 г. для этого учебного заведения на средства епархии и добровольные пожертвования было выстроено специальное здание.

⁵ Крест, якорь и сердце символизируют веру, надежду и любовь.

⁶ 6° по Реомюру равняются 7—8° по Цельсию.

⁷ Воспитательница в III классе, Евдокия Кочетова, окончила курс в Николаевском институте, в Рязанском епархиальном училище преподавала новые языки.

⁸ *Правиков Владимир* — кандидат богословия, преподавал Закон Божий, русский язык и педагогику в Рязанском епархиальном училище с 1887 по 1892 г. В сентябре 1892 г. приказом обер-прокурора Синода был определен на должность учителя

арифметики и географии в Раненбургское духовное училище (Отчет о состоянии Рязанского епархиального училища за 1891/92 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1893. № 2. Отдел офиц. С. 43; Отчет о состоянии Рязанского епархиального училища за 1892/93 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1894. № 1. Отдел офиц. С. 5).

⁹ *Гацкевич* Евстафий Павлович — учитель Радомской женской гимназии, он же секретарь педагогического совета, учитель Радомской мужской гимназии с 1882 г. (Памятная книжка Варшавского учебного округа на 1904/1905 учебный год. Варшава, 1904. С. 102).

¹⁰ Тех воспитанниц, которые приходили в училище только на учебные занятия, называли приходящими.

¹¹ Дочь коллежского секретаря Людмила Худзинская поступила в 3-й класс в 1892 г. и окончила училище в 1896 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 38). Изучение темы «Африка» предусматривалось в первом полугодии в 3-м классе (Устав женских епархиальных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1868. Т. 43. № 46271).

¹² *Галахова* Лиза (1876 — ?) — дочь коллежского асессора Петра Галахова. Поступила в Рязанское епархиальное училище в 1886 г., окончила в 1892 г. (ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 93 об.).

¹³ М.П. Сперанскому.

¹⁴ *Маркиза де Помпадур* (урожд. Жанна-Антуанетта Пуассон; 1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV. Была известна стремлением роскошно одеваться.

¹⁵ Корсеты покупали сами воспитанницы.

¹⁶ Отсутствие индивидуальной одежды для воспитанниц — особенность Рязанского епархиального училища. Обычно вся одежда шилась для воспитанницы индивидуально и метилась специальными метками.

¹⁷ Начальницей училища с 1877 по 1918 г. была Варвара Макаровна Хупотская. Она в 1858 г. закончила курс в Рязанском училище девиц духовного звания, потом работала учительницей Воздвиженского Петербургского училища (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 4. Д. 167. Л. 8 об.).

¹⁸ *Феофилакт Антонович* (так!) *Орлов* был председателем совета Рязанского епархиального училища. Он преподавал в Рязанской духовной семинарии и в качестве представителя от духовенства был выбран в совет Рязанского епархиального училища, а как старший по возрасту в соответствии с Уставом женских епархиальных училищ был его председателем. Благодаря его энергии и энтузиазму было построено здание училища и начато строительство второго корпуса в 1898 г., он сам насадил сад для воспитанниц (некоторые лиственницы, посаженные им, стоят до сих пор) (см.: Феофилакт Антонович Орлов // Памяти священника Феофилакта Антоновича Орлова. Рязань, 1900).

¹⁹ Имеется в виду газета «Рязанский вестник» (1905—1916).

²⁰ Выявить статью такого содержания нам не удалось.

²¹ Преподаватели епархиальных училищ не имели права на пенсию, и, следовательно, уволить начальницу означало оставить ее без средств к существованию.

²² По Уставу женских епархиальных училищ управление училищем распределялось между начальницей училища, председателем совета и инспектором классов. На инспектора классов возлагалось наблюдение за учебным процессом, начальница должна была наблюдать за воспитательной частью в училище, ей подчинялись воспитательницы, она могла распорядиться прислугой. Председатель совета не имел определенных обязанностей, он должен был наблюдать за всеми сферами жизни училища, в том числе и хозяйственной, и обладал правом решающего голоса на совете училища.

²³ Мария *Архангельская* — дочь священника Павла Архангельского. Училась в училище с 1889 по 1896 г. (ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 112 об.).

²⁴ Вся одежда в женских учебных заведениях обязательно метилась специальными метками, чтобы после стирки в прачечной воспитанница получила свой комплект белья, фартук и т.д. В данном случае метка отпоролась от частой стирки.

²⁵ Лидия *Дуванова* — дочь канцелярского служащего Федора Дуванова, училась в училище с 1890 по 1896 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 123 об.).

²⁶ Епархиальное училище находилось в непосредственном подчинении архиерея, окончательное утверждение решений совета училища зависело от него, он же утверждал в должности служащих при училище, он также должен был контролировать деятельность училища.

²⁷ В училище существовала специальная награда лучшей в написании сочинений из окончивших курс, которая выдавалась книгой, купленной на проценты с капитала (150 рублей), специально предназначенного для этих целей. Деньги были пожертвованы Ф.А. Орловым в честь 25-летия его семинарской службы в 1884 г., и награда носила его имя. Золотых медалей в епархиальных училищах вообще не полагалось.

²⁸ К назначению Хупотской К. Победоносцев не имел отношения. В 1877 г. она была избрана съездом духовенства из 17 кандидатур.

²⁹ Автор имеет в виду преподавателей, окончивших духовную академию.

³⁰ Зубной врач непосредственно в училище появился только в 1915 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 4. Д. 163. Л. 49 об.).

³¹ Врачом училища был Константин Асеев, который служил при училище с 1878 по 1912 г. Одновременно он был и мировым судьей (для занятия должности мирового судьи требовался образовательный ценз не ниже среднего без указания обязательного юридического профиля).

³² Исправлено на «хорошо». Возможно, что воспоминания планировались к публикации, и некоторые речевые обороты были изменены более подходящим для советских времен образом.

³³ Исправлено на «это».

³⁴ В сложных случаях в училища приглашались для консультации другие врачи. Так, во время работы комиссии ревизионного комитета съезда рязанского духовенства в 1907 г. и при осмотре училищной больницы прибыл врач Пистерман, «который был приглашен к воспитаннице, страдающей перерождением сердца». Как свидетельствует отчет этой комиссии, это был не единичный случай. Дополнительные расходы в этой ситуации оплачивались за счет родителей или совета (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 126 а. Л. 28).

³⁵ Просмотр годовых отчетов за время учебы Худзинской в училище показал, что в этот период в самом училище смертных случаев среди воспитанниц не было. В 1895/1896 учебном году две воспитанницы умерли дома, во время летних каникул. Смерть воспитанницы в училище была зафиксирована в отчете за 1896/1897 уч. год, т.е. когда Худзинская уже закончила училище. Воспитанница второго класса умерла в училищной больнице от воспаления мозга (Отчет о состоянии Рязанского епархиального училища за 1895/96 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Отдел офиц. С. 128; Отчет о состоянии Рязанского епархиального училища за 1896/97 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1898. № 1. Отдел офиц. С. 12).

³⁶ Имеется в виду смерть высокопреосвященного Феокиста (в миру Федор Аполлонович Попов), который скончался 2 декабря 1894 г. на 69 году от роду. Управлял Рязанской епархией в 1882—1894 гг., 24 марта был возведен в сан архиепископа и удостоен награждения орденом Александра Невского. Похороны состоялись 7 декабря 1894 г. (см.: Рязанские епархиальные ведомости. 1894. № 24. Отдел офиц. С. 951). Однако автор воспоминаний в этот момент была не в 3-м классе, как она пишет, а в 5-м.

³⁷ «Дом Олега» — исторически сложившееся название сохранившегося до наших дней здания архиерейских палат на территории Рязанского кремля. По преданию, на месте этого здания ранее находились деревянные палаты князя Олега Рязанского. Описываемое здание строилось в XVII—XVIII вв.

³⁸ Программа женских епархиальных училищ не предусматривала изучение этого предмета. В Рязанском епархиальном училище рисование преподавалось во всех классах, кроме 6-го и 1-го, причем в 5-м классе урок рисования проводился во внеурочное время, а в других — за счет одного урока чистописания, которых полагалось по два в неделю. Уроки состояли в выработке навыка изображать различные линии и геометрические фигуры, перспективу и тень, рисования с натуры геометрических тел. Уроки рисования вела учительница Мариинской женской гимназии Александра Субботина. В 1888 г. ее уроки получили весьма лестный отзыв у проводившего ревизию училища действительного статского советника Зинченко: «Начиная со 2-го класса 1-й урок в каждом классе, назначенный программой для чистописания, отведен советом училища учительнице рисования Александре Субботиной, преподающей здесь и арифметику. Она ведет дело успешно: рисуют ка-

рандашом, акварелью, приучаются рисовать с гипсовых слепков. Учатся все девицы и показывают отличные результаты» (РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 23. Л. 15 об.).

³⁹ Обучение кройке было введено с 1897/1898 учебного года в трех старших классах. Л.А. Худзинская к этому времени уже закончила училище.

⁴⁰ *Почтовый шов* — один из швов для вышивания; был назван так потому, что тогда почта была самой быстрой формой сообщения. Его выполнение напоминает собой выполнение узелкового шва, больше всего шов походит для вышивки цветов, листьев. Сейчас подобный шов имеет другое название — «кружевной шов».

⁴¹ С 1898—1899 учебного года было введено преподавание гигиены по два урока в неделю в 5-м и 6-м классах. Этот предмет предусматривал получение элементарных медицинских знаний, сведений об устройстве школьных помещений (размеры комнаты, школьной мебели, требования к освещению, вентиляции и пр.). Преподавание велось помощником инспектора местной врачебной управы врачом Иваном Любимовым в форме научно-популярных бесед.

⁴² Село Дядьково Рязанской губернии.

⁴³ *Катух* (в южных губерниях) — лев для мелкой скотины, для телят, свиней (В.И. Даль).

⁴⁴ В расписании и отчетах училища эти уроки именовались уроками гимнастики, но на деле сводились к урокам танцев.

⁴⁵ *Лансье* — английский бальный танец, получил распространение в Европе в середине XIX в. В лансье танцующие располагались в каре по 4 или 8 пар крест-накрест. Танец состоял из 5 фигур, каждая из которых имела определенное название.

⁴⁶ *Па* — термин, употребляемый в балете и бальном танце, который обозначает сочетание танцевальных шагов, распределенных на известное количество тактов музыки. *Па батман* — группа движений работающей ноги в каком-либо направлении.

⁴⁷ *Шассе* — определенное число шагов в танце или же прыжок с продвижением, при исполнении которого одна нога как бы догоняет другую.

⁴⁸ Учительницей гимнастики была Мария Рязанова.

⁴⁹ В 1895 г. в Рязани торжественно отмечалось 800-летие города. Празднование длилось три дня (20—22 сентября). 21 сентября состоялся торжественный молебен на Соборной площади города, на котором присутствовали учащиеся всех учебных заведений. Однако Худзинская была тогда не в 4-м классе, а в 6-м, поскольку весной 1896 г. она закончила училище.

⁵⁰ См.: Давидов А.Ю. Геометрия для уездных училищ. 10-е изд. М., 1896. 62 с.

⁵¹ См. примеч. 29.

⁵² *Кротелина* Александра — дочь псаломщика Петра Кротелина, училась в училище с 1890 по 1896 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 123 об.).

⁵³ Практически при каждом епархиальном училище существовала образцовая школа, чтобы воспитанницы приобретали преподавательский опыт, поскольку пос-

ле окончания училища они получали право преподавать в начальной школе. В Рязанском епархиальном училище такая школа была устроена в 1895/1896 учебном году (см.: *Лучинский А.И.* Материалы для истории Рязанского женского епархиального училища // Рязанские епархиальные ведомости. 1909. № 10. Отдел неофиц.).

⁵⁴ Воспитанницы готовились к пробным урокам под руководством учительницы школы и преподавателя педагогики. Каждый день в школу назначались по две дежурные воспитанницы для практических занятий. Дежурная воспитанница давала по одному уроку русского языка и арифметики самостоятельно. Кроме того, проводились пробные уроки перед всем классом на уроке дидактики. Тема такого урока объявлялась заранее всему классу, и каждая воспитанница готовила письменный конспект урока, который правился преподавателем дидактики. После урока следовало обсуждение, в котором принимали участие воспитанницы, преподаватель дидактики и учитель школы (см.: Отчет о состоянии образовательной школы при Рязанском женском епархиальном училище за 1907/08 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1909. № 3. Отдел офиц.).

⁵⁵ Деревянная арка с большим живописным губернским гербом была сооружена под руководством городского архитектора А.С. Цыханского. Она была убрана флагами, а вечером иллюминирована разноцветными огнями. На площади играли три духовых оркестра, гремел салют. Воинский начальник генерал-майор Л.А. Юнаков поздравил войска с праздником, губернатор выступил перед учащимися. Состоялся парад войск. С часу дня началось народное гулянье. Юноши взбирались на мачты, бегали на скорость, доставали «сюрпризы» и др. Как писали другие свидетели этих событий, арка «представляла замечательное красивое зрелище» (Празднование 800-летия города Рязани 20—22 сентября 1895 года. Рязань, 1896. С. 23).

⁵⁶ Эта фраза позволяет датировать воспоминания 1912 годом.

⁵⁷ Неточность. Вечер для воспитанников всех учебных заведений проводился на другой день — 22 сентября. Вечер состоялся в зале дворянского собрания.

⁵⁸ Николай Дмитриевич *Малашкин* (1841—1905), сын рязанского купца 2-й гильдии Д.Д. Малашкина, был преподавателем географии в мужской прогимназии. Являлся членом Рязанской ученой архивной комиссии, работал над составлением «Историко-статистического описания Данковского уезда» и участвовал во многих исторических изысканиях (см.: *Кусова И.Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX века. Рязань, 1996. С. 102).

⁵⁹ В 1890 г. Н.Д. Малашкин основал типолитографию в собственном доме в Газетном переулке. Там печатались книги, планы города, газета Малашкина «Рязанский справочный листок» (с 1894 г. — «Рязанский листок»). Малашкин бесплатно печатал многие материалы для Рязанской ученой архивной комиссии — рисунки, планы, снимки (см.: *Кусова И.Г.* Указ. соч. С. 102).

⁶⁰ См.: Учебный атлас по русской истории / Сост. по новейшим пособиям Н.Д. Малашкин. Рязань, 1889.

⁶¹ Четырехклассная мужская прогимназия, основанная в 1871 г., в 1903 г. была преобразована во 2-ю мужскую гимназию с полным гимназическим курсом.

⁶² Саратовский художественный музей имени А.Н. Радищева, открытый в 1885 г., был первым общедоступным художественным музеем в русской провинции.

⁶³ Это произошло в 1905 г.

⁶⁴ К юбилею города Н.Д. Малашкин написал 8 картин на сюжеты из древней истории Рязанского княжества. Демонстрация картин сопровождалась чтением стихов ученика гимназии VII класса А. Шеффера. Другая часть вечера состояла из пения и исполнения музыкальных пьес. На вечере были представлены пять хоров учебных заведений города: два гимназических, два семинарских (учительской и духовной) и женского епархиального училища. Сводный хор пять раз исполнил «Боже, Царя храни».

⁶⁵ Многие деревья, посаженные Ф.А. Орловым, живы и сейчас и являются украшением двора Рязанского педагогического университета.

⁶⁶ Неточность — описываемый вечер Худзинская проводила, будучи уже в 6-м классе.

⁶⁷ *Живые картины* — разновидность любительских театральных представлений, популярная в XIX — начале XX в. Для них выбирались сюжеты, хорошо известные присутствующим, затем распределялись роли, изготавливался и подбирался реквизит. Во время представления участники под музыку выходили на сцену, располагались группой, соответствующей сюжету, и по команде замирали неподвижно.

⁶⁸ *Паникадило* — большая люстра или многогнездный подсвечник в церкви.

⁶⁹ *Тарлатан* — прозрачная, похожая на кисею ткань.

⁷⁰ *Успенская* Капитолина — дочь помощника смотрителя духовного училища Николая Успенского, училась в училище в 1889—1896 гг. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 125 об.)

⁷¹ *Ракитина* Елена — дочь бывшего псаломщика Василия Ракитина, училась в училище в 1891—1896 гг. (поступила сразу во 2-й класс) (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 124 об.).

⁷² *Богданова* Капитолина — дочь священника Пафнутия Богданова, училась в училище в 1890—1896 гг. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 123 об.).

⁷³ Сохранилась программа вечера:

«Программа в Епарх[иальном] женск[ом] училище в Рязани 1896 г.

1. Народный гимн “Боже Царя храни” (воспитан[ница] VI кл.). Живая картина “Венз[ель]” воспитанницами.

2. Стрекоза и муравей. Басня в лицах. Одьева и Дуванова — восп[итанницы] VI и V кл.

3. “Вечер”. Живая картина. Орлова Елиз[авета] и Вера Лучинская.

4. Монолог из Пушкина. Отрывок из “Полтавы”. Прочтет Людмила Худзинская, восп[итанница] VI кл.

5. Авраам (живая картина). 3 воспитан[ницы] VI кл. Благовестова, Кандидова Алекс[андра] и Любовь Архангельская.
 6. Исполняет хор “Как прекрасен лес”. Воспитан[ницы] VI кл.
 7. Ворона и лиса. 2 воспитан[ницы] VI кл.
 8. Максимова поет соло, вос[питанница] VI кл. Соло — исполн[яет] восп[итанница] VI кл. Быстрова.
 9. Гладиатор, чтение Максимова — вос[питанница] VI кл.
 10. Цветник (живая картина), 2 воспит[анницы] VI кл.
 11. Александрова и Сушкова, игра в 4 руки.
 12. Монолог из Островского, Худзинская — восп[итанница] VI кл.
 13. Мал[енькие] воспитан[ницы] декламируют стихи — “Тайная вечеря”, восп[итанницы] II кл.
 14. Дуэт (Ряпина). Муравленская и Дамаева.
 15. Добротворская — чтение из Некрасова, восп[итанница] VI кл.*.
- ⁷⁴ Гонорин Дмитрий — учитель истории и географии, учитель духовного училища, кандидат богословия.

Е.Т. Вяземская. Воспоминания о Рязанском епархиальном женском училище в 1894 году

Публикуется по: НА РИАМЗ. Д. 965. Л. 75—85. На рукописи название указано в такой форме: «Воспоминания о Рязанском епархиальном женском училище в 1894 году со слов Елизаветы Терентьевны Вяземской. Записала Лидия Александровна Худзинская. Рязань 1930 года».

¹ В 1893/1894 учебном году в Рязанском епархиальном училище было 454 воспитанницы (см.: Отчет о состоянии Рязанского епархиального училища в учебно-воспитательном отношении за 1893/94 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1895. № 4. Отдел офиц. С. 136).

² Провинившуюся воспитанницу заставляли стоять в определенном месте в коридоре или классе некоторое время.

³ Санитарная комиссия, обследовавшая санитарное состояние учебных заведений города Рязани в 1884 г., в своем отчете отмечала: «Пища достаточная, разнообразная, подается очень чисто на хорошей посуде, ужина нет, его заменяет вечерний чай» (Извлечение из трудов санитарной комиссии города Рязани // Календарь Рязанской губернии на 1885 год. Рязань, 1885. С. 40). В начале XX в. в Рязанском училище был введен и ужин. Комиссия ревизионного комитета съезда рязанского духовенства в 1907 г. присутствовала на ужине воспитанниц, который состоял из говяжьих котлет с приправой и макарон (ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 126а. Л. 29).

⁴ *Кочетова* Евдокия Павловна (1861 — ?) — дочь коллежского регистратора, преподавательница новых языков и чистописания, воспитательница 3-го параллельного класса (1915/1916 учебный год). Окончила Московский Николаевский сиротский институт со званием домашней наставницы. В Рязанском епархиальном женском училище с 1885 г. исполняла должность воспитательницы, с 1892 по 1918 г. — воспитательница (см.: <http://www.museum-geu.narod.ru>).

⁵ *Симфоница* Мария Стефановна (1866 — ?) — дочь священника села Неретино Рязского уезда и села Черново Скопинского уезда. Окончила Рязанское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы в 1884 г. Служила в том же училище с 1885 г. помощницей воспитательницы, с 1892 по 1918 г. — воспитательницей (см.: Там же).

⁶ Имеется в виду Екатерина Федоровна Макарова (1864 — ?) — дочь титулярного советника, преподавательница новых языков и чистописания. Окончила курс в Московском Александровском училище со званием домашней учительницы. Служила в Рязанском епархиальном училище с 1884 г. исполняющей должность воспитательницы, с 1886 по 1918 г. — воспитательница (см.: Там же).

⁷ *Кроткова* О.И. (1867 — ?) — дочь священника села Рачатники Михайловского уезда. Окончила курс Рязанского женского епархиального училища со званием домашней учительницы в 1884 г. Служила в том же училище с 1885 г. помощницей воспитательницы, с 1888 по 1918 г. — воспитательницей (см.: Там же).

⁸ В оригинале оставлен пробел для фамилии.

⁹ *Анзимирова* М.И. (урожд. Тыртова; 1838 — ?) — вдова титулярного советника. Окончила курс в С.-Петербургском Александровском училище со званием домашней наставницы в 1856 г. Служила в Рязанском епархиальном училище с 1882 г. исполняющей должность воспитательницы, с 1886 г. — воспитательницей (см.: Там же).

¹⁰ *Александрова* М.И. (1864 — ?) — дочь коллежского регистратора. Окончила курс в Москве в Мариинском училище Дамского попечительства о бедных в 1882 г. Служила в Рязанском епархиальном училище с 1885 г. исполняющей должность воспитательницы, с 1886 по 1918 г. — воспитательница. Перечень воспитателей неполон. В 1895/1896 учебном году в училище работало 15 воспитательниц (см.: Там же).

¹¹ А.И. *Лучинский* (1862—1922) окончил Рязанскую духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию (церковно-историческое отделение со степенью кандидата богословия). С 1887 по 1914 г. исполнял должность инспектора классов Рязанского епархиального женского училища, преподавал Закон Божий, был священником Покровской церкви епархиального училища и членом попечительского совета при церкви, безвозмездно исполняя обязанности казначея и делопроизводителя этого совета, а также попечителя образцово-показательной приход-

ской школы при епархиальном училище. Составил историческую записку по истории Рязанского епархиального училища с 1877 по 1910 г. (см.: *Лучинский А.* Материалы для истории Рязанского епархиального училища // Рязанские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1908. № 22; 1909. № 1—13, 15—17, 24; 1910. № 2—5, 7, 11, 12; 1913. № 10—17, 19, 22—24). В начале 1914 г. был переведен на должность инспектора классов и законоучителя Смоленского училища, затем назначен на должность смотрителя Раненбургского училища (см.: Там же).

¹² Об Ф.А. Орлове см. примеч. 18 на с. 265. Он был председателем Совета по строительству нового здания Рязанского епархиального женского училища (см.: Памяти священника Феофилакта Антоновича Орлова. Рязань, 1900).

¹³ Кандидат богословия М.М. *Краснов* в разное время преподавал в училище русский язык и историю, одновременно исполнял обязанности делопроизводителя. Ему принадлежит историческая записка, описывающая историю училища с 1853 по 1877 г.: *Краснов М.* Рязанское училище девиц духовного звания. Рязань, 1901.

¹⁴ *Яхонтов С.Д.* (1853—1942) — выпускник Московской духовной академии, преподаватель Рязанской духовной семинарии. С 1884 г. входил в состав Рязанской ученой архивной комиссии, с 1894 г. являлся бессменным редактором ее «Трудов», а с 1905 г. — председателем комиссии. В епархиальном училище преподавал недолго.

¹⁵ *Виноградов Александр* — кандидат богословия, преподаватель духовной семинарии.

¹⁶ Гонорина *Капитолина Григорьевна* (1873 — ?) — преподавательница пения, музыки и новых языков. Окончила курс Рязанского женского епархиального училища. Служила в Рязанском епархиальном женском училище в 1907—1918 гг. (см.: <http://www.museum-reu.narod.ru>).

¹⁷ В 1895/1896 учебном году в епархиальном училище было три преподавателя физики: преподаватель духовной семинарии Дмитрий Наумов, преподаватель духовной семинарии Иван Кирьянов, учитель мужской гимназии Василий Богословский.

¹⁸ В.Т. *Фортунин* окончил С.-Петербургскую духовную академию (1897) со степенью кандидата богословия. Преподавал различные предметы в Рязанской духовной семинарии с 1898 г. по 1906 г.

¹⁹ *Карашев Александр Федорович* — преподаватель церковно-библейской истории в Рязанской духовной семинарии с 1888 г. Окончил Московскую духовную академию (1902) со степенью кандидата богословия. Магистр богословия (1896).

²⁰ *Лавров А.И.* — учитель русского и церковнославянского языка в Рязанском духовном училище с 1885 г. Окончил Рязанскую духовную семинарию (1872). В Рязанском епархиальном женском училище преподавал русский язык, чистописание.

²¹ М.И. *Рязанова* окончила Московский Николаевский институт.

²² Незамужние воспитательницы жили прямо в училище по две-три в комнате.

²³ В больнице была отдельная кухня.

А.И. Звукова. Воспоминания о Рязанском епархиальном женском училище

Публикуется по: НА РИИМЗ. Д. 965. Л. 2—9.

На рукописи название указано в такой форме: «Воспоминания об епархиальном Рязанском женском училище сообщила Антонина Ивановна Звукова. 1886 год. Записала Худзинская Лидия Александровна. Рязань 1930».

А.И. Звукова — дочь священника Ионы Звукова, поступила в училище в 1891 г. во 2-й класс, закончила училище в 1896 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 111 об.).

¹ То есть ругала.

² Анна Яковлевна *Дубровина* была дочерью мещанина и могла выбирать: учиться в женской гимназии или в епархиальном училище. Дубровина поступила в 1-й класс в 1890 г. и закончила училище в 1896 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38. Л. 122 об.).

³ *Архангельская* Е.Н. (1871—1896) — дочь учителя духовного училища. Окончила Рязанское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы в 1888 г. Служила в этом же училище с 1888 г. помощницей воспитательницы, с 1890 г. — воспитательницей (см.: <http://www.museum-reu.narod.ru>).

⁴ Плата за обучение и содержание в 1895/1896 учебном году была следующая: духовные за содержание платили 90 рублей (кроме того при первом поступлении в общежитие 15 рублей экипировочных), иносословные пансионерки вносили за содержание и обучение 180 рублей (и экипировочных 20 рублей) (см.: Отчет о состоянии Рязанского женского епархиального училища за 1895/1896 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1897. № 6. Отдел офиц. С. 108).

⁵ В начале XX в. совет училища и съезд духовенства не раз рассматривали списки воспитанниц, которые вовремя не внесли плату. На отчисление за неуплату совет училища шел очень редко, в этом случае девочку не вносили в официальные списки и не выдавали аттестат до внесения платы.

⁶ В училище училось две сестры *Можаровы*: Софья, которая закончила училище в 1896 г., и Екатерина, которая закончила в 1899 г. (см.: ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 38, Л. 14).

⁷ Отчаянными называли воспитанниц, которые сознательно нарушали дисциплину. Журналы совета училища свидетельствуют, что Лидии Дувановой за нарушения дисциплины не раз снижали оценку за поведение. Так, в соответствии с докладной начальницы училища за январь и февраль 1896 г. все воспитанницы училища получили за поведение пятерки, кроме воспитанницы 6-го класса Лидии

Дувановой и 4-го класса Ольги Плюваровой, которым поставили четыре за «неоднократное нарушение дисциплины училища» (ГАРО. Ф. 625. Оп. 4. Д. 67. Л. 67).

Харитина Игнатова. Воспоминания

Печатается по: Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 10—15 (Приложение «Школьный листок»). Подпись: Х.И.

Автор установлен по спискам воспитанниц Тобольского епархиального училища, опубликованным в «Тобольских епархиальных ведомостях». В 1899 г. среди воспитанниц 2-го класса числилась Харитина Игнатова, а 5-го — ее сестра Евдокия Игнатова (Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 18. Отдел офиц. С. 253). В 1902/1903 учебном году Харитина Игнатова числилась уже в 5-м классе (Списки учеников и учениц духовно-учебных заведений Тобольской епархии за 1902/03 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 18. Отдел офиц. С. 326). Таким образом, автор воспоминаний училась в Тобольском училище с осени 1898 г. до весны 1904 г.

¹ Тобольское епархиальное женское училище было открыто в 1866 г. при Иоанно-Введенском женском монастыре и было рассчитано на 30 человек. В 1880/1881 учебном году училище было переведено в Тобольск и преобразовано вначале в трехклассное, а с 1885/1886 учебного года — в шестиклассное. Для училища был приобретен трехэтажный дом купца Пелишева, в котором были размещены классы, спальни и квартира начальствующих. Столовая и кухня находились в соседнем флигеле (см.: К истории Тобольского женского епархиального училища // Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 22. Отдел неофиц. С. 437—438.) Затем здание неоднократно перестраивалось. Так, летом 1893 г. была сделана пристройка к рекреационному залу, перестроены столовая и кухня, сооружена парадная каменная лестница (Отчет Тобольского епархиального женского училища за 1893/94 учебный год. Тобольск, 1895. С. 16).

² Сохранились сведения о питании воспитанниц в училище в этот период. На съезде духовенства Тобольской епархии ревизионная комиссия докладывала, что «при рассмотрении порционной книги замечено, что с августа месяца 1898 года почему-то мясо и рыба не всегда выдавались в определенном сметой количестве, а менее 30 фунтов и даже на 1 пуд 10 фунтов в день. Расписание кушаний не всегда исполнялось. Так, 2 ноября по расписанию на завтрак полагаются ватрушки со сметаной, а сметану почему-то выдали только 3 числа, когда уже ватрушки полагались с творогом. Выдан ли последний — неизвестно. 21 ноября по расписанию полагается на обед уха из стерляди, жареные караси и кисель, а на ужин уха из окуней и жареный картофель. По порционной же книге еще выдано 15¼ фунтов осетрины и 19½ фунтов нельмы» (Журналы Тобольского общепархиального съез-

да духовенства по делам духовно-учебных заведений Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 5. Отдел офиц. С. 87—88).

³ Пастбище, выгон.

⁴ Имеется в виду воспитательница.

⁵ Арифметику в училище с 1896 по 1899 г. преподавал магистр Казанской духовной академии Евгений Темниковский. Фамилию преподавателя чистописания установить не удалось (см.: Список служащих по духовно-учебному ведомству в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 15/16. Отдел офиц. С. 226).

⁶ В конце XIX в. в училищной библиотеке значилось более 980 названий книг. Из периодических изданий выписывались: «Тобольские епархиальные ведомости», «Тобольские губернские ведомости», «Исторический вестник», «Наша пища», «Русский паломник», «Душеполезное чтение», «Церковные ведомости» (Отчет Тобольского епархиального женского училища за 1893/94 учебный год. Тобольск, 1895. С. 15).

⁷ Введение во храм Пресвятой Богородицы в православии празднуется 21 ноября. Училищная церковь была освящена в честь этого события, поэтому этот праздник в училище отмечался особо, как престольный праздник. Заложена церковь была в 1883 г. и освящена в 1887 г. (Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 2. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Омск, 1892. С. 9).

⁸ Инспектор классов и законоучитель — священник Георгий Преображенский, окончивший С.-Петербургскую академию в 1887 г., с 1888 по 1897 г. — преподаватель Ржевского епархиального училища, с 1897 г. — инспектор классов Тобольского епархиального училища (см.: Списки служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии в начале 1908/09 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел офиц. С. 375).

⁹ Дьякон И.М. Чибисов, подрегент архиерейского хора, окончил курс придворной капеллы с дипломом на звание помощника регента. Преподавал в училище с 1899 г. (Списки служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии в начале 1908/09 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел офиц. С. 375).

¹⁰ *Квадратная нота* — старинный способ написания нот в русском православном церковном пении. Пятилинейные ноты той эпохи похожи на современные, но значки, расположенные на нотном стане, были не круглые, а в виде ромбов. Отсюда и название системы — «квадратная нота».

¹¹ *Обиход* — певческая книга в русском православии. Содержит стабильные песнопения всенощной и литургии, песнопения великопостные, пасхальные, архиерейского богослужения, молебнов, панихиды, погребения, а также некоторые произведения октоиха.

¹² *Догматик* — гимн христианской церкви, излагающий догматы веры. 8 гласам соответствуют 8 догматик. Авторство их текста приписывают Иоанну Дамаскину.

¹³ *Ирмос* — первая поэтическая строфа песни канона, вступительный стих, являющийся смысловой связкой между библейской песнью и тропарями.

¹⁴ Фамилии Клавдии Редкиной и Надежды Елпатьевской установлены по: Списки учеников и учениц духовно-учебных заведений Тобольской епархии. Тобольское епархиальное училище. V класс // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 18. Отдел офиц. С. 326.

¹⁵ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» был издан в 1900 г.

¹⁶ Можно предположить, что имеется в виду Капитолина Марсова, которая служила воспитательницей в училище с 1897 г. после окончания Тобольского епархиального училища (см.: Списки служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии в начале 1901/02 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 18. Отдел офиц. С. 317).

¹⁷ См.: *Засодимский П.В.* Рыжий граф. СПб., 1900.

¹⁸ Идентифицировать это произведение нам не удалось.

¹⁹ *Габбертон Д.* Дети Елены / Пер. с англ. для детей Л.Л. Толстой. М., 1900.

²⁰ «Хижина дяди Тома, или Белые и черные» (1852) — роман Гарриет Бичер-Стоу, неоднократно переиздававшийся в конце XIX — начале XX в. Воспитанницы могли слушать не само произведение, а один из его пересказов, например: *Бичер-Стоу Г.* Хижина дяди Тома, или Жизнь негров в невольничьих штатах Америки. С англ. пер. и сокр. для детей от 10 до 15 лет М.К. Есипова. М., 1901.

²¹ Повесть Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» была опубликована не в «Журнале для всех», а в журнале «Юный читатель» (1901. № 3, 5).

²² Возможно, речь идет об Анфии Поникаровской.

²³ Иоанно-Введенский монастырь располагался в 9 верстах от Тобольска, был основан в 1653 г. как мужской монастырь, в 1864 г. преобразован в женский.

²⁴ Отец Александр Юрьевский — преподаватель географии и гражданской истории, кандидат Казанской духовной академии 1901 г., на службе при училище с этого же года (см.: Списки служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии в начале 1908/09 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел офиц. С. 375).

²⁵ *Кольцов Алексей Васильевич* (1809—1842) — поэт.

²⁶ Имеется в виду Глафира Баранова.

²⁷ К. Марсова перешла на должность учительницы образцовой школы 20 февраля 1902 г.

²⁸ *Василий Великий* (329—379) — архиепископ Кесарийский, один из отцов и учителей Церкви (см.: *Василий Великий.* Творения. 4-е изд Ч. 1—7. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900—1902).

²⁹ *Фламарион Камиль* (1842—1925) — французский астроном, автор научно-популярных книг: Бог в природе. СПб., 1900; Атмосфера. Общепонятная метеорология. Полное описание воздушных явлений на земном шаре. СПб., 1900; Общедоступная астрономия. СПб., 1900, и др.

³⁰ *Иоанн Кронштадтский* (в миру Иоанн Ильич Сергиев; 1829—1908) — церковный проповедник, духовный писатель, протоиерей и настоятель Андреевского собора (Кронштадт). Имел при жизни славу «народного святого»; канонизирован Русской православной церковью. Имеется в виду проповедь, произнесенная им на день рождения императрицы Марии Федоровны — 14 ноября 1902 г. — в Андреевском Кронштадтском соборе, впервые опубликованная на страницах «Прибавлений к Церковным ведомостям» (1902. № 47. 23 нояб. С. 1645—1647), а затем вышедшая отдельной брошюрой: Горькая правда о современных девушках и женщинах (Назначение и место женщины в мире и церкви). СПб., 1903.

³¹ Пьеса А.Н. Островского «Праздничный сон — до обеда» впервые была опубликована в журнале «Современник» (1857. № 2).

³² *Сырчики* — обрядовое рождественское лакомство в Сибири. Творог смешивали со сметаной, маслом, сахаром, делали из этой массы булочки и выносили их на мороз. По обычаю, сырчиками одаривали колядовщиков.

³³ В 1902/1903 учебном году (в этом году автор воспоминаний была в 5-м классе) физику в Тобольском епархиальном училище преподавал Константин Слендров, который одновременно был преподавателем духовной семинарии. В училище он преподавал с 1902 г. (см.: Список служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии к началу 1903/04 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1903. № 19. Отдел офиц. С. 360).

³⁴ Имеется в виду Елизавета Заборовская. *Пепиньерка* в данном случае — помощница воспитательницы.

³⁵ Имеется в виду начальница училища Раиса Трофимова. Она окончила курс в Новочеркасской женской гимназии в 1878 г., служила учительницей в различных учебных заведениях. На службе в училище с 1897 г. (см.: Список служащих в духовно-учебных заведениях Тобольской епархии в начале 1908/09 учебного года // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел офиц. С. 375).

³⁶ В этот период в училище было только шесть классов.

³⁷ Возможно, законоучитель образцовой школы — священник Тобольской Богородице-Рождественской церкви Константин Киановский, служивший в училище с 1897 г.

³⁸ Имеется в виду могила святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского и всея Сибири (1651—1715). Один из особо почитаемых сибирских святых, который занимал Тобольскую кафедру с 1711 по 1715 г. В 1916 г. причислен к лику святых, а его останки признаны святыми мощами.

³⁹ Златоустовская гравюра на стали — вид прикладного искусства, возникший как искусство украшения клинков на открытой в 1815 г. в Златоусте оружейной фабрике. Для златоустовских клинков характерны сложные сюжетные гравюрные композиции.

Александра Пояркова. Дневник

Печатается по: *Коржевская Е.* Замолкнет молитва — задремлет голос совести. Дневник ученицы 6-го класса Орловского епархиального училища Александры Поярковой // Мера. СПб., 1995. № 3. С. 74—92.

Орловское женское епархиальное училище было создано в 1867 г. на базе приюта для бедных девиц духовного звания, открытого в 1862 г. (см.: Отчет о состоянии Орловского женского епархиального училища в учебно-воспитательном отношении за 1902—1903 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 46. Прил. к офиц. отделу. С. 1).

¹ Младшая сестра Мария Пояркова в 1902/1903 учебном году училась в 3-м основном классе (см.: Там же).

² *Шестопсалмием* называется одна из важнейших частей утреннего богослужения православной церкви.

³ Речь идет о преподавателе духовной семинарии Павле Введенском (см.: Там же. С. 2).

⁴ *Всенощная* (всеношное бдение) — богослужение православной церкви, совершаемое накануне воскресных дней и отдельных праздников.

⁵ *Космография* — учебная дисциплина, которая сочетала в себе элементы астрономии и физической географии. Преподавалась в учебных заведениях в конце XIX — начале XX в.

⁶ *Лидия Семеновна* Орлова, окончившая курс в Орловском женском епархиальном училище (1898), числилась в училище помощницей воспитательницы, однако в 1902/1903 учебном году она исполняла обязанности воспитательницы 6-го класса (см.: Там же. С. 5).

⁷ В Орловском училище воспитанниц учили печь просфоры и готовить еду. Под надзором специальной поварахи девочки готовили еду для воспитательниц и больницы (см.: Отчет о состоянии Орловского женского училища за 1901/1902 год // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 47. Прил. к офиц. отделу. С. 15).

⁸ В Орловском училище существовал особый выпускной альбом, который получала каждая выпускница. Все преподаватели, воспитательницы и воспитанницы фотографировались, а затем фотограф подготавливал монтаж, куда включал сделанные фотографии, виды города и училища. Один из таких альбомов хранится в Орловском краеведческом музее.

⁹ В Орловском епархиальном училище воспитанницы могли ходить в театр только с разрешения начальницы на определенные пьесы. В протоколах заседаний совета училища зафиксированы факты снижения оценки по поведению воспитанницам за уход на спектакль без разрешения начальницы (см.: Государственный архив Орловской области. Ф. 83. Оп. 1. Д. 61. Л. 418).

¹⁰ Согласно отчету о деятельности образцовой школы, воспитанницы 6-го класса по очереди дежурили в школе. В первую половину учебного года они активного участия в преподавании не принимали, а наблюдали за работой учительницы и помогали ученикам выполнять самостоятельные задания (Отчет о состоянии одно-классной церковно-приходской школы при Орловском епархиальном училище за 1902/03 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 46. Прил. к офиц. отделу. С. 23).

¹¹ Имеется в виду Анастасия Васильевна Ненарокова, дочь священника. Она окончила Царкосельское училище духовного ведомства в 1861 г., затем работала воспитательницей в Орловском епархиальном училище, а в 1879 г. назначена была на должность начальницы (см.: Личный состав служащих в Орловском женском училище за 1902/03 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 41. Отдел офиц. С. 549).

¹² *Царский день* — до революции так называли дни восшествия на престол и коронации государя императора, рождения и тезоименитства императора, императрицы, наследника-цесаревича, его супруги и прочих особ царствующего дома. В данном случае имеется в виду дата восшествия на престол Николая II.

¹³ Имеется в виду пьеса А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева (1879).

¹⁴ Село *Фошня* располагалось в 192 верстах от г. Орла, в 68 верстах от Брянска. Храм села Фошни был построен в 1795 г., приход составлял более 3,5 тыс. душ. 23 октября 1902 г. был пожар, во время которого сгорели храм и колокольня, осталась лишь одна часть храма. Впоследствии храм был восстановлен (см.: Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1905. Т. 1. С. 152—153).

¹⁵ *Антиминс* — четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением положения во гроб Иисуса Христа, орудий Его казни и четырех евангелистов по углам с символами этих евангелистов — тельцом, львом, человеком, орлом — и надписью, сообщающей, когда, где, для какой церкви и каким епископом он освящен и преподан, и подписью епископа. Без антиминса нельзя служить литургию.

¹⁶ См.: *Некрасов Н.Я.* Практический курс правописания с материалом для упражнений в изложении мыслей: Руководство для учеников начальных училищ: В 2 вып. СПб., 1892—1899.

¹⁷ В дневнике не получило отражения посещение в этот день епархиального училища преосвященным владыкой. В этот день владыка прибыл в училище в 11 часов дня и провел там около 3 часов: присутствовал на уроках, слушал ответы учениц и просматривал их работы (см.: Из епархиальной жизни // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 49. Отдел неофиц. С. 1958).

¹⁸ По-видимому, имеется в виду учительница музыки Варвара Евлампиевна Ясиновская, которая была выпускницей С.-Петербургской консерватории и служи-

ла при училище с 1901 г. (см.: Личный состав служащих в Орловском женском училище за 1902/03 учебный год. С. 553).

¹⁹ Статья Д. И. Писарева «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» впервые была опубликована в журнале «Русское слово» (1861. Кн. 12).

²⁰ См.: *Кастельвекьо Р. Фрина*. Драма в 4 действиях с прологом, в стихах / Пер. с итал. А. И. Радошевского. СПб., 1902.

²¹ Весной 1902 г. по результатам 1901/1902 учебного года А. Пояркова была среди переведенных в 6-й класс (см.: Список учениц Орловского епархиального женского училища после годичных испытаний 1901/1902 учебного года // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 31. Отдел офиц. С. 1282).

²² *Утренняя* — одно из богослужений суточного круга в православной церкви, совершаемое, согласно Уставу, утром.

²³ Второклассные учительские школы — педагогические учебные заведения в дореволюционной России, находились в ведении Синода. Возникли по указу 1895 г. для подготовки преподавателей школ грамоты. В школы принимались подростки православного исповедания с образованием в объеме одноклассной церковно-приходской и начальной школы. Учителей готовили в течение 3 лет, особое внимание уделялось религиозному воспитанию.

²⁴ В. И. *Парнасский* обучался в Московской духовной академии в 1902—1906 гг., закончил со степенью магистра.

²⁵ *Иордань* — название проруби в водоеме, которая делается в виде креста для совершения обряда водосвятия. Название произошло в честь крещения Иисуса Христа в реке Иордан. Во время обряда водоосвящения стреляли из пушки. Затем святую воду набирали верующие и хранили в течение года, она должна была избавлять от болезней. Также в этот день окунались в прорубь, чтобы избавиться от грехов и болезней.

²⁶ Протоиерей *Андрей Петрович Казанский* (1830 — 17 января 1903) с 1857 г. преподавал в Орловском духовном училище. В 1860 г. был рукоположен. Большую часть жизни служил в Успенской церкви. С 1875 по 1878 г. и с 1885 по 1900 г. был председателем совета Орловского епархиального училища (см.: Протоиерей Андрей Петрович Казанский (Некролог) // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 4. Отдел неофиц. С. 131).

²⁷ Имеется в виду преосвященный Ириней (в миру Харисим Михайлович Орда; 1837—1904) — епископ Орловский и Севский с 28 марта 1902 г.

²⁸ *Ктитор* — лицо, на средства которого построен или заново убран (иконами, фресками) православный храм. В XIX в. так называли старосту церкви.

²⁹ Преподаватель семинарии А. Н. *Корольков* в 1902/1903 учебном году преподавал в училище русский язык и историю литературы; на службе в училище был с 1894 г.

(см.: Личный состав служащих в Орловском женском училище за 1902/03 учебный год. С. 551).

³⁰ Имеется в виду экзамен по Закону Божьему.

³¹ Инспектор классов протоиерей Владимир Александрович Вавилов в училище служил с 1882 г., преподавал Закон Божий и педагогику. Образование он получил в духовной академии.

³² Экзамены в этом году длились с 5 мая по 7 июня. 8 и 9 июня были посвящены подготовке аттестатов и наградных книг, и 10 июня состоялся выпуск. На выпуске все воспитанницы получили по экземпляру Нового Завета, молитвослова, учебного Часослова, а 26 лучших были награждены книгами религиозного содержания (см.: Из епархиальной жизни // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 24. Отдел неофиц. С. 513).

Анастасия Лебедева. В Исидоровском училище

Воспоминания печатаются по: *Лебедева А.* В Исидоровском училище // <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-v-isidorovskom-uchilische-/13460.html>.

¹ В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде названного учебного заведения хранится заявление 1917 г. выпускницы 6-го класса Анастасии Лебедевой с просьбой принять ее в 7-й класс училища (см.: ЦГИА СПб. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 15. Л. 311).

² Училище было основано митрополитом Исидором (в миру Иаков Сергеевич Никольский; 1799—1892). В 1869 г. им был учрежден Александровский дом для призрения бедных духовного звания, в 1876 г. сиротский приют при доме призрения был преобразован в женское трехклассное епархиальное училище, а в 1885 г. оно преобразовано в шестиклассное (см.: Некролог и биография митрополита Исидора, митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского // Церковные ведомости. 1892. № 37. С. 1281).

³ Здание было построено в 1885 г., затем расширено в 1899—1900 гг. В связи с открытием параллельных классов в 1910 г. опять возникла потребность в его расширении. Как отмечалось в отчете за 1911/1912 учебный год, «теснота училищного здания вызывала скученность воспитанниц. В училище не осталось ни одного угла, который бы не был использован для насущных нужд учебной жизни» (Отчет о состоянии Санкт-Петербургского Исидоровского епархиального женского училища за 1911/1912 учебный год. СПб., 1912. С. 50). Летом 1913 г. были возведены стены нового трехэтажного корпуса, а к осени 1914 г. завершены отделочные работы (Отчет <...> за 1913/1914 учебный год. СПб., 1915. С. 50). Ныне дом занят администрацией Центрального района.

⁴ В 1911/1912 учебном году в этом училище было также 10 девочек из Финляндской епархии, по одной девочке из Псковской, Нижегородской, Пензенской и Тверской епархий и четыре дочери священнослужителей военного духовенства.

⁵ Инициатива открыть 2-е отделение 1-го класса принадлежала епископу Никандру, управлявшему епархией. Экзамены в тот год держала 101 девица, совет решил принять 41, а остальным отказать за неимением вакансий. Однако на это постановление была наложена следующая резолюция: «Относительно непринятых по неимению вакансий обсудить, нельзя ли для них открыть второго отделения, в надежде, что на предстоящем съезде духовенства епархии будет оказана материальная поддержка училищу» (Отчет <...> за 1910/1911 учебный год. СПб., 1912. С. 50). Было решено деньги на обустройство класса (около 4 тыс.) взять взаймы из сумм, выделенных на миссионерские нужды (см.: ЦГИА СПб. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 9а. Л. 101—101 об.).

⁶ Для размещения второго параллельного отделения летом 1911 г. была приспособлена часть 3-го этажа в здании Дома призрения (Отчет о состоянии Петроградского Исидоровского епархиального женского училища за 1913/1914 учебный год. СПб., 1915. С. 50).

⁷ *Никитин* Иван Саввич (1824—1861) — поэт. Упомянутое стихотворение впервые опубликовано в 1861 г.

⁸ *Камлот* — плотная грубая хлопчатобумажная или шерстяная ткань.

⁹ Этот обычай был, по всей видимости, заимствован из Царскосельского училища девиц духовного звания, куда в свою очередь мог прийти из женских институтов благородных девиц. Так, документы этого училища за 1849 г. свидетельствуют, что для училища закуплено 270 аршин камлота зеленого и 240 аршин кофейного цвета на платья воспитанницам среднего и младшего классов (ЦГИА СПб. Ф. 730. Оп. 1. Д. 12. Л. 58). По другим епархиальным училищам сведений о различиях в цвете платья по классам нет.

¹⁰ Основной курс обучения в епархиальных училищах составлял 6 классов. Однако на рубеже XIX—XX вв. в ряде епархиальных училищ появились дополнительные 7-е классы, которые были не обязательны. Открытие 7-го класса в Исидоровском училище состоялось 15 октября 1901 г. (Церковный вестник. 1901. № 42. С. 1351). Затем 1 октября 1907 г. 7-й класс был преобразован в первый одногодичный класс согласно «Положению о 7-м дополнительном педагогическом классе» 1907 г., а с 1 сентября 1909 г. преобразован в двухлетний педагогический класс (Отчет о состоянии Санкт-Петербургского Исидоровского епархиального женского училища за 1909/1910 учебный год. СПб., 1911. С. 13).

¹¹ Есть сведения об одной выпускнице Исидоровского Петроградского епархиального училища, которая училась на Бестужевских курсах. Вера Никитична Моисеева (в замужестве Афанасьева) закончила шесть основных и 7-й дополнительный класс Петербургского епархиального училища, а затем 8-й класс Царскосельской женской гимназии Министерства народного просвещения. В 1908 г. поступила на

историко-филологическое отделение Высших женских Бестужевских курсов, которые закончила в 1915 г. Затем с мужем переехала в Евпаторию, где работала учительницей истории и литературы в Караимском духовном училище, а после революции — в школе (http://kfinkelshteyn.narod.ru/Genealogy/Vera_Mo.htm=27.06.04).

¹² Воспитательницей в 1-м классе во втором отделении была Елизавета Благовещенская, она же преподавала чистописание. Начальницей училища с 1899 г. была дочь генерал-майора Саломия Тимофеева, инспектором классов — кандидат богословия, протоиерей Сергей Драницын, председателем совета — протоиерей церкви на Митрофановском кладбище Андрей Бургов (см.: Отчет о состоянии Санкт-Петербургского Исидоровского епархиального женского училища за 1911/1912 учебный год. СПб., 1912. С. 6).

Н.Д. Лидина. Архангельское епархиальное училище начала XX века

Печатается по: *Лидина Н.Д.* Архангельское епархиальное училище начала XX века (воспоминания) // Слово о людях и земле Поморской: Доклады и тезисы докладов III научно-краеведческих чтений «Слово о людях и земле Поморской». Архангельск, 1995. С. 254—257.

Лидина Нина Дмитриевна — учитель литературы и русского языка, одна из старейших жительниц города Архангельска. В 1912 г. в качестве приходящей воспитанницы без внесения платы была зачислена в 1-й класс Нина Лидина, по-видимому, автор данных воспоминаний (Архангельские ведомости. 1912. № 21. Отдел офиц.).

¹ Открытие училища для девиц духовного звания состоялось в Архангельской епархии 21 октября 1863 г. (см.: Православное обозрение. 1863. № 12. С. 11). В 1875 г. оно было преобразовано по Уставу женских епархиальных училищ 1869 г. (см.: *Кузнецов А.* Епархиальные женские училища // Церковные ведомости. Прибавления. 1909. № 4. С. 179).

² Здание для училища было приобретено в 1864 г. — десятикомнатный деревянный дом купеческой вдовы М.Н. Онегиной (см.: Православное обозрение. 1864. № 2). Затем здание неоднократно перестраивалось и достраивалось. Сейчас здесь располагается Архангельский государственный технический университет.

³ Ф.И. Карелина получила образование в том же Архангельском епархиальном училище.

⁴ Инспектор классов и законоучитель протоиерей А. *Кириллов*, окончивший С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата, с 1886 г. преподавал в училище, с 1888 г. работал в должности инспектора классов училища, в обязанности которого входило наблюдение за учебной частью. По всей видимости, в

этом училище в триумвирате: начальница, председатель совета и инспектор училища — роль основного руководителя на себя взяла начальница.

⁵ Неверно: приходящими называли тех, которые жили в городе с родителями и приходили в училище только на уроки, они могли быть из любого сословия. Девочки других сословий могли также жить в общежитии, но за более высокую плату.

⁶ В начале XX в. в училище было 15 преподавателей. Из духовно-учебных заведений было 4 человека. Были также преподаватели из учительской семинарии, из архангельского высшего начального училища. В 1913—1914 гг. было 4 женщины-преподавателя. Математику в начальных классах преподавала сама Ф. Карелина, русский язык с церковнославянским в 1, 2, 4-м классах и чистописание в 1, 2, 3-м преподавала вдова Раиса Шохина, окончившая курс в Архангельском епархиальном училище, русский язык в 3-м классе старшая воспитательница Лидия Метелина, рукоделие — Александра Шукина (см.: Отчет о состоянии Архангельского женского епархиального училища в учебно-воспитательном отношении за 1913/1914 учебный год // Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям за 1915 год. Отдел офиц. № 2. С. 6—7).

⁷ И.А. *Утрецкий* — кандидат богословия, преподаватель духовной семинарии, преподавал историю литературы в 5—7-м классах.

⁸ В 1913—1914 гг. в училище было 4 женщины-преподавателя. Математику в начальных классах преподавала сама Ф. Карелина, русский язык — Раиса Шохина, окончившая курс в Архангельском епархиальном училище, и Александра Шукина (см.: «Отчет о состоянии Архангельского женского епархиального училища в учебно-воспитательном отношении за 1913/1914 учебный год // Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям за 1915 год. № 2. Отдел офиц. С. 6—7). Сведений о Таратиной и Прялухиной найти не удалось; по всей видимости, они пришли работать в училище в последний год его работы.

⁹ Официально А.В. *Кыркалова* была почетной блюстительницей по хозяйственной части, в 1910/1911 учебном году она на гостинцы воспитанницам и прием гостей в дни храмового праздника пожертвовала 380 рублей, одновременно она жертвовала деньги и на другие нужды, так, например, ею было пожертвовано в этом учебном году на 60 рублей лесных материалов. Это была не единственная почетная блюстительница этого училища. До конца 1908 г. таковым был купец А.И. Васильев, который некоторые расходы по училищу оплачивал из личных средств.

¹⁰ Архангельское епархиальное училище было одним из немногих, где на подобные вечера приглашались воспитанники духовной семинарии. Семинаристы выступали с чтением стихов и пением, а также играл оркестр духовых и струнных инструментов (см.: Отчет о состоянии учебно-воспитательной части Архангельского епархиального училища за 1910/1911 учебный год // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. Отдел офиц. № 4. С. 66).

¹¹ Согласно отчету училища за 1910/1911 учебный год, физический кабинет в училище имелся и для него приобретались новые приборы: «Для физического кабинета, снабженного необходимыми приборами по всем отделам программы физики, вновь приобретены в отчетном году — “оптический стол”, “реостат для измерения сопротивления”, “сообщающиеся сосуды”». Возможно, физический кабинет в училище был не полностью укомплектован приборами и воспитанниц водили в духовную семинарию для демонстрации некоторых опытов.

¹² Александр *Грандшевский* — кандидат богословия, преподавал алгебру, геометрию и гражданскую историю. Илья *Желтонога* преподавал черчение и рисование, закончил курс в Борисовской художественной живописной и иконописной школе. Василий *Поликин* — псаломщик Спасовведенской города Архангельска церкви. С 27 ноября 1913 г. преподавал в училище пение (Отчет о состоянии Архангельского женского епархиального училища в учебно-воспитательном отношении за 1913/1914 год // Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям за 1915 г. № 2. Отдел офиц. С. 2).

¹³ *Фисгармония* — клавишный музыкальный инструмент с воздухомнагнетающим педальным устройством. По форме близок к пианино.

М.С. Преображенская. Воспоминания

о Калужском женском епархиальном училище (1914—1915, 1917—1918 годы)

Публикуется по рукописи, хранящейся в фонде музея школы-гимназии № 9 г. Калуги.

Мария Преображенская училась в Калужском епархиальном училище с 1911 по 1918 г. В 1915 г. в списках она числится как воспитанница, переведенная в 5-й класс (см.: Алфавитный список учениц Калужского епархиального училища по окончании 1914/1915 // Калужский церковно-общественный вестник. 1915. № 22. С. 16).

¹ Калужское женское епархиальное училище было создано на основе Козельской школы, которая существовала с 1830-х гг. В январе 1863 г. она была преобразована в училище для девиц духовного звания. В 1878 г. состоялся перевод училища в Калугу и его преобразование в женское епархиальное училище. В 1886/1887 учебном году было открыто параллельное отделение, с 1902/1903 учебного года училище становится полностью двухштатным (Историческая записка о Калужском епархиальном училище // Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 2—4. Часть неофиц.).

² В. Преображенская училась в Калужском епархиальном училище с 1909 по 1915 г. (Алфавитный список учениц Калужского епархиального училища по окончании 1914/1915. С. 16).

³ Епархиальные училища содержались на средства не казны, а епархии; средства их складывались из взносов духовенства, благотворительных взносов и платы за учебу. Содержание в общежитии девочек духовного сословия вначале составляло 80 руб. в год, затем 90 руб., с 1902 г. — 110 руб., прочие платили больше. В 1904 г. — 220 руб. (см.: Историческая записка о Калужском епархиальном училище // Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 4. Часть неофиц. С. 115).

⁴ Для поступления в епархиальное училище требовались знания в объеме одно-классной церковно-приходской школы: по Закону Божьему — общеупотребительных молитв и священной истории, по русскому языку — начал грамматики, по арифметике — четырех действий арифметики (От совета Калужского епархиального женского училища // Калужский церковно-общественный вестник. 1915. № 20).

⁵ К.В. *Андреева* — вдова надворного советника. Окончила Калужскую женскую гимназию и специальный курс при Тульской гимназии по математике и русскому языку с правом домашней учительницы по этим предметам. Начальница Калужского епархиального училища с 8 мая 1906 г., срок окончания ее службы в этой должности не известен. Перед революцией начальницей училища была А.Ф. Москалевич (Краткие биографические сведения о лицах, служащих в духовно-учебных заведениях к 1 сентября 1907 года // Калужский церковно-общественный вестник. 1908. № 11/12. С. 19).

⁶ А.И. *Казанский* — инспектор классов и законоучитель. Окончил Калужскую духовную семинарию, обучался в Московской духовной академии, в 1889 г. поступил на службу в Калужское епархиальное училище, а в 1890 г. определен на службу в Калужское духовное училище, в 1892 г. назначен на должность инспектора.

⁷ Н.И. *Васильев* — преподаватель русского языка, служил в училище с 15 августа 1901 г. Окончил курс в Киевской духовной академии в 1901 г. со степенью кандидата богословия (Краткие биографические сведения о лицах, служащих в духовно-учебных заведениях к 1 сентября 1907 года. С. 19).

⁸ Е.В. *Всесвятская* — учительница арифметики. Окончила курс в Калужской женской гимназии. Преподавала в Калужском епархиальном училище с 1879 г. (Краткие биографические сведения о лицах, служащих в духовно-учебных заведениях Калужской епархии к 1 сентября 1904 года // Калужские епархиальные ведомости. 1904. № 16. Часть неофиц. С. 504).

⁹ *Циолковский* Константин Эдуардович (1857—1935) — из дворян Рязанской губернии. В Рязанской гимназии сдал экзамены на звание учителя уездного училища. В Калужском епархиальном училище преподавал физику и арифметику с 1898 г. до революции. (Краткие биографические сведения о лицах, служащих в духовно-учебных заведениях к 1 сентября 1907 года. С. 19).

¹⁰ Ошибка. Н.А. Олисов и В.Н. Вознесенский преподавали в Калужском учительском институте, они не стали профессорами.

¹¹ С.С. *Покровский* — преподаватель географии с 1897 г. Окончил Киевскую духовную академию со званием действительного студента в 1896 г. (Краткие биогра-

фические сведения о лицах, служивших в духовно-учебных заведениях Калужской епархии к 1 сентября 1906 года // Калужские епархиальные ведомости. 1907. № 17. Часть неофиц.).

¹² *Щенетова-Каменская* Ираида Арсеньевна — врач, преподаватель гигиены. На службе в училище с 1906 г.

¹³ 7-й класс в Калужском епархиальном училище был открыт в 1906 г. (см.: Калужские епархиальные ведомости. 1906. № 17. Часть неофиц. С. 618).

¹⁴ Первоначально девочки не из духовного сословия составляли примерно 1/3 часть всех воспитанниц, затем их число стало постепенно снижаться, и в 1903/1904 учебном году из 450 учениц «светских» было всего 51 (Историческая записка о Калужском епархиальном училище. С. 110).

¹⁵ *Панфилович* Мария Алексеевна — врач при училище. По окончании Царско-сельского духовного училища прослушала полный курс медицины и окончила его со званием врача. Состояла ординатором при Калужской земской больнице. При Калужском училище служила с 1893 г.

¹⁶ *Крапухин* Валерий Петрович (1882—1966) — окончил Калужскую гимназию и медицинский факультет Московского университета (1910), с 1914 г. работал заведующим хирургическим отделением в губернской земской больнице, проявил себя как талантливый хирург и организатор.

¹⁷ Название больницы происходит от фамилии А.С. Хлюстина, который в начале XIX в. начал постройку дома для призрения инвалидов и умалишенных, которую завершили его сыновья. Позднее постройки были расширены и в них открыта больница, которая стала известна в городе как Хлюстинская. В начале XX в. — одно из крупнейших лечебных учреждений города, сейчас 4-я городская больница (см.: *Малин Д.И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 2004. С. 145).

¹⁸ Воскресенская улица была переименована в улицу им. Софьи Перовской.

¹⁹ Каменный мост сооружен архитектором П.Р. Никитиным в 1777—1780 гг. Загородный сад был заложен в 1782 г. архитектором П.Р. Никитиным. В 1899 г. переименован в Пушкинский, в 1935 г. — в парк имени К.Э. Циолковского.

²⁰ В описываемый период во главе епархии стояли: с 1913 по 1916 г. митрополит Георгий (Ярошевский; 1872—1923), с 1916 по 1927 г. епископ Феофан (Туляков; 1864—1937).

²¹ По-видимому, задержка была вызвана проблемой с жильем, поскольку здание епархиального училища было занято 37-м сводным полевым госпиталем. Предполагалось разместить воспитанниц на квартирах, о чем свидетельствует объявление в № 22 «Калужского церковно-общественного вестника» за 1915 г.

²² *Извеков* Сергей Яковлевич (? — 1915) окончил Калужскую духовную семинарию, преподавал пение в училище с 1888 г.

²³ *Маторин* Николай Васильевич (1876—1919) — художник, учитель рисования и черчения.

²⁴ Ошибка автора — праздник Введения отмечался 21 ноября, День св. Екатерины — 24 ноября по старому стилю. В Калужском епархиальном училище День св. Екатерины был храмовым праздником. Церковь при училище была открыта в 1885 г. и устроена на деньги городского главы, купца Н.К. Цыпулина, который поставил условием, чтобы церковь была освящена в память великомученицы Екатерины, имя которой носила его рано умершая дочь (24 ноября 1904 года в Калужском епархиальном училище // Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 147).

²⁵ С началом войны было принято определение Синода, которое циркулярно было разослано всем преосвященным. В нем рекомендовалось отложить «до лучших времен» празднование всех юбилеев учебных заведений, как разрешенных, так и предполагаемых (см.: ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 15. Л. 36). Позднее начальство стало проводить патриотические вечера со сбором средств на нужды фронта.

²⁶ *Николин день* — народное название праздника православного календаря, установленного в память св. Николая Мирликийского (Николая Угодника, Николая Чудотворца), отмечаемого 9 (22) мая (Никола вешний) и 6 (19) декабря (Никола Зимний).

²⁷ В октябрьские дни 1917 г. в Калуге было не до праздников — происходило противостояние большевиков и власти Временного правительства. 17 и 18 октября в Калугу были введены военные части, которые 19 октября разгромили Совет солдатских депутатов, Совет рабочих и крестьянских депутатов. Власть перешла в руки Советов только в ноябре, когда в Калугу прибыли революционные войска. 28 ноября 1917 г. противники Советов были разоружены. Этот день (11 декабря по новому стилю) стал датой победы советской власти в Калуге (см.: *Филлимонов В.Я.* Калуга в 1917 году // Калуга в шести веках. Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 71).

²⁸ Упомянутое в воспоминаниях здание Калужское епархиальное училище приобрело в 1895 г.

М.С. Преображенская. Дневник

Дневник печатается по рукописи, хранящейся в музее школы-гимназии № 9 г. Калуги.

¹ С началом Первой мировой войны здание Калужского епархиального училища было занято под военный госпиталь, поэтому занятия проводились попеременно — часть воспитанниц училась, часть отпускали домой, дав задание для самостоятельных занятий.

² Возможно, это была М.А. Панфилович.

³ Имеются в виду Нина и Татьяна Нестеровы, которые закончили училище в 1916 г.

⁴ Александра Тихомирова.

⁵ *Железцово* — село в 24 км от Калуги.

⁶ Антонина Лоренцо, Лидия Смирнова, Мария Лебедева.

⁷ Елена Маркевич, Мария или Анна Маркова, Елена Немирова.

С.А. Сергиевская. Страницы из дневника

Публикуется по рукописи из фондов музея школы-гимназии № 9 г. Калуги. В оригинале рукопись имеет название «Страницы из дневника ученицы VI штатного класса Серафимы Сергиевской».

Серафима Сергиевская весной 1904 г. закончила 5-й класс с наградой 1-й степени (см.: Разрядный список учениц 6-ти классов Калужского епархиального женского училища по окончании годичных испытаний за 1903/1904 учебный год // Калужские епархиальные ведомости. 1904. № 12. Отдел офиц. С. 226). Следовательно, она училась в Калужском епархиальном училище с 1899 по 1905 г.

¹ Л.И. *Зарницкая* — дочь священника, окончила С.-Петербургский Мариинский институт. С 1885 г. служила там же классной дамой, с 1904 г. — начальница Калужского епархиального училища. Служила до конца 1905 г.

² А.М. *Обыденный* — преподаватель гражданской истории. Окончил Московский университет, преподаватель реального училища. В Калужском епархиальном училище работал по совместительству с 1903 г.

³ И.П. *Четвериков* — преподаватель педагогики. Кандидат богословия Киевской духовной академии, сын мещанина. Преподаватель духовной семинарии, где преподавал логику, психологию, философию, дидактику и немецкий язык. В Калужском епархиальном училище работал по совместительству с 1901 г.

⁴ Преображенская *Александра Ивановна* окончила Калужское епархиальное училище в 1897 г., с 1897 г. — помощница воспитательницы, с 1900 г. — воспитательница.

⁵ По-видимому, начальство решило не выдавать воспитанницам на каникулы училищную одежду ради экономии. Подобное решение в 1908 г. принял Совет Тобольского епархиального училища, поскольку нередко девочки возвращались с каникул в совершенно непригодной для дальнейшего использования (помятой и загрязненной) одежде, и им приходилось выдавать новые вещи (см.: Журнал Совета Тобольского епархиального училища // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 7/8. Отдел офиц. С. 121).

⁶ Речь идет о К.Э. Циолковском.

⁷ Долина Мария Ивановна (урожденная Саюшкина, по мужу Горленко; 1868—1919) — певица (контральто). В 1886—1906 гг. пела в Марининском театре.

⁸ Долиной было тогда 36 лет.

⁹ Речь идет о рассказе популярной тогда в России польской писательницы Элизы Ожешко (1841—1910) «Момент» (см. в сб.: *Ожешко Э. Момент; Де Амичис Э. Красная Гвоздика; Киплинг Р. На голоде; Омитед Г.Ф. На войне.* Ростов-на-Дону, 1909).

¹⁰ «*Вестник воспитания*» (Москва; 1890—1917) — педагогический журнал.

¹¹ 24 ноября 1904 г. училище праздновало 25-летний юбилей своего существования. В день праздника была совершена торжественная литургия при пении хора воспитанниц, а в 7 часов вечера состоялся торжественный акт (см.: 24 ноября 1904 года в Калужском епархиальном училище // *Калужские епархиальные ведомости.* 1905. № 2. Часть неофиц. С. 29).

¹² Имеется в виду Вениамин, архиепископ Калужский и Боровский.

¹³ Историческая записка была опубликована в «Калужских епархиальных ведомостях» (1905. № 2—5).

¹⁴ *Дуля* — название некоторых сортов небольших груш.

С.А. Сергиевская. Воспоминания о К.Э. Циолковском

Публикуется по рукописи из фондов музея школы-гимназии № 9 г. Калуги.

¹ См.: *Зотов В. К.Э. Циолковский — учитель* // Калужанин: Сб. литературно-художественных и публицистических произведений. Калуга. 1959. С. 127—140.

² «*Путеводный огонек*» (1904—1918) — художественный научно-популярный двухнедельный журнал для детей среднего возраста. Однако автор воспоминаний ошибается, публикаций о К.Э. Циолковском в этом журнале в указанный период не было.

Калужское епархиальное училище в воспоминаниях воспитанниц К.Э. Циолковского

Воспоминания П.Н. Лушковой публикуются по: ГМИК им. К.Э. Циолковского. Ф. 1. Оп. 4. Д. 99. Л. 1—2. Данный документ представляет собой письмо научным сотрудникам музея, посланное после посещения музея.

Воспоминания Авдеевой публикуются по: ГМИК им. К.Э. Циолковского. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1. Л. 2 об. — 6 об. На рукописи указано: «Воспоминания записаны членом ученого совета дома-музея Дитрих Натальей Павловной 2 /II — 1964 г.».

Воспоминания О.И. Малининой, О.Н. Благовещенской и А.В. Добромысловой печатаются по: Циолковский в воспоминаниях современников. Тула, 1971. С. 135—140, 141—143, 152—154.

¹ От фамилии немецкого химика-экспериментатора Роберта Вильгельма Бунзена (1811—1899).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Михаил Левицкий. Епархиалки

Фрагменты повести Михаила Левицкого «Епархиалки» печатаются по: Красный звон. 1908. № 8—11; 1909. № 5.

Повесть М. Левицкого, помещенная в журнале, посвященном проблемам религии и церкви, написана в острокритическом, нередко памфлетном ключе, автор акцентирует и гипертрофирует негативные стороны быта духовенства и, в частности, женских епархиальных училищ. При этом ощутимо, что автор не понаслышке знает быт женского духовного училища и достаточно достоверно отражает его внутреннюю жизнь; возможно, повесть написана выпускницей такого училища.

Упоминаемая в повести пристань «на одной из юго-западных больших рек, несущих свои воды в Черное море» (Красный звон. 1908. № 7. С. 113), позволяет предположить, что имеются в виду Днепр и город Одесса и, следовательно, описано Одесское епархиальное училище. В этом учебном заведении никогда не было преподавателей и учащихся с такими фамилиями (см.: Список воспитанниц училища, составленный на основе учебных занятий 1907—1908 учебного года // Херсонские епархиальные ведомости. 1908. № 14. Отдел офиц. С. 202—208; В Одесском епархиальном училище // Херсонские епархиальные ведомости. 1907. № 22. Отдел офиц.), и следовательно, фамилии персонажей повести вымышлены.

¹ По-видимому, имеется в виду книга революционера, теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921) «Записки революционера», впервые напечатанная в Лондоне в 1902 г., а в России переизданная в Петербурге в 1906 г.

² Эсеры-максималисты — левая группа эсеровского движения, отколовшаяся от партии социалистов-революционеров в конце 1904 г. Широко применяли террор.

³ Имеется в виду Одесский кафедральный Спасо-Преображенский собор. Собор был освящен в 1808 г., разрушен в 1936 г., впоследствии восстановлен и заново освящен в 2001 г.

⁴ По-видимому, имеется в виду протоиерей Сергей Владимирович Петровский (1864 — после 1918), в 1888 г. окончивший С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и ставший после этого священником в Одесском кафедральном Спасо-Преображенском соборе. Ему принадлежит ряд богословских,

публицистических и церковно-исторических книг и статей, в т.ч.: Одесский кафедральный Преображенский собор: Историческое описание. Одесса. 1894; Одесский Преображенский, ныне кафедральный собор: Историческое описание и биографии. Одесса, 1908; Киев, его святыни и достопримечательности. Одесса, 1903 (7-е изд. Одесса, 1918).

⁵ Инспектором классов Одесского женского епархиального училища был протоиерей Аркадий Васильевич Кириллов, в 1886 г. окончивший С.-Петербургскую духовную академию.

⁶ Начальницей училища с 1885 г. была дочь статского советника Анастасия Гавриловна Мокиевская.

⁷ См.: *Смирнов П.А.* История христианской православной церкви. Курс VI класса гимназии с дополнением для воспитанников VIII класса. 17-е изд. М., 1904; *Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими и литературными объяснениями, с словарем и указателем. Для средних учебных заведений. 7-е изд. М., 1898; *Порфирьев И.Я.* История русской словесности. Ч. 1—2. 6-е изд. Казань, 1897—1911; *Преображенский А.* Русская грамматика для первых трех классов средних учебных заведений с приложением задач для устных и письменных упражнений. 18-е изд. М., 1908; *Крылов В.А.* Сокращенная практическая славянская грамматика с систематическими славянскими и русскими примерами, изборниками и словарями для упражнений. 6-е изд. М., 1898; *Иловайский Д.И.* Руководство к русской истории. Средний курс (изложенный преимущественно в биографических чертах). 40-е изд. М., 1906; *Иловайский Д.И.* Руководство ко всеобщей истории. Курс старшего возраста. Ч. 1—3. 28-е изд. М., 1903; Учебный атлас по русской истории для средних и низших учебных заведений, составленный А.В. Добряковым, преподавателем истории в Императорском училище правоведения. СПб., б.г.; *Давидов А.Ю.* Геометрия для уездных училищ. 10-е изд. М., 1896; *Вулих З.Б.* Краткий курс геометрии и собрание геометрических задач. 25-е изд. СПб., 1906; *Краевич К.Д.* Учебник физики. Курс средних учебных заведений. 19-е изд. СПб., 1903; *Миропольский С.И.* Учебник дидактики. Вып. 1. 7-е изд. СПб., 1905; *Карасев А.Н.* Методика пения. Ч. 1—2. 5-е изд. Пенза, 1902—1904.

⁸ Иловайский придерживался консервативно-монархического подхода к истории.

⁹ См.: *Брызгалов А.А.* География. Курс первый. 24-е изд. М., 1908; *Лесгафт Э.Ф.* Краткий курс географии России. Для среднеучебных заведений. СПб., 1905.

¹⁰ *Полишинель* (фр. polichinelle от итал. Pulcinella — Пульчинелла) — персонаж французского народного кукольного театра, горбун, задира и насмешник.

¹¹ Далее сообщается, что впоследствии были отменены все наказания Воздвиженской, кроме лишения отпуска.

¹² Уставом медали были не предусмотрены, см.: Устав епархиальных училищ // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1868. Т. XLIII. № 46271.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеева 197, 198, 291
Аландский С.И. 25
Александр I 257
Александр II 8, 13, 37, 80, 81, 255
Александрова М.И. 111, 112, 116, 272
Андреев Л.Н. 19, 214
Андреева К.В. 149, 198, 287
Анзимилова М.И. 111, 272
Архангельская Е.Н. 115, 274
Архангельская Л. 271
Архангельская М. 89, 90, 266
Архангельский П. 266
Асеев К.П. 91, 113, 266
Атанова М.И. 116
- Балог Г.П. 257
Баранова Г. 125, 130, 277
Белоусов А.Ф. 255
Белявская М.М. 25
Белявский Ф. 18
Березовская А.И. 15
Бичер-Стоу Г. 277
Благовестова 271
Благовещенская Е. 284
Благовещенская О.Н. 202, 203, 292
Богданов П. 270
Богданова К. 107, 108, 270
Боголюбова Р. 142
Богословский В. 273
Бронте Ш. 277
Брызгалов А.А. 235, 293
Бутров А. 284
Бурова 87
Буслаев Ф.И. 228, 293
Быстров 116
- Вавилов В.А. 140, 282
Василий Великий 126, 277
Васильев А.И. 285
Васильев Н.И. 149, 156, 162, 163, 287
Введенский П. 133, 279
Вениамин (В.А. Муратовский) 190, 191, 291
Верн Ж. 194
Виноградов А. 112, 273
Водовозова Е.Н. 14
Вознесенский В.Н. 149, 287
Всесвятская Е.В. 149, 287
Вулих З.Б. 228, 293
Выходцова Н. 135
Вяземская Е.Т. 20, 26, 109, 110, 112, 113, 264, 271
- Габбертон Д. 277
Галахов П. 265
Галахова Е. 86, 265
Галкина Е. («Галочка») 55—59, 61, 62, 66, 70, 71
Гацкевич Е.П. 85, 265
Георгий (Г.О. Конисский) 46, 256
Георгий (Г.Г. Ярошевский) 288
Герье В.И. 22
Гладкова Е.С. 257
Гоголь Н.В. 230
Голубева («Голубчик») 62, 63
Гомолицкий В. 79, 263
Гонорин Д. 88, 108, 112, 271
Гонорина (Муретова) К.Г. 112, 273
Гончаров И.А. 133, 281
Горкины 112
Горький М. 214

- Грандилевский А. 147, 286
 Грибоедов А.С. 146, 230
 Гривцов Н.Н. 115, 116
 Гюго В. 244
- Давидов А.Ю. 228, 293
 Дагестанская А.В. 160, 194
 Дамаева 271
 Данилов 186
 Державин Г.Р. 67, 230, 259
 Дистервег Ф.А.В. 228
 Дитрих Н.П. 291
 Дмитриев С.С. 21
 Дмитриевский Н.И. 77, 79—83, 262
 Добротворская 271
 Добромыслова А.В. 205, 292
 Добрынин А. 263
 Добряков А.В. 228, 293
 Долина М.И. 189, 291
 Драницин С. 284
 Дроздов И. 263
 Дубровина А.Я. 115, 274
 Дуванов Ф. 266
 Дуванова Л. 87, 90, 117, 266, 270, 274, 275
- Екатерина II 257
 Елеонский Ф.Г. 77, 262
 Елпатьевская Н. 121—123, 125—127, 130, 132, 277
- Желтонога И. 147, 286
 Житов П.И. 112
 Житова Е.В. 112
 Жуковский В.А. 191, 192, 230
 Жуковский Н.Е. 23
- Заборовская Е. 129, 130, 132, 278
 Загоскин М.Н. 43, 255
 Залесская Я. 189
 Залетова М. 197
- Зарницкая Л.И. 187—189, 290
 Засодимский П.В. 277
 Захарова Е.И. 38, 40
 Звукова А.И. 26, 114—116, 264, 274
 Златоестовская 189
 Знаменская 51, 52
 Золотова М. 51, 52
 Золоторев 161
 Зотов В.С. 194, 291
 Зубова Г.Н. 194
- Ивановская 189
 Игнатова Е. 120, 124, 275
 Игнатова Х. 16, 118, 275
 Извеков С.Я. 156, 158, 288
 Илларион, митрополит 231
 Иловайский Д.И. 228, 235, 293
 Иннокентий (И.А. Борисов) 41, 46, 255
 Иоанн (И.М. Максимович) 131, 278
 Иоанн Кронштадтский (И.И. Сергиев) 126, 127, 278
 Иосиф (И.И. Семашко) 77, 79—82, 262
 Ириной (Х.М. Орда) 139, 140, 281
 Исидор (И.С. Никольский) 141, 282
- Казанский А.И. 149, 161, 199, 287
 Казанский А.П. 139, 161, 281
 Калинин М.И. 204
 Кандидова А. 271
 Карабут А.И. 149
 Карамзин Н.М. 43, 230
 Карасев А.Н. 228, 293
 Карашев А.Ф. 112, 116, 273
 Карелина Ф.И. 145, 284, 285
 Кагельвекьо Р. 281
 Кедрова Н.И. 150
 Киановский К. 131, 278
 Кирилл, создатель славянской азбуки 231
 Кириллов А.В. 146, 284, 293
 Кирьянов И. 115, 273

- Кольцов А.В. 124, 230, 277
 Коренева 189
 Коржевская Е. 25, 26, 279
 Корольков А.Н. 139, 281
 Кочетова Е.П. 85, 110, 264, 272
 Кошкарева В.В. 150
 Краевич К.Д. 48, 228, 257, 293
 Крапухин В.П. 151, 288
 Краснов М.М. 8, 112, 116, 273
 Крпоткин П.А. 210, 292
 Кротелин П. 268
 Кротелина А. 98, 268
 Кроткова О.И. 111, 112, 272
 Крылов В.А. 228, 293
 Крылов И.А. 230, 256
 Крючер Е.Э. 150
 Ксенофонтова А.И. 22
 Кузнецов А. 21, 23, 284
 Куклин В.В. 156, 160, 172—174, 177, 288
 Кукольник Н.В. 43, 255
 Кусова И.Г. 269
 Кыркалова А.В. 147, 285
- Лавров А.И. 112, 273
 Ланитина Е.Ф. 115
 Лафонтен Ж. 256
 Лебедев М.Ф. 197
 Лебедева А. 25, 26, 141, 282
 Лебедева М. 185, 290
 Левицкий М. 208, 292
 Левшенкова 138
 Леохновский Б.В. 156
 Лермонтов М.Ю. 124, 230
 Лесгафт Э.Ф. 235, 293
 Лидина Н.Д. 15, 26, 145, 284
 Ликвентова О. 22
 Лихачева Е. 254, 255
 Ломоносов М.В. 230, 231
 Лоренцо А. 185, 290
 Лучинская В. 270
 Лучинский А.И. 111, 117, 256, 269, 272,
 273
- Лучицкий К.И. 45, 256
 Лушуква П.Н. 196, 197, 291
 Любимов И. 268
 Любовская А.И. 17
- Макарий (М.П. Булгаков) 82, 83, 263
 Макарова А. 22, 290
 Макарова Е.Ф. 111, 112, 114, 272
 Максимова 271
 Малашкин Д.Д. 269
 Малашкин Н.Д. 100—102, 105, 106, 269,
 270
 Малин Д.И. 288
 Малинина К. 188
 Малинина О.И. 199, 292
 Малышев 138
 Мария Александровна, великая княжна
 37, 255, 259
 Мария Александровна, императрица 7,
 13, 37, 83, 255, 264
 Мария Федоровна, императрица 278
 Маркевич Е. 185, 290
 Маркова 185, 290
 Марсова К. 122—125, 277
 Маторин Н.В. 156, 288
 Метелина Л. 285
 Мефодий, создатель славянской азбуки
 231
 Миронова П.П. 91
 Миропольский С.И. 228, 293
 Можарова Е. 117, 274
 Можарова С. 117, 274
 Моисеева В.Н. 283
 Москалевич А.Ф. 159, 287
 Моцарт В.А. 191
 Муравленская 271
 Муретова К.Г. — см.: Гонорина К.Г.
 Мухин А.Ф. 262
- Нарышкина Е.Н. 32, 253
 Наумов Д. 273
 Невзорова 54

- Некрасов Н.А. 271
 Некрасов Н.Я. 136, 280
 Некрасова А. 110
 Некрасова М. 142
 Немирова Е. 185, 290
 Ненарокова А.В. 134—136, 280
 Нестерова Н. 177, 178, 180, 290
 Нестерова Т. 177, 290
 Нестор 231
 Неумоина М.С. 76, 261
 Никандр (Н.Г. Феноменов) 283
 Никитин И.С. 141, 283
 Никитин П.Р. 288
 Николай I 6, 32, 253
 Николай II 37, 126, 255
 Никольская В. 156
 Никольская Н. 115
- Оболенский А.Ф. 253
 Обыденный А.М. 187, 290
 Одигитриевский С.П. 161
 Одьева 270
 Ожешко Э. 189, 291
 Окулова А.А. 31, 252
 Олисов Н.А. 149, 199, 287
 Ольга Николаевна, великая княжна 6,
 31, 32, 37, 253, 255, 260
 Онегина М.Н. 284
 Орлов Ф.А. 25, 88, 90, 103, 104, 111, 265,
 266, 270, 273
 Орлова Е. 270
 Орлова Л.С. 133, 134, 279
 Островский А.Н. 127, 271, 278, 280
- Павлович Ф.А. 36, 254
 Панфилович М.А. 151, 288, 289
 Парнасский В.И. 137, 138, 281
 Парфений (П.В. Сопковский) 256
 Пелишев 275
 Петр I 139
 Петровский С.В. 292
- Петропавловский 134
 Писарев Д.И. 136, 281
 Пистерман 267
 Плюварова О. 275
 Победоносцев К.П. 90, 266
 Подтяжкин Э. 15
 Покровская Е.А. 262
 Покровский С.И. 149
 Покровский С.С. 150, 169, 181—184,
 196, 287
 Поликин В. 147, 286
 Полторацкая Т.Ф. 22
 Полюбин 114
 Помпадур Ж.А.П. 265
 Помяловский Н.Г. 34, 254, 258
 Поникаровская А. 123, 277
 Попов И.П. 17
 Попова А.Д. 17
 Порфирьев И.Я. 228, 293
 Потапов А.Л. 81, 82, 263
 Потапова Е.В. 82, 83, 264
 Пояркова А. 25, 133, 279, 281
 Пояркова М. 133—138, 279
 Правиков В. 85, 86, 264
 Преображенская А.И. 188, 290
 Преображенская В.С. 149, 186, 286
 Преображенская Л.М. 21
 Преображенская М.С. 17, 26, 149, 162,
 175, 286, 289
 Преображенский А. 12, 13, 15—17
 Преображенский А.Г. 228, 293
 Преображенский Гавриил 6, 8, 14, 20,
 252, 254, 258—261
 Преображенский Георгий 119, 126, 127,
 131, 276
 Прокопович Ф. 46, 256
 Протвин Н. 8
 Прытникова Т.Ф. 22
 Прялухина 146, 285
 Путятин Р. 41, 255
 Пушкин А.С. 139, 230, 270

- Радошевский А.И. 281
 Разумовская Е. 19, 20, 51, 257
 Разумовский М. 5, 29, 30
 Ракигин В. 270
 Ракина Е. 107, 270
 Редкина К. 121, 124, 125, 128, 130, 277
 Рикорд Л.И. 25
 Римский С.В. 8, 9
 Розанова Л. 91
 Розова 66
 Ростиславов Д.И. 34, 254
 Рудинский И.Д. 111
 Рязанова М.И. 97, 112, 268, 274
 Рясина 115
- Самсонова Н.Е. 22
 Санчаков 116
 Седакова Е. 123
 Сергиевская М.А. 187
 Сергиевская С.А. 26, 187, 193, 290, 291
 Сергей Радонежский 63, 259
 Симфоница М.С. 111, 112, 114, 272
 Слендров К. 128, 278
 Смирнов Д.В. 196
 Смирнов П.А. 228, 293
 Смирнов Ф.К. 77, 262
 Смирнова Е. 191
 Смирнова Л. 185, 190, 192, 290
 Снитко К.И. 77, 262
 Соколова А.Г. 23
 Соколова Н.А. 23
 Соколова О. 206
 Соловьев Н.Я. 280
 Спасская 115
 Сперанский 148
 Сперанский М.П. 87, 265
 Станиславова М. 22
 Старухин М.Г. 77, 262
 Стерлигова А.В. 12, 256, 257
 Стурдза А.С. 43, 256
 Субботина А. 267
- Суворова А.Б. 89
 Сушкова 271
 Сысоева Е.К. 21
- Таратина 146, 285
 Темниковский Е. 118, 276
 Тимофеева С. 284
 Типикина М.В. 151, 176, 177
 Титлинов Б.В. 9
 Тихомирова А. 178, 290
 Толстой А.К. 43, 190, 191, 255
 Толстой Д.А. 10
 Толстой Л.Л. 277
 Толстой Л.Н. 121, 204
 Трофимова Р. 129—132, 278
 Тургенев И.С. 124, 133, 281
 Турчанинов П.И. 81, 263
- Удальцова Л.И. 22
 Урляпова М.И. 22
 Успенская Е. 116
 Успенская К. 107, 270
 Успенская С. 191
 Успенский Н.В. 270
 Уссаковский 78
 Утрцкий И.А. 146, 147, 285
- Феодосий Печерский 231
 Феокист (Ф.А. Попов) 267
 Феофан (В.С. Туляков) 288
 Филарет (В.М. Дроздов) 56, 258
 Филимонов В.Я. 289
 Фламарион К. 126, 277
 Флерова Л.Н. 150
 Фома Кемпийский 260
 Фортунин В.Т. 112, 116, 273
- Хлюстин А.С. 288
 Хорошилова Л.Б. 9, 252
 Хрулькевич В.И. 77
 Худзинская Лидия А. 26, 86, 106, 107,
 264, 271, 274

- Худзинская Людмила А. 15, 19, 26, 84, 115, 116, 264, 265, 267, 268, 270, 271
Хупотская В.М. 88, 90, 100, 111, 265, 266
- Циолковский К.Э. 22, 25, 26, 149, 156, 162—169, 188, 190, 193—207, 287, 288, 290, 291
- Цыпулин Н.К. 289
Цыханский А.С. 269
- Чаплыгин С.А. 23
Четвериков И.П. 187, 189, 190, 192, 290
Чехов А.П. 187
Чибисов И.М. 121, 276
Чижова М. 190, 191
- Шекспир У. 124
Шершилло Е. 263
Шеффер А. 270
- Шипова Е.П. 5, 6, 29, 30, 31, 252, 258, 260
Шохина Р. 285
Шульц Н.П. 5, 6, 8, 20, 25, 30—36, 40—46, 50, 252, 253
Шульц П.А. 29, 252
- Щепетова-Каменская И.А. 150, 288
Щербицкий О.В. 77, 82, 262
Щукина А. 285
- Юнаков Л.А. 269
Юревич М.М. 76, 261
Юрьевский А. 124, 128, 130, 131, 277
- Яблоков 112
Ярцова Л.А. 259
Ясиновская В.Е. 136, 280
Яхонтов С.Д. 112, 116, 273

СОДЕРЖАНИЕ

Епархиальные училища в истории России. <i>Вступительная статья</i> <i>О.Д. Поповой</i>	5
<i>П.А. Шульц</i> . [Воспоминания о Е.П. Шиповой]	29
<i>Е.Д.</i> Воспоминания о Царскосельском женском церковном училище конца первого и начала второго 25-летия жизни его	32
<i>Е. Разумовская</i> . Воспоминание об учебе в Ярославском училище девиц духовного звания в годы 1855—1860	51
Страницы из дневника воспитанницы Ярославского училища девиц духовного звания	72
<i>М.М. Юревич</i> . Воспоминания из жизни в Виленском училище девиц духовного звания за 1863—1869 годы	76
<i>Л.А. Худзинская-Гоельская</i> . Записки епархиалки	84
<i>Е.Т. Вяземская</i> . Воспоминания о Рязанском епархиальном женском училище в 1894 году	109
<i>А.И. Звукова</i> . Воспоминания о Рязанском епархиальном женском училище	114
<i>Харитина Игнатова</i> . Воспоминания	118
<i>Александра Пояркова</i> . Дневник	133
<i>Анастасия Лебедева</i> . В Исидоровском училище (Воспоминания)	141
<i>Н.Д. Лидина</i> . Архангельское епархиальное училище начала XX века (Воспоминания)	145
<i>М.С. Преображенская</i> . Воспоминания о Калужском женском епархиальном училище (1914—1915, 1917—1918 годы)	149
<i>М.С. Преображенская</i> . Дневник	175
<i>С.А. Сергиевская</i> . Страницы из дневника	187
<i>С.А. Сергиевская</i> . Воспоминания о К.Э. Циолковском	193
Калужское епархиальное училище в воспоминаниях воспитанниц К.Э. Циолковского	196
Приложение. <i>Левцкий М.</i> Епархиалки	208
Комментарии	252
Указатель имен	294

ЕПАРХИАЛКИ

**Воспоминания воспитанниц
женских епархиальных училищ**

Художник

С. Тихонов

Редактор

А.И. Рейтблат

Корректор

Л.Н. Морозова

Компьютерная верстка

С.М. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

**ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»**

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 19. Тираж 1000. Заказ №1297

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»

105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80

Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94

«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66

ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74

Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре

Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18;

т. (495)624-46-45

«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу

«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж, т. (495)973-32-82

«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17

«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01

«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09

«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте.

Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08

«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чайнова, д.15, т. (495)250-65-46

«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04

«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91

Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1

Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)

«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08

«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59

«Книжная лавка» в фойе Академии художеств —

Университетская наб., 17

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке —

Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87

«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке),

т. (812)323-85-84

«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе

филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13,
т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53
«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА),
т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:

«Галерея»

в Красноярске:

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:

«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (<http://lavkababuin.com>)

ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423),

т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02

Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:

Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32,
Stockholm, т. 08-651-11-47

а также в Интернете:

www.bolero.ru

<http://lavkababuin.com>

www.mkniga.com

www.ozon.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

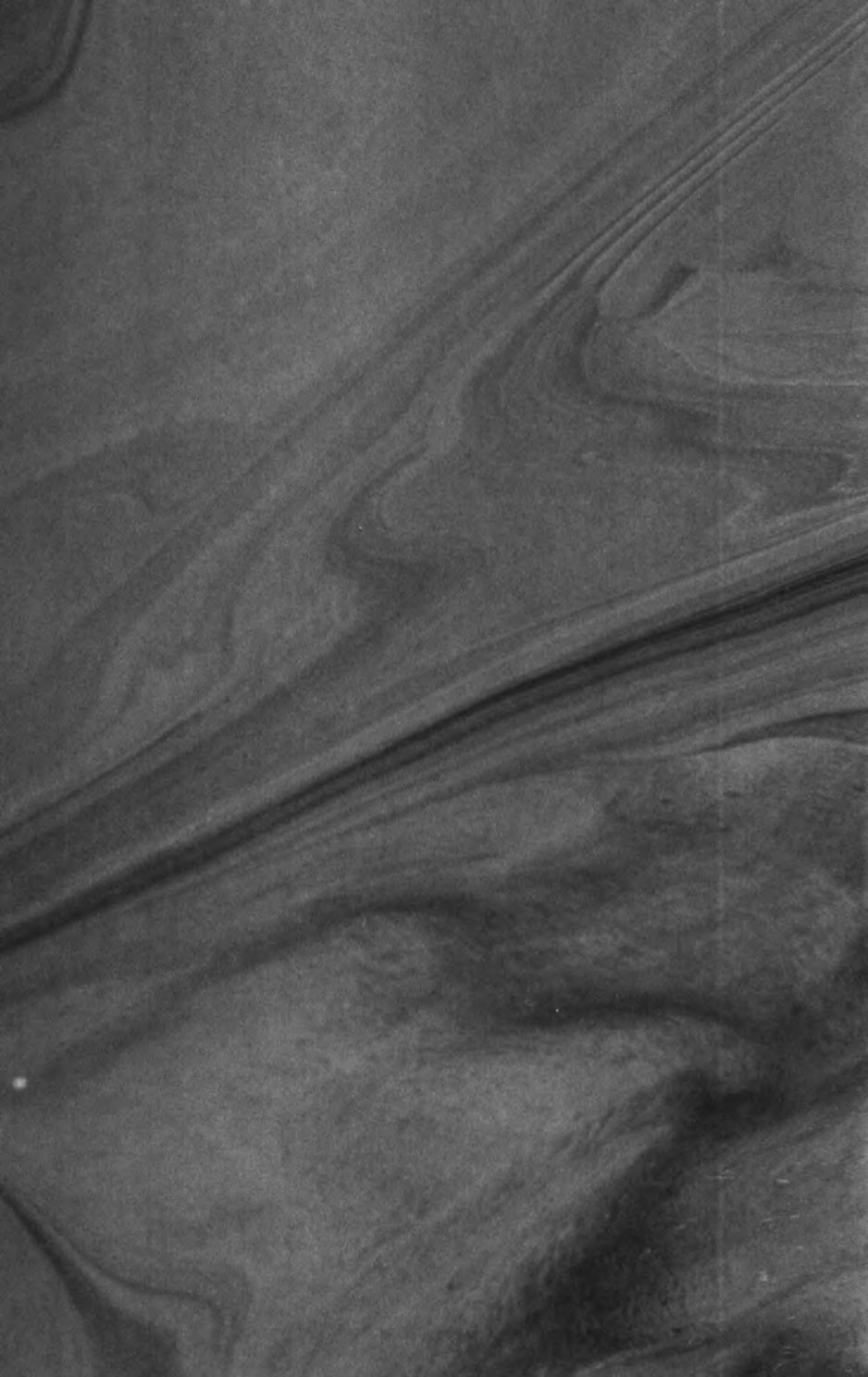
Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляра.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками

Россия в мемуарах

ЕПАРХИАЛКИ

Воспоминания воспитанниц
женских епархиальных училищ

В сборнике впервые собранных вместе воспоминаний о такой закрытой и в силу этого малоизвестной среде, как женские епархиальные училища, показаны различные стороны их жизни: учеба, дружба и любовь воспитанниц, их отношения с преподавателями, развлечения и проступки, одежда и питание. В книге представлены воспоминания и дневники девушек из Архангельского, Калужского, Орловского, Рязанского, Ярославского, Царскосельского и других училищ.

ISBN 978-5-86793-895-6

9 785867 938956